

Алхимическая кофейня Zou

Низко-
кофейная
СДА...

Ю. Тоскина

В мир Пяти Архипелагов, в бескрайний и таинственный Квинквиль должен был попасть кто угодно: умудренный опытом профессор, крутой десантник или хотя бы историк-реконструктор. Вне всякого сомнения, они справились бы здесь лучше, но... судьба распорядилась, чтобы на одном из островов Квинквилля однажды появилась обычная девушка-бариста из славного «Чайфтауна». Она ещё и не знает, что кофе ей теперь придётся варить гораздо чаще, чем в родном мире. И за это умение здесь очень многие захотят её подчинить угрозами, увлечь богатствами, замучить пытками, жестоко казнить, соблазнить властью, покорить романтическим способом или же подставить перед сильнейшими сего мира.

А Квинквиль уже ждёт открытия Первой Алхимической Кофейни!..

Алхимическая кофейня Зои

Юлия Поспешная

Чашечка первая

«Кофе — не роскошь, кофе — средство передвижения.»

— Неизвестный автор

В сумочке на моих коленях раздался звук приглушенной жизнерадостной мелодии. Сумка ощутимо завибрировала в моих руках. Я вздрогнула, оторвав сонный скучающий взгляд от созерцания улиц Екатеринбурга.

Поспешно достала смартфон из сумки и взглянула на экран. Это звучало напоминание. Запрограммированный мною же мобильник с бесстрастной, но назойливой учтивостью напоминал мне, что я безбожно опаздываю на работу.

Я выключила мелодию и закрыла глаза, очень ярко представляя себе, как будет орать на меня старший менеджер нашей кофейни.

Валентин Антонович и так не самый дружелюбный и спокойный человек, очень мягко говоря. За опоздание он готов был перегрызть горло любому сотруднику, осмелившемуся прийти позже восьми часов утра. И что-то мне подсказывало, что от практики подобной экзекуции его удерживал лишь уголовный кодекс.

Я разочарованно вздохнула и унылым взглядом окинула антураж улицы Малышева, по которому мы двигались. Сегодня, не иначе, как в честь злого понедельника, здесь решили оперативно организовать плотную пробку. Впереди, если верить крикам водителей из встречного движения, умудрились столкнуться два... мотоцикла. Мотоцикла, Ка-арл!.. Два двухколёсных беспедальных велика с мотором перекрыли половину улицы! Ну, как так-то!..

Все свои раздраженные и страдальческие мысли мне хотелось прокричать устно. Но, конечно же, я пощадила душевное состояние водителя «Яндекс-такси» и сдержалась от выражения собственного негодования.

Так, как я тоже являюсь работником сферы услуг, я отлично понимаю, насколько для нас всех важна хотя бы относительная адекватность клиента, заказчика или покупателя.

У меня снова зазвонил телефон, водитель белого фольксвагена бросил на меня недоброжелательный взгляд через зеркало заднего вида. Я виновато улыбнулась ему, про себя подумав, что нужно будет сменить пугающую мелодию звонка, которую я установила на своего на одного из своих... преподавателей. Но этому моему контакту, подходит только «Король и Шут», с их «Куклой колдуна».

Если человек никогда не учился в нашем любимом Уральском государственном юридическом университете, он никогда не встречался с Маршак Полиной Викторовной, преподававшей у нас аж целое экологическое право. Это единственный препод нашего вуза на экзамене у которого студенты перед началом закидываются успокоительными, а после — алкоголем в ближайшем баре. Полина Викторовна — ночной кошмар всех первокурсников и фактор риска нервного срыва для всех остальных студентов. Эта «замечательная» женщина, по мнению большинства студентов, пришла в мир не чтобы давать знания, а чтобы доминировать над всем сущим и унижать всё, что движется, дышит и ходит с зачёткой!

Сделав над собой усилие и совершив моральное насилие, я приняла вызов.

— Мотылькова! — голосом старшины из «Девятой Роты» Бондарчука, проорала в телефоне Полина Викторовна. — Где твоя курсовая! Уже вторая неделя пошла, как ты обещала положить мне на стол готовый материал по твоей теме! Почему я до сих пор его не вижу!

«Потому что я работаю на двух работах, чтобы оплачивать обучение, более-менее прилично одеваться, нормально питаться и ещё перечислять половину месячной зарплаты на карту матери, оставшейся в далёком Североуральске» — устало и раздраженно подумала я.

— Мотылькова! — снова вскричала преподавательница экологического права.

— Полина Викторовна, — очень стараясь, чтобы мой голос не дрожал, проговорила я. — Я на прошлой неделе говорила Вам, что я сдам вам курсовую до следующего Четверга. Сегодня только понедельник...

— Ничего ты мне не говорила, лентяйка провинциальная! — вновь вскричала Маршак. — Если бы ты говорила, я бы помнила! У меня отличная память, особенно на таких проблемных студенток, как ты! Чтобы завтра до обеда курсовая была у меня на столе! Поняла меня?! Всё!

Не дав мне сказать и слова, препод по «экоправу» закончила разговор и отключилась.

Я убрала смартфон от уха и прошептала ругательство. Водитель такси вновь бросил удивлённый взгляд в зеркало заднего вида. Мне стало стыдно, как только я подумала, что он услышал произнесённое мной слово.

Но наша Маршак... Ох, ей бы жить в сороковых, да в Германии, при художнике с куцыми усиками под носом и сальной чёлкой на лбу. Полина Викторовна сделала бы блестящую карьеру среди надзирательниц концентрационных лагерей.

Откинувшись на сиденье и подголовник, я закрыла глаза и вздохнула. Теперь голова у меня гудела не только после вчерашней днюхи лучшей подруги, но и от тиранично-приказного тона Полины Викторовны.

Уставшая, измученная и явно не доспавшая часика два-три (четыре!!!), я не заметила, как задремала...

То, что я увидела сном назвать нельзя. Какие-то странные люди в треуголках и одеждах странного фасона, слегка напоминающего моду конца восемнадцатого и одновременно девятнадцатого века. Дивного, но захватывающе-прекрасного вида гигантские парусные корабли, некоторые из которых вполне могли посоперничать в размерах с современными лайнерами или контейнеровозами. А ещё я увидела сказочных созданий, названия которых трудно даже предположить...

От всего этого слегка шизоидного сновидения меня отвлек грубый и настойчивый стук. Я вздрогнула, испуганно ойкнула и уставилась на водителя. Мужчина средних лет, выглядывая между сидений, бесстрастно проговорил:

— Приехали, девушка... Вы выходите?

При этом взгляд его был устремлён куда-то заметно ниже моего лица и шеи.

Я нахмурилась, показательно поправляя чуть съехавший ворот блузки, затем суховато поблагодарила мужчину, пожелав ему хорошего дня и вышла из белого фольксвагена.

Взбежав по ступеням, я ступила под сень кофейни «Дом-Кофе-на-углу». Одной из ключевых особенностей размещения всех помещений сети таких кофеен — это угол какого-то здания. Никакие иные варианты наш учредитель даже не рассматривает, опасаясь разрушить связь названия своей сети с восприятием у гостей его кофеен.

Я ступила внутрь помещения, с необъяснимой улыбкой на лице вдохнула знакомый аромат свежеприготовленного кофе и поспешила в служебное помещение, чтобы переодеться в свою униформу. По пути мне встретились двое знакомых официантов. Парни поздоровались со мной, а один из них, с обеспокоенным видом, шепнул:

— Тебя искал Валентин Антонович.

— Не удивительно, — в миг помрачнела я.

Я всегда была рада приходить сюда и очень любила свою работу: мне нравилось готовить, а варить кофе я буквально обожала. Довольные гости кофейни всегда были для меня моральной наградой сопоставимой с ежемесячным денежным вознаграждением. Но от слов приятеля по работе, расцветшее было вдохновение и радостная теплота от предвкушения начала рабочего дня, завяли прошлогодними сорняками.

В девяти из десяти случаев личная встреча с Валентином Антоновичем — это повод для тревог и опасения.

Переодевшись в молочно-кремового цвета китель с малиновыми манжетами, тёмно-серые брюки и малиновый термостойкий фартук, я обулась в бежевые топсайдеры с тёмно-серыми шнурочками. Поправив на груди бейдж и собрав в моральный кулак всю свою храбрость, отправилась в кабинет менеджера.

В кабинете Валентина Антоновича меня ждал гораздо более неприятный сюрприз, чем тот которого я ожидала. Старший менеджер был в ярости, но отнюдь не из-за моего опоздания.

— О, Мотылькова! — по обыкновению всплеснул он руками. — Наконец-то ты поспешила обрадовать нас своим мотыльковым присутствием!

Старший менеджер не упускал не единого шанса пошутить или поиздеваться над моей лепидоплерологической фамилией. Я уже научилась реагировать на это, как на само-собой разумеющееся, неизменное обстоятельство.

— Заходи-ка, обсудим твоих дорогих и, без пяти минут, бывших коллег, — зловеще произнёс Валентин Антонович.

Худощавый и очень высокий, в модных очках, с пышной пшенично-золотистой шевелюрой и аккуратной бородой, он походил на стилиста из какого-то модного салона.

— Заходи, заходи, — заметив мою растерянную нерешительность, с хищным и злым блеском в серых глазах, поманил меня к себе старший менеджер.

Войдя в его кабинет, я увидела девчонку с короткими кучерявыми волосами и брюнета с татуировкой паутины на шее и стаями чёрных летучих мышей на обоих локтях. Жанна и Гарик.

Они работали у нас около полугода, но мы с ними успели стать если не друзьями, то как минимум хорошими приятелями.

— Напомни-ка мне дорогой наш Мотылёчек, — с опасной вкрадчивостью в голосе проговорил Валентин Антонович. — Не ты ли у нас занимаешь почётную должность заместителя старшего баристы?

Обманчивая и неприятная мёрзлая лёгкость наполнила меня изнутри. У меня чуть дрогнули колени и ослабли плечи. Слова старшего менеджера не предвещали абсолютно ничего хорошего. Наш Доктор Валентин Антонович был не просто зол, он пребывал в состоянии настоящего латентного бешенства!

— Я, — пришлось ответить мне. — А что случилось?

— А вот, — старший менеджер взял со своего стола планшет Samsung.

На видеозаписи, которую показал мне Доктор была Жанка. Пару секунд я наблюдала её работой, а затем увидела, как она, воровато и пугливо оглядываясь, достаёт две ёмкости и ссыпает туда зёрна из запасов кофейни. Затем закручивает крышки на обеих пластиковых банках (хотя бы уже стеклянные или керамические взяла!) и куда-то быстро уносит. Следующая видеозапись показала, как моя приятельница по работе, всё также опасно

поглядывая по сторонам, прячет банки с незаконно экспроприированным кофе в свой рюкзачок.

Я ошарашенно взглянула на Жанну. Та с угрюмым видом поджала губы и с обидой на лице отвернулась, сложив руки на груди. Я встретилась взглядом с Гариком, но тот лишь пожал плечами.

— Жанна, — тоном безжалостного прокурора, произнёс Валентин Антонович, — вынесла два килограмма элитного кофе «Копи Лювак», привезённого из специальных плантаций, с заповедниками отборных мусангов. В итоге она нанесла ущерб нашей сети кофеен в размере пятидесяти семи тысяч рублей!

Он вдруг громко щёлкнул пальцами и злобно процедил:

— Это цена хорошего ноутбука, на минуту!

Я ещё раз взглянула на Жанну.

— Валентин Антонович, — заставляя себя оставаться невозмутимой и вежливой, проговорила я. — Возможно, если Жанна раскается...

— Плевать мне на её раскаяния! — гневным выкриком взорвался Докторов. — Я тебя вызвал не для того, чтобы ты выступала адвокатом, а чтобы поставить перед двумя фактами: эти двое уволены, а ты проведёшь собеседования с новыми баристами, которые должны прийти завтра после обеда.

— А Гарика то за что? — не поняла я.

— За соучастие, — прорычал Докторов и объяснил. — Он её покрывал.

Ну, а это меня, как раз не удивило. Гарик давно пытался ухаживать за Жанкой, но та предпочитала держать парня в умеренной френд-зоне. Впрочем, это не помешало ей переспать с ним после недавнего празднования юбилея сети кофеен.

Валентин Антонович широким шагом прошёлся по своему кабинету и распахнул дверь настежь.

— А теперь все пошли вон. Сурков и Нестерова — сдавать униформу, а Мотылькова на рабочее место — за прилавок и экспресс-машину. Вперёд!

Гарик Сурков и Жанна Нестерова резво вышли первыми. Жанна ушла с гневной гордостью, а её воздыхатель, поплатившийся за свои ухаживания и снисходительное отношение к объекту своих желаний, с понурым недовольством на лице. Я последовала было за ними, но меня окликнул Докторов.

— Мотылькова!

— Да? — я остановилась на пороге.

— За твое опоздание ты оштрафована на две тысячи рублей!

— Что?! — ахнула я. — Я опоздала всего на двадцать четыре минуты, а не два часа! Вы не можете из-за этого...

— Четыре тысячи! — сверкнув глазами, пролаял Докторов. — Любое следующее возражение или попытка оправдаться, с твоей стороны, повлечёт за собой увеличение суммы штрафа. А теперь давай, хлопай отсюда крылышками. Наши гости должны получать свой кофе быстро, как по мановению волшебства!

Старший менеджер с видом «белого плантатора» щёлкнул пальцами правой руки, призывая меня скрыться с его глаз.

Сторая от желания выпалить в лицо охамевшему Докторову всё то, что накопилось во мне за последние два с половиной года, я вышла в коридор и нарочито аккуратно прикрыла за собой дверь, хотя сейчас больше всего на свете мне хотелось, захлопнуть её с

максимально возможным грохотом.

В коридоре, на выходе в зал с гостями и барной стойкой меня встретил помощник Доктора, один из младших менеджеров кофейни — Семён Перов.

В противовес своему прямому начальнику, Семён был очень уравновешенным, деликатным и осторожным с выражениями. Его мягкость была обманчивой — он умел быть жестким и требовательным, но в отличие от Валентина Антоновича бывал таким лишь с теми, кто отказывается понимать вежливый тон.

— Как всё прошло? — негромким сочувственным голосом поинтересовался он.

— Неприятно, унизительно и... слишком дорого, — проворчала я.

— Ну, когда тебя увольняют из-за продуктов переработки жизнедеятельности мусанга* (пальмовая куница, напрямую причастная к созданию уникального кофе «Копи Лювак»), это действительно унизительно и неприятно, — понимающе усмехнулся Говоров. — Но почему «дорого»?

— После увольнения Жанны и Гарик, Валя оштрафовал меня сначала на две, а потом на четыре тысячи!.. — яростно прошептала я.

— Хм, ну Докторов бывает не объективен...

— Жиrafoм безмозглым он бывает! — выпалила я шёпотом. — Противным, очкастым и обречённым на вечную тупость, жираfoм!

В коридоре со стуком распахнулась дверь. Я испуганно обернулась. Из своего кабинета выглянул Докторов и ткнул меня в меня указательным пальцем правой руки:

— Шесть тысяч, Мотылькова! Я предупреждал!

Выкрикнув это, управитель нашей кофейни закрыл дверь с таким мощным ударом, словно представлял будто, краем двери с ожесточением обрубаёт всякую надежду на помилование с его стороны.

Я вздрогнула от гулкого удара, с сердитой удрученностью вздохнула и, многозначительно взглянув на Семёна направилась к уволенным Жанне и Гарику.

Попрощались мы быстро. Я предложила им устроить небольшие проводы вечером, но Жанна наотрез, холодно и грубо, отказалась. А Гарик последовал её примеру, то есть поддержал во всём сказанном Жанне.

— Удачи, Мотылькова! — язвительно бросила мне Нестерова и вышла из кафе.

Я не понимала её злости на меня: как будто это я силой или шантажом заставляла её воровать кофе. Но, видимо будет лучше, если я прямо сейчас перестану за них переживать.

Весь остальной день прошёл в будничном и рутинном порядке. Под лёгкую блюзовую и джазовую музыку я с удовольствием варила для посетителей капучино, латте, раф и мокко. В моей работе, как у творцов искусства очень важно вдохновение, а оно зависит от настроения. Поэтому мне пришлось заставить себя забыть и о несправедливом штрафе, и о неприятном прощании с теми, для кого я не смогла стать хорошей подругой.

На фоне всего того, что случилось в первой половине дня, остальная его часть прошла почти даже идеально. Но вечер не задался сразу, как только в кофейню зарулила компания каких-то троих мужчин.

Судя по их развалистой походке, одежде и жаргонному лексикону, манерами и знанием даже минимального этикета они не были обременены. Мало того, что один из них без спросу взял лежащий на столике у одного из посетителей смартфон, а затем вернул его, швырнув в руки покрасневшему парнишке лет шестнадцати, так двое других его приятелей сначала нахамили одному из официантов, а затем в похабной манере начали заигрывать к

одной из официанток.

Докторов лично выходил к ним несколько раз делал замечание. Ни одна из официанток к ним больше не подошла. Но проблемная троица ничуть не расстроилась. Выпив по одной чашке кофе, они заявили, что кофе у нас «отстойное» (!!!) и потребовали к себе «того, кто у вас тут главный по кофею».

Будучи не только замом, но и исполняющим обязанности старшего баристы, я вынуждена была отправиться к их столику, отлично понимая, что сейчас мне непременно изгадят настроение ещё больше, и это в лучшем случае.

Трое неприятных посетителей были одеты в изношенные спортивные штаны или истёртые джинсы. Двое были в довольно несвежих рубашках, а один в футболке, что странно, учитывая конец лета и весьма прохладные вечера в Екатеринбурге.

— Добрый день. Меня зовут Зоя, я на данный момент старший бариста кофейни. Подскажите, пожалуйста, что именно Вас не устраивает в кофе?

Все трое мужчин сперва окинули меня насмешливыми изучающими взглядами. А тот, что сидел ближе к краю и вёл себя наиболее развязным образом, ухмыльнулся и небрежно подвинул чашку с недопитым кофе к краю столика.

— Скажи-ка мне, цыпа, чё вот за муть ты мне приготовила?

Прежде, чем ответить, я заметила небольшую дырку на его футболке и маленькое, но весьма заметное засохшее пятно от кетчупа внизу.

— Вы заказывали кофе *irish*, — сохраняя подчёркнутую вежливость и соблюдая этикет, положенный в заведениях подобных нашему, ответила я.

Я старалась не обращать внимания на глумливые смешки, шутливые улыбки и на то, что худощавый мужчина с неряшливой щетиной и перебитым носом неприлично меня рассматривает, ничуть не стесняясь непристойности собственного поведения.

— Ну так вот в этом ваше «Ири-ше»... написано, что есть вискарик... — мужчина в футболке тычком двух пальцев столкнул почти пустую чашку с края стола.

Я рефлекторно её подхватила и прижала к груди. Подчёркнуто выпрямившись, я смотрела на эту троицу с холодным снисхождением и неискренней любезностью. Во мне затрепетало желание озвучить пару резких фраз в адрес этих неандертальцев, но, увы, приходилось быть вежливым и терпеливым (очень терпеливым!) долбаным роботом!

— В меню подробно указано, что чашка кофе «Айриш», включает в себя восемьдесят миллилитров чёрного кофе, тридцать миллилитров взбитых сливок и сорок миллилитров ирландского виски, — без запинки, чётко, как на экзамене отрапортовала я. — Вы получили ваш заказ в точности в соответствии с этими характеристиками.

— Не знаю, чё там у вас точно и какие характеристики, но кофей ващ г**но! — последнее слово обладатель дырявой футболке выплюнул с каким-то намеренным злым презрением, а затем добавил в хамской уничижительной манере. — Ясно тебе, цыпа?!

«Откуда же вас к нам занесло-то, а? — разочарованно и нервно подумала я. — Эти граждане явно неместные и, судя по говору и отсутствию манер, вообще вряд ли городские. Впрочем, когда я ездила на фестиваль кофе в Москву там тоже есть местные аборигены, не утруждающие себя прилежным поведением. Но эта троица гарантировано распугает всех других, адекватных гостей и может создать кучу проблем. Нужно от них избавляться...»

— Если вам угодно, я могу подать вам нашу книгу отзывов и предложений. Вы сможете выразить суть своих претензий на её страницах. Желаете?

— Каэшна желаю! — хлопнул ладонью по столу негласный лидер безобразной

троицы. — Неси, давай!

— Как вам угодно, — я собралась уже уйти, но тот тип, что в наглуую, с мечтательной ухмылкой на лице, изучал моё м-м... антропологическое строение, вдруг резко перешёл от стадии созерцания к стадии тактильного контакта. То есть наклонился вперед и крепко ухватил меня за правую кисть.

— погоди, красатуль. Книгу свою потом принесёшь, давай потрещим ещё. У нас тут весело и тебя очень не хватает. А?

Он потянул меня к себе. Вставать ему не пришлось — физически он был раз в пять-шесть сильнее меня.

Я не пыталась выдернуть свою руку — с такими субъектами, как эти трое люмпенов нужно действовать иначе.

— Мужчина, отпустите меня, пожалуйста, — контролируя внутреннюю нервозность и пробирающее меня острое чувство тревоги, холодно и громко велела я.

— А то чё? — с вызовом спросил небритый хам в изношенной рубашке со складками.

— В нашем помещении ведётся видео-наблюдение, — с угрожающим намёком проговорила я, чеканя каждое слово. — Через квартал отсюда находится отделение полиции. А под столешницей у моих коллег есть кнопка экстренного вызова сотрудников ППС.

Троица быстро обменялась взволнованными взглядами. Перед ними явно возникла «серьёзная» дилемма: продолжать потворствовать собственным желанием вести себя, как первобытное животное или же задействовать остатки ещё не выкуренного мозга, дабы избежать близкого контакта с полицией (наверняка, не первого для них).

— Брешешь, — вытянув шею в мою сторону и свирепо тараща глаза, процедил тот, что больно сжимал пальцы на моем правом запястье.

Я старалась не показывать, что он причиняет мне боль — хотя, на завтра точно будут синяки — и ровным тоном негромко проговорила:

— Вы можете проверить это насобственнопопыте. Стоит только захотеть!

Они вновь переглянулись, тот, что был в футболке выразительно посмотрел на своего приятеля, что удерживал меня за руку, и обладатель седеющей щетины, нехотя, отпустил мою руку.

— Книгу предложений я вам сейчас принесу, — игнорируя возрастающую тупую боль в правом запястье, ответила я.

Я развернулась и нарочито неспешным шагом, сохраняя достоинство, удалилась от их столика.

Нашу книгу отзывов и предложений троица негодяев рассматривала ещё долго, при этом не переставая отпускать неуместные грубые шутки и хохотать на всю кофейню. Из-за их поведения большинство из заходивших к нам гостей, в том числе и завсегдатаи растерянно хлопали глазами, а затем уходили прочь, через дорогу, к нашим же прямым конкурентам.

Вдобавок ко всему, под занавес, за час до закрытия нашего заведения, троица неприятных личностей закурила. Зловонный и отвратительный запах их сигарет, подобном безобразному злобному духу, витал по залу кофейни и пропитывал всё маслянистой злокозненной горечью.

Докторов к тому времени уже вызвал полицию — терять деньги из-за троих охламонов он не намеревался. Но от запаха табака, да ещё такого мерзкого, дешевого и тошнотворно я

лично решительно зверела — от запаха сигарет у меня болела голова и резко портилось настроение. И самое ужасное, вонь сигарет безжалостно уничтожала многоликий, сладковато-кисловатый и горьковато-древесный восхитительный аромат свежеприготовленного кофе. А это категорически непростительно!

Пока Докторов и Перов, уже на повышенных тонах, пытались объяснить троице приезжих питекантропов, что знак «курение запрещено» означает именно запрет курения, я ушла в глубь служебного помещения и отыскала там один из четырёх наших пожарных шкафчиков. Открыв шкафчик, я натянула на руки поварские прихватки, которыми пользовались наши кондитеры — они понадобятся мне в качестве защиты от углекислотной пены в минус семьдесят два градуса.

С невозмутимым видом я вынула один из увесистых огнетушителей и уверенной походкой направилась в зал. Увидев меня, вооружённую огнетушителями, двое наших официантов настороженно замерли.

Я вышла из-за спин обоих наших менеджеров и, игнорируя протестующий крик Докторова, сначала выдернула чеку, затем направила сопло огнетушителя вверх, над столиком трёх буянов — те успели лишь настороженно застыть с удивлёнными лицами — а затем выдала мощную шумную охлаждающую струю бурного пара вверх над головами проблемной троицы.

Разумеется, пар углекислотного газа с критически низкой температурой я никому в лицо направлять не собиралась: одно дело проучить, а другое обжечь и покалечить.

Ещё секунду назад уверенные в собственном необъяснимом превосходстве трио охамевших грубиянов, сейчас в панике орали срывающимися на визг голосами, вжимали головы в плечи и сползали под стол.

Ограничившись несколькими секундами акцией устрашения, я отпустила рычаг огнетушителя и передала его шокированному семёну.

— Думаю, всем будет лучше, если вы сейчас же уйдёте. И не забудьте про чаевые. Хорошего вечера, бородавчники.

Всем троим мужчинам пришлось помочь покинуть помещение, так как у них жутко слезились глаза, и они сами с трудом могли что-то разглядеть, а на наших красивых, но весьма крутых ступеньках и вовсе могли свернуть шею.

После прилюдной экзекуции, я сделала себе сладкий медовый раф по собственному уникальному рецепту и присела на кухне, рядом с кондитерами.

У меня дрожали руки, моё тело колотила глубокая нервная лихорадка.

Впечатления, страхи и эмоции, перемешиваясь в единую хаотичную массу неприятных душевных ощущений, шквальными волнами наваливались на моё сознание. Мне было страшно, я вспоминала, как один из тех козлов держал меня за руку и тянул к ним за стол. Наружу вылезли все те опасения, которые я испытывала, когда мне пришлось идти к столику похабных смутьянов. Вдобавок к этому, почти тактильно, на физическом уровне, я ощутила взгляды того орангутанга, который пыталась силой мысли содрать с меня одежду.

Тогда я держалась, контролируя эмоции и реакцию, но сейчас меня передёрнуло от отвращения.

Мне потребовалось около сорока с лишним минут, чтобы прийти в себя. К тому же я теперь ещё переживала не переборщила ли я с огнетушителем. Мне хотелось прогнать этих козлов, но у меня не было умысла оставлять на их лицах ожоги, которые, не дай бог, могут привести к какой-нибудь инвалидности. Но этого бояться уже поздно. Тем более, что в

правильности собственного поступка я не сомневалась.

Через пару минут ко мне пришёл Семён Перов, двое наших официантов и один из кондитеров. Четверо мужчин ещё около получаса утешали и хвалили меня за решительность.

— Всё-таки ты очень непредсказуемая девчонка, — заключил Перов с одобрительной улыбкой.

— Я могу считать это комплиментом? — благодарно улыбнувшись за утешения и похвалу, тихо спросила я.

— Это и есть комплимент, — заверил меня Сёма. — А вот мне теперь реально стыдно. Это я должен был их прогнать или хотя бы Докторов.

— Брось. Ещё не известно, чем всё это закончится, — чуть скривилась я и опечаленно вздохнула, стараясь унять дрожь в голосе. — У этих троих путешественников могут возникнуть серьёзные последствия медицинского характера. Если кто-то из них пойдёт в полицию с заявлением...

Но тут уже скептически поморщился Сёма.

— И что они скажут? Что их, троих здоровых мужиков, позорно прогнала двадцатилетняя девчонка с параметрами художественной гимнастки?

Он презрительно фыркнул.

— Постыдятся, иначе менты их засмеют прямо на пороге дежурной части! Нет, Зочка. Я эту породу неплохо знаю, они вообще постараются о том, что здесь произошло никому и никогда не говорить, ну или... выдумают вместо тебя десятка два здоровых бодибилдеров-дзюдоистов.

Я лишь фыркнула и возмущенно покачала головой.

— А может быть, — почесав подбородок и изобразив задумчивость, произнёс Говоров. — Это творческое трио охамевших бегемотов тебе придумают лишний метр роста, сделают этакой гром-бабой, с хлыстом и палкой, одетой в военную камуфляжную форму.

— Последний вариант чересчур уж комиковый, — нервно хохотнула я. — Им тогда стоит задуматься о карьере в «Marvel», там сейчас такое любят.

— Порой, чем невероятнее рассказ, слух или новость, тем охотнее люди готовы в него поверить, — изрёк умную мысль Сёма.

Тут прибежал один из недавно нанятых официантов и торопливо известил меня, что Докторов хочет меня видеть. Второй раз за день отпраиваться в кабинет к Валентину Антоновичу это уже даже нельзя назвать невезением. Это какое-то худшее воплощение возврата кармического долга в предапокалиптическом образе.

Докторов, вопреки моим ожиданиям не стал на меня орать за то, что я совершила, зато «наградил» внеплановой работой на какой-то загородной пирушке.

— У племянника одного из наших акционеров сегодня именины, — Валентин сообщил мне эту «радостную» и «важную новость» тоном, будто говорил о скором начале парада в честь Дня города.

— Какое счастье, — с показательным равнодушием ответила я. — И конечно же им там не обойтись без кофе и баристы?

Докторов внимательно посмотрел на меня. Взгляд его серых глаз из-под поблёскивающих очков, сражал убийственным пренебрежением и содержал недопустимую дозу ядовитой злобы. Мне кажется таким взглядом, в былые времена, палачи смотрели на осужденных, чья голова лежала перед ними на эшафоте.

— Ты что, Мотылькова, ещё иронизировать изволишь, после всего, что сегодня

натворила? — с гневной едкостью, вкрадчиво спросил Докторов и затем начал загибать пальцы правой руки, перечисляя мои проступки. — Допустила воровство со стороны своих прямых подчинённых, опоздала на работу и, под занавес, обдала наших посетителей огнетушительной смесью. Что ты смотришь? Хочешь ещё что-то возразить? Да? Хочешь?!

Его голос крепчал и звенел от вырывающейся наружу язвительной злости.

Его шея при этом страшно выгнулась вперёд, как у змеи или ящерицы. Напоминать ему о том, что «посетители», которых я прогнала вели себя, крайне неподобающе и распугивали других гостей, сейчас точно не стоило.

— Даже в мыслях не было, — проворчала я тихо. — Только зачем им там вечером и, тем более, ночью кофе! Этот напиток обычно утром, днём или уж ранним вечером употребляют.

— Твои рекомендации ни меня, ни наших заказчиков не интересуют. Возможно кому-то захочется полакомится глясе, испить лёгкого латте или употребить изысканный бечерин. Недостатков, Мотылькова, у тебя существенно больше, чем достоинств, но...

Он сделал паузу, выпрямился и позволил себе полунасмешливую сдержанную улыбку.

— Но кофе ты варишь, как богиня. За это мы тебя и держим.

Ну, хоть комплимента я удостоилась за сегодняшний день.

Конечно, присутствие на гулянке нашей Екатеринбургской богемы нельзя назвать таким уж сильным мучением. Но я-то мечтала в конце рабочего дня вернуться домой, посмотреть милый сердцу сериальчик, потом заснуть с лёгкой аудиокнигой в ухе и просто выспаться!

Но нет, чёрт побери! Изволь затолкать свои «низменные» человеческие хотелки поглубже и готовиться прислуживать тем, кто на тебя будет смотреть, в лучшем случае, как на мебель. Нет, я не испытываю какой-то неоправданной агрессии к более успешным и обеспеченным людям, чем я, некоторых даже склонна серьёзно уважать за их ум, хватку, умения и предпринимательские достижения, но... Ведь не секрет же, что минимум четверть из них, как только достигают уровня хотя бы обеспеченного среднего класса, начинают относиться ко всем, кто обладает меньшим достатком, с каким-то прямо-таки враждебным презрением.

Но делать мне было нечего, а жаловаться не кому. Оставалось только молча, про себя, сетовать на происходящее и готовиться работать всю ночь. Спасибо, Докторову, что завтра хотя бы разрешил прийти аж на целый час позже. Ох... А мне ведь ещё курсовую для Полины Викторовны дописывать. И когда мне всё успеть?

Выслушав дополнительную похвалу и слова восхищения от прочих коллег по работе, пораженных моей решительностью (и радикальностью), я собрала необходимые мне рабочие инструменты и набор кофейных зёрен сразу нескольких сортов. Керамические и стеклянные ёмкости с зёрнами я промаркировала стикерами с флажками стран-производительниц кофе вроде Бразилии, Никарагуа, Колумбии, Кении и других.

Это важно, поскольку от почвы и содержащихся в ней природных элементов вкусовые характеристики зёрен могут разительно отличаться. А отличия почвы и условия роста кофейных деревьев или кустарников зависят от географического расположения. Сладкий, ароматный и очень сбалансированный по вкусовой палитре Колумбийский кофе отлично подойдёт для напитка Романо или Бревэ. А наделённый фруктовым отзвуками жаркой Африки, Кенийский продукт можно использовать в Мокко или Марочино.

К десяти часам вечера я была готова выдвигаться. Сперва решила вновь воспользоваться услугами такси: хотя, моя машина, подаренная бабушкой, уже пережила очередной ремонт в

сервисе и была готова к новым испытаниям, ехать за ней мне было лень. Но Яндекс-такси предложило такие цены за эконом и перевозку дополнительного груза, что известное метафорическое земноводное предприняло крайне агрессивную попытку моего удушения.

А всё из-за ремонта на основной дороге из города, ввиду чего любому водителю придётся совершать серьёзный круг, при выезде за пределы Екатеринбурга. Нет уж! Мне дешевле за своей ненаглядной «Нивой» смотаться.

До автосервиса мне всё равно пришлось ехать на такси, а затем ещё выгружать весь свой многочисленный и громоздкий багаж, чтобы перегрузить всё это в машину. Спасибо доброму таксисту, который помог перетаскать большинство вещей в мою только что отремонтированную жёлтую Ниву.

Машина, которую подарил мне мой дедушка, была в два раза старше меня самой. И хотя тачка действительно была неприхотлива и довольно хороша для практических нужд, о комфорте или стопроцентной надёжности говорить уже не приходилось.

Минут через сорок с лишним, проезжая стадион «Екатеринбург арену», я в который раз отчаянно боролась с беспощадной зевотой, что норовила вывихнуть мне челюстные мышцы, лишь бы только заставить меня продемонстрировать миру «красоту» своей ротовой полости. Благо, за время работы в кофейнях я научилась сдерживать подобные позывы или зевать почти не размыкая губ. Вот он профессиональный скилл работника сферы услуг!

Спустя ещё где-то час я, если верить навигатору, была совсем рядом с посёлком «Образцово», где селятся граждане с ежемесячным приходом от миллиона и выше. Вот объяснит ли мне кто-нибудь зачем людям с такими деньгами, простая бариста из самой обычной кофейни на углу одного из домов нашей любимой столицы русского рок-н-ролла?

Вместо ответа на мой невысказанный вслух вопрос, по асфальту и крыше моей «Нивы» загремели капли дождя. Миновало ещё несколько секунд, как ночную и внезапно опустевшую дорогу из города буквально накрыло шквальным ожесточенным ливнем. Я включила дворники, но похоже во время моего следующего визита в автосервис мне придётся поменять и их: левый справлялся посредственно, а правый почти не работал, конвульсивно вздрагивая, как безнадёжный пациент от разрядов дефибрилятора.

Мне повезло, что дождь закончился быстро и видимость резко улучшилась. Но из-за того, что мне сначала пришлось делать крюк на выезде из города, а затем сбросить скорость из-за плохих дворников, я опять опаздывала. При этом навигатор начал заметно сбоить, у него мигал экран и подрагивало изображение. Через пару секунд и после некоторых моих попыток привести его в чувство, прибор, призванный облегчать жизнь водителям, отправил мне фигуральный воздушный поцелуй и просто погас.

Я прошептала короткое тихое ругательство, остановила машину у обочины и полезла за смартфоном. Однако верный «HUAWEI» почему-то упорно не замечал отличного прежде покрытия 4G. Замечательно, МТС вон уже пятое поколение запустил, а мой телефон с четвёртым барахлит!

Я вздохнула, контролируя раздражение и нервное состояние: минуты до назначенного времени моего обязательного прибытия неумолимо таяли на глазах.

Делать нечего. Придётся искать коттеджный посёлок методом визуального поиска. К тому же я, вроде, уже недалеко, можно попробовать. Я вновь завела «Ниву» и поехала вперёд, то и дело глядя по сторонам.

Шоссе к тому времени заметно опустело — кроме моего автомобиля по встрече проехало лишь две машины — и только расплывчатое зарево сине-белого света уличных

фонарей как будто приподнималось над мокрым, после дождя, асфальтом.

Чашечка вторая

«Я не могу решить всех твоих проблем, но я обещаю сделать твою жизнь лучше.»

— Твой кофе

Увенчанные густой листвой деревья обступали дорогу, склонялись над шоссе и роняли на асфальт свои бесформенные тени. Из лесу же, между веток и крон, сквозь листву и переползая через древесные корни, лениво вываливался дымчатый вязкий туман.

Очень скоро он закрыл собой дорогу и мне вновь пришлось двигаться на малой скорости. Окна запотели, и боковые стёкла пришлось опустить, чтобы иметь возможность хоть что-то разглядеть сквозь расплывающуюся вокруг мзгу.

Внутри салона автомобиля неспешно пробирался сырой промозглый воздух, иногда веяло прохладным ветром с каплями дождя.

Высоко надо мной верхушки деревьев, казалось всё сильнее сжимают полоску неба над дорогой. Кроме моего автомобиля на ночной автомагистрали не появлялось больше ни одной машины. В душу закрадывалось тревожное предчувствие и усиливающееся настораживающее чувство одиночества.

Щупальца тумана, будто живые, обвивались вокруг моего автомобиля. Пропитанный мёрзлой влагой воздух, охлаждал кожу, просачивался сквозь одежду. Накинув лёгкую олимпийку, я продолжила вглядываться в плотную, серо-молочную, завесу тумана.

Примерно через сотню метров моя настырность была вознаграждена в виде красивого стильного и подсвеченного указателя. Словно маяк в море он выплыл из глубины тумана, в окружении эффектного ореола вокруг сияющей крупной надписи: «ОБРАЗЦОВО»

Как же «приятно» осознавать, что даже указатель в коттеджный посёлок выглядит дороже, чем квартира, которую я снимаю.

Я свернула с шоссе, поехала по плавно закругляющейся дороге. Туман вокруг моей машины и перед капотом становился гуще. Как будто нарочно он всё плотнее заслонял мне обзор. Света передних фар «Нивы», с трудом хватало, чтобы освещать пространство в пять-шесть метров: яркий дальний свет терялся и как будто поглощался клубящимся вокруг туманом.

Чувство тревоги тугим плотным и давящим пузырьком разрасталось в груди. Почему-то мне становилось боязно и даже откровенно страшно. Всё вокруг — ночь, туман и пустынная дорога под затуманенным светом редких уличных фонарей — выглядело клишированным антуражем для фильма ужасов.

Впереди показалось что-то похожее на развилку. Я остановила автомобиль, попробовала включить навигатор, но гаджет оставался равнодушен к моим попыткам вернуть его к жизни. Пришлось полагаться на собственную память, но... я не помнила были ли на карте эти два поворота или нет. Я здесь, за всё время жизни в городе, никогда не была и толком не знаю этих мест.

«Хм, но вроде, как посёлок должен быть где-то слева от меня... — напрягла я память. — За неимением лучшего варианта поверим своей всеильной женской интуиции»

Я направила автомобиль налево. Но к моему неприятному удивлению лес вокруг начал заметно дичать, а дорога ухудшаться и в конце концов она вовсе превратилась в обычную лесную тропу.

Я остановила автомобиль, обругала себя за неосмотрительность, и начала сдавать назад.

Однако, вместо того, чтобы вернуться назад, на асфальтированную и вполне хорошо освещённую дорогу, я заехала в обще какую-то лесную глушь, где Нива едва не увязла во влажной болотистой грязи.

Мне чудом удалось вернуться на более твёрдую почву.

Уличных фонарей вокруг меня уже не было. Фары моего автомобиля были единственными источниками света в тумане и в глубине ночной августовской темени.

Вот теперь мне становилось действительно страшно! Потому что я понятия не имела где нахожусь и, как мне, ёлки— палки, теперь вернуться хотя бы на нормальную дорогу.

У меня зазвонил мобильник. Я вздрогнула, почти подскочила на сиденье, а затем торопливо схватила свой смартфон и поспешила ответить звонившему мне Валентину. Сейчас даже его звонок был для меня радостным событием.

Однако, я не успела и слова сказать о том, что мне нужна помощь.

— Мотылькова! — взревел в телефоне Докторов. — Ты где там шатаешься?! Мне звонил заказчик! Он в весьма гневной форме поинтересовался в каком параллельном пространстве затерялся бариста, которого они заказали себе на мероприятие! Что у тебя случилось? Где ты пропала?!

— Я... — мне потребовалось вздохнуть, чтобы перевести дух. — Я немного... потерялась...

— ПОТЕРЯЛАСЬ?! — заорал в трубке Докторов.

Скривившись, я отодвинула телефон от уха.

— Где там можно потеряться?! У тебя, что вместо мозга стайка пристукнутых бабочек, а вместо логики и умения пользоваться картой — пыльца с их крылышек или чего?! Ты вообще должна была заранее...

И вот на этом моменте я резко перестала слушать своего начальника, смысл его слов потерял для меня всякое значение. Потому что кружащий вокруг меня беспросветный туман внезапно замерцал хаотичными вспышками приглушенного света. Потеряв дар речи и не зная, что за явление предстало перед моими глазами, я шокировано таращилась на мерцающие синевато-сиреневые и салатново-желтоватые огни.

Таинственный разноцветный свет беспорядочно пронзал наползающий туман изнутри. Слабые подрагивающие лучи неуверенно пробивались сквозь бестелесную, но плотную материю неправдоподобно вязкого тумана.

Дашков продолжал надрываться в телефоне, но развернувшееся вокруг меня туманно— световая фантазмагория полностью завладела моим вниманием!

Я вернулась к реальности только, когда Валентин прокричал моё имя:

— Зоя!!! Ты слышишь меня или нет?!!

— Д-да... я здесь, слушаю... да... — рассеянно проговорила я.

— Так, где ты там застряла?! В каких дебрях?!

— Я же сказала: я не знаю, — начала объяснять я.

Мне приходилось прикладывать старания, чтобы мои слова не звучали как— то совсем уж жалобно или плаксиво. Мерцание таинственных огней исчезло также внезапно, как и появилось.

— Я просто ехала, а потом свернула не туда, а теперь не могу понять даже, как мне вернуться на дорогу!

— Та-ак, — с тяжёлым вздохом произнёс Докторов. — Прежде всего перестань истерить.

— Я не истерю, — всхлипнула я.

— Тебе нечего бояться, ты всего лишь...

— Да, я всего лишь заехала в лесную глушь, без намёка на цивилизацию и в душе не понимаю, куда ехать и что делать, — с обманчивым спокойствием, проговорила я. — Вообще нечего переживать! Конечно...

Докторов не сдержался и пробормотал ругательство. Я скривилась от крепкого выражения старшего менеджера кофейни, но вдруг меня окрылила неподдельное и восторженное счастье.

— Я кажется вижу огни домов! Похоже я это и есть коттеджи «Образцово»!

Впереди, вроде совсем недалеко от меня, сквозь туман проступили многочисленные широкие темные очертания и десятки огней разной степени яркости. Всё это очень походило на силуэты домов и свет от их окон.

— Слава шедеврам Фаберже! — проворчал в телефоне угрюмый голос Валентина Антоновича. — Поспешите, Мотылькова! Иначе завтра мы с тобой будем вместе писать заявление по собственному.

— А как же факт того, что я отличный бариста и варю кофе, как богиня? — на фоне радости от чудесного спасения, ко мне вернулась ироничная дерзость и маленькая вредная едкость.

Докторов в ответ тихим негромким голосом отправил меня в дальнейшее путешествие, пункт назначения в котором звучал, как название ядрёного овоща.

Чашечка третья

«Ради кофе можно пойти на всё. Даже на работу.»

— Билл Гейтс

Я спешно выруливала навстречу многочисленным огням из окон коттеджей. Меня обуревали эмоции счастья, вперемешку с торжествующим психическим облегчением.

Сейчас я даже начала мысленно ругать себя за панику и слабость, дав самой себе зарок, что в будущем никогда себе не позволю сходу впасть в истерику и расписываться в бессилии. По крайней мере, не перепробовав все возможные варианты решения сложившейся проблемы. Слабость, конечно, это та роскошь, которую я себе, как девушка, могу позволить, но лишь, когда рядом есть кто-то, подходящий на роль могущественного бравого кавалера. Во всех остальных случаях, кроме, как на себя надеется не на кого. Увы.

Я переводила дух, приближаясь к огням. «Нива», под моим чутким управлением, исправно перебиралась через ухабы, ямы и пригорки. Огни и силуэты домов стремительно разрастались в размерах.

Некоторые из них были заметно выше, чем можно было бы предположить. Кажется, количество этажей в загородных резиденциях нашего привилегированного общества росли в соответствии с их амбициями.

Очень скоро лес вокруг меня поредел, а затем и вовсе исчез. Я всё ждала, когда под колёсами автомобиля, наконец-то, появится привычный твёрдый асфальт, но вместо него, увлажнённую дождём почву сменила какая-то болотистая местность с глубокими лужами.

Во всяком случае мне так показалось.

Я ехала дальше ещё несколько метров, пока за расплывающимся туманом не увидела под колёсами «Нивы» песок и пенную воду. Эта вода слишком сильно напоминала морскую. Как минимум, я заехала совсем не на болота.

Возникшее в голове осознание этого открытия, в который раз заставило меня остановить машину.

Сквозь приоткрытые окна в дверцах я вдруг расслышала шелестящий продолжительный влажный шум и плеск воды. Затем ощутимо повеяло усиливающимся ветерком, донёсшим до меня узнаваемый солоноватый запах моря!

Я нервно сглотнула, на несколько секунд застыла, почему-то боясь дышать, и с нервным необъяснимым усилием сжала руль. Лишь мгновение спустя я решилась приоткрыть дверцу слева от себя и выглянуть из машины.

Туман вокруг стремительно таял, растекаясь и оседая по округе.

У меня округлились глаза и пропал дар речи, когда после очередного звука плещущейся воды, почти к самым колёсам моей жёлтой «Нивы» подтекла вспененная вода, с кусочками оборванных водорослей. Запах моря уплотнился, поднялся к моему лицу, вызывая прочные ассоциации с моим недавним отпуском на Бали, ради которого я больше полугода откладывала средства.

Но одинокий остров Бали находится отсюда за двенадцать с половиной тысяч километров! Здесь не может быть никакого моря! Равно, как и морской воды с запахом Тихого океана! Я же... Я же нахожусь рядом с Екатеринбургом... Того, что я вижу здесь просто не должно существовать и происходить!..

«Может быть тот туман с огнями был каким-то радиоактивным или ядовитым?.. А?..»

— промелькнула у меня в голове дурацкая мысль.

К сожалению (в моём случае) облучение радиоактивными изотопами никак не способно вызвать галлюцинации. А потому мне придётся признать внезапную новую действительность.

М-да, подумать об этом было проще, чем заставить себя принять происходящее. Мои сознание и психика сходили с ума от эмоционально-мысленного потрясения.

Море! Морская вода и песок!.. Я с беспомощным видом и надеждой в сердце огляделась, всё ещё предполагая, что делаю слишком торопливые и ошибочные выводы.

Но именно в этот короткий миг, за окончательно поредевшим и осевшим туманом, моему взору открылись очертания величественного и огромного... парусного корабля.

У меня буквально перевернулось сознание, затем я сдавленно и звонко нервно икнула и прижала правую ладонь ко рту. По мере того, как дымка тумана растекалась в стороны под воздействием солёного ветра, моему взору открывались устремлённые в ночное небо мачты, поперёк которых, чуть кренясь на бок, застыли рей*(части горизонтального рангоута).

Подобно десяткам плащей на «плечах» рей, мачты украшали лениво колышущиеся белоснежные паруса. Они сминались и трепетали под напором ветра с таким звуком, будто десятка три человек одновременно и с силой вытряхивали покрывала.

От краёв рей, через круглые блоки, исполинское судно со всех сторон обтягивали сотни снастей. Некоторые из них заметно провисали, а прочие, напротив, были туго натянуты точно струны.

На верхушках мачт бурно развевались разноцветные флаги. Слышался скрип толстых канатов, из которых были сплетены ванты*(снасти стоячего такелажа. Служат также для подъёма матросов на мачты и стеньги). На корме восхитительно прекрасного парусника ярко горели два огромных стеклянных корабельных фонаря. Чуть мерцая, своим тёплым канареечно-желтым светом они озаряли позолоченную часть акростоля*(декоративная часть кормы в 17–18 вв.)корабля.

На корме две коронованные крысы с трезубцами, облаченные в массивные доспехи, гордо удерживали щит, поделённый на четыре равноценных поля. В шахматном порядке два поля украшались тремя башнями, а два других тремя силуэтами крыс. Всё в бело-красных цветах, с вычурными позолоченными украшениями.

Я не сразу осознала, что на дивный парусник, не иначе, как воплотившийся из романов Сабатини или Стивенсона, я гляжу с неприлично приоткрытым ртом. С трудом взяв себя в руки, я сомкнула губы и шумно, нервно сглотнула.

— Так... — слабым тонким голоском, отчаянно пытаюсь сохранить самообладание, проговорила я. — Какого... чёрта... происходит?..

«Может быть это какая-то местная инсталляция? — с надеждой подумала я. — Может кто-то из местных богачей помешался на эпохе парусных кораблей, а потом взял и вбухал лишние миллионы ради воплощения собственных бурных фантазий на эту тему? Такое же возможно?.. Да?»

Я отлично понимала, что подобное, мягко говоря, крайне мало вероятно. Во всяком случае новости о строительстве чего-то подобного должны были бы курсировать по Екатеринбург ещё в процессе строительства вот этого всего. А строить всю эту красоту пришлось бы точно на месте и чертовски долго. Закладка и строительство судов, даже древних, весьма трудоёмкое и дорогое занятие.

Окончательно мои фальшиво-спасительные предположения были безжалостно

разрушены, когда коварный туман открыл под собою новые просторы.

Вот тут-то я позволила себе длинное и очень непристойное высказывание, которым прежде никогда выражалась.

Моя машина стояла посреди просторной мелководной гавани, состоящей из сотен мелких островков и рифов, между которыми темнела морская вода. Морская, Карл!!! Морская!.. Дальше вперед, неизвестное мне море уходило далеко за горизонт, расползаясь в ширь на десятки километров!

Всю прибрежную часть, насколько хватало моих глаз, занимали корабли. Десятки, а возможно и сотни неподвижно застывших на мелководе, парусников самого разного вида, цвета и размера.

Они походили на корабли из исторических фильмов, книг и игр. Моих скудных познаний вполне хватало, чтобы выделять среди них галеоны, каравеллы, бриги или пинасы — спасибо «Корсарам»*(комп. игра в пиратском сеттинге), которые в своё время были одной из немногих игр, что запускались на моём «деревянном» ноуте.

Все эти корабли переливались захватывающей дух роскошью, от них веяло силой и свободой, помноженной на красоту их чарующего облика. Облаченные в паруса, украшенные позолоченными барельефами и искусно вырезанными из дерева фигурами, эти суда заставили бы трепетать сердце человека абсолютно равнодушного к парусникам и морю.

Все до единого корабли были увенчаны расплывчатыми ореолами света, исходящего от многочисленных крупных и мелких фонарей, развешанных от кормы до бушприта* (горизонтальное или наклонное рангоутное дерево, на носу парусника).

Фонари на кораблях источали алый, лазурный, зеленовато-изумрудный, желтовато-янтарный или даже сиренево-малиновый свет. Присмотревшись к ближайшему судну, я заметила, что в гигантских стеклянных колбах его фонарей, размером чуть ли не в человеческий рост, порхают создания, слишком напоминающие фей со стрекозиными крылышками.

Чем больше ошарашенным взором я глядела на многочисленные парусники, тем больше разительных отличий замечала в них от парусных судов из нашей истории. Те, что наблюдала я были существенно больше, ярче окрашены и носили намного больше украшений. Да и форма корпуса у многих выглядела необычной, самобытной и диковинной. Именно вот такие кораблики можно было бы встретить скорее в каком-нибудь в фэнтезийном аниме.

— Ну, это всё... Конец!.. Мой мозг просто взорван на мириады бесконечных потрясений!.. — с ошеломленным и испуганным восхищением прошептала я.

Пока я, под впечатлением, взирала на открывшееся мне чудесное зрелище и пыталась для себя отыскать хоть какое-то более-менее разумное объяснение происходящего, моя машина дрогнула, плавно качнулась.

Я испуганно взглянула на руль, бросила встревоженный взгляд на панель приборов и окинула взглядом салон «Нивы». Автомобиль дрогнул ещё раз, а затем я в полной мере ощутила, как моя машина начала куда-то медленно проваливаться.

Ойкнув, я распахнула водительскую дверцу максимально широко и поспешно выскочила наружу.

Мои лососевые кроссовки от Baden с влажным хлюпаньем приземлились в мокрый песок. Нет, это был не песок, а густая и мокрая илистая почва. Её слипшиеся комочки отдельными пятнышками повисли на носках и задниках моих новых кроссовок. Часть ила

обляпала края серых джинсов.

Но сейчас мне не было этого дела. Отскочив подальше от автомобиля и придерживая руками волосами, которые норовили растрепать порывы морского ветра, я несколько секунд растерянно смотрела, как моя машина медленно, но неумолимо погружается в мокрую вязкую илистую мякоть.

Спохватившись, я бросилась к багажнику. Торопливо отперев заднюю дверь автомобиля, я начала быстро выхватывать оттуда сумки с вещами для работы. Не хватало ещё угробить всё своё кофейное богатство на сумму покупки новенького УАЗа.

Погружение автомобиля ускорилося, но я успела вытащить почти всё из самого необходимого. А вот всё, что оставалось в салоне, включая запасную обувь, навигатор, планшет, наушники, сумочку и прочие мелочи — всё это спасти я уже не успевала. Моя несчастная «Нива», когда-то подаренная дедушкой на совершеннолетие, на половину скрылась в булькающем скользком иле и приближаться к этому месту было просто опасно. Мне повезло, что машина не сразу начала тонуть, а потом, что мне удалось выскочить и ещё спасти самые необходимые вещи.

Через несколько секунд дорогая мне «Нива» полностью утонула в иле. Некоторое время её желтая крыша ещё виднелась под тонким слоем илистой почвы, но вскоре исчезла и она.

Учащенно и испуганно дыша, я неотрывно глядела на то место, где ещё пару-тройку минут назад стоял мой автомобиль! Теперь на его места был лишь волнистый ил, с мелкими бороздами.

В утоплении моей машины я, неожиданно для себя, усмотрела гипотетический и очень важный смысл — как будто единственное то, что могло привезти меня сюда и увезти обратно, оказалось навсегда потеряно.

Но сюда... Это куда???

Я боязливо оглянулась по сторонам. Изо всех сил, оставаясь верной своему зароку, я отчаянно сопротивлялась паническому наваждению. И в то же время я не прекращала перебирать варианты того, где мне «посчастливилось» очутиться.

Осматривая лагуну и возвышающиеся надо мной корабли, я рассеянно убрала за ухом прядь своих медно-рыжих волос и взглянула на ближайший ко мне исполинский корабль.

Теперь я заметила, что несмотря на всю его роскошь и грандиозность, он был стар и изношен. Его корпус покрывались вмятины, царапины и выбоины. А некоторые из парусов были порваны сразу в нескольких местах. То же самое можно было сказать и обо всех остальных кораблях, что находились вокруг меня. Все они, чуть кренясь на бок, покоились здесь, упершись килем в мягкое дно и замерев в вечной неподвижности. Лишь их паруса, такелаж да флаги на мачтах трепетали и волновались от порывов ветра, словно надеясь сорваться и улететь на свободу.

Только сейчас я начала понимать, что нахожусь посреди покинутых и давно заброшенных кораблей. Это было своеобразное пристанище испорченных или безнадежно состарившихся парусных судов. Все они оказались здесь когда-то, по неведомой причине и пребывают по ныне, давно забытые своими прежними командами и капитанами.

«Мир брошенных парусников, — вдруг подумала я с внезапно нахлынувшим печальным сочувствием с усопшим в мирном великолепии старым кораблям, — кладбище кораблей»

Со спины, по телу ударил неожиданно плотный и сильный порыв промозглого ветра. Я чуть поёжилась и подумала, что было бы неплохо убраться с продуваемого всеми ветрами пространства, скрывшись... например на одном из кораблей.

Это казалось разумной мыслью. Но, во-первых, я не представляла, как мне подняться на борт любого из кораблей без трапа, лестницы или хотя бы каких-то тросов. Округлые или прямые борта судов были слишком высокими, чтобы я могла по ним взобраться. Но даже если бы у меня вдруг и обнаружались способности «Человека-паука», лезть на эти неизвестные суда мне совершенно не хотелось.

Может быть я излишне мнительна, но чёрт его знает, что там может обитать в их каютах, кубриках или трюмах... Иди знай, вдруг напорись на какого-нибудь Дейви-Джонса или ещё какую нежить.

Я ещё не до конца могла принять, что попала в иной мир, да и не хотела в это верить, но... если даже не брать во внимание самых настоящих феечек внутри кормовых фонарей ближайшего корабля, то в ночном небе надо мной, в качестве неоспоримого доказательства, сияло сразу... четыре луны!

Четыре грёбанных луны!.. Каждая из них была заметно меньше той, что я обычно могла наблюдать в ночном небе нашего любимого Йобурга, но они распределялись рядышком друг с другом и сияли оттенками от желтовато-белого до светло-фиалкового и кораллового.

Признаться, четыре молодых месяца таких цветов, с мягким свечением вокруг, красиво и гармонично дополняли синевато—чёрный, со сливовым оттенком, ночной небосвод.

«Спокойно, спокойно, спокойно, — твердила я себе, прохаживаясь из стороны в сторону по небольшому песчано-илистому островку. — Даже если я попала в другой мир, а по всему выходит, что так и есть, это не повод сходить с ума»

Это было дико и невообразимо, но всё говорило о том, что я и правда оказалась в другой реальности. Дополнительным доказательством тому, служило отсутствие связи на моём смартфоне. К тому же на нём теперь было невозможно выбрать часовой пояс в настройках — этих поясов в телефоне просто не было! И здесь, где я теперь находилась, деления на привычные временные пояса тоже отсутствовали!..

Это послужило дополнительным фактором паники и смятения, готовые в клочья разодрать моё сознание и уничтожить остатки самообладания, с помощью которых я пытаюсь сохранить адекватное восприятие происходящего.

— Ладно, допустим, я в другом мире, — проговорила я, зажмурившись и прижав кончики пальцев рук к пульсирующим вискам. — Хорошо, пусть будет так... Да, ладно... Я теперь пришелец в каком-то ином, непонятном, незнакомом мне мире... Ладно, блин! Негативные стороны мне понятны. Теперь взглянем на положительные. Первое — здесь, есть цивилизация, которая построила все эти грандиозные корабли. Это неоспоримо и сей факт сам по себе уже большущий плюс. Хорошо.

Рассуждать вслух сейчас было очень полезно. У меня была физическая необходимость именно проговорить все свои мысли, ввиду отсутствия товарища по несчастью, с которым действительно можно было бы обсудить неоднозначную ситуацию.

— Как минимум этот мир пережил средневековье, — чуть подрагивающим голосом, продолжала я. — Это хорошо. Наверное... Все эти корабли сами по себе сюда приплыть никак не могли. Значит... где-то в относительной близости всё — таки должны быть человеческие поселения.

Тут я тоже произвольно насторожилась, потому что вполне стоило предположить, что, если я каким-то непостижимым способом телепортировалась в иной и незнакомый мир, разумные цивилизации здесь запросто могут быть представлены не только людьми... А то и вовсе безлюдней.

— Хм, как бы я не любила эльфов разного вида и оттенка, люди мне точно были бы ближе, роднее и понятнее. Тем более, что в некоторых книгах остроухие ребята частенько исповедуют идеологию близкую по содержанию пропаганде Геббельса.

Но пока я могу лишь надеяться и томиться в неизвестности. Насущной задачей для меня является выбраться на твёрдую и постоянную сушу. То есть там, где уровень воды не зависит от приливов и отливов. А если судить по влажным и поросшим водорослями бортам двух ближайших кораблей и обросших ракушками поверхностям нескольких рифов, вода здесь поднимается минимум на полтора метра, а максимум почти на два. И судя по тому, что водоросли на рифах и корабельных корпусах ещё не успела высохнуть, очень может быть, что мне пора начинать волноваться.

И дело даже не в том, что я могу утонуть. В конце концов поднявшийся уровень воды мог бы помочь мне забраться на один из кораблей. Да вот беда, что море и климат здесь достаточно-таки тёплые. А это значит, что местные морские просторы запросто могут кишеть акулами, всякими кубомедузами, гребнистыми крокодилами и прочей, враждебной человеку, животностью. С учётом того, что я попала в мир, как минимум с иными физико-географическими особенностями, в здешних вода могут водиться чудища и по страшнее...

От неутешительных размышлений меня отвлек внезапный резкий звук за спиной. Я сдавленно вскрикнула — мой крик с неожиданной громкостью разнёсся над местными водами — и отскочила в сторону. Резко обернувшись, сподлетевшим к горлу сердцем, я уставилась на одну из своих сумок.

Сейчас она шевелилась и ёрзала на месте! Точнее внутри неё что-то шевелилось и дёргалось.

— Ну, а это ещё что такое? — плаксиво-истеричным голосом спросила я.

Вооружившись округлым увесистым камнем, я подкралась к своей внезапно «ожившей» сумке с принадлежностями для баристы и, приготовившись к худшему, резко расстегнула молнию.

На песок неожиданно и неуклюже выпрыгнула моя книга для записи рецептов кофе. В ней я записываю свои собственные рецепты различных кофейных напитков или составляю пропорции эспрессо и молока, сливок, ликёра и прочих компонентов.

Я с секунду настороженно глядела на светло лиловую книгу с нарисованными белыми чашечками, чайничками и пирожными. Долю мгновения она спокойно лежала на песке, когда вдруг резко подпрыгнула, взлетела вверх и шмякнулась на песок. Сама-собой она распахнулась, вновь неуклюже подпрыгнула и начала взмахивать половинками твёрдого переплёта точно крыльями.

Быстро моргая, я с глуповатым видом взирала на собственную книгу рецептов. А та, то и дело провисая вниз и с усилием поднимаясь вверх, описала не полный круг и не сильным ударом врезалась мне в грудь.

Я охнула выронила камень, который только чудом не отбил мне пальцы на правой ноге, и рефлекторно прижала свою «кофейную книгу» к груди.

Она немного подёргалась в моих объятиях, и я осторожно её раскрыла. Книжка словно этого и хотела. Плотные страницы с цветным голубоватым срезом, быстро, с шелестом, перелистались и остановились на развороте с рецептом различных латте, где я записала формулы нескольких удачных подвидов с применением ягод, ореховых миксов, специй и различных фруктовых джемов.

Правда сейчас, к моему удивлению названия, которые записала изменились на какие-то

странные наименования напитков.

Несколько секунд, с лёгким потрясением и распирающим грудь волнением, я изучала мои, сами собой изменившиеся записи.

— Зелье номер восемьдесят два, — прочитала я тихо, — «Латте Просвещения и познания».

Я непонимающе нахмурилась и прочитала название следующего кофейного напитка:

— Зелье номер восемьдесят три, «Латте Храбрости и уверенности»... Чего, ёлки-палки?! Кто, блин, всё это переписал?! Откуда эти дурацкие названия?..

Дальше было ещё лучше.

— Зелье номер восемьдесят четыре, «Латте излечения травм коленных суставов»... Это точно я писала?..

Нет, конечно, нет. Эти надписи изменились по какому— то непонятному принципу и непонятно ввиду какого воздействия.

— Ерунда какая-то бесячая, — проворчала я.

Сногсшибательный ответ ожидал меня на титульной странице книги кофейных рецептов. Там заглавными жирными буквами значилось.

✧ ❁ * АЛХИМЕТРИЧЕСКИЙ РЕЦЕПТОРИЙ * ❁ ✧

✧ ❁ * ЗОИ шай ЛЕ-ФАРТАЛЬ * ❁ ✧

Я несколько раз перечитала этот текст, чтобы до меня дошёл смысл написанного.

— Алхиметрический рецепторий? — непонимающе скривившись, недоуменно протянула я. — Моя книга рецептов для кофе теперь — Алхиметрический... Ой, ё-ё...

Мысли стремительным хороводом закружились в голове. Одно шокирующее предположение сменяло другое.

«Ну если Зои... шай Ле-Фарталь... это всё же я, — подумала я с нервным смешком на губах, — выходит меня, новый незнакомый мир, ко всему прочему, записал меня в местные алхимики»

Я перелистала на книгу на разворот с необычным латте. Если я ещё в состоянии что-нибудь понимать, согласно моей внезапно изменившийся книге, латте, который я приготовлю может... Что тут, ага... Добавит «Испившему одну порцию изрядной храбрости и уверенности». Ну, пожалуй, это как раз то, что мне сейчас не помешало бы. Тем более, что рецепт от моего-то мало, чем отличается. Стоит попробовать...

Помимо практичной необходимости, мною двигало ещё и любопытство. Кто из нас, хотя бы в детстве, не мечтал колдовать? Не одна же я росла сначала на известных сказках, а потом на Гарри Поттере?.. И коль уж получается, что мой кофе теперь волшебный — а варить его я умею лучше всего остального — как минимум стоит испытать свои новые возможности.

Меня обуревало быстро возрастающее волнение. Тревожность и неизвестность отплясывали в душе и на сердце. Но я всё же достала небольшую жаровню, похожую на сковородку, одну медную джезву... Я вздрогнула и выронила её из рук, когда узоры на ней внезапно начали лучиться и сиять чуть мерцающим мистическим золотисто-белым и коралловым светом.

Нервно сглотнув и выждав пару секунд, я снова взяла джезву в руки — пальцы у меня немного дрожали — и поставила рядом с жаровней. Следом я вынула пачку кварцевого песка, зёрна робустированной арабики, с «Американской» обжаркой и ручную кофемолку от «Comandante».

— Ну, давайте попробуем, — с нервной веселостью в голосе произнесла я. — Надеюсь, я прямо сейчас не сломаю все стереотипы о попаданках и попаданцах, погибнув в первые же часы пребывания в незнакомом мире и от собственного же колдовства... Мне же, конечно, ещё обязательно нужно успеть навести шороху в это мире, влюбить в себя местных красавчиков и вообще заткнуть всех даже не за пояс, а за резинку левого носочка.

Я умело и быстро перемолола зёрна, проделала все предварительные процедуры, а затем мой рассеянный взгляд упал на электроплиту и всё моё слегка экзальтированное любопытство иссякло с обескураживающим разочарованием.

Я прошептала ругательство.

— Дура, — обозвала я сама себя. — А вилку от электроплиты мне куда включать? Обрадовалась она... Ведьмы кусок недоделанной! Что-то мне подсказывает, что, если в этом мире и есть электричество, то лишь в зачаточном состоянии!

Ладно, значит нужно развести костёр... Так, стоп. А что там сказано в моём... эм... Что там об этом написано в моей книге рецептов, после того, как местные реалии скачали на неё последнее обновление?

К моей неопишуемой радости я очень быстро обнаружила ответ на свой вопрос.

Одна из первых записей в моей книге сама-собой трансформировалась и теперь там было написано:

«Для быстрого воплощения пламени рекомендуется использовать один из простых ритуалов рунной магии. Возьмите любой прут, перо, карандаш или схожий по форме предмет, а затем начертите следующие символы...»

Вооружившись найденным на островке куском мокрой палки, я присела на корточки и вывела круг из нескольких витиеватых символов. Не знаю, что они здесь значат, но мне они напоминали иероглифы индийского санскрита.

Стоило мне только закончить их выводить, как все символы вдруг с шипением заискрились, брызнули фонтаном сверкающих песчинок и «выдохнули» облако буро-алого дыма. Я, на всякий случай, подалась назад.

Через несколько секунд жаровня для нагрева песка начала разогреваться, температура над ней быстро увеличивалась, а от свежеперемолотого кофе потянулись знакомые древесно-сладостные и кисловато-горьковатые ароматные испарения.

Знакомый и родной запах в чужом мире вызвал счастливую улыбку на моих губах. Пар над кофе в джезве начал формироваться в дивные, но не совсем понятные образы. Сам напиток слабо и медленно мерцал бронзово-охристым светом.

Вскоре эспрессо для латте был готов, оставалось лишь добавить его в подогретое молоко, с пропорцией шесть к одному в пользу молока, и мой «Латте Храбрости» готов!

Приготовленный напиток, за неимением сейчас нужной посуды, пришлось уместить в свою же термокружку. Но, прежде, чем мне удалось испить его, я почувствовала резкую, сверлящую зубную боль с левой стороны. Она мучительно глубоко, с оттенком мерзкого холодка, проникала в зубной нерв и давящей болезненной тяжестью отзывалась во всей левой стороне нижнего зубного ряда.

— О-о... — простонала, поморщившись и прижав левую ладонь к щеке. — Это ещё что-то за приступ пульпита?!..

Но боль прошла столь же внезапно, как и появилась. Я с легким опасением поднесла к лицу термокружку, вдохнула пряный и душистый аромат только что приготовленного латте, а затем несмело сделала пару глотков.

Живительный тёплый напиток, с мягким кофейно—молочным привкусом и ощущающейся легкостью пенистой крема, заполнил полость рта и пропитал собой тело. Я закрыла глаза и непроизвольно чуть простонала от удовольствия.

А вместе со вкусом и сладостным теплом кофейного напитка я вдруг ощутила, как панические мысли, готовые атаковать мой разум при каждом случайном шорохе или скрипе вокруг, быстро отступают в глубь сознания. Тревога и нервное состояние никуда не делись, но именно обессиливающие чувства страха, смятения и паники начали растворяться. Их пагубное воздействие не исчезло полностью, но очень заметно ослабло. Учитывая мгновенный эффект от напитка, можно считать, что я успешно сварила свой первый волшебный кофе.

— С почином, Зоя, — поздравила я сама себя, с лёгкой долей самоиронии. — Теперь уж точно никто не назовёт мой кофе обычным или тривиальным. Хм... Нужно будет как-нибудь попробовать другие рецепты!

Но от раздумий на иными вариациями магического кофе, меня отвлёл прозвучавший где-то недалеко шум нескольких голосов.

Я тут же оглянулась и взглядом отыскивала источник разговоров, которые услышала. Сердце чуть стиснула несмелая надежда: может быть я здесь не одна и есть у кого попросить помощи?

Впрочем, следом тут же появилась вторая, более разумная мысль о том, что услышанные мною голоса не обязательно могут принадлежать добропорядочным людям.

Стараясь не шуметь и удерживая в руках исходящую паром термочашку, я осторожно прошла по песчаному островку в направлении доносившихся звуков. Они раздавались со странной тональностью. Долетавшие до меня слова звучали то громче, то тише, как при посредственной работе звукооператора на итоговой записи какого-то шоу или фильма.

Вглядываясь вдаль, сквозь истлевший полупрозрачный невесомый шёлк слабого тумана, я увидела силуэты на борту одного из застывших на мели бригов.

Нечеткие, полуразмытые силуэты активно бегали из стороны в сторону по палубе. Они что-то кричали, но я не могла разобрать. Судя по интонациям кто-то отдавал команды.

— Рифи паруса! Штурман! Лево руля!.. — выкрикивал кто-то властным командным голосом.

Чтобы хоть что-то разглядеть через туманный морок, я аккуратно, прошла до самого края своего островка и осторожно переступила по верхушкам нескольких камней, что лежали на мелководье. Я, как раз поравнялась с высокой шхуной, под бушритоп которой застыла золотая фигура гарпии, с арфой в руке, когда прозвучали следующие команды.

— Лечь в дрей! Спустить якорь! Шлюпки на воду! Нужно проверить, что это за корабль! Шарль! Возьмите рунные мушкеты! Возможно на том судне есть кто— то из фергалов! А я не хочу больше терять людей!

— Да, моншер капитан!

Мне удалось пройти на соседний песчаный островок. К моему удивлению, на его поверхности я заметила многочисленные углубление, напоминавшие след от конского копыта.

«И откуда здесь взять лошади? — мимоходом подумала я»

Моим вниманием вновь завладели неизвестные личности на борту брига с лазурными полосами вдоль крышек орудийных портов.

Слышались их перекрикивания, скрип канатов и шумные всплески. При этом, на

корабле не происходило ничего такого, что способно было производить подобный шум. Это выглядело настораживающе и вообще жуктовато.

Я чуть прищурилась, пытаюсь рассмотреть движущиеся фигуры на корабле. Они выглядели странно — размыто, с ореолом и как будто подсвеченные изнутри.

Неприятный нервный фриссон прокрался по моей коже. Мелкая дрожь пронзила тело и овладела мною на несколько мгновений.

Было в этих расплывчатых человеческих фигурах и их вибрирующих голосах что-то потустороннее. Рядом со мной раздался скрип цепи, я едва не вскрикнула, жар страха обжог кожу лица, растёкся по плечам и спустился по спине.

Ощущая, как внезапно усилившийся ветер прижимает мою кожанку к телу и развеивает мои медные волосы, я увидела, что в колбе одно из кормовых фонарей взволнованно заметались маленькие феечки. Их свет сменился с желтого-оранжевого на красный. При этом многие из них почему-то липли к той внутренней поверхности фонаря, которая ближе ко мне. Я пригляделась к ним, и увидела, что некоторые из фей активно стучат кулачками по внутренней поверхности стеклянной колбы. Как будто пытаются меня о чём-то предупредить.

Я вновь взглянула на бриг с бирюзовыми полосами на бортах и воочию, застыв от потрясения, увидела, как подсвеченные размытые фигуры быстро развеиваются и таят на ветру, точно тёплый пар от горячих напитков на зимней ветреной улице.

«Что это было?! — с неожиданным лихорадочным напряжением подумала я. — Это, что же... м-мираж какой-то или...»

Или мне только что посчастливилось увидеть самых настоящих призраков. Но в это верить мне не хотелось. Да и версия с миражом выглядела, как-то по приятнее и безопаснее. Но я однозначно правильно поступила, что не стала пытаться забираться на борта застывших здесь навеки кораблей. Неизвестно, чтобы со мной было, если бы я оказалась среди этих говорящих иллюзий или кем они там были.

Вообще нужно уже поскорее выбираться из этого места. Я здесь ничем незащищена, мне некуда бежать в случае чего и некого звать на помощь. Нужно спешить. Я направилась в обратную сторону, переступая по верхушкам лежащих в воде крупных камней.

Словно услышав мои мысленные рассуждения, где-то неподалёку пронзительно заржала лошадь. Я замерла, стоя ногами на разных камнях.

Под левой грудью почему-то учащенно затрепетало сердце. Его ускоряющийся ритм звучал прямо внутри моей головы.

Громко шлёпая по воде, ко мне неспешно приблизился высокий стройный конь породистого и ухоженного вида.

Я не двигалась, молча наблюдая за первым живым существом, которого встретила в новом мире.

Высокий ездовой конь — почему — то я была уверена, что передо мной именно конь, а не кобылка — внимательно взирал на меня с гордо поднятой головой. Он чуть стриг ушами и приглушенно всхрапывал, слегка притопывая правой передней ногой.

Я никогда не была в состоянии оценить красоту лошади, да и поклонницей парнокопытных не была от слова совсем. Причиной тому был случай из детства, когда не совсем трезвый брат моей матери усадил меня шестилетнюю в седло взрослой верховой лошади, а затем саданул животное по крупу. Для меня всё закончилось падением и тремя переломами, с дядей Кешей наша семья больше не общалась, а папа ещё долгие годы

выпытывал у матери его адрес. В тот страшный для меня день он был отъезде. И, судя по его намерениям, после всего случившегося, это было к счастью.

Я позволила себе шевельнуться, встала обеими ногами на один камень и вновь взглянула на коня. К моему удивлению, животное не бросилось наутёк, заметив, что я умею двигаться, а напротив приблизилось ещё больше.

Справа от меня светящиеся феи в кормовом фонаре одного из кораблей заколотили кулачками по стеклу с удвоенной силой. Но я почти не обращала на них внимания.

У меня зародилась идея попробовать оседлать этого красавчика, как бы двусмысленно это не звучало. Возможно это не дикая лошадь, и у меня появится вид местного транспорта. Правда ещё нужно будет найти где— то сбрую, седло и стремяна, но это полбеды. Лошадь то достать по любому сложнее. А если не выгорит с седлом или меня вновь не получится ездить верхом, хорошего коня всегда можно выгодно продать. А пребывание в чужом мире с приличной суммой уж точно намного лучше, чем без неё.

«Чем бы тебя приманить?» — подумала я.

Но приманивать животное не потребовалось. Конь явно был заинтересован мною не меньше, чем я им. Поглядывая на меня тёмными глазами, он подошёл ещё ближе.

Теперь я видела, что у него синевато-чёрный, с болотисто-зеленоватыми оттенками окрас и чёрная, как грива ночь. У него были лохматые путо*(бабки) на ногах и копыта, покрытые налётом ила.

Животное приблизилось ко мне на расстоянии вытянутой руки. Лошадь смерила меня изучающим взглядом, а я нервно улыбнулась.

— Привет, — тихо проговорила я. — Откуда ты здесь?

Я несмело протянула руку, чтобы коснуться его. Конь, к моему приятному удивлению, сам наклонил голову и позволил погладить его.

Грива у него оказалась мягкой и приятной на ощупь, с кусочками запутавшихся в прядях водорослей. Я восторженно улыбалась, как несмышлёная первоклассница, и несколько мгновений гладила темного коня по гриве. Последний раз я касалась лошади больше четырнадцати лет назад.

— Ты, похоже, совсем ручной, да? — умиленно проговорила я.

Страх почти совсем отступил. Оставался только какой-то глубоко затаившийся опасливый скептицизм, как будто я чего-то не замечаю или не обращаю внимание на что-то очень важное, но я была слишком восхищена первым «контактом» с ино... хм... Иномирным существом?

Фонарь на корме стоящего близ меня галеона вновь закачался на скрипящей цепи. Феи внутри его полыхали огненно-красным светом.

— Да что с ними такое?.. — подумала я.

Нужно будет ещё разобраться, что это за создания и за счёт чего они так ярко светятся: магия это или местная биолюминесценция?

Моя ладонь на гриве коня наткнулась на что-то влажное и липкое. Я вздрогнула, попытался отдёрнуть руку, но обернувшись, увидела, что мою ладонь облепила странного вида тягучая и страшно липкая субстанция зеленовато-желтоватого вида.

— Что это?.. — я попыталась разорвать эту липкую дрянь, но она оказалась чертовски крепкой.

Ощущение опасности слишком поздно вспыхнуло в моём сознании. Конь передо мной резко изменился: его шерсть облезла, он исхудал, и под кожей проступили рёбра. Между

рёбрами я увидела что-то похожее на густое переплетения вен, которые светились под плотью бело-зелёным inferнальным светом.

Тёмные глаза коня тоже озарились таким же подрагивающим сиянием, а в открывшей внезапно пасти сверкнули кошмарного размера зубы с клыками, пенистой слюной.

Я закричала — громко и отчаянно. Конь, как будто оскалился в злорадной устрашающей ухмылке, резво дёрнул головой, и я, увлекаемая липким смолистым веществом, полетела в воду, прямо под ноги демоническому созданию.

Я плашмя упала в воду, холод морских вод окутал тело, пропитал одежду и намочил волосы. Через мгновение, монструозный конь вновь, за руку, вытянул меня наверх.

Жадно хватая ртом воздух, я инстинктивно пыталась вдохнуть как можно больше кислорода. Страх и паника вернулись с новой силой. Заглушивший их магический латте, теперь справлялся намного хуже. Он действовал, просто мне было настолько страшно, что, наверное, даже внутривенный укол мощного седативного препарата не смог бы меня сейчас успокоить.

Из раздувающихся ноздрей и ушей коня повалил густой желто-зелёный дым. Демонический жеребец вновь встряхнул головой, дальше и больше утягивая меня в воду. Меня охватил ужас, от осознания вероятности собственной страшной гибели и обуяла злость из-за коварности неизвестного монстра, который, пардон, «развёл» меня, как идиотку.

— Вот же... тьфу!... — я выплюнула попавшую в рот морскую воду и, с сощуренными глазами, которые дико щипало, выкрикнула. — Скотина ты подлая!.. Ну-ка зацени!.. С этим словами я выплеснула горячий латте прямо в морду скалящегося и хохочущего демонического коня. Попавший на коня кофе, зашипел, точно соляная кислота, вверх от плоти кошмарного скакуна потянулись едкие струйки дыма. Как будто приготовленный мною напиток буквально расплавлял шкуру неизвестного животного!

Конь издал звук, похожий не то на крик страуса, не то на воронье карканье. Он отскочил прочь, яростно замотал головой. Удерживающее меня адгезивное вещество, наконец, лопнуло, а я упала обратно в море.

Пока чудовище, прикидывающееся обычным конём, трясло башкой из стороны в сторону и в безумии металось по мелководу, взрывая веера брызг, я поспешила прочь, к месту, где остались мои вещи.

Сраженная обескураживающим стрессом, в испуганном смятении я торопилась убраться подальше от неизвестного чудища, которое чуть было не утянуло меня на глубину. К тому же я подумала, что раз мой волшебный кофе способен отпугивать подобную местную нечисть, стоит поспешить приготовить ещё.

Только сначала нужно было срочно промыть глаза — они жутко слезились из-за размытой морем туши, их немилосердно щипало и мне было крайне трудно вообще что-то рассмотреть.

Воровато и испуганно оглядываясь, я бросала взгляды по сторонам. Неизвестного чудища в облике лошади нигде не было видно, зато я отлично его слышала: он продолжал орать дурным голосом и с громким плеском скакать по воде. Благо, звуки его криков и всплесков постепенно удалялись.

Но, промыв глаза, найденными в спешке ватными дисками, я поспешила сварить ещё одну порцию того же самого рецепта алхимического кофе, номер восемьдесят три.

Я не закончила перемалывать зёрна, как совсем рядом со мной, откуда-то сверху прозвучали сперва хлопки, похожие на ленивые аплодисменты, а затем чей-то ироничный,

но одобряющий голос произнёс:

— Недурственно! Весьма недурственно, для столь юной алхимии. Не каждый взрослый чародей так сходу сможет справиться с морским келпи. Правда...

Раздался ехидный смешок.

— Мало, кто даже из необразованных жаков*(автору показалось интересным называть местных крестьян в честь знаменитого восстания французских крестьян, получившего название «Жакерия») позволил себе столь беспечно гладить по холке вышедшего из моря коня. Даже не умеющие ходить мальцы знают, что встреченный у любого водоема конь, без седла и хозяина, может быть только злобным келпи!..

Следом раздалось довольно противное хихиканье. Я не останавливалась и продолжала варить свой латте, встревоженно оглядываясь по сторонам. Впопыхах я пролила молоко и просыпала часть молотых зёрен на песок, но главное, что вскоре новая порция алхимического латте была готова.

Как только моя термочашка вновь была наполнена кофе, я почувствовала гораздо увереннее, тем более, что воздействие первого напитка ещё продолжалось.

— Кто ты?! Кто ты такой?! — как можно более грозным и холодным голосом, агрессивно спросила я.

Несколько мгновений вокруг лишь ветер да звук хлопочущих на мачтах парусов нарушали тишину. Даже морской прибой затих, а крик демонического коня и вовсе почти стихли.

— Повторяю! — угрожающе проговорила я. — Кто ты?! Если заговорил, так имей смелость показаться!

— Как пожелаешь, — произнёс справа от меня знакомый до ужаса голос.

Взглянув в направлении нового гостя, я чуть не выронила свою термочашку. В нескольких метрах от меня стояла средних лет женщина, с жидким темным каре, облаченная в темный деловой костюм, украшенный неизменной массивной золотой брошью в виде саламандры.

— Полина Викторовна?! — ошарашенно выпалила я, узнав свою преподашу по экологическому праву. — Вы... Стойте, Нет, нет!..

Я категорично замотала головой.

— Вас не должно здесь быть! Хотя бы у этого мира должна быть надежда!..

Коварно усмехаясь, самая страшная преподавательница моего университета шагнула в мою сторону.

Но я была к этому готова. Больше ни одна местная тварь просто так ко мне не приблизится! А я была уверена, что передо мной, кто угодно, но точно не наша Полина Викторовна!

— Не подходи! — предупредила я решительно и свирепо. — Обличье ошпарю!

Но неизвестное создание, прикидывающееся моей преподавательницей, вновь попробовало сократить между нами дистанцию. Помня о том адском келпи, который едва не утопил меня, сейчас я сама предпочитала сначала напасть, обезоружить, обескуражить, а потом уже вступать в диалог. Так оно надёжнее.

Для острастки я лишь брызнула магическим латте на двойника Полины Викторовны. Но капли брызг упали на песок рядом с ногами преподавательницы. Существо, которое притворялось профессором экологического права, с поразительной, для шестидесяти двух летней женщины, прытью отскочило прочь.

— Ты что творишь, охальница безмозглая?! — развело руками неизвестное, но разумное существо. — Я же фергал! Как тот келпи, который чуть не выпил из тебя душу! Для нас опасны почти любые алхимические эликсиры и зелья, приготовленные человеческими волшебниками!

— Я тебя предупредила! — процедила я агрессивно. — Ещё раз полезешь — всю чашку на тебя вылью! Тем более, что я всегда мечтала сотворить что-то подобное с этой стервозной выдрой!

Существо, которое прикидывалось моей преподшей застыло в изумлении.

— Хм, — прочистив горло, деловито произнес двойник Полины Викторовны, — обычно люди по-другому себя ведут с теми, кого действительно боятся.

— Я её не боюсь, — чуть кривя душой, смело заявила я. — Скорее она бесит! Так что ты выбрал явно не ту личность, в которую стоило бы превращаться дабы напугать меня.

— Выбор был между этой неприятной женщиной и разбитой чашечкой на полу, — лицо Полины Викторовны начало искажаться и быстро преображаться.

— Вот, при других обстоятельствах, разбитая чашка приготовленного мною напитка напугала бы меня гораздо сильнее, — с некоторой брезгливостью наблюдая за антропологическими изменениями стоящей передо мной преподавательницы, ответила я.

Эффект магического латте, которого я напилась, оставался невероятно действенным: вместо того, чтобы испуганно шарахаться от неведомого существа, умеющего воспроизводить любые образы, я стояла перед ним с воинственной самоотверженностью и всерьёз готова была в любой момент выплеснуть горячий латте в лицо обидчику.

Вместо Маршак Полины Викторовны, через некоторое время, передо мной оказался низкорослый и худощавый, но крайне импозантный незнакомец.

У него были длинные и худые, как у кузнечика ноги, обтянутые синими брюками, алые сапоги со шпорами и короткий расстёгнутый белый сюртук поверх синей сорочки. На шею у незнакомца красовался сине-оранжевый шарф, слишком длинный и объёмный для него, а в руках он держал широкий тёмно-синий зонт. А вот под зонтом, вместо головы и лица, сразу над шарфом вокруг шеи полыхало что-то вроде чернильно-чёрного огня, в котором виднелись огромные клиновидные глаза белого цвета и такая же нахальная, самодовольная белозубая ухмылочка.

— Здравá, алхимия, — по свойски произнесло неизвестное существо. — Должен признать, для не состоявшейся жертвы морского келпи держишься ты очень хорошо.

— Кто... ты... такой? — медленно, с нажимом, требовательно спросила я.

— О, — большие белые глаза в черном огне выразили удивление. — А ты ещё не поняла?.. Я тот, кто наводит ужас на людей! Я тот, кого ночные путники, спешащие домой, больше всего опасаются встретить!..

Тон его голоса постепенно крепчал и приобретал мрачную торжественность.

— Я тот, кем пугают детей и...

— Там, где я родилась, детей теперь пугают отключением интернета, — сухо перебила я его. — А на ночных улицах стоит бояться конченных пранкеров — это страшные люди, готовые на всё ради хайпа и лайков.

Судя по роже, которую скорчил фергал со слишком большим для него зонтиком, мои слова повергли его в шок.

— То есть там, откуда ты родом никогда не слышали... о боггартах? — медленно, словно опасаясь услышать ответ.

— Слышали, — хмыкнула я. — Но там откуда я родом, самое страшное, что делали боггарты — это превращались в профессора-мизантропа, преподавшего зельеварение, да и то лишь в ки... в театрах. На театральных представлениях.

Скорее всего местные «аборигены» никогда не слышали об телевизорах, интернете, электричестве и прочих примерах современных благ. А вот театры, учитывая их ещё античное происхождение, здесь уже вполне могли быть, то есть это доступно пониманию местных жителей.

— О чём, Девятая ведьма тебя побери, ты говоришь?! — едва ли не вскричал испуганный и шокированный боггарт. — Какой ещё профессор? Это... кто это вообще?! Чем он так страшен?!

Я усмехнулась в ответ.

— Уже не важно. Как тебя зовут?.. боггарт?..

— У меня слишком много имён, милая алхимилия.

— Почему ты зовёшь меня алхимилией?

— Потому что так называют всех девушек-волшебниц, кто владеет алхимилиалом, — пожал плечами боггарт. — Я видел, как ты готовила свои странные эликсиры, значит ты точно пользуешься магией алхимилиала и однозначно относишься к алхимилиям. Правда, зелья у тебя чудные. Я таких прежде не видел, хотя живу в этом мире побольше многих.

Этот забавный фергал говорил со мной так, словно объяснял мне прописные истины по поводу алхимилиала и алхимилий. Хм, если я найду с ним общий язык, пожалуй, он мог бы стать для меня неплохим гидом по этому новому миру.

Я сделала небольшой шаг вперёд.

— Меня зовут Зоя...

Я чуть помешкала, а боггарт скривил непонимающую рожицу.

— Зоя шай Ле-Фарталь.

Лишь когда я назвала полное имя, фергал удовлетворённо кивнул. Надо будет взять на заметку, что представляться стоит только полным именем, если хочу, чтобы меня воспринимали правильно: чародеи здесь явно сродни дворянам, у которых в официальном представлении наверняка фигурирует исключительно полное имя, с перечислением всех титулов, фамилий, имён и достижений.

— Моё имя, которое я получил при рождении слишком сложное, длинное и странно звучит на человеческом языке. Поэтому ты можешь называть меня Люк.

— Коротко и со вкусом, — оценила я имя боггарта.

То ли я быстрее, чем полагала, была способна адаптироваться в неизвестных мирах, то ли это на меня всё ещё так действует латте. Но я чувствовала себя гораздо спокойнее и увереннее, чем должна была. С другой стороны... ну а что мне делать? Носится по кругу, хвататься за нательный крестик и пытаться откапать свою похороненную заживо «Ниву»? Даже если последнее и получится, я сильно сомневаюсь, что смогу приехать назад, в свой мир, так же легко, как приехала в этот...

— Люк, — вздохнула я, — а как долго ты здесь обитаешь? Ты должно быть хорошо знаешь эти места?

Сверхъестественное создание слегка глумливо и загадочно улыбнулось, глаза его расширились, а улыбка засияла на половину дымчато-пламенного чёрного лица, спрятанного под тенью зонтика.

— Я понял, куда ты клонишь, хитрая алхимилия Зоя шай Ле-Фарталь! Но нет, я не

намерен тебе помогать выбраться отсюда!

— И почему же? — тихо и спокойно спросила я.

— Потому что, — чуть погрузнев, опустил голову боггарт, — прошло уже более двух сотен лет, как я вынужден обитать среди медленно гниющих кораблей, надеясь хоть на какое-то зрелище. А учитывая, как глупо ты попала в примитивную ловушку келпи и при этом сумела остаться в живых, прогнав не самого слабого морского фергала, понаблюдать за тобой должно быть весело.

— Весело? — переспросила я, сдерживая гнев. — Тебя не смущает, что твоё веселье может стоить мне жизни?

— Нисколько, — ощерился в ещё более широкой улыбке, самодовольный боггарт. — Не ты первая, не ты последняя, алхимилия Зоя.

«Циничный недомерок» — нелестно подумала я Люке.

— А почему ты сам не можешь отсюда уйти? — спросила я.

Боггарт передо мной замер с открытым ртом. Он поднял указательный палец, вдохнул, как будто собрался что-то рассказать, но затем лишь с унылым видом отмахнулся.

— А-а, это не имеет ровным счётом никакого значения.

— Ну, почему, — не отставала я. — Я могла бы помочь тебе, а ты мне.

— Ха! С чего ты вообще взяла, что мне нужна твоя помощь?

В ответ я издевательски его перекиривляла, добавив в голос пародийное старческое брюзжание:

— Прошло уже более двух сотен лет, как я вынужден обитать среди медленно гниющих кораблей, надеясь хоть на какое-то зрелище.

Я усмехнулась заявила:

— Как минимум ты тут мучаешься от тоски и скуки, но самостоятельно уйти не можешь. Значит тебе нужна помощь, сколько бы это не отрицал.

— Эй, так не честно! — указал на меня пальцем Люк. — По больному бьёшь!

— Тем более у тебя есть мотив, чтобы попросить моей помощи, а взамен ты поможешь мне.

— Ха. А если я тебя обману?

— У меня хорошая память и большие связи, — нагло и уверенно соврала я. — Не сомневаюсь, что найдутся чародеи, готовые заплатить за ингредиенты из тела боггарта. Куда же ты будешь прятаться, когда на тебя объявят охоту?

Люк хмыкнул, испытующе взглянул на меня.

— Ты не выглядишь, как алхимилия с большими связями. Хотя... Келпи то ты прогнала, а на это способны не многие... Ладно, но предупреждаю, что корабль, к которому я привязан, находится далеко отсюда. Фактически тебе придётся идти не в сторону берега, а немного в сторону открытого океана. Именно там, между двумя большими острыми рифами и застряла каракка, на которой когда-то плыл мимо Крысиного герцогства капитан, что хранил в столе мою свечу.

— Свечу? — переспросила я.

— Ну, да, — пожал плечами Люк, словно говорил о вещах, которые я должна была понимать. — У каждого фергала, для путешествия между людской и потусторонней реальностью должен быть маяк. У келпи — это заросли морских или речных подводных растений. У домашних брауни — это камин или печная труба. Каждому фергалу, чтобы перемещаться между миром духов и людей, нужен маяк.

Люк чуть пожал плечами.

— У боггартов — это свечи, масляные или смоляные лампы.

— Свеча, так свеча, — беспечно заявила я. — Говори куда идти. Мне уже надоело тут торчать.

— Идти? — посмеялся Люк. — Дорогая алхимия, тебе придётся пробираться, перепрыгивать и даже красться, чтобы в целости добраться до моего корабля. А Келпи, с которым ты имела «счастье» познакомиться, далеко не самое страшное и опасное, что может обитать в водах или покинутых кораблях Порты Снов.

И вот тут положительное воздействие моего магического латте серьёзно ослабло.

Чашечка четвёртая

«Пей чересчур много кофе, носи слишком тёмную помаду и никогда не соглашайся на жизнь, которая тебе не нужна»

— Моника Беллуччи

Полагаю, в мире не так много пейзажей, которые могут быть, как красивыми и захватывающими, так и безнадёжно удручающими. Я стала свидетельницей именно такого уникального случая.

Стоя на краю кормы того самого корабля, с вооруженными трезубцами крысами на гербе, я с разочарованием и досадой осматривала просторы огромной лагуны и бухты, которую Люк называл «Портом снов».

Тёмные морские воды омывали тысячи рифов разной формы и высоты. На некоторых из них, особенно крупных, можно было даже разглядеть гнёзда чаек и самих белокрылых морских птиц.

Всё остальное пространство занимали россыпи мелких песчаных островков и корабли. Я сильно ошиблась, решив, что здесь, упершись килем в дно, вечно дремлю сотни две кораблей. Не-ет...

Стоя на высокой корме гигантского галеона, с растущей тревогой на сердце, я видела перед собой тысячи кораблей. Они устилали собою площадь лагуны в разные стороны и на многие морские мили. На восток и запад, на юг и север, всюду, куда не глянь среди тихих вод широченной бухты в безмолвной печали покоились, некогда грандиозные, а ныне ветшающие в забвении торговые и военные парусники.

Треть из них медленно разваливались от гниения дерева, остальные ещё выглядели вполне прилично, но у большинства были заметные повреждения вроде треснувших мачт, разорванных парусов, обломанных бушпритов или разорванных снастей такелажа*(общее название всех снастей на судне).

В водах, между корпусов кораблей покачивались на волнах всякие бочки, мешки, обломанные доски, фрагменты мачт, крышки орудийных портов и всякое тряпье.

Но самое главное во всей этой великолепной и печальной диспозиции усопших кораблей, что я совершенно не понимала, как здесь ориентироваться и куда двигаться.

Я могла только точно сказать в какой стороны находится открытое море, благо, уходящие в даль и укрытые бесцветным туманом морские просторы можно было разглядеть даже сквозь бесконечный лес рангоута. Ну, я хоты бы знаю, в какую сторону идти точно не нужно!

— Ну, что? — Люк, с непонятым самодовольством на дымчато-чёрном облиии, плавно опустился на планширь кормы. — Не передумала?

— Не передумала, — проворчала я.

— Ха! — ехидно хихикнул боггарт. — Небось подумала, что если будет слишком накладно доставать мою шкатулку, можно будет и послать меня к Девятой ведьме, а потом всё-таки попытаться добраться до берега самой. Я ведь прав, алхимия? А?

— Нет, но чем чаще ты будешь меня раздражать, чем больше я буду об этом задумываться.

— Да задумывайся сколько влезет, — беспечно махнул свободной рукой Люк, а второй чуть покрутил своё тёмно-синий зонтик. — Только имей ввиду, что самую безопасную

дорогу к берегу знаю только я, два старых тритона отшельника и хобы-мародёры. Мои условия ты знаешь. Старики Гаспар и Гаскон не слишком дружат, как с головой, так и друг с другом, а мародёры из племени Морского Паука с тобой вообще ни о чём договариваться не станут. Мало того, что они промышляют работорговлей, так ещё и обожают людских девушек, в самом похабном смысле этого слова.

— И больше в этом «Порту снов» никого не бывает? — опасливо нахмурилась я.

Со стороны тумана, густо укрывающего море на ночном горизонте веяло накатывающими толчками мягкого и упругого ветра, с привкусом водорослей, соли и холода.

— Да нет. Почему же? — пожал плечами Люк. — Бывают, конечно, но...

Тут он вновь сверкнул своей жутковатой широкой и ехидной белозубой улыбкой.

— Тритоны и хобы, самые безопасные, из всех, кого я тебе назвал.

«Ещё бы знать, как этих хобы выглядят, — подумала я, — название, вроде знакомое, но чёрт их знает, что это за твари, не гнушающиеся ни торговлей рабами, ни издевательствами над человеческими девушками... Мало ли я на них потом наткнусь, а Люка рядом не будет, чтобы мне он их узнал»

— Ладно, — решила я. — Сейчас приготовлю кофе и отправимся в путь.

— Чего приготовишь? — не понял боггарт.

Я удивленно уставилась на него и вскинула брови.

— Ты никогда не пробовал кофе?

Фергал, округлив белые глаза без зрачков, со смешной инфантильной непосредственностью покачал головой.

— Ты многое потерял, — безжалостно поддела я его.

— Возможно, но любое магическое зелье...

— Помню, помню, — вздохнула я. — Для тебя опасны зелья и эликсиры, приготовленные человеческими волшебниками.

— А как много времени тебе нужно, чтобы приготовить это твоё...

— Твой, — машинально поправила я боггарта. — Кофе — это, он.

— Твой... кофе, — кивнул Люк. — Как долго его готовить?

Я пожала плечами.

— Нужно заготовить побольше. Я не знаю, с чем мне ещё придётся столкнуться. Ты сам сказал, что эта парнокопытная тварь, келпи, не самое опасное, что может возжелать отужинать мною, в этих водах.

— Ты не против, если я посмотрю? — с неподдельным интересом в глазах, спросил боггарт.

Я взглянула в его огромные белые глаза на тенисто—чёрном облаке под зонтиком. На его мордочке было столько неподдельной надежды, что у меня нашлось сил ему отказать.

— Ладно, смотри, — разрешила я. — Но, если что-то пойдёт не так, я не уверена, что успею тебя предупредить.

Я спустилась с корабля по канату, который показал мне Люк, и по верхушкам плоских камней, торчавших из воды, вернулась к островку, на котором изначально оказалась.

Сверившись со своим алхимическим рецепториумом, я выбрала те зелья, для которых у меня были все необходимые ингредиенты. А надо отметить, что подавляющее большинство алхимического кофе, требовало различные экзотические добавки вроде секрети из желудка бруколака или ягод с какого-то паучьего кустарника.

Но мне очень сильно, даже сказочно повезло, что для «Капучино парной сублимации»

готовился относительно просто и для него не требовалось никаких местных изысков. А это оказалась очень полезная штука. Я заварила его последним, после ряда других напитков и была сражена потрясающим магическим действием.

Повторив в точности весь рецепт и последующий ритуал, с начертанием рун на песке, я восторженно выдохнула, когда из маленькой термocupки, одной из предназначавшихся для гостей, вырвался вихрящийся голубоватый-серебристый пар.

Он закружился надо мной и жаровней для нагревания песка. Сидевший неподалёку Люк с нескрываемым восторгом присвистнул. Я и сама не удержалась от бурного восклицания, когда дым от магического капучино начал вбираться в себя мои, вещи, на которые я указала специальными рунами на песке.

В течении нескольких секунд подавляющая часть моих пожитков была обращена в ароматное облачко пара, и я замороженно наблюдала, как газообразные силуэты моих вещей, быстро уменьшаясь, в дымной воронке спускаются в термocupку.

— Вот это я понимаю, «рояль» в кустах!*(в саркастическом смысле, слишком удобный для персонажа, сюжетный и часто примитивный поворот) — не удержалась я от высказывания и закрутила пластиковую крышку на термocupке.

Таких небольших термocupек, объемом с обычную чашку, у меня с собой было десятка два. Большинство гостей на различных кейтерингах или кофе-брейках могут обойтись стандартными ёмкостями, но хватает и тех, кому удобнее испить ароматный маккиато из чашки, сохраняющей тепло и без риска облить себя или кого-то из своего окружения.

Пока я колдовала со своими напитками Люк, с интервалом в две минуты, сыпал однообразными вопросами вроде: «А что это ты туда только что сыпанула?», «А почему оно так странно булькает, как будто тритон, воздух под водой испортил?» или «И что, люди правда вот это пьют?.. Я не удивлён, что большинство из вас живёт, лишь чуть больше домашних питомцев».

Вскоре десяток ароматных и горячих кофейных зелий было готово. Все эти пузатые и разноцветные чашечки я упаковала в сумку цвета хаки, которая специально была предназначена для ношения посуды на пикник или на аналогичные мероприятия. В ней были специальные отделения и ремешки, плюс прослойка и ткани, чтобы ничего никуда не проливалось.

Я перекинула сумку через ремень, охнула от заметной тяжести и со вздохом поправила широкий ремень.

— Ты выглядишь так, словно готова навернуться при первом неосторожном шаге, — глядя на меня, скептически заметил Люк.

— Если ты перестанешь сыпать неуместными замечаниями мне под руку, я обещаю, что навернусь не сразу, — проворчала я, морщась от впивающегося в плечо жесткого ремня.

Как жаль, что у «Капучино паровой сублимации» есть ограничения по вместительности!

После всех приготовлений, под колкие комментарии моего нового и временного приятеля, я неуклюже забралась на корабль. При этом я вспотела, запыхалась и выдохлась так, что уже во второй раз пришлось сначала хорошенько отдышаться прежде, чем двигаться дальше.

Перчаток у меня с собой не было, а по канатам, в своей прежней жизни я в последний раз поднималась на уроках физкультуры. Вот никогда не думала, что это дурацкое упражнение, на которое в нашем классе все обычно безнаказанно забивали, так сильно

пригодиться мне в жизни.

Кожу на ладонях ощутило припекало, после соприкосновений с жесткой, ребристой поверхностью, заскорузлого и просоленного пенькового каната.

— Знаешь, если бы ты, не дай Великий Чтец, оказалась бы на флоте, с таким нормативом по подъему на канате ты бы до сих пор ходила в юнгах.

— Возможно, именно поэтому девочки флоте почти и не служат, — всё ещё тяжело и часто дыша, ответила я.

Сколько там метров в высоту этот галеон? Четыре? Пять?... Восемь?.. О-ох...

— Вообще-то служат, — огорошил меня Люк. — Только во флоте Крысиного герцогства до трети женщин-офицеров, бортовых чародеев и матросов состоит.

Я удивленно уставилась на боггарта, ожидая увидеть издевательскую ухмылочку на его угольно-чёрной дымчатой мордашке.

Но Люк, по— видимому, был вполне серьёзен.

— Откуда ты родом, что никогда об этом не знала? — нахмурился вдруг мой приятель и гид, по совместительству.

Так, похоже, он начинает что-то подозревать и это не хорошо. Я не могу предсказать его реакцию, если он начнёт догадываться о том, что я здесь совершенно чужая. Впрочем, учитывая мой внешний вид и одежду, было бы глупо утверждать, что я родом из здешних земель или даже из соседних. Но не говорить же ему правда, что я из другого мира неожиданно вынырнула и, честно говоря, очень хотела бы прямо сейчас нырнуть обратно!

Но Люк продолжил ещё до того, как я успела придумать более-менее правдоподобную версию своего появления здесь, как и выдумать гипотетическую страну происхождения.

— Ты ведь родом не из Крысиного герцогства и даже не из других герцогства Квинквилья? — вдруг спросил Люк. — У тебя странный акцент и говор, ты одета совершенно по другой моде и твоя одежда, особенно эти штаны, из тканей, которые на Пяти Архипелагах никто не производит, насколько мне известно. А обувь, так вообще дико несуразная!

Вот так мой приятель без зазрения совести и чувства такта оценил мои кроссовки и джинсы.

Боггарт оказался совсем рядом со мной и внимательно изучил взглядом мои джинсы Slim. Я почувствовала крайне неловко, когда его глаза оказались так близко от моих колен и бёдер.

— Зато там, откуда я родом не принято так пристально и близко рассматривать людей, нарушая их личное пространство, — я отогнала боггарта жестом, каким обычно отмахиваются от пыли перед лицом.

— Ты не являешься жительницей ни одного из наших Пяти Герцогств, — заявил боггарт. — Ведь так?

— Да, — я не видела смысла отрицать очевидное, потому что обязательно спалюсь по-глупому почти на любой теме. — Ты угадал, мой проницательный белоглазый друг. Я не из... здешних земель.

— А откуда? — не отставал боггарт.

— Издалека, — устало выдохнула я.

Мне бы сначала карту этого мира увидеть, чтобы врать по увереннее. Ладно Люк, с ним мы скоро расстанемся, но я же буду вынуждена контактировать с другими местными жителями. А ещё не дай бог местные представители власть докопаются? Хм, кстати, а ведь на этих кораблях должны быть карты.

— Поговорим об этом позже, — пряча свою нервозность за трусливой и фальшиво-шутливой улыбкой, ответила я. — Давай сперва я выберусь отсюда, а потом... расскажу тебе про себя.

— Обещаешь? — с подозрением вдруг спросил боггарт.

Я замешкалась. Давать обещания магическому созданию мне не хотелось, но деваться было не куда. От прихоти этого глазастого безликого карлика с зонтиком зависит выберусь я отсюда или нет.

— Обещаю, — устало вздохнула я.

— Вообще, ты похожа на имперку, — вдруг прищурился Люк. — Рыжие и довольно кудрявые волосы, веснушки на лице и фиалковые глаза. Ты слишком аскетичная и довольно художавая. Такие у нас, в лучшем случае, встречаются в северных регионах, в барсовом герцогстве.

«Фиалковые глаза? — несколько взволнованно подумала я. — всю мою жизнь у меня были обычные, голубые глаза, которые меня вполне устраивали. Надо бы достать своё зеркальце и рассмотреть себя, жаль до сих пор на это не было времени. Я даже не знаю, насколько у меня приличный вид и какой цвет глаз!».

Слова Люка заставили меня по-настоящему встревожиться: мало того, что я не походила на местных, так моя внешность напоминала облик жителей какой-то империи. Стоило бы спросить, как у них тут относятся к имперцам, чтобы знать, чего вообще можно ожидать. Но так дам понять, что ни черта об этом не знаю, а в таком случае я не могу быть родом и из этой империи.

Но Люк явно слишком долго был один, потому что его так и тянуло поболтать. И в этом мне с ним крайне сильно повезло.

— Вообще, зря ты припёрлась на наши архипелаги, — заметил Люк. — после двух кровопролитных войн с империей Скардхайд, даже ваших торговцев частенько бьют и грабят в городах, причём стража даже не обращает на это внимание. Но-о...

Он помедлил, словно раздумывал стоит ли говорить дальше, но всё-таки закончил мысль.

— Ваши солдаты натворили много горя на этих землях, Зоя. Империя, когда-то владела этими архипелагами и многое сделала для развития этих земель, однако непокорность и сепаратизм в императорском дворце не прощают.

Люк вздохнул с неожиданной грустью.

— Имперцев можно понять, учитывая жестокие погромы, которые устроили жители архипелагов, не щадя ни стариков, ни детей и подвергая граждан империи изошренных казням, но когда пришли солдаты Скардхайда... здесь многие умылись кровью, Зоя. Ты слишком юна, чтобы помнить эти времена, но это случилось каких-то четверть века назад.

Мой названный гид пожал плечами.

— Здесь больше половины населения отлично помнят или обе, или последнюю войну со Скардхайдом. Тем более, все герцогства до сих пор выплачивают империи репарации.

— Репарации? — переспросила я.

Значит, империя Скардхайд всё-таки победила или принудила архипелаги к не очень выгодному миру.

— Конечно, — хмыкнул Люк. — Независимость архипелаги отстаивали, а вот право на выход в Океан Хищных Штормов и в Китовый океан, без специального разрешения из морского ведомства Скардхайда любому судну Квинквилля — строго воспрещён.

«Ну, замечательно, — ворчливо подумала я про себя, — то есть в этих землях, каждый встречный запросто может иметь мотив проломить мне череп без лишних разговоров. Сказка, а не жизнь, чёрт возьми!».

Ничто так долго не живёт в человеческом сердце, как межнациональная, межрасовая или, что ещё уже, идеологическая ненависть. А вот нельзя было, чтобы я оказалась хотя бы в этой самой империи? Возможно, мне было бы хоть чуть-чуть полегче.

— Печально, — оценила я сказанное Люком.

Это слово с одинаковой значимостью относилось сразу и к озвученным боггартом событиям и к моей незавидной участи. Я прямо, как какой-нибудь лётчик ВВС США которого сбили прямо над территорией Японии, времён Второй мировой. Кругом враги и спрятаться среди них, ввиду ярко-выраженных особенностей внешности, никак не выйдет. Это чертовски печально.

Ладно, будем действовать, исходя из ситуации.

Я встала у левого борта, на шкафуте галеона и посмотрела вверх. Путь на другой корабль лежал на высоте нескольких десятков метров. Высоты не я боялась, но и не была любительницей острых ощущений. Тем более я никогда в своей жизни на лазала по вантам или марсам*(деревянная площадка для наблюдений, на мачтах парусных кораблей).

— Люк, а почему нельзя просто по рифам и камням перемещаться? — спросила я.

Боггарт был краток.

— Тебе невероятно повезло, что ты очутилась в относительно спокойной области Порта Снов, — ответил Люк. — Здесь кругом целые стаи морских келпи, клешне стопы, хищные змеи и наклави — это келпи, чья сущность слилась с покойником-магом, и это одни из самых жестоких морских фергалов.

Последнее название боггарт произнёс шепотом. Меня пробрала бойкая внутренняя дрожь от понимания того, КАКИМ должно быть существо, название которого пугливым шепотом произносит боггарт, использующий облика страха людей для своих шалостей.

— Ясно-понятно, — пропела я и со вздохом посмотрела на ванты.

Чуть поскрипывая, сплетенные из толстых канатов, переплетающиеся многочисленными узлами, эти веревочные лестницы*(героиня просто подобрала одну из ближайших визуальных ассоциаций) слегка покачивались от порывов ветра.

Перед тем, как подойти к вантам, я, не без страха, попыталась исследовать каюту капитана. Но Люк тут же предупредил меня:

— И не думай! Там охранные заклятия, плюс живые и очень агрессивные деревянные гаргульи — сунешься без ключа от капитанской каюты, и они тебя в ключья порвут.

Я шепотом выругалась.

— А где может быть этот капитанский ключ?

— Ха! У капитана, — злорадно ухмыльнулся Люк.

— Ты знаешь, где может быть его тело?

— Понятия не имею, но точно не на этом корабле.

— Почему это?

— Когда капитаны умирают на своих кораблях, в девяти из десяти случаев их дух вселяется в судно. Такие корабли обладают рядом ярко выраженных характеристик. Умными или живыми их назвать трудно, но здесь есть суда, которые ругаются на подобию своих мёртвых капитанов или, что сами убирают паруса, в точности с манерами и последовательностью их почившего капитана.

— Замечательно! — иронично ответила я. — Буду иметь ввиду.

Отчаянно робея и сдерживая подхлестывающую изнутри панику, я начала забираться по вантам.

Ощущение опасности и вероятности стремительного падения вниз, где меня ожидала или твёрдая палуба или острые рифы, росло пропорционально высоте, на которую я поднималась.

Я добралась до грот-марса*(марсовая площадка на грот-мачте), перебралась через борт корзиновидного ограждения и, встав ногами на отсыревшие доски марса. Тут что-то упало рядом и коснулось моей ноги, а я истошно завопила.

У самых моих ног, прижимая к груди подзорную трубу лежал жуткого вида скелет, в мешковатой и смятой одежде.

— Чего ты орёшь? — спокойно спросил меня, поднявшийся следом Люк. — Он же не одержим никаким фергалом, так что ничего тебе не сделает?

— Чего?! — ахнула я. — Здесь есть скелеты, которые могут на меня напасть?!!

— Если в них вселились мелкие злобные фергалы — запросто, — будничным тоном, ответил Люк. — Но у тебя же полная сумка зелий, любое из которых, как минимум отпугнёт столь мелких духов. Чего тебе бояться? Вообще, я слышал, что вы чародеи любите экспериментировать со всякой морской нечистью и у вас она скорее вызывает любопытство, нежели страх.

— Ну д-да... — запинаясь, неуверенно ответила я. — К-конечно, но... мне всё это не нравится и... мне неприятно.

— О-о, юная моя алхимия, самое неприятное у тебя ещё впереди, — с этими словами, боггарт многозначительно посмотрел на верх.

В нескольких метрах надо мною поднималась остальная часть мачты. Сомкнутые двумя эзельгофтами*(часть крепления мачт и стеньг на парусном судне), вверх, к ночному небу вытягивались ещё две стеньги, высотой метра в два-три каждая. И только почти у самой верхушки, где полоскался морской вымпел*(длинный двухконечный флаг), с изображением уже знакомых мне крыс и башен, виднелся тугой канат, тянувшийся прямиком к верхушке грот-мачты соседнего корабля. И никаких вант больше не было, выше только голое дерево мачт и снасти крепежа.

Без страховки, опыта и специальных приспособлений, мне придётся взобраться вверх, на пять-шесть метров. А подо мной и так уже было десятка два с половиной метров!.. Падение с такой высоты — гарантированная гибель или, минимум, перелом позвоночника, с медленной и мучительной смертью.

Потрясающие перспективы!

Я обреченно вздохнула и осмотрела стеньги надо мной на предмет выступающих деталей крепежа, по которым можно было бы забраться.

— Если боишься, можешь закрыть глаза, — с ехидной издёвкой проговорил парящий беспечно прогуливающийся по краю бортика марса, проговорил Люк.

— Иди к чёрту, — беззлобно бросила я.

— О, а кто это? — заинтересовался боггарт.

— А кто такая Девятая Ведьма, которую ты поминаешь, как ругательство?

Боггарт агрессивную сплюнул и заявил:

— По легенде, одна из Каменных сестёр, что прокляли жителей Пяти Архипелагов.

— Прокляли?! — настороженно спросила я.

— Похоже у вас в империи совсем не учат историю Квинквилья.

— Наверное, — пробормотала я, подумав, что мне предстоит выучить ещё очень многое о новом мире, в котором мне «повезло» оказаться.

Я посмотрела на верхушку грот-мачты.

— Если, конечно, я к тому времени ещё буду жива...

Чашечка пятая

«Самый вкусный кофе — тот, который пьешь в пути»

Макс Фрай — Ветры, ангелы и люди.

Объятия страха были удушающими и тесными. Как будто меня обнимал дикий и неопытный любовник, который внезапно потерял рассудок и вместо проявления чувств или желания, попытался удавить силой своих мышц.

Страх не трогает тело, не сдавливает до хруста кости и не пытается сломать позвоночник или рёбра. Он просто душил меня изнутри, не позволяя сделать важный глоток воздуха и как будто пережимая пульсирующие артерии по всему телу. От ядовитого дыхания страха в мыслях и эмоциях, задышалось сердце, а по рукам и ногам распространялась гадкая немеющая слабость.

— Зои, здесь нет ничего страшного! — пытаюсь вселить в меня уверенность, крикнул Люк. — Смотри!..

Боггарт легко вспарил вверх, с ловкостью, которой позавидовал бы любой воздушный акробат, коснулся носком левого ботинка веревочного троса, протянутого между грот-мачтами двух кораблей.

Пока я с непреодолимым страхом в душе, судорожно держалась за последнюю стенку мачты, то и дело жмура глаза от категорического нежелания глядеть вниз, Люк легко и беззаботно прошёлся по провисающему вниз канату и оказался на мачте расположенного рядом старого фрегата.

— Видишь?! В этом нет ничего страшного! — с какой-то прямо-таки кощунственной, в данном случае, жизнерадостностью крикнул мне боггарт.

— Конечно! — обиженно и сердито закричала я ответ. — Особенно, когда ты не можешь умереть от падения вниз!

— А ты не думай об этом!

— Когда ты так говоришь, я ещё больше начинаю об этом думать!.. — крикнула я в ответ.

Мой взгляд, уже в который раз, непроизвольно метнулся вниз. Ужас пугающей высоты таранился на меня снизу во всех своих ошеломляющих масштабах. Я отвернулась, крепко закрыла глаза и прижалась лицом в сухому обветренному дереву мачты, на которой, как обезьяна, висела уже несколько минут.

«Чёрт возьми, — подумала я про себя, — но не могу же я здесь во так и остаться! Мне нужно выбраться на берег! Нужно выжить, придумать способ, как здесь освоится, понять, что делать дальше... Я не должна позволить страху погубить меня здесь, фактически в начале нового жизненного пути! Кто знает, может быть меня занесло в этот альтернативный мир неспроста и меня здесь ожидает что-то грандиозное и восхитительное!»

Конечно, такими мыслями я себя просто успокаивала. Просто пыталась внутренне себя мотивировать.

Уж не знаю, как в этом мире сложится моя судьба, но я абсолютно уверена, что хочу гораздо большего, чем остаться навсегда в этом Порту Снов и стать одним из его призраков.

Преодолевая опасения, с трудом избавляясь от железной хватки зверя страха, я начала двигаться.

— Молодец! Умница! Давай ещё! У тебя всё получится!.. — начал подбадривать меня

Люк, балансируя на верхушке мачты фрегата.

— Замолчи, пожалуйста! — взмолилась я. — Мне от этого только хуже!

— Как знаешь, — пожал плечами боггарт. — Но я слышал, что люди пытаются успокоить друг друга, когда им страшно.

— Последний раз подобные слова успокоения действовали на меня, когда я упала и сильно, до крови, разбила левый локоть.

Это был один из неудачных опытов проехать на горе с велосипеда. Угораздило же меня тогда поехать вслед за мальчишками, среди которых был одноклассник, который мне очень нравился ещё с седьмого класса! Я тогда была уже в девятом, вроде бы мозг и чувство самосохранения должны были быть достаточно развиты, чтобы не рисковать собой, да ещё и на велике, который для этого не приспособлен!

Мне повезло, что я всего лишь разбила локоть и содрала кожу на обоих коленях! А могла ведь и шею свернуть запросто. Вот моему велосипеду, который поехал с горы дальше, уже без меня, повезло намного меньше. Как и тем, кто оказался у него на пути... Слетевший с горы велосипед, без седока, подобно шару из боулинга врезался в кучку глазюющих на меня мальчишек, раскидав их точно те самые кегли. Затем мой злокозненный велосипед пролетел дальше и врезался в лобовое стекло ближайшего автомобиля. Каким-то чудом он перелетел через крышу побитой машины, удивительным образом перемахнул через забор шашлычной, что стояла рядом и обрушился прямо в надувной бассейн, который хозяин провинциального общепита зачем-то устроил прямо посреди двора с беседками и столиками. Взрывом холодной воды обдало всех гостей, залило еду, опрокинуло напитки и затушило оба здоровенных мангала во дворе.

О-ох... и досталось же мне тогда от родителей. Меня никто не наказывал физически, но следующие полгода я жила под строжайшим надзором, с переменным домашним арестом.

Странно, но воспоминание из бурного детства помогли справиться с приступом оголтелого страха.

Пересилив себя, я повисла на канате между мачтами двух кораблей, обхватив его скрещенными ногами и крепко сжимая его пальцами рук.

Мои медно-рыжие волосы свисали за спиной, поднимающийся снизу морской воздух раскачивал их из стороны в сторону, холодком щекотал участки оголившейся кожи, под отвисшей одеждой и оведал лицо.

Теперь смертоносная высота была у меня за спиной. И мне действительно казалось, что она как будто ненавязчиво, но с нарастающим усилием тянет меня за плечи, обхватывает за талию и повисает на спине.

Перебирая руками и судорожно удерживая ноги плотно скрещёнными, я осторожно перебиралась вниз по провисающему тросу. Из раза в раз мне казалось, что он вот-вот оборвётся или его крепление каким-то образом развяжется, и я полечу вниз, прямиком на жесткую палубу внизу или на «клыки» заостренных камней, прорезающих поверхность воды внизу.

Запрокинув голову назад, я посмотрела вперёд, оценила расстояние и взглянула на Люка.

Белые глаза боггарта, на фоне чёрного полыхающего облачка, следили за мной с интересом и даже надеждой.

Мне удалось перелезть по канату и не сверзиться вниз. Оказавшись уже не верхушке грот-мачты разломанного фрегата, левый борт которого представлял собой огромную

глубокую пробоину, я столь же осторожно и очень медленно слезала вниз.

Добравшись до марсовой площадки, я позволила себе перевести дух.

— Ну, что? — с долей издевательской весёлости спросил подлетевший ко мне Люк. — Как оно? Яркие впечатления? Кстати, я слышал, что у имперцев довольно суровое воспитание, да и девушки у них на флоте служат не меньше наших, а дворянки так и вовсе обязаны проходить военную службу в любом из родов войск.

— Ты решил, что я дворянка? — усмехнулась я.

— Ты назвалась Зои шай Ле-Фарталь, — напомнил мне боггарт. — шай и у нас, и у имперцев переводиться, как высокий, то есть благородный или благородная. А эта ваша заносчивая приставка «Ле-» и имперское «аль», означает, что ты из рода не ниже виконтов.

— А как звучат местные благородные фамилии? — спросила я.

То, что мне повезло появиться здесь с аристократической фамилией — хорошо, потому что со слов Люка здесь ещё правит бал разного рода автократия, в виде абсолютной или, может быть, конституционной монархии. Но даже последнее не отменяет факт того, что полноценных граждан здесь нет, только поданные.

Как минимум, даже в случае ареста или пленения, ко мне должно быть более благосклонное отношение... М-м, правда, лишь до тех пор, пока мои гипотетические поработители не узнают, что никакого выкупа они за меня не выручат.

— Ну, графы Крысиного герцогства обычно носят фамилии вроде шай Дюбуа, шай Ньюпон или-и... какой-нибудь шай Рефрё. Как-то так.

«Походу здешний бог-создатель любил французское красное и лакомился сыром фьоре сардо!» — со смешком подумала я.

Впрочем, ещё неизвестно, какая вселенная и что у кого экспроприировала. Для меня, пока что, вообще шокирующий факт, что наша реальность не единственная.

Нам-то всё рассказывали про каких-то инопланетян, которые разрисовывают наши поля неизвестными символами сомнительного содержания — чисто, как дворовые гопники, ради прикола расписывающие стены домов и подземных переходов собственными пубертатными фантазиями.

А тут вон оно что! Прямо под боком вход в иной мир оказался! Сенсация, чёрт возьми! И никуда лететь не нужно! Оказалось достаточно, просто заехать ночью в лес...

Грот-мачта медленно гибнущего фрегата и расположение грот-марса оказалось несколько выше, чем на соседствующем галеоне. Поэтому отсюда я могла рассмотреть Порт Снов дальше и больше, разумеется, насколько позволял сырой рассеянный туман, наползающий со стороны океана.

Самое главное, что среди множества лежащих на мелководье кораблей, я сумела разглядеть «пузатый» корабль, с округлым корпусом и неправдоподобно высокими кормовыми надстройками. Украшенный сложными геометрическими узорами и позолотой, он был тесно и прочно зажат между двумя толстыми рифами, что поднимались из воды и образовывали настоящую каменную клешню.

Да, путь до этой каракки был не близкий. Рядом со мной, на своём тёмно-синем зонтике легко спланировал вниз Люк.

Стоя на ограждении марсовой площадки, он опечаленно вздохнул и кивнул на видневшуюся в дали фигуру каракки.

— «Счастливец Джованни», — произнёс Люк тоскующим голосом. — Я отлично помню, как хозяин моей шкатулки, капитан Дидье первый раз выпустил меня на своём судне

и велел следить за порядком. Это была третья ночь в плавании...

Он замолчал и снова трагично вздохнул. Похоже, у боггарта с «Счастливецем Джованни» были связаны многие добрые и тёплые воспоминания.

— Прости, а чем именно ты мог быть полезен на судне? — спросила я.

Люк выразительно и обиженно взглянул на меня округлившимися белыми глазами.

— Прости, — боязливо усмехнулась я. — Я кажусь тебе жутко невежественной, но мне было бы интересно узнать, зачем капитан взял на корабль фергала, чья особенность воплощать ужас и страх.

— Во-первых, мы можем не только создавать иллюзии самых жутких страхов человека, — ответил Люк, убедившись, что я не пытаюсь над ним поиздеваться, — но и отнимать их у человека или ослаблять их влияние. Но, самое главное, зачем капитаны Квинквилья берут боггартов на корабли, чтобы мы пугали других фергалов, которые могут и обязательно проберутся на корабль в процессе плавания. Две трети из морских фергалов безобидны, но оставшаяся треть может создать крупные проблемы для экипажа. Боггарты же превращаются в то, что отпугивает опасных фергалов, а с полезными мы пытаемся договориться о взаимном сотрудничестве.

— Договорится? — чуть скривилась я. — С кем например?

— С корабельниками, например, — пожал плечами боггарт. — Они могут очень проказливыми, но зато ответственно присматривают за кухней, корабельной баней и пороховым погребом. Если найти к ним подход, могут быть очень полезными.

— Буду знать, — вздохнула я и, хитро улыбнувшись, скосила глаза на Люка. — Значит боггарты ещё и хорошие парламентёры в мире фергалов?

— Зачастую, да, — с достоинством ответил Люк.

Сохраняя величайшую осмотрительность, я спустилась вниз, на шкафут фрегата и пробралась к баку*(носовая надстройка корабля), откуда слезла на бушприт и, не без трудностей, перебралась на корму стоявшего по соседству флейта.

— Фига себе, какая громадина! — не удержалась я от восклицания, оказавшись на подобие тесной веранды перед окнами капитанской каюты. — Он же раза в два больше фрегата.

Судно и правда было циклопическим! Покатые деревянные борта, выкрашенные в приятный изумрудный цвет, в самом низком месте, в области шкафута, были в три-четыре человеческих роста, а уж там, где высился бак или поднималась восхитительно красивая корма и вовсе могли быть высотой с трёх-четырёх этажный дом.

В нашей истории парусные корабли такого рода, даже торговые, были заметно меньше.

Цветные, напоминающие готические витражи, окна капитанской и офицерских кают были зарешечены, так что бить их, чтобы пробраться внутрь смысла не было. Пришлось мне вновь, прилагая серьёзные усилия и приобретая ценный матросский опыт, взбираться по вверх по корме.

Сумка с кружками магического кофе и другими вещами заметно мешала, покачиваясь и оттягивая меня за спину назад. Мне стоило бы поблагодарить резчиков и скульпторов, украшавших корму этого судна таким изобилием фигур русалок, воинов, матросов, птиц и всё тех же крыс. Благодаря многообразию деталей, мне было за что ухватиться, во что упереться и даже на чем передохнуть, когда руки уже начинали болеть от чрезмерных физических нагрузок.

— Люк, — позвала я своего спутника.

— Чего?

— А почему... Почему Крысиное герцогство? Оно так и называется «Крысиное»?

— Нет, конечно, — улыбнулся боггарт. — Это прозвище, которое, кстати, используют и сами местные, пошло от изображения на гербе, — Люк кивнул на уменьшенное геральдическое изображение с башнями и крысами, красовавшееся, как раз у меня над головой. — Крысы стали символом Ларатана, после того, как спасли столицу этого герцогства от пожара.

— Это ж каким образом?! — удивленно вскинула я.

— Полагаю, легенду об этом ты сможешь прочесть в библиотеке любой академии, храмах Моретворца или в доме у большинства шайев.

«Моретворец — местное верховное божество, — мигом отметила я про себя, — значит здесь может быть монотеизм и в ходу выражения типа «Слава Моретворцу» или что-то в этом роде. Нужно запомнить»

Набравшись сил (и уверенности в правильности своих действий) я продолжила путь вверх. Минут через десять, моё упорство и старания были вознаграждены, и я устало перевалилась через широкий планшир самой высокой надстройки на корме огромного торгового корабля.

Всё тело буквально гудело от перенапряжения, по коже ползла противная жаркая испарина, болезненно раздувающиеся в груди лёгкие требовали всё больше кислорода.

Уперев руки в бока, я запрокинула голову назад и несколько раз глубоко, с душой вдохнула сыроватый местный воздух. Зажмурив глаза, я простояла так несколько секунд, чувствуя, как тело понемногу остывает, мышцы расслабляются, а сердечные сокращения возвращаются к привычному ритму.

Какая же я большая молодец, чёрт возьми, что никогда не забивала на здоровье, спорт и гимнастику! Можно воздать хвалу, за то, что через день-два, но всегда находила в себе силы преодолеть зловредную старуху-лень и отправлялась в спорт-зал, с привычными для меня ценами или же, в тёплые деньки, тренировалась на местных спорт-площадках.

Не будь у меня годов тренировок за плечами, сейчас бы наверняка уже свалилась за борт, вниз ко всяким местным гадам, вроде... кого там называл Люк? Кажется какие-то клешне стопы, змеи какие-то и прочая мерзость. Но было нелегко. О-ох...

— Отдышалась? — спросил Люк. — Давай поторапливайся, Зои. Прилив не за горами, а в это время все, без исключения, морские фергалы проявляют наибольшую активность.

— Люк, — недовольно проворчала я, — а ты не мог бы подобную информацию озвучивать сразу?

— Я думал ты знаешь, — пожал плечами боггарт. — Чему вас там в Скардхайде учат? А ещё говорят, что у вас суровое обучение и вы лучше всех приспособлены к выживанию в экстремальных условиях! По тебе не скажешь, Зои.

Я с недовольным видом поджала губы и отвела обманчиво спокойный взгляд в сторону. Если выживу здесь и выберусь на берег, при первой же возможности нужно будет заняться совершенствованием навыков выживания, по местным правилам. А то, чувствую, я тут до старости не доживу, благодаря только одному волшебному кофе. Да и библиотек мне предстоит посетить не мало. Благо, читать то я люблю, а здесь для меня это становится жизненной необходимостью на ближайшие несколько лет, так точно.

Следуя за Люком, я осторожно спустилась по узким поскрипывающим ступеням, ведущим на самый верх кормовой надстройки.

Над головой у меня размеренно и лениво, с раскатистыми хлопками трепетали истлевшие паруса тёмно-изумрудного цвета и покрытых затейливой золотой вязью. Некогда они, должно быть были восхитительно прекрасны, а сейчас уже представляют собой истончившиеся и порванные гигантские тряпки.

Снизу, из-за бортов флейта доносились длинные, как шумный вздох звук плеска набегающих волн. Игры ветра и воды чуть покачивали судно, я чувствовала, как поверхность дощатого настила слегка меняет угол наклона. Это незаметно покачивание отзывалось в моём теле навязчивой нервозностью, а натянутые по всему судну снасти такелажа реагировали на хаотичный крен судна недовольным потрескивающим скрипом.

Здесь пахло водорослями, мокрой тканью и сыреющим деревом. Откуда-то несло чем-то кислым, с долей едва различимой горечи.

Как только я приблизилась к шкафуту большинство из фонарей с мелкими феями внутри сразу же погасли, и флейт на две трети погрузился в полумрак, который слабо разгонял свет с бортов других «спящих» в этом порту кораблей.

Я застыла, шумно сглотнув. Теперь из укромных закоулков палубы и особенно сверху, из-под парусов на меня глазела безликая ночь. Объятый теменью корабль внушал гораздо больше опасений, а его общий облик рождал десятки пугающих предположений о том, что могло бы скрываться на нижних палубах или в трюме.

— Похоже, местным корабельным пикси, ты не по нраву, — посмеиваясь, заметил боггарт.

— Это плохо? — поинтересовалась я.

— Нет, всего лишь означает, что они признают в тебе чужачку, — Люк немного крутанул своё тёмно-синий зонт. — Идём, время и обстоятельства требуют, чтобы ты поторопилась.

Он ринулась дальше, в глубокий сумрак судна, а я осталась стоять на месте, опасливо приглядываясь к бесформенными силуэтам, чьи очертания размывал зеленовато-чёрная полутьма.

— Ну чего ты дрожишь, как носок на клотике*(место для размещения вымпела на корабле)? — пожал плечами боггарт, спустившись на планшир слева от меня. — Вы, имперцы, с такой напористой наглостью лезете всюду, куда может дотянуться ваш флот, а тут одна из имперских аристократок дрожит от темноты и теней.

— М-м, Люк, — обманчиво ласковым тоном спросила я.

— Что? — не заметив язвительной фальши в моем голосе спросил мой спутник.

— Тебя когда-нибудь пытался утащить под воду злонравный келпи, дабы сотворить с тобой и твоим телом перечень неприличных непотребств?

— Ну-у... нет.

— А вот я, как ты мог заметить, получила подобный опыт и теперь не могу не испытывать определённого опасения. Знаешь, мне бы хотелось выбраться на берег, по возможности, живой и, очень желательно, без потери фрагментов тела или следов болезненных укусов.

— Ну вот это последнее точно будет не просто осуществить.

— Спасибо за моральную поддержку.

— А от неё есть прок?

— Чаще всего — да.

Люк задумался, а затем вновь пожал плечами и с незатейливым видом проговорил:

— Зои.

— Да?

— Ты... выберешься целой и невредимой.

Я с каменным лицом, чуть поджала губы и кивнула.

— Слова верные, но не недостаток эмоционального окраса вызывает у меня сомнения в твоей искренности.

— Ну, я же не человек.

— В нынешней ситуации, это не совсем негативная сторона, как мы уже выяснили.

Дальше, примерно несколько метров, я шла молча. Нет, шла это сильно сказано — пробиралась. Потому что шкафут судна оказался сплошь завален всякой рухлядью. Целые горы порванных мешков, лежащих в кучах рассыпанных и давно сгнивших фруктов или потемневших засохших зёрен! Горы какого-то тряпья и целый ворох обугленных деревянных обломков, поверх перевёрнутых пушек. Только сейчас я заметила, что судно с левого борта весьма сильно повреждено. Причем выглядело всё так, будто его обстреляли на обычных ядрами, а реактивными гранатами, а затем сверху ещё добавили немного напалма. Иначе я не могу объяснить, почему места крупных разломов, борт и настил палубы рядом с пробоинами были покрыты жирной чёрной копотью.

— Из чего по нему стреляли? — прошептала я громко и удивленно.

— М-м, наверное ядра с... каким-то огненным проклятием, — предположил Люк. — Может быть «Ярость кузнеца» или «Стая огненных птиц». Ваша алхимическая братия снабдила флот и армию таким количеством снарядов-проклятий, что там уже под сотню наименований соберётся!

«Как мило, — подумала я с иронией, — здешние корабли и артиллерия стреляют не обычными ядрами или бомбами, а целыми проклятиями! В весёлый мирок меня, однако, занесло! Чем больше о нём узнаю, тем больше проникаюсь!»

Я перебралась через очередную грудку опалённых обломков, укрытых куском прожженной в нескольких местах парусины, размером с двуспальное одеяло, и вновь ступила деревянный настил шкафута, как из недр судна донеслась бойкая, звенящая, с колокольным перезвоном и металлическим дребезжанием, громкая музыка.

Я вздрогнула, инстинктивно подалась назад. Меня сковало мгновенное оцепенение и на краткий миг подчинила паника.

Несмотря на жизнерадостный мотив мелодии, её весёлость выглядела фальшивой и угрожающей. Звук этой музыки вселял глубокую жуть и предчувствия чего-то устрашающего.

— Люк... — протянула я испугано.

— Плохо дело, Зои, — печально вздохнул боггарт.

— Что?! — ахнула я. — Что значит «плохо дело»?! Ты о чём?!

Но ответ от Люка не понадобился. Я услышала серию быстрых хрустких щелчков, несколько перестуков и странные скрипы.

Я вновь застыла на месте, ощущая, как дыхание затвердело в горле. Несколько быстрых звуков, похожих на цоканье, прозвучали совсем рядом. Я резко оглянулась на последний звук, и с моих губ сорвался испуганный вздох:

Словно в злой издёвке клацающая костяными зубами, возле меня выступали из густеющего полумрака несколько скелетов. Самых настоящих, противных и пугающих скелетов, с заполненными чернотой глазницами и наряженные в рваные, расползающиеся одежды. На

черепе некоторых повисли засохшие водоросли, у другого прямо между рёбер, что просматривались сквозь рваную рубаху, красовались мелкие ракушки, а третий нёс на спине и плече несколько мелких крабов.

— Это... что... за... дичь такая?! — я потянулась к термочашкам с магическим кофе.

Прежде, чем Люк успел что-то ответить, шкафут и бак верхней палубы уже во множестве заполнился другими ожившими внезапно скелетами. Все они выглядели очень старыми, многие были покрыты наростами окаменевших ракушек, царапинами и трещинами. Примерно у четверти скелетов, кроме ветхих дырявых башмаков и смятых дырявых шляп или картузов не было больше никакой одежды. Можно было увидеть, как у некоторых из них, прямо в грудной клетке шевелилась какая-то морская живность отвратной наружности.

— Плохо дело, — вновь повторил Люк, — ты нарвалась на...

Развесёлая, чуть подрагивающая и прерывистая мелодия, что звучала в ночи, становилась как будто громче. В её звучании ощущалась какая-то давящая тугая вибрация и гнетущая напористость. Зловещая музыка, как будто норовила проникнуть в моё сознание и подчинить меня своему колдовскому кошмарному мотиву.

Но не это сорвало с моих губ очередной судорожный вздох.

Облачённые в изъеденные временем лохмотья, костяные гомункулы, под хруст крошащихся суставов и сбивчивый такт музыки... пустились в пляс. Сначала, я подумала, что эти ожившие вязанки костей совершают какие-то бесцельные движения, но затем стало заметно, что их неумелые подёргивания и качания, напоминают танцевальные движения. Они натурально плясали под раздающуюся над кораблём музыку из неизвестного источника!

Стуча продырявленными и лопнувшими башмаками или просто голыми костями ступней, скелеты старательно выкидывали в стороны ноги и руки, выписывали различные па и пируэты. И чем более карикатурными были их пляски, тем более кошмарными они выглядели.

— Это корабль с проклятием пляшущих скелетов! — прокричал мне взлетевший на фока-рею Люк. — Нужно найти одержимого таргалом Шарманщика, который скрывается в трюме этого корабля!

— Таргалом? — переспросила я.

— Таргалы, в отличии от меня, келпи и других фергалов — это всякая нечисть и нежить! — крикнул мне боггарт, взволнованно оглядываясь по сторонам. — Не дай танцующим скелетам затянуть тебя в танец, иначе будешь отплясывать с ними до старости! А потом станешь... такой же.

— Меня совсем не прельщают такие перспективы! — выпалила я.

— Тогда тебе нужно попасть в трюм! — крикнул боггарт. — Спустится в него можно через ахтерлюк или через кают-компания!

— А где они?! — вскричала я.

Спускаться через закрытый решетчатыми дверцами грузовой люк было невозможно, да и спрыгивать в темноту было чревато переломами или гибелью.

— Каюты старпомов и баковой аристократии в корме корабля, сразу под запертой каютой капитана!

Я отскочила от скелета в пышной шляпе с двумя покачивающимися цветными перьями. Костяное подобие человека недовольно клацнуло челюстью, пара его зубов выскочили изо рта и подкатились к моим ногам, а я брезгливо отшвырнула их от себя носком кроссовка и

обернулась назад.

Вход в кают-компания я видела, но путь туда перекрывали несколько пляшущих скелетов.

Хуже того, все эти танцующие сборища трухлявых костей постепенно приближались ко мне, сжимаясь вокруг меня тесным полукольцом. Мысль о том, что меня ждёт, если я попадусь в костяные лапы танцующей нежити эмоциональной вспышкой пронзило разум.

Я оглянулась, бросила взгляд на воду, но идею с прыжком сразу же отбросила — даже если бы там не водилось всякой местной гадости, там просто слишком мелко, чтобы не сломать ноги после прыжка!

Второй скелет, кружась в пародии бального танца, попробовал схватить меня за руку. Я ойкнула, отскочила назад и увернулась от третьего кладающего суставами «танцора». Последний попробовал проявить настойчивость, и я, схватив у планшира пушечный банник* (приспособление для прочистки ствола артиллерийского орудия), прислонённый к фальшборту, и что было сил отоварила им слишком уже навязчивого костяного кавалера. Мой удар сбил череп несчастного, и тот, описав короткую дугу, врезался в голову другого танцора.

— Пошли прочь! — вскричала я, грозно размахивая банником и отбиваясь от скелетов.

Однако проку от этого было мало — даже безголовый скелет не перестал танцевать и не утратил желания затащить меня в бесконечный проклятый танец!

— Не пытайся отбиваться! Беги! — прокричал сверху Люк. — На таргалов твои зелья не подействуют — это духи из Мракоморья!

— Мракоморья?!

— Царство мёртвых, Девятая их побори!

Я отбросила банник прочь, пнула ползущую ко мне по палубе костяную руку и вскочила на планшир. Балансируя руками и стараясь не свалиться ни в воду, ни палубу, я проворно пробежала вперёд, оббежала крепление вант, и спрыгнула на настил палубы, но тут мне преградили дорогу сразу четверо танцующих скелетов.

Эти действовали намного более навязчиво и даже агрессивно. Я замерла в нерешительности, но тут рядом, сверху спорхнул мой спутник и на глазах превратился в гигантское подобие золотого кадила, богато украшенного сапфирами и аквамаринами.

Странный артефакт излучал мистическое лазурное сияние, многочисленные мелкие потрескивающие и искрящиеся молнии, а на пол, через резные узорчатые щели, проливал чистую воду. Резко запахло свежим добрым морем, повеяло ласковым ветром и послышались звонкие крики чаек.

На меня появление гигантского артефакта произвело необъяснимое ободряющее впечатление, а вот костяные плясуны шарахнулись в стороны. Я опомнилась и тут же бросилась к кают-компаниям.

Залетев внутрь, я подождала Люка и, прилагая усилия, закрыла неожиданно очень тяжёлую толстую дверь. Как только мне это удалось, я задвинула оба засова и отскочила назад, когда с другой стороны на дверь посыпались многочисленные удары.

— Что это было?! — спросила я у Люка.

— Пляшущие скелеты, — чуть нахмурился боггарт. — Я же уже отвечал...

— Я про тот предмет, в который ты превратился.

— А-а... — улыбнулся Люк. — Это колдемаронВзывающих-к-волнам.

Ответил он с таким видом, словно я должна была знать, кто это такие.

Но боггарт не стал дожидаться моих новых вопросов.

— Вы, имперцы, должны хорошо их помнить — заклинатели морей доставили вашему флоту серьёзнейшие неприятности во многих морских сражениях.

— Да, — с вызовом ответила я, — но-о... мы же нашли ответ на ваше чудо-оружие.

Моя фраза прозвучала полувопросительно, я просто решила продолжить играть роль подданной империи, как самую подходящую. Но отвечала я наугад. Однако, мне повезло попасть в цель. Люкс скривил недовольную рожицу с ворчливо признал:

— Ну, ваша коллегия громовержцев конечно нанесла несравненно больше ущерба, но эти ваши всадники грома они... они же бесшабашные рубаки и отпетые солдафоны, и в принципе ничего не могут созидать! Только и знают, что греметь молниями да всё вокруг разрушать в щепки!

— Судя даже по твоему негодованию, в последнем они преуспели, за что их точно можно назвать эффективными профессионалами, — щёлкнув пальцами, решила я.

Боггарт лишь с недовольной небрежностью хмыкнул, но отвечать ничего не стал. Тема явно была ему неприятна.

Я смахнула со лба пряди своих медных волос и тут же заметила странность с цветом своих волос. Он, как бы это проще сказать... был другим. Кардинально. Сейчас, конечно не время рассматривать свои локоны, но я испытывала лёгкий шок от того, что цвет моих пышных и чуть вьющихся волос вдруг стал... какой-то... персиковый?! Ладно, изменение цвета волос и глаз я переживу — в конце концов не самые плохие перемены. Надеюсь только, что у меня не вырастут какие-нибудь эльфийские остроконечные уши и я не покроюсь чешуёй.

Убедившись, что жаждущие танцев и веселья скелеты не смогут пробиться через крепко сколоченную деревянную дверь, с металлическими пластинами, я позволила себе перевести дух и огляделась.

Боггарт с интересом рассматривал резные барельефы, что по периметру окружали просторную комнату с громадным длинным столом посреди, несколькими вполне уютными креслами с бархатной обивкой и тахтой, на которой чуть смявшись, возлежало тёмно-алое покрывало с золотистой бахромой.

Я неспешно прошлась по каюте, изучая детали апартаментов. Кроме искусных резных украшений с неизвестными мне сюжетами, просторную кают-компанию украшали небольшие бронзовые конструкции под стеклянными колпаками и на круглых толстых дисках. У некоторых из них были заметны шестерёнки и прочие детали механизмов, а внизу, на боковинах дисков красовались бронзовые заводные ключи.

Потолок каюты был украшен резными розетками и вышитыми позолотой узорами. Через запотевшие и пыльные окна в помещение каюты проникал туманный желтовато-зеленый свет с фонарей ближайшего судна, что виднелось в кормовых окнах.

— И куда мне дальше отсюда? — спросила я Люка.

— Полагаю тебе стоит попробовать открыть вон тот люк, — с кривой ухмылкой боггарт указал мне за спину.

Я оглянулась и увидела небрежно прикрытый краем ковра квадратный люк в полу.

Отругав себя за невнимательность, я подошла к люку и попробовала его открыть. Но тот был заперт, и с моих уст сам собой сорвался усталый и раздражённый вздох.

Жажущие бесконечных плясок скелеты продолжали неистово колотиться в дверь кают-компания, но та надёжно сдерживала их «душевные» порывы.

Замок на люке открывался только снаружи, значит велика вероятность, что нужный мне ключ может быть где-то рядом. Первым делом подвергла обыску огромный стол, заваленный ворохом навигационных карт и заставленный мелкими фигурками кораблей, островов, миниатюрных тучек и гигантских рыбин с размашистыми крыльями, на подобии тех, которыми обладают летучие мыши. А это ещё что за экзотика местной фауны?!

— Летящие киты, — пожал плечами Люк, когда я с вопросительным видом показала ему фигурку крылатой рыбины.

— Я вижу, что не ныряющие единороги, — ответила я со сдержанным раздражением, — Они что, правда здесь летают?

— Иногда, — туманно ответил боггарт.

— Судя по намеченному маршруту на карте... — я опустила взгляд на стол и подвинула к картам лампу с десятком мелких фей внутри.

Порхающие крылатые создание озарили каюту и стол мерцающим золотистым светом.

— Моряки этого корабля пытались избежать с ними встречи.

— Конечно! — хмыкнул боггарт. — Крылатые киты агрессивны и всеядны, пытаются сожрать всё, что плывёт на поверхности Пяти морей Квинквилья.

— Ваши земли мне нравятся всё больше и больше.

— Ты всегда можешь вернуться к себе в империю.

«А может быть это не такая уж и плохая идея, — подумала я, продолжая рассматривать карты, — там хоть больше смогу сойти за свою... если, конечно, успею осуществить для себя ликбез по истории, быту и особенностям этого мира».

Мой взгляд совершенно случайно выхватил из композиции искусно начертанных и красиво прорисованных карт одну примечательную деталь — литер, которыми пользовались авторы данных лоций до ужаса напоминали руны древнегреческого языка.

У меня ещё только закрались сомнения, но тут пригляделась к рисункам, какими в изобилии была украшена карта. И на одном из них я увидела златокудрого стройного юношу. Он был облачён в доспехи, также напоминавшие эллинские и, самое примечательное, был обут лишь в одну сандалию, на правой ноге.

— А вот это уже любопытненько... — пробормотала я.

Я могу ошибаться, но именно один из героев древнегреческих мифов внашеммире предстал перед своим дядей-узурпатором, как раз в одной, грёбаной, сандалиии.

Теперь, внимание, вопрос в студию: какова вероятность, что в этом мире, случилось невероятное совпадение, ввиду которого здесь существует или когда-то существовал человек похожий на Ясона сына Эсона?!

Чем больше я вглядывалась в детали карты и особенно в элементы оформления, тем больше убеждалась, что мир в котором я оказалась вовсе не настолько чужд нашему, насколько можно было подумать вначале.

Потому что следующая карта украшалась изображением мальчика и девочки, сидящих верхом на золотом быке. А в верхнем правом углу этой карты на них с печальным видом смотрел пепельноволосая красивая девушка, стоящая на серой туче.

— Да вы издеваетесь... — прошептала я. — Люк, а поди-ка сюда.

Боггарт послушано подлетел ко мне.

— Кто это? — я ткнула пальцем в изображение юноши, походившего на Ясона.

— Один из Основателей первых портов Квинквилья.

— Ты помнишь, как его зовут?

— Все помнят, — пожал плечами Люк и глуповато округлил глаза. — Это Ясон, сын Эола. Вместе с другими Основателями и их жёнами, он приплыл сюда и они... положили начало поселениям людей на Пяти Великих Архипелагах. А что?

«Да ничего, — подумала я, — просто там, откуда я на самом деле родом, Ясон погиб под обломками своего же корабля, а здесь... а здесь, он и его друзья, похоже заделались чем-то вроде местных Адамов»

— Я только не помню, как назывался корабль... — нахмурился Люк. — Я не досконально знаю человеческие легенды.

— Арго, — вдруг тихо произнесла я. — Тот корабль должен был называться «Арго».

— Да, точно! — закивал головой Люк. — Арго-из-Океана-Хищных-Штормов.

— Да... — нервно сглотнула я. — Именно он...

У меня заметно участился пульс, а голова слегка закружилась.

Я ещё с минуту смотрела сначала на изображение Ясона, а потом на Гелу и Фрикса, летящих верхом на золотом баране, шкура которого дала название одному из мифов про аргонавтов.

Чашечка шестая

«Если бы утром мне кто-нибудь приносил кофе в постель, я была бы счастлива — это хорошее начало дня...»

Джулия Рассел.

Люк в нервном нетерпении кружил над столом, возле которого я возилась с картами.

— Послушай, беспшабашная дочь Скардхайдских гор и полей, у нас нет времени тут так долго изучать всякие чертежи, карты и картинки.

— Ты хотя бы один остров из архипелагов ваших герцогств знаешь наизусть? — спросила я, не переставая изучать попавшие мне в руки карты.

Детальные морские лоции я не трогала — мне они пока были без надобности — а вот карты сухопутных территорий и с координатами многочисленных островов Пяти архипелагов буду мне полезны.

Потому что уже на первой политической*(имеется ввиду подвид тематических карт из дисциплины географии) карте было видно, что Порт Снов, в котором я сейчас пребывала, находился на одном из трёх самых мелких и дальних островов герцогства Ларатан. А до ближайшего крупного города, Шампвилль, пешком придётся топтать... я бросила взгляд на цифры масштабирования и опечаленно вздохнула. Нет, нужно будет разжиться хоть каким-то транспортом, иначе я так несколько недель буду добираться. Кстати от некоторых островов тут, если верить указанным масштабам и размерам, одно название. Некоторые острова архипелагов, если я правильно разобралась, по размеру площади могут посоперничать и с территорией целой Британии, Исландии или даже Гренландии! Ни черта себе островочки...

Скрутив несколько карт в трубки, я сложила их в найденный здесь тубус, богато украшенный красивыми отрисками на мягкой коже и сложила в свою сумку для посуды. Полностью он там, правда не поместился и теперь чуть торчал с левой стороны.

Я обшарила весь стол и все его ящики, пока не наткнулась на небольшую деревянную шкатулку, покрытую облезлой лазурной эмалью, красивой позолотой и затейливой узорчатой резьбой. Внутри что-то глухо звенело. Я поднесла её к уху и легонько потрясла.

— Чем тебя так заинтересовала эта шкатулка? — спросил Люк. — Нам же нужно искать ключ от входа на нижние палубы.

— Здесь нет другой мебели, кроме посудного шкафа, где может храниться ключ, — пояснила я. — В столе его тоже нет, а внутри этой шкатулки гремит что-то тяжелое и металлическое, что очень даже может оказаться ключом от крышки в полу.

— А вдруг владелец этой шкатулки просто прячет там любимый камертон? — слегка издеваясь предположил Люк.

— Я предпочитаю верить, что лежит искомый ключ, — уверенно ответила я, с подозрением прислушиваясь к металлическому звону внутри деревянной шкатулки.

— Допустим, но как ты её откроешь? — указал на очевидное Люк. — Она всё равно закрыта и для неё, как бы комично это не звучало, тоже нужен ключ...

— Она довольно хлипенькая и без металлических крепежей, — осмотрев дно и крышку шкатулки, заметила я.

— Ты же не собираешься... — начал было боггарт.

Но я быстро подняла шкатулку над головой, а затем резко швырнула об пол. С коротким

гулким ударом, шкатулка треснула и разломалась на несколько крупных частей.

— Разбивать её, — слегка опешив, закончил фразу Люк.

Шкатулка, конечно же, разбилась не полностью, и мне пришлось ещё дополнительно давить её ногой. Чтобы добраться до содержимого. Но мои догадки и старания были справедливо вознаграждены — среди обломков шкатулки я обнаружила поблёскивающий ключ, золотисто—медного цвета.

— А вот и ключ! — искусственно удивилась я, немного парадирюя образ телеведущего.

— Традиционно имперский подход, — язвительно заметил боггарт.

— Это называется практичность.

— Это называется варварство.

— Варвары не создают империй, во всяком случае долгоживущих и могущественных, — парировала я.

Люк открыл рот, чтобы возразить, но, похоже веский контраргумент, который он собрался привести потерялся где-то по дороге к формированию в устную форму.

Довольная своей догадливостью и благодаря удачу, я направилась было к квадратной дверце в полу, но на ходу обратила внимание не несколько раскидистых небольших комнатных деревьев, что росли в углу каюты.

Их было три. Самое крайнее напоминало барбарис, только ягоды были крупнее и синего цвета. Второе напоминало папоротник, но листочки имели желтоватую окантовку и мелкие бутончики ярко салатового цвета. А третье растение походило на уменьшенный в несколько раз кряжистый дуб.

Поддавшись странному наитию, я приблизилась к столику с растениями и внимательно осмотрела каждое из них. Попутно я поймала себя на мысли, что прежде никогда не интересовалась ботаникой и выращиванием комнатных растений. Более того, у меня сдыхало любое комнатное растение, кроме кактусов. Только мелкие колючки выживали при отсутствии должной заботы и соблюдении режима регулярной поливки.

Но сейчас, неожиданно для себя, я ощутила необъяснимый интерес к этим экзотическим, для меня, комнатным растениям. Поддавшись всё тому же беспричинному наваждению, я по очереди, почти любовно и нежно, коснулась пальцами листочков каждого из деревьев.

«Что со мной происходит? — пыталась понять я. — Почему вдруг мне стали интересны эти деревца и с чего это я так на них залипаю?!»

Становилось немного жутковато, я пыталась сопротивляться внутреннему побуждению, но что-то в сознании подсказывало, что мнестоит интересоваться растениями, семенами, ботаникой и так далее. Откуда-то у меня была уверенность, что мне это нужно, что я обязана обладать знаниями в этой области для занятия алхимией... то есть алхимией.

Касаясь листьев, я внезапно вспомнила, что раскидистый кустарник, который походил на барбарис, называется «Кислосереневик», куст походивший на папоротник был «Палеонтониусом», а миниатюрный дуб звался «Кряжикорень».

А теперь новый вопрос в нашу студию: откуда, жжённный оладушек, я всё это знаю?! Каким образом эти знания оказались в моей голове?

А между мысленных вопросов, вдруг проскользнула уверенная мысль, что «Кислосереневик» нужен для «Марочино исцеления двустороннего отита», а с помощью Кряжикорня можно приготовить «Эспрессо жажды покупок».

— Да что вообще со мной происходит? — шепотом проговорила я.

— Что ты там сказала? — спросил Люк.

Я вздрогнула и, не оборачиваясь, ответила:

— Да ничего... просто растения интересные.

— Ты долго будешь ими любоваться?

— Н-нет... — промямлила я неуверенно и посмотрела на лежащие рядом небольшие ножницы, которые были несколько меньше садовых, но явно имели схожее предназначение.

Я с большим внутренним усилием заставила себя отойти от столика с комнатными деревцами, но тут же вдруг вернулась обратно, взяла ножницы и отстригла по две веточки с каждого растения, затем сложила их свою сумку.

В сознании буквально нарывала и пульсировала навязчивая мысль, что я должна бала это сделать! Мне было страшновато от того, что со мной происходит: я очень плохо могла себя контролировать. Стоило мне только попытаться проигнорировать необъяснимое наваждение, как появилась прямо-таки паническая уверенность, что совершаю серьёзную ошибку, игнорируя возможность собрать ценные ингредиенты.

Что? Ценные ингредиенты? Девятая ведьма побери... Что этот мир со мной делает? Он... Он как будто меняет меня, вносит неведомые и необъяснимые изменения не только в мою внешность, но и в моё мышление.

Я боязливо сглотнула, и нервно хихикнула, прикидывая, чем мне могут грозить изменения в процессе мышления и личностных характеристик. А ну как, у меня появятся какие-нибудь негативные пристрастия, вроде склонности к суицидам, пристрастия к бродяжничеству, kleptomания или... А может у меня вообще разовьётся внезапная агорафобия или я стану жертвой женского алкоголизма!..

Тьфу! Чёрт!.. Что за тупая хрень лезет мне в голову?! В любом случае, я сейчас не могу ни на что повлиять. Будь, что будет, но... нужно быть осторожной.

Я открыла дверцу в полу, не без труда приподняла и, прихватив настольный фонарь десятком золотисто-белых пикси, спустилась по крутой узкой лестнице в объятия густого и как будто мягкого, даже телесно ощущаемого полумрака.

Феи внутри высокого фонаря, который я держала перед собой, беспокойно метались между стёклами. Из-за этого свет, лучившийся во мрак подрагивал, а темнота казалась подвижной и живой.

Проклятая шарманка, поднявшая костяную трупку в пляс, звучала где-то впереди. Её заикающееся звучание, с надрывным лязгающим перезвоном, звучало где-то впереди, из-за нерушимой полупрозрачной толщи полутьмы.

— Только не спеши, — шепнул у меня за спиной боггарт. — На нижних палубах может скрываться что-то похлеще танцующих скелетов.

— И что мне делать, если я встречу нечто похуже пляшущих костей? — с толикой раздражённого обречения спросила я.

— Бежать, — коротко ответил боггарт.

Я с недовольным видом поджала губы и скосила глаза в сторону.

«Знаток, белоглазый, — ворчливо подумала я. — тебе то ничего не грозит...»

Тягучий и маслянистый полумрак, нехотя расступался перед мерцающим светом фей.

Золотистые лучи солнечного сияния, исходящего от моего фонаря, упорно тянулись в глубину полумрака. Отдельными подсвеченными пятнышками они вырывали из густоты корабельной полумглы различные предметы.

С обеих сторон от меня тянулись стоящие у закрытых орудийных портов пушки на

колёсных лафетах. Рядом с ними стояли или неряшливо лежали на полу клоцы, банники* (инструменты чистки ствола) или пыжовники и шуфла*(инструменты для зарядки орудий). На цепях покачивались бочонки с маслом, под которыми меркло сверкали в свете фонаря металлические поддоны с фитилями.

Здесь повсюду прочно повисал и твердел горьковато-горелый и немного как будто перченный запах пороха. Прямо на полу лежали ядра разных размеров. Под золотистыми лучами фонаря я видела, что они по спирали покрыты рунами, всё так же походившими на литеры древнегреческого. Покрывающие гладкий чугун письма тускло серебрились под светом пикси в моём фонаре.

Здесь было как-то душно, несмотря на довольно сырую погоду снаружи. Могу представить, что здесь творится во время боя — жар, наверное, как в грёбаной сауне для экстремалов!

Я ступала осторожно и настороженно оглядывалась по сторонам. Возле пушек и среди опавших на настил пушечных талей стояли многочисленные сундуки разных размеров. Кроме них тут повсюду валялись клочья одежды, обрывки исписанных бумаг, рваная обувь, сумки, ремни и... конечно же несколько скелетов в лохмотьях.

Я застыла на месте, увидев их и вопросительно оглянулась на Люка.

— Они могут встать?

— Нет, — покачал головой боггарт. — Если не восстали под музыку проклятого шарманщика, то уже не встанут.

— Смотри, Люк, если меня утащат в танец, ты здесь навсегда останешься...

— Я помню, — с недовольным видом ответил боггарт.

Похоже, он уже всерьёз питал надежды выбраться из Порта Снов и ему не хотелось отказываться от этой приятной мысли.

Я с опаской, быстро пробежала мимо одного из лежащих возле опорной балки скелетов, оглянулась на второй — тот, с отпавшей челюстью, безмолвно и неподвижно удерживал в руках пистолет.

— Заряжен, — обратил внимание Люк и указал на пистолет.

Я остановилась рядом с костями покойного моряка и осторожно коснулась пистолета в костяных пальцах.

Пистолет был на подобии тех, что можно увидеть в многочисленных фильмах на тему нашего семнадцатого или восемнадцатого века. Только этот выглядел более необычно — с какими шестерёнками на корпусе, миниатюрным каплевидным фонариком и обмотанные шерстяными шнурками с какими — то камушками, похожими на янтарь или яшму.

Я попыталась достать пистолет из рук мертвеца, но его костяные пальцы удерживали оружие на удивление крепко. На силу мне удалось вырвать пистолет из рук скелета, но при этом я, неуклюже, в лучших традициях глупых комедий, отлетела назад и больно приземлилась на седалище.

С моих уст сорвался шёпот короткого ругательства, я торопливо поднялась, морщась от ноющей боли в ягодицах, и осмотрела пистолет в своих руках.

— Аккуратнее, — напомнил парящий рядом со мной Люк. — Он заряжен, и в его стволе может находиться любое проклятие. А здесь кругом порох и ядра с другими проклятиями, более мощного воздействия. Жахнешь не туда — и мы с тобой оба останемся здесь на веки.

Разобравшись с механизмом пистолета, я подняла взведённый курок с зажатым

кусочком кремния, внимательно изучила ствол оружия.

— Люк, а можно как-то узнать, что за... проклятие здесь заряжено? — спросила я.

Если мне придётся использовать оружие — а я не сомневалась, что в этом мире без владения оружием моя жизнь не будет долгой и спокойной — я бы хотела знать, чего ожидать.

— Можно, — с насмешкой хмыкнул этот негодяй.

— И как?

— Выстрелить, — хихикнул Люк.

Я недовольно скривилась.

— Очень умно!

— А ты не задавай тупые вопросы!

Я хотела что-нибудь состричь в ответ, но меня прервал вкрадчивый звук тяжелого волочения по полу. Я обернулась на месте, в лицо ударил жар страха, сердце затрепетало в груди и взлетело под горло.

Часто и испуганно дыша, я вглядывалась в окружающий меня полумрак. Через секунду похожий звук — как будто что-то тяжелое двигали прямо по деревянному настилу палубы — повторился за моей спиной.

Я снова обернулась, но ничего не заметила, хотя... Несмотря на полумрак, я сумела заметить, что за одним из многочисленных сундуков заметен след смазанной пыли и царапин на досках настила.

Не зная чего ожидать, я с опасением уставилась на сундук. Он не двигался. Но почти сразу же, где-то справа от меня вновь послышалось знакомое тяжелое звучание. Резко вытянув руку в сторону примерного источника звука, я увидела, как один из громоздких сундуков двигается, но он тут же замер, как только лучи фонаря коснулись его узорчатой крышки.

Ощущая, как вместе с ударами сердца пульсирует вся грудная клетка, с округлившимися глазами, я всматривалась в громадный, покрытый бронзовыми узорами окованный сундук.

— Зо-ои... — опасливо протянул Люк. — Мне кажется тебе пора...

Сразу несколько сундуков рядом со мной вдруг одновременно и резко развернулись. Крышки их распахнулись, на меня хлынул адский багровый дым. Я услышала мерзкое дыхание, а затем увидела ряды громадных зубов внутри и под крышками сундуков. У многих высунулись длинные тёмные языки и извиваясь потянулись ко мне, а давешний громадный сундук вдруг подпрыгнул и с грохотом упал возле меня.

— БЕЖАТЬ!!! — заорал Люк.

Гигантский сундук распахнулся, на меня вывалилась новая порция багрового облака, а из сундука смотрела необъятная зубастая пасть с длинным мерзким влажным языком.

И я рванула прочь что было сил.

— Беги!!! Беги!!! Беги!!! — надрывался рядом со мной боггарт.

Я неслась по оружейной палубе, мимо пушек, перескакивая через опрокинутые вёдра и мотки пушечных талей.

А со всех сторон ко мне ползли и прыгали десятки зубастых и гремящих тяжелыми крышками сундуков.

— Люк, что это за дрянь?!! — вскричала я в панике на бегу.

— Хищные сундуки!!! — взвыл Люк.

— А ты не можешь их напугать?!

— Я не знаю, чего они боятся!

— ЧТО?!! Как это?!!

— Это таргалы, они живут в Мракоморье! Их непросто напугать!!!

— А это твоё... эта хрень Взывающих-к-Волнам!

— Она не действует на одержимые таргалами предметы! Тут нужен настоящий Взывающий, с настоящим, Девятая ведьма побери, колдемароном!!!

Я выкрикнула ругательство, когда дорогу мне преградил очередной сундук. Он распахнул крышку и буквально плюнул в меня ошметками одежды и тяжёлых костей.

— Тварь! — выдохнула я со злостью.

— Не останавливайся! — закричал боггарт.

Я оббежала сундук, который продолжал харкаться различными, в том числе и довольно тяжёлыми предметами.

Пригибаясь и уклоняясь от встреч с зубастыми сундуками, одержимыми таргалами, я летела вперёд со всей доступной прытью.

Справа с мощным грохотом выпрыгнул очередной сундук. Он толкнул мне под ноги два тяжелых пушечных ядра, обо одно из которых я споткнулась и чуть не расцеловала палубный настил.

Но мне удалось удержать равновесие.

Я продолжала бежать вперёд, слышал за спиной ужасающий грохот десятков крышек сундуков. Длинные склизкие языки одержимых таргалами хищных сундуков тянулись ко мне.

С трудом избегая их, я летела вперёд, к видневшемуся вдали дверному проёму — выход с оружейной палубы был близко.

На пути у меня выскочил очередной громадный сундук, распахнулся и обдал меня дождём монет.

Я закрылась и вскрикнула, когда по спине, рукам и по голове застучали довольно увесистые медные и серебряные монеты.

— Скотина! — выкрикнула я.

Выплеснувший на меня денежное содержимое, громоздкий сундук сумел оплести языком мою правую ногу, но я тоже была на чеку и что было сил огрела его фонарём.

Звякнуло стекло разбитого фонаря пикси, и феечки брызнули наружу разлетаясь по округе. Большинство из них, к сожалению, стали пищей для хищных сундуков, но мне это сыграло на руку — мои преследователи начали толкаться между собой, в попытке поймать и проглотить улетающих пикси.

Хищный сундук, которому я прибила язык ударом фонаря отскочил прочь и попытался напасть на меня, но я успела отскочить прочь и продолжила бег.

— Ещё немного! — прокричал Люк, отчаянно болея за меня.

Я уже выдыхалась — бежать с сумкой на плече было нелегко, лишний груз изматывал и усиливал усталость.

В красивом прыжке я преодолела порог между оружейной палубой и следующим отделением корабля.

Я закрыла за собой дверь и привалила стоящими рядом бочками. А затем оглянулась.

Музыка шарманки звучала совсем рядом, буквально... над головой.

Медленно ступая между мешков и ящиков с грузом, обходя прогнившие доски, я вышла на середину просторного трюма.

Через закрытые решётки наверху сюда пробивались бледные лучи света. Здесь обильно пахло сыростью и тянуло сквозняками.

А между полом трюма и ахтер-люками наверху, на цепи повисал... человек! Это был крепкого телосложения молодой мужчина с неряшливыми тёмными волосами и заметной щетиной на скулах и подбородке. Он был облачён в просторный длинный и изношенный кожаный сюртук чёрного цвета, с яркими алыми лацканами. Из-под рукавов сюртука торчали поблёскивающие металлические наручи с красивой гравировкой. Под сюртуком у мужчины была разорванная белая сорочка с двумя мелкими пятнами крови. Сквозь разорванный ворот сорочки была заметна широкая крепкая грудь и какой-то сверкающий тусклыми бликами медальон.

Яркий кушак украшал пояс мужчины, а на ногах у подвешенного на цепи темнели высокие ботфорты с массивной подошвой и жутковатого вида шпорами.

Но самое примечательное во всей внешности неизвестного пленника трюма, был небольшая нефритового цвета шарманка, рукоять которой его руки вращали механическими бездумными движениями.

Глаза брюнета при этом были закрыты, но из-под ресниц и изо рта вырывались знакомые мне багровые облачка пара или дыма.

— Это и есть проклятый шарманщик?! — удивилась я.

Мужчина казался мне вполне живым и нормальным, никак не связанным с нежитью. К тому же было непонятно, почему он никак не реагировал на моё появление, если поднял скелетов наверху, чтобы затащить меня в вечный танец до смерти.

— Ты видишь перед собой человека, одержимого таргалом Проклятого Шарманщика, — пояснил Люк. — Чтобы играть и поднимать пляску скелетов, Шарманщику нужно тело живого и обладающегоорукамисущества. Люди подходят лучше всего, но... Этот бедняга, похоже, оказался здесь недавно и ему не повезло стать сосудом для таргала.

— И как его освободить?

— Прогнать Шарманщика из его тела, — рассеянно ответил Люк.

Я обернулась и внимательно, не скрывая недовольства во взгляде посмотрела на боггарта.

— Неужели?! — выразительно спросила я.

— Ну-у... Вроде, эта нежить не терпит человеческой, нормальной музыки.

— Вроде? — скептически переспросила я.

В ответ боггарт лишь пожал плечами.

— Я не Взывающий-к-волнам и не умею прогонять нежить Мракоморья.

— Зашибись, и где мне взять музыкальный инструмент?! — развела я руками.

— Не обязательно использовать инструмент, можно просто попробовать простучать ритм и...

— Ха! У меня есть кое-что получше! — с победным видом я достала мобильник и открыла папку с мелодиями.

Мимоходом я подумала, что могла бы использовать его вместо фонаря, но тогда потратилась бы зарядка, а она у меня и так заканчивалась подозрительно быстро. Наверное, потому что в этом мире электроэнергии и, тем более, аккумуляторов для мобильных телефонов просто не существует. Или он не может здесь функционировать по местным законам физики.

В любом случае своим смартфоном я пользовалась в последний раз — зарядить мне его

здесь будет нечем и негде.

Я открыла плеер, а Люк зачем-то подлетел к мужчине, который был одержим Шарманщиком и заглянул ему под правый рукав.

Я выбрала первую попавшуюся мелодию, и трюм старого корабля огласила вступительная мелодия «Freak» от бессмертных KISS.

Шарманка в руках одержимого мужчины сбилась, мелодия стала прерывистой, а её звучание быстро замедлялось. Но тут раздался протестующий и тревожный крик Люка:

— Зои, стой! Не прогоняй шарманщика!

— Что?! — ахнула я. — Почему?!

Люк замешкался, увидев странный, для него, предмет в моих руках, но тут же прокричал с тревогой в голосе:

— У него на медальоне стальной череп кракена!

— Какой череп?! — скривилась я и выключила мелодию на телефоне.

Смартфон, кстати, в тот же миг выключился полностью и больше признаков жизни не подавал.

— Не глупи, алхимия! — вскричал в панике Люк. — Перед тобой один из пиратов Пепельных островов! А точнее...

Он оглянулся на мужчину из глаз и рта которого буквально вытекал багровый дым плоти вселившегося в него таргала. Обиженный на классика рок-н-ролла дух местной преисподней, подхватил свою шарманку и вместе с ней унёсся прочь, куда-то в глубины старого судна.

А мужчина на цепи сначала что-то замычал, затем издала что-то среднее между вздохом и рычанием, а потом вымолвил ругательство.

Люк в этот миг шепотом закончил то, что начал кричать:

— ...А точнее — перед тобой один из пиратских капитанов.

— Это плохо, да? — боязливо спросила я боггарта.

Судя по перепуганному лицу Люка, перспектива попасть в лапы пляшущим скелетам была не самой худшей.

Чашечка седьмая

«За каждой преуспевающей женщиной... значительный объем выпитого кофе».

Стефани Пиро.

Нефритовая шарманка с позолоченной ручкой выпала из рук пиратского капитана. Звук от удара её падения на дощатый настил трюма был похож на небольшой взрыв.

Я вздрогнула, инстинктивно чуть вжала голову в плечи и чуть скривилась. А кружащий вокруг тела мужчины багровый дым резко спикировал вниз, подхватил шарманку и стремительно улетел куда-то прочь, взметнув с пола мелкие щепки, обрывки парусины и иссохшие фрагменты снастей такелажа.

Я настороженно посмотрела вслед упорхнувшему таргалу Проклятого Шарманщика и поймала взгляд Люка. Белые, без зрачков, глаза боггарта испуганно смотрели то на меня, то на пленника, повисающего на цепях.

А тот, между тем, громко всхрапнул, чихнул и неожиданно проснулся. Я вновь бросила на Люка неуверенный взгляд, боггарт пожал плечами и чуть крутанул в руках свой тёмно-синий зонт.

Мужчина в чёрном потёртом сюртуке шевельнулся, звякнули цепи, на которых он висел, а затем я услышала голос:

— Что за дрянь такая, каменное проклятие Вас порази?! Кто осмелился подвесить меня на цепи?!

Голос у пиратского капитана оказался сильный, грудной, немного как будто звериный, но при этом с приятным бархатистым благородным оттенком. Но все мои мысли сейчас были только о том, не зря ли я вообще этого головореза спасла от одержимости Проклятым Шарманщиком? И, если зря, мне сейчас сваливать подальше или всё же стоит ещё задержаться?

Обладатель стального медальона с черепом кракена резко поднял голову. Часть тёмных прядей волос упала на его лицо, но она не скрыла свирепого взгляда безжалостных глаз стального цвета. С моего места, казалось они вообще бесцветные или полностью залиты жидким металлом, с темными кружками зрачков. Не люблю красочные ассоциации в применении к людям и их характеристикам, но взгляд у мужчины был, как у голодного и невероятно злого велоцираптора! Ну, по крайней мере мне казалось, что опасные ящеры должны были смотреть на свою добычу именно так, как сейчас глядел на меня этот пират.

— Ты! — рявкнул он. — Сними с меня цепи! Живо!

Я удивленно вскинула брови и вновь вопросительно посмотрела на Люка. Боггарт ретиво и категорично замотал головой.

— Не вздумай! — шепнул он.

— Эй! — пират не позволял нам с Люком обменяться мнениями. — Я к тебе обращаюсь, рыжеволосая! У тебя есть ключ, чтобы снять эти долбанные цепи?!

— Боюсь, что нет, — деликатно ответила я.

Пират небрежно фыркнул.

— Тогда, кто меня заковал?! — капитан пиратов. — Что я вообще делаю на этом дряхлом корыте?!

— Хватит с ним болтать, — шепотом обратился ко мне боггарт. — Он не стоит того, чтобы его спасать, алхимия. Уверю тебя, если его подвесили в трюме на цепи, это

означает, что он слишком опасен, чтобы оставлять его в простых кандалах.

— Хватит там шептаться! — прикрикнул на нас корсар и взгляд его пробежался по моему телу. — Хм, крошка. А ты случайно не колдунья?! Судя по сумке из которой торчит всякая ерунда и ухоженному виду ты или из благородных, или из сословия носителей магии. Но у благородных в глазах гонору больше, чем ума, и с фергалами они уж точно не якшаются. Значит, ты из тех, кто может ворожить. Давай-ка, сними с меня цепи.

— Зои, не слушай его! Нам нужно спешить! — Люк откровенно опасался пиратского капитана.

— Зачем мы тогда его спасали, если всё равно бросим? — я не могла решиться на то, чтобы вот так запросто бросить человека на произвол судьбы.

Тем более, что судьба у него, при таких-то раскладах, будет печальная, а жизнь короткой.

— Зои! — вскричал Люк. — Уверю тебя пираты с пепельных островов — это не те люди, к которым стоит проявлять сочувствие!

— Плевал я на ваше сочувствие! — прорычал свирепый мореход. — Мне нужна свобода, а не сочувствие!

— Ключ, наверное, у кого-то из офицеров в кают-компании, — предположила я.

— Так может пора уже за ним сходить? — елеино и вкрадчиво поинтересовался пират.

— Сам сходишь! — задиристо крикнул ему в ответ Люк и подлетел вверх. — Зои, уходим! Шарманщик и его пляшущие скелеты больше не преграждают тебе путь! Давай же! Пойдём!..

Я встревоженно посмотрела на Люка, затем перевела неуверенный взгляд на пиратского капитана. Чувство сожаления и внутреннего душевного противоречия царапало и припекало изнутри.

Капитан пиратов поймал мой взгляд и невесело усмехнулся.

— Серьёзно?! — уже тише спросил он со злой ухмылкой. — Оставишь меня здесь подыхать, красотка? Я ведь тебе, пока что, ничего плохого не сделал!

— Не слушай ты этого душегуба! — вскричал Люк. — Он убийца и проклятый висельник!..

Если бы боггарт мог, он бы наверняка схватил меня за руку и потянул за собой. Я не двигалась с места. Мой взгляд метался между Люком и пиратом. В конце концов я всё-таки решила, что каждый заслуживает шанса на спасение, а я не готова брать на душу ответственность за фактический смертный приговор беспомощному пленнику.

— Люк, — тихо произнесла я, — так нельзя.

Боггарт закатил глаза, всем своим видом показывая, что с пиратами Пепельных островов только таким образом и надлежит поступать.

— Для имперской аристократки ты проявляешь поразительную мягкость и ошибочное милосердие, Зои.

— Милосердие не бывает ошибочным, Люк, — ответила я. — Даже если он пират, его должны сначала судить, а затем уже вешать...

— Топить, — поправил меня Люк, с нескрываемым недовольством на лице. — На архипелагах Квинквилля топят, а не вешают. Это у вас, в Скардхайде любят понаблюдать, как человек в петле ногами дёргает.

— Так ты всё-таки из Скардхайда, — протянул пират, когда я подошла к нему и достала одну из мини-термочашек. — А я думал, волосы у тебя крашенные, а в глазах какой-то

эликсир.

— Нет, — уверенно ответила я, — я чародейка и родом из Скардхайда. А чему ты радуешься? Думаешь, я просто так с тебя цепи сниму?

Он недоуменно и настороженно скривился, когда увидел, что я вдыхаю аромат магического кофе и с предвкушением, чуть злорадно улыбаюсь.

— Что это за дрянь?

— Напиток, после которого ты станешь свободным, но опасность представлять не будешь, — ответила я, с долей самодовольства.

В этот миг дверь, которая отделяла трюм флейта от оружейной палубы, затряслась от частых и настойчивых ударов. Я вопросительно оглянулась на Люка.

— Хищные сундуки могут выломать дверь?

Но ответ боггарта не понадобился, когда со стороны выше упомянутой двери послышался надрывающий треск и звук отпадающих мелких щепок.

— Ясно, — быстро проговорила я.

— Тебе точно охота возится с этими пиратским отродьем и рисковать быть сожранной опасными таргалами?! — с неожиданной язвительностью и возмущенным презрением к пиратскому капитану, спросил боггарт.

Я с удивлением заметила, что он, похоже, питает какую-то личную неприязнь к местным джентльменам удачи.

— Мне охота не обрекать человека на жестокую и несправедливую участь, как минимум, пока его вина не была доказана в суде.

— Он пират, — напомнил мне Люк. — Всякий, кто выходил в море под Черепом Кракена — уже виновен и заочно может быть приговорен к утоплению или к каторге.

— Сначала суд — потом приговор, — решительно заявила я.

— Обожаю имперское правосудие и бюрократию, — рассмеялся пиратский капитан. — Если бы не вы, полагаю, в Квинквиле никогда бы и не существовала коллегия адвокатов и судебная система.

Люк лишь возмущенно фыркнул и проворчал что-то про «дикарские» имперские выдумки, вроде презумпции невиновности.

Но его смех стих, когда я сначала выстроила из валявшихся здесь пустых ящиков и бочки небольшую пирамиду, а потом взобралась на неё с маленькой термочашкой в руках.

— Я не стану это пить, пока ты не попробуешь у меня на глазах, — заявил пират.

Позади меня дверь в трюм продолжала понемногу осыпаться от ударов жаждущих плоти одержимых сундуков.

— Тогда оставайся здесь и жди, пока они, — я качнула головой в сторону двери, — доберутся до тебя. Только не кричи слишком громко, когда тебя будут заживо рвать на части.

На лице пирата отразился сперва лёгкий шок, а затем нескрываемое, хоть и немного злобное, одобрение. Он видимо не ожидал, что помимо соперничества и доброты я могу проявлять и жесткость или даже жестокость, если понадобится.

Пока мысли и сомнения метались в его красивых серо-стальных глазах, я с интересом рассматривала его лицо. Был бы он немного более ухоженным, более побритым и... если бы от него так сильно не разило трюмными запахами, его можно было бы счесть очень привлекательным. Даже сексапильным, чего уж мелочится.

— Так что, пить будешь? — я в шутливой манере игриво чуть потрясла перед ним

чашечкой с медовым рафом.

За пару секунд испытующий взгляд флибустьера несколько раз метнулся от меня к двери в трюма, которую в неистовстве жажды крови упорно вышибали одержимые таргалами сундуки.

Я, тем временем, успела внимательно рассмотреть медленно вращающийся стальной медальон у него на шее.

Это было очень качественное изделие, изображающее жуткий оскалившийся череп морского чудовища с девять закручивающихся шипастых щупалец вокруг него. Эта вещь словно предупреждала, что с её владельцем лучше не связываться.

— Во что я превращусь? — чуть скаля зубы, с неприязнью и очевидно вынужденным согласием, спросил пират.

— Ни во что, — мотнула я головой. — Просто станешь... немного другим.

— Немного другим?! — агрессивно рыкнул он.

— Не таким опасным, — проворковала я в ответ медовым голосом.

Взгляд корсара стал тяжёлым, угрожающим и ледяным. Он шумно, совсем как зверь на привязи, вздохнул и коротко кивнул.

— Каменное проклятие на твою голову, ведьма. Давай сюда своё зелье.

— Только пей аккуратно, не проливай ни капли, — предупредила я. — Иначе я не поручусь за результат.

— Хорошо, — процедил в ответ пират.

Я протянула ему чашку с кофе и, когда он взял её левой рукой, хотела было отстраниться, но коварный обладатель жуткого медальона правой, свободной рукой схватил меня за правое запястье. Я вскрикнула от неожиданности.

— Ты что творишь?! Отпусти меня!

— Обойдётся, — нагло и со злостью заявил в ответ корсар. — Сначала я допью, и если со мной что-то пойдёт не по плану, ты за это заплатишься.

— Я вообще-то тебе помочь собиралась! — неожиданно неуместно тонким голосом взвизгнула я.

— Вот и проверим искренность твоих намерений, алхимия, — многообещающим зловещим голосом проговорил пират.

Я с трудом удерживала равновесие на шаткой пирамиде из бочки и нескольких ящиков. Пират усмехнулся, глядя на меня с насмешкой и превосходством. А я неосознанно обратила внимание на странные темные татуировки, покрывающие его могучую шею и горло. Сперва мне показалось, что его вены жутковато темнеют под обветренной кожей, но это были именно наколки, изображающие не то переплетающиеся многочисленные корни, не то щупальца, не то вовсе языки пламени.

— Отпусти её сейчас же, пиратское отродье! — раздался за моей спиной гневный и решительный голос Люка.

Я быстро оглянулась и к своему удивлению обнаружила, что мой первый в новом мире приятель почему-то обратился в игрушечный, но очень реалистично выполненный домик. Под самой крышей яркого кукольного домика вдруг распахнулось круглое окно и из него выпала крохотная фигурка. Присмотревшись, я увидела, что это была куколка младенца, в ярких детских одежках.

Зная об особенности боггарта и заметив резко изменившееся лицо пирата — покрытое двумя шрамами, загорелое и суровое обличие корсара сразила напряженное потрясение — я

смогла предположить, что именно значит кукольный дом и выпавший из него кукольный пупс.

— Люк, не надо! Прекрати! — попросила я. — Пожалуйста!

Боггарт мгновенно послушался и удивленно уставился на меня.

— Зои, я же пытался помочь...

— Я знаю, знаю, — поспешила сказать и я поблагодарила боггарта. — Спасибо, но это было слишком жестоко, Люк.

Я перевела взгляд на пирата, который одной рукой держал чашку с волшебным рафом, а другой продолжал больно стискивать мою правую руку.

— Прости его, — попросила я флибустьера, — он не осознавал, что именно показывает.

На лице пирата дёрнулась левая скуловая мышца, губы сжались в линию, а глаза налились яростным желанием убивать. Видят местные боги, Люку сейчас сильно повезло, что он не может быть физически убит.

— Просто выпей кофе, и я сниму с тебя цепи, — попросила я.

— А если не стану пить кофе, а просто пригрожу, что толкну тебя вниз и ты себе шею свернёшь? — с язвительной агрессией спросил пират. — Как тогда ты запоёшь, пташка?

— Очевидно уже никак, — с обманчивой беспечностью ответила я. — Но при таком раскладе, твоим единственным утешением будет лишь факт того, что ты умрёшь не один.

То ли у меня был весьма уверенный тон, то ли мои слова стали последним убеждающим фактором. Смерив меня ещё одним испытующим внимательным взглядом, пиратский капитан отпил из чашки и уважительно хмыкнул.

— Вкусно.

— Ещё бы, — горделиво ответила я.

В ответ корсар одобрительно ухмыльнулся и за несколько больших крупных глотков выпил весь приготовленный мною раф. Пока он поглощал продукт моих алхимических трудов, я с какой-то странной замороженностью и опасливой настороженностью наблюдала за ним. Мой взгляд скользил по лицу, дергающемуся угловатому кадыку, крепким плечам и крупным широким ладонями с мозолистыми пальцами. Я рассматривала его просоленные морским ветром волосы и изуродованное в бою левое ухо — от него как будто оторвали кусок, оставив без мочки.

Лицо, движения, манера говора и поведения, каким-то неуловимым образом свидетельствовали об очень непростой судьбе этого человека. Откуда-то я сейчас знала, что за агрессивным и озлобленным поведением, кроется что-то запрятанное глубоко в погребах и закоулках тёмной души. Что-то чего он боится, ненавидит и то, что продолжает пожирать его из года в год, изо дня в день. Я почему-то подумала, что этот пират не выбирал свою судьбу или, по крайней мере, не собирался разделять участь морских разбойников.

Просто однажды его жизнь где-то сломалась, навсегда изменив этого мужчину. Возможно, мои предположения правдивы, а возможно — нет. Но нельзя забывать, что он убийца и разбойник, а значит представляет серьёзную опасность. Фактически это криминальный авторитет, если пользоваться формулировками моего родного мира. С таким нужно быть в меру жесткой, но в меру же мягкой, где нужно.

— До конца, — настояла я, когда пират собрался было вернуть мне термочашку с остатками рафа.

Мужчина недовольно зыркнул на меня, раздраженно вздохнул и всё-таки допил.

— Отлично, — повеселела я и попросила. — Теперь отпусти меня, пожалуйста.

— А-а... Конечно, как пожелаете, милая моншери, — с неожиданной и непривычной любезностью, проговорил вдруг корсар. — Простите мне мою грубость...

Он разжал пальцы левой руки, которыми удерживал меня.

— Благодарю, — я сняла крышку с термочашки, которую вернул мне флибустьер и провела пальцем по стенкам сосуда.

Пока обитатель неизвестных мне Пепельных островов взирал на меня с удивлением и раздраженной растерянностью, я аккуратно смочила каплями кофе, на своих пальцах, звенья цепей, что удерживали мужчину в подвешенном состоянии.

— Держись, — коротко бросила я.

Брови сошлись на переносице.

— Что ты со мной?..

В этот же миг гигантские кандалы, охватывающие его поясицу и шею, разомкнулись сами собой, и флибустьер чудом не рухнул вверх, успев схватиться за одну из цепей, на которых висел.

Я слезла вниз с пирамиды из бочки и ящиков, затем приблизилась к цепи, что оттягивала ноги морского головореза вниз и смазала каплями сладкого рафа и её толстые, покрытые небольшим налётом ржавчины, массивные звенья.

— Можешь спускаться, — разрешила я, когда нижняя цепь, словно внезапно уснувшая змея разомкнула «челюсти» металлических кандалов, которые охватывали ступни пленённого морского разбойника.

— Извольте прыгать, моншер пират, — с изрядной долей шутивого издевательства, ответила я.

— Премного благодарен вам, милая моншери, — тут же вдохновенно выпалил пират.

— «Милая моншери»?! — поразился подлетевший ко мне Люк. — Благословение Моретворца, Зои! Что ты с ним сделала?!

— Он стал... — я с ехидным торжеством посмотрела, как пират ловко, с глухим стуком, спрыгнул вниз. — Чутьочку добрее и чутьочку учтивым.

— Чутьочку? — переспросил боггарт, пораженный переменами в манерах пирата. — Да он сама любезность! Хоть сейчас на аудиенцию к герцогу Лоратана!

Корсар, услышав слова, Люка, в которых звучала не прикрытая пренебрежительная насмешка, приблизился к нему и перекошенным от злости лицом заявил:

— Я не знаю вашего имени, моншер боггарт, но ваши речи звучат, для меня, с недопустимой иронией в мой адрес. Я был бы вам очень признателен, если бы впредь вы воздержались от подобного недоброжелательного поведения.

От слов только что освобожденного пирата, Люк на несколько добрых секунд замер в безмолвной прострации.

Возможно, мой спутник был шокирован умением пирата использовать подобную лексику, но нельзя с уверенностью сказать, что его не впечатлила жуткая разница между учтивыми речами из уст отпетого головореза и звероподобной угрожающей мимикой на оскаленном лице. Об истинных мыслях пирата, в момент вежливых речей, говорили и его сжатые до дрожи кулаки.

Люк поперхнулся следующими словами и, несмотря на собственное бессмертие, счёл за лучшее промолчать.

— Теперь ты свободен и можешь спастись, как пожелаешь, — сообщила я освобождённому корсару. — Кстати, не хочешь в благодарность за освобождение сказать

своё имя?

— Да пусть Девятая ведьма заберёт его имя, Зои, — воскликнул боггарт, обеспокоенно глядя на дверь в трюм, которая уже буквально прогибалась внутрь грузового помещения судна.

Неистовствовавшие за порогом хищные сундуки почти провалились в трюм.

Однако корсар, не обращая внимание на слова фергала, приблизился ко мне, беспардонно пересекая дистанцию всех возможных приличий. Теперь его лицо, а точнее широкая грудь под порванной рубашкой и потёртым сюртуком была всего в нескольких сантиметрах от моих глаз. Невольно я заробела перед мужчиной, от которого буквально веяло мрачным величием и звериной опасностью. Я успела подумать, что Люк, возможно, был прав, когда сказал про ошибочное милосердие.

— Да будет вам известно, милая моншер, что имя моё Клод Марбо, но в пяти морях Квинквилья меня больше знают, как Клод Китобой, — назвав себя, корсар злорадно усмехнулся.

Его безжалостные и коварные глаза цвета стали внимательно следили за моей реакцией.

Судя по судорожному вздоху, который вырвался из уст впечатленного Люка, возвышающийся надо мной пират был широко известен в местных водах.

— Китобой? — переспросила я. — Ты занимался охотой на китов?!

Надменная усмешка скривила губы пирата, но он ничего не ответил. Вместо слов, Марбо подошёл к сгруженным у противоположной стены трюма ящикам и начал весьма проворно баррикадировать им дверь между трюмом и оружейной палубой.

— Чего ты стоишь?! — нервным шепотом обратился ко мне Люк. — Нужно бежать, пока он не занялся тобой. Чего ты замерла?! Это же Клод Китобой! То-то мне его рожа знакома! Его портрет чуть ли не в каждом порту на уличных фонарях и дверях таверн красуется!

Откровенно говоря, я была склонна поверить Люку и согласится с его предложением. Тем более, что я избавила этого пирата от цепей, и он уж точно сможет о себе позаботиться. А вот нам его компания ни к чему — действие рафа вежливости и благородства может закончиться в любой момент!

Бросив на Клода ещё один настороженный взгляд, я последовала за Люком. Боггарт уверенно провёл меня по трюму, в самую тёмную его часть. Как оказалось, из трюма вниз вела короткая узкая лестница, которая позволяла спуститься на второй, самый нижний и более просторный ярус трюма.

Вонь отсыревшего медленно гниющего деревянного корпуса корабля была здесь намного сильнее. Влажной сыростью и умопомрачительной вонью дышал густеющей здесь полумрак, разбавленный странными зеленоватыми ореолами. Источниками мерклого зеленоватого свечения оказались многочисленные жирные и склизкие червяки или личинки, которые в пугающем изобилии ползали буквально повсюду.

— Что это за мерзость?! — с отвращением и страхом спросила я Люка, указывая на гадких созданий, что лениво ползали по прогнившему дощатому настилу нижнего яруса трюма.

— Ты никогда не встречала корабельных могильщиков, Зои? — бросив взгляд на червяков, спросил боггарт. — Они появляются всюду, где есть сырое дерево. Их полно даже на исправных кораблях, не говоря уже о тех, что годами гниют на мели.

— А эта вонь протухших яиц тоже из-за них? — спросила я, отчаянно зажимая себе нос.

— Я ничего не ощущаю, — пожал плечами Люк, — но слышал от людей, что корабельные могильщики действительно имеют резкий неприятный запах.

— Резкий неприятный запах у скисшего молока, а это... — я жалобно всхлипнула и, крепче стиснув пальцами нос, глухо простонала, — это готовый материал для боевых отравляющих газов.

— Чего?! — обернулся на меня удивлённый и испуганный Люк. — У вас в империи изготавливают б-боевые отравляющие газы?!

— Не знаю, — честно призналась я и шутливо поддела своего белоглазого спутника. — Может и изготавливают.

Я выразительно и картинно поиграла бровями. Боггарт в ужасе раскрыл рот.

— Да успокойся, ты, — скривилась я. — Войны же нет и Квиквиль отстаивает независимость.

— Вам, имперцам, наша независимость спать спокойно не даёт, — проворчал в ответ фергал.

— Аж есть, без зубного скрежета, не можем, — с нескрываемой иронией ответила я.

Боггарт, хоть и был фергалом, похоже искренне переживал за родной Квинквиль и его жителей, раз так испугался потенциальному наличию ядовитого газа у Скардхайда. Кстати, отрадно знать, что в данном мире уже открыт газ.

В нашей истории, если я правильно помню, среди западноевропейских аристократов восемнадцатого века был популярен оксид азота, более известный, как «веселящий газ». Хм, значит здесь уже вполне могли задуматься, например, о газификации угля и внедрения газовых фонарей для уличного освещения. Лично меня, это несказанно радует. Впрочем, не будем сильно радоваться, поскольку из слов Клода стало понятно, что, к примеру, судебноп-правовая система на архипелагах Квиквиля может быть весьма отсталой, по меркамнашеговосьмнадцатого века.

Из вонючего трюма, в котором я, к собственному разочарованию умудрилась раздавить двух червей-могильщиков, мы пробрались в помещение, сплошь заваленное серебристо-металлическими инструментами и засыпанное песком. На покрывающем пол слое серовато-желтого песка, в лучах фонаря, темнели широкие багровые пятна. Вдоль обоих стен бортов корабля возвышались подобия кушеток из дерева. Даже без света фонаря, во мраке на них угадывались застывшие человеческие фигуры, обмотанные грязно-желтоватыми бинтами.

Под лучами дрожащего золотистого света феечек в найденном мною фонаре, из притаившейся на корабле тьмы выныривали, замершие на смятых и покрытых плесенью постелях, человеческие фигуры. Большинство из них напоминали человека лишь отдалённо. Иссохшие и истлевшие тела, на половину или почти полностью обмотанные окровавленными бинтами, производили устрашающее впечатление и больше походили на выходцев из местной преисподней, что не пожелала принять их в свою обитель.

— Будь по твоему, — предупредил меня Люк. — Мы в корабельном лазарете, и каждый из этих покойников запросто может оказаться сосудом для кого-то из таргалов.

— Я почему-то так и подумала, — кивнула я.

В принципе, ступая по разбросанному здесь песку, сохранять тишину было не так уж сложно. Главное не наступать на разбросанные по полу предметы и не задевать болтающиеся на цепях фонари. Большая часть последних были пустыми, но в некоторых я, к своему ужасу, находила миниатюрные неподвижные фигурки мёртвых феек.

Прозвучит до отвратности цинично, но почему-то лицезреть гибель феечек было

страшнее, чем людских мертвецов, встретивших свой конец в мучениях от полученных ран или болезней. Впрочем, жаль было всех, но жалость здесь уже была бесполезна.

Наверное, мне бы удалось вполне себе спокойно миновать лазарет и пробраться через весь флейт, чтобы перейти на другой корабль, но, когда мы с Люком были уже на середине лазарета, судно внезапно вздрогнуло от мощного глухого удара.

Пол под моими ногами покачнулся, накренился в сторону. Вокруг зазвенели качающиеся на цепях пустые фонари. Деревянные кушетки справа от меня заскрипели по полу, нехотя, сползая вниз по песку, в сторону кренящегося судна.

— Что происходит, Люк?! — вскричала я с растерянностью и страхом.

— Корабль заваливается на бок, — констатировал боггарт.

— Да что ты говоришь! — с испугом и иронией, воскликнула я в ответ и ухватила за ближайший фонарь на цепи.

На меня с возрастающей скоростью ринулась кушетка с покойником. Я, охнув, прыгнула в сторону и тут же мне пришлось буквально перекатиться по полу с песком и засохшей кровью, избегая столкновения с очередной кушеткой. Проехавшее мимо меня деревянное лежбище круто развернулось на песке, заложив крутой разворот, на зависть всем поклонникам дрифта. Из-за этого маневра с деревянной койки вниз сверзилось тяжелое тело мертвеца в бинтах. Я позорно закричала и инстинктивно закрылась руками, когда тяжёлое и зловонное тело рухнуло прямо на меня.

Из лёгких вышибло воздух, тупая боль от удара разлилась в груди и животе, следом резко стало тяжело дышать. Под громадным мёртвым мужиком я едва могла сделать даже вдох. При этом от него разило такой убойно вонью, что у меня резало глаза и кошмарно тошнило.

Глухой удар, звучавший откуда-то снизу, повторился вновь. Он был сильнее предыдущего, и на этот корабль буквально вздрогнул всем корпусом. Следом послышался продолжительный басовито гудящий звук, напоминающий звучание горна или средневекового рога.

— А вот это плохо! Это очень-очень плохо! Зои!!! Вставай! Вставай быстрее! Это песнь гренделя! Здесь грендель, Девятая ведьма его поберит!!!

— Кто... такой... грендель?! — выдохнула я скривившись и сию секунду выбраться из тяжеленного покойника, надёжно придавливающего меня к полу.

— Каменное проклятие, Зои! Грендели — это те самые великаны, обитающие в подводных морских пещерах! И кажется пляска скелетов или шум хищных сундуков разбудило местное подводное чудовище! Зои, тебе нужно убираться отсюда!

Как будто в подтверждении слов Люка, флейт содрогнулся от нового, ещё более свирепого удара. На этот раз я отчётливо услышала сперва мощный, гулко хрустящий, треск ломающегося дерева, затем сверху прозвучало несколько одиноких сильных ударов по верхней палубе.

С потолка лазарета сорвалось облако пыли и плавно рассеялось по лазарету.

Насилу мне удалось выбраться из-под мертвеца, я с отвращением обнаружила на себе несколько влажных склизких пятен.

Меня затошнило вновь, голова пошла кругом, а живот скрутило рвотным позывом. Но страх погибнуть в разрушающемся корабле оказался сильнее рвотных спазмов.

С трудом удерживая равновесие и стараясь не свалиться вновь, я ринулась вперёд по наклонённому на бок полу. О беге или даже нормальном шаге речь теперь не шла,

приходилось именно что пробираться и лезть.

Над кораблем вновь прозвучал «горн», а через мгновение сверху раздался титанической силы удар, с аккомпанементом очередного деревянного треска и протяжного скрипа. Потолок лазарета с грохотом прогнулся внутрь, на песок посыпалось несколько обломанных щепок.

Одна из них задела меня по плечу, другая прилетела по макушке. Шипя от боли, я старалась следовать за Люком, который то и дело меня подгонял.

— Быстрее, быстрее, быстрее! — почти молил меня боггарт.

Корабль сотрясали новые удары, пол под моими ногами медленно наклонялся в сторону под более крутым углом. Мои ноги скользили вниз по песку, мне приходилось перебраться от одной опорной балки к другой, периодически удерживаясь руками за висящие под потолком цепи фонарей.

Впереди показался темнеющий дверной проём.

— Дальше проход к вороту якоря и бушприту, а оттуда сможешь перелезть на другой корабль.

Я молча кивнула. Мне было слишком страшно, чтобы что-то говорить. Тело прошибало насквозь ужасом и шоком. Кожа увлажнилась потом, напряжение сдавливало и душило, кровь предостерегающе и надрывно пульсировала во всех венах.

Справа скрипнула деревянная кушетка. Я, тихо ругнувшись, отскочила в сторону, опасаясь быть сшибленной тяжёлым ложем, но опасность пришла с другой стороны.

Упавшее на пол тело мертвеца, шевельнулось, его пустые глаза и рот наполнились знакомым багровым дымом, и покойник поднялся. Сдавленно хрипя, он потянул ко мне скрюченные пальцы левой руки. Правой, что характерно, он прижимал к груди нефритовую шарманку с бронзовой рукоятью.

Таргал Проклятого Шарманщика не нашёл ничего лучше, как затаится в теле одного из усопших бедолаг корабельного лазарета. А сейчас, судя по всему, решил припомнить мне своё изгнание — до моего появления у него, похоже, всё было прекрасно.

— Зои не дай ему приблизится, иначе он поработит тебя! — в панике закричал парящий надо мной Люк.

Боггарт, надо отдать ему должное, попытался мне помочь и отпугнуть таргала, вновь превратившись в колдемарон Взывающих-к-волнам. Но, на Проклятого Шарманщика это почти не подействовало. Мертвец резко, как будто его подтянули вверх невидимые канаты, поднялся, вытянул вперёд левую руку и издал сдавленное жуткое сипение. От звука голоса, исторгаемого из мёртвых уст, меня пробрал мгновенный холодный озноб и сразило шоковое оцепенение.

— Зои! — прозвучал слева от меня предупреждающий крик Люка.

Я оглянулась назад, искала глазами что-то, куда можно было безопасно перебраться.

При наклоне судна в шестьдесят-семьдесят градусов, ходить по полу уже было невозможно. Оставалось лишь перескакивать, перебираться по цепям фонарей, различным крепежам на потолке и всё тем же опорным балкам.

Одержимый Проклятым Шарманщиком мертвец неуклонно полз за мной. В глазницах упыря багровел потусторонний дым, он же вырывался сквозь ноздри и дряблые губы покойника. Одеревеневшее и иссохшее тело усопшего когда-то мужчины неуклонно двигалось ко мне.

Я бы, наверное, смогла от него уйти, если бы подвластный Шарманщику мертвец

внезапно не начал воспарять вверх.

— Да чтоб ты лопнул! — в сердцах и с досадой воскликнула я.

Я достала из сумки одну из мини-термочашек и пригубила «Глясе бестелесности». Стоило мне сделать всего несколько глотков, как тело сковал ошеломляющий холод. Казалось, что в вены вместо крови буквально влили все три литра воды из покрытого льдом озера!

Я испуганно охнула, ощущая, нарастающую зябкость и противную слабость во всём теле. Несколько мгновений я испытывала крайне неприятные ощущение. Я как будто тонула изнутри, захлёбывалась наполняющей меня мёрзлой водой. Сковывающий тело холод, стремительно взбирался по телу, парализуя конечности и замораживая мышцы с сухожилиями.

Мгновение, и ощущение наполненности влажным холодом добралось до шеи, а затем поразило ротовую полость и голову. А через долю секунды я с потрясением увидела, что вместо привычного вида моих рук и одежды на мне, всё стало призрачно-прозрачным.

Мои пальцы, руки, куртка, джинсы и ботинки, сумка с кофе, волосы и фонарь вместе с феечками — всё наполнилось какой-то молочно-вуалевой голубовато-серой субстанцией, сквозь которую свободно мог проникать свет и любые другие предметы.

При этом четкие границы моего тела, волос, пальцев и ногтей на руках, предметов одежды и прочее были отмечены заметными тонкими перламутровыми контурами.

— Е-египетский эбонит! — выдохнула я ошарашенно.

Когда я прочитала о «Глясе бестелесности» в своём рецептории, то совсем не ожидала такого эффекта в прямом смысле. Хотя... я и сама толком не знала, чего ожидать. Я впервые в жизни варила магический кофе, фактически колдовала. И приготовила просто то, что могла приготовить на тот момент. Но всё же, результат чертовски впечатляющий! Ха! И знаменитый, но сраженный врождённой гиперметропией меченый очкарик может теперь покурить в сторонке, со своей мантией-невидимкой!

Я проверила действие волшебного глясе и коснулась рукой ближайшей опорной балки. И ничего — пальцы моих рук просто, без ощущений, вошли в поверхность деревянного столба. Моих губ на мгновение коснулась довольная, но нервная улыбка.

Подчинённый Проклятым Шарманщиком мертвец не дал мне насладиться восхищением от действия магического напитка. С влажным и свистящим басовитым сипением он неожиданно проворно ринулся на меня.

Я не успевала уклониться, и лишь чуть подалась назад. Не выдержав, я закрыла глаза, но совершенно ничего не почувствовала.

А когда решилась взглянуть на происходящее, не обнаружила перед собой никакого мертвеца. Потому что Шарманщик, бедолага, пролетел вниз и со всей тяжестью рухнул в груды больничного инвентаря. Его нефритовая шарманка отлетела прочь, в дальний угол, а багровый дым зловредного таргала фактически не было видно из-за заваливших порабощенное им тело кушеток, сундучков, вороха больничного белья и тяжелых обломков с проломленного потолка.

— Святость Моретворца! — выдохнул поражённый Люк. — Зои, ты... Ты что же это... Укокошила Шарманщика?!!

— Возможно, — кивнула я. — Но давай радость от победы разделим потом.

— Не могу не согласиться, — хмыкнул боггарт.

Используя эффект бестелесности мне довольно легко и просто удалось добраться до

противоположного конца лазарета.

Теперь я, наверное, знала, как чувствовали себя призраки, если бы существовали. Кстати... здесь-то они запросто могут быть, но судя по тому, что мне довелось увидеть, они далеко не самое страшное, что может угрожать человеку в Квинквиле.

Эффектное и удивительно действие магического глясе вскоре завершилось, но к этому моменту мы с Люком уже были возле гигантского якорного ворота.

Он походил на огромное колесо, лежащее на полу и обмотанное толстенной цепью с крупными металлическими звеньями.

Отсюда, из помещения с якорным воротом, наверх тянулась узкая лестница с крутыми ступенями. Но как только я ринулась вверх по ней, прямо сверху на меня выскочила тёмная фигура с развевающимися за спиной темными патлами и раздувающимися от порывистого бега полами сюртука.

— Назад! Назад, дура! — рявкнул на меня Клод Марбо.

Я на мгновение остолбенела от внезапного появления пиратского капитана, затем хотела было потянуться за недопитым глясе бестелесности, чтобы выплеснуть его на пирата, но, во-первых, как следует из рецептория, магия этого напитка действует лишь один раз от одной порции на каждого испившего, а во-вторых, за спиной спускающегося вниз по лестнице Китобоя, в проёме выхода на верхнюю палубу я увидела нечто!

Это была огромная уродливая морда, больше всего походившая на итог брачных игр какой-нибудь колорадской жабы и демонической рыбы-удильщика. Чудовищная голова на короткой мощной шее с видневшимися на ней раздувающимися жабрами и гребнем плавников, возвышалась на уровне грот-брам-рея*(предпоследний и рей грот-мачты). Выпуклые глаза грязно-молочного оттенка медленно вращались под выпирающими гранёнными надбровными дугами морского монстра.

Прежде, чем я успела что-то произнести, великан с рыбно-жабьей головой раскрал безгубый рот, наполненный сотнями игловидных зубов и издал уже знакомый мычащий гул горна.

— Не могу поверить! Настоящий грендель! Здесь, в «Порту снов»!.. — не то восторженно, не то в страхе, громко прошептал Люк. — Откуда...

— Нет никакой разницы, Девятая его заberi, откуда тут эта тварь! — Клод оттеснил меня вниз, обратно к якорному вороту и закрыл за собой дверь. — Важно только, что выходить на палубу сейчас нельзя!

— Ты предлагаешь остаться внутри корабля, который он крошит?! — возмутилась я.

Мои слова были подкреплены новым мощным ударом морского гиганта по корпусу несчастного флейта.

Лестница дрогнула у меня под ногами, и я чудом сумела удержаться. А со стороны шкафута и кормовой надстройки послышался ломкий ревущий треск беспощадного разламываемого дерева.

Чувство паники пропитало тело и душу, язва страха стремительно разрасталась в сердце. Я пыталась держать себя под контролем, но с каждой секундой это получалось всё хуже.

— Нам нужно уходить и как можно быстрее! — подтвердил Люк.

— Ты можешь сваливать прямо сейчас, — язвительно и зло бросил боггарту пират. — А вот твоя милая спутница, как только появится на верхней палубе, мгновенно станет добычей гренделя! Это его главная тактика, по выманиванию экипажей корабля на палубу: он лупит

по бортам корабля, начиная с нижних деков, матросня пугается и лезет наружу. А вот тут-то грендель открывает пасть...

При последних словах Клод эффектно откинул с лица прядь темных волос и выразительно взглянул на меня так, будто эти слова должна были произвести на меня решающее впечатление.

Реакция Люка была именно такой, как и ожидал Марбо, а вот я переводила вопросительный взгляд с лица боггарта на пирата и обратно.

— У вас в Скардхайде не слышали о гренделях?! — нехорошо ухмыльнулся корсар. — Повезло вам. Это редкие ублюдки. Искренне ненавидят всё, что живёт над водой и передвигается на двух ногах.

Замечательно. Этот чернобыльский переросток, не просто морское чудище, но ещё и убеждённый каннибал. Фауна этого мира радует меня всё меньше и меньше.

— Так что ты предлагаешь?! — вскричала я, когда судно затряслось от очередного удара. — Переждать истерику этой твари?! Знаешь, быть заваленными обломками корабля не лучше, чем окончить жизнь в пасти подводного чудовища! — Ты не знаешь, о чём говоришь, — с мрачной и ехидной иронией, ответил пират. — Идём за мной. Нам нужно в крюйт-камеру.

Он спрыгнул с лестницы вниз и направился обратно в лазарет, из которого мы с Люком только что вышли.

Я была растеряна, потрясена и возмущена одновременно.

— В пороховой погреб?! Зачем?! Малейшая искра и...

— Заткнись и иди за мной, если хочешь выжить! — на миг обернувшись, прорычал Клод. — Впрочем, мне плевать. Хочешь, оставайся тут, ведьма. Если я кого встречу на берегу, передам, что ты тут и подохла. Может, у тебя найдутся родственники в империи, которые захотят найти твое изуродованное бездыханное тело.

Я недовольно поджала губы. Темноволосый пират с жестким острым взглядом и резкими словами столь красочно описал нулевые перспективы моего выживания, что я невольно поверила ему.

— Как ты вообще здесь оказался? — произнесла я в спину уверенно двигающегося впереди Клода.

— А ты, ведьмочка, уже не ожидала меня увидеть, после того, как вы с белоглазым втихаря смылись? — не оборачиваясь с колкой едкостью и злой вкрадчивостью спросил флибустьер.

— Ну, не то чтобы... — я обменялась быстрым взглядом с Люком. — Просто, я полагала, что ты пойдёшь иным путём.

— Я и собирался! — огрызнулся пират. — Ты же не думаешь, что я вернулся ради твоего спасения?

— Ну что ты. Как я могла на такое рассчитывать! — усмехаясь с картинной издевкой ответила я, а потом прошептала Люку. — Что такого происходит, когда грендель открывает пасть?

— Ты знаешь, что такое ураган? — спросил меня боггарт.

— Разумеется.

— Теперь представь, что именно такой ураганный ветер не дует, а затягивает тебя в пасть гренделя.

— Она мне не показалась слишком огромной, — пожалала я плечами.

— Ты просто не видела, до каких масштабов может растягиваться рот этой твари, — услышав мой ответ, произнёс пират.

Я вспомнила про змей, ротовая полость которых тоже поначалу не впечатляет размерами, но при этом способна увеличиваться согласно параметрам предварительно умерщвлённой добычи.

Через лазарет мы все втроем спустились на самый нижний из обитаемых деков и приблизились к закрытой металлической двери.

Несмотря на бурые пятна ржавчины дверь выглядела прочной и тяжёлой. К тому же она была плотно заперта.

— Каменное проклятие! — проговорил Марбо, извлекая из кармана согнутый пополам гвоздь. — Придётся повозиться...

После его слов корабль вздрогнул, качнулся в сторону, затем в другую, и столь же резко обратно. Несколько секунд, под гудящий рёв неистовствующего чудовища снаружи, судно раскачивалось из стороны в сторону.

Послышался трескучий грохот разрушающегося шпангоута*(поперечное ребро корпуса судна), внутри судна всё разлеталось со шквальными ударами о борта, пол и потолок.

Напавший на корабль великан тряс корабль, как игрушку. Меня и Клода бросало из стороны в сторону, пока наконец, словно по сценарию банальной классики, мы не столкнулись и — ну, конечно же! — я во-второй за последних полчаса оказалась, пардон, под мужчиной. Спасибо, что на этот под живым!

— Хоть что-то приятное за сегодняшний вечер, — чуть приподнявшись и почти касаясь губами моего лица негромко проговорил пират.

Я отвернулась в сторону стора от стыда и неловкости ситуации. Внутри меня бесновался всплеск хаотичных эмоций. Потрясение и паника, сменялись мучительным моральным и физическим крайним дискомфортом, чувством беспомощности и злым возмущением!

— Слезь с меня! Слезь сейчас же! — нетерпеливо взвизгнула я, зажмурив глаза.

Я торопливо попыталась выбраться из-под тела пирата самостоятельно, но мне это не удалось.

— Тебе настолько неприятно моё общество, алхимилия? — довольно усмехаясь, спросил пират и, явно нехотя, лениво поднялся.

Я тут же вскочила, ощущая, как горит кожа на щеках, шеи и висках. Сердце подскакивало в груди. Эмоциональное мучение от того, что Клод только что прижимался ко мне всем своим телом и его лицо, его губы были непозволительно близки ко мне, беспощадно терзало меня изнутри.

Я с трудом переборола внутреннее негодование, возмущение и неприязнь. У меня даже начало закрадываться подозрение, что жизнерадостно усмехающийся корсар нарочно упал на меня сверху.

— Не обижайся, ведьмочка, — шутливо проворковал пират. — Когда всё закончится, можем повторить в более приятных обстоятельствах. Уверен, ты будешь просто кричать от восторга...

— Ой, да пошёл ты, — скривилась и я протянула ему глясе бестелесности. — Вот, вышей это.

— Зачем?! — с настороженным скепсисом спросил Китобой.

— Затем, что после этого ты сможешь мгновенно оказаться за дверью и, спустя

несколько секунд, открыть дверь снаружи... — я помедлила, неожиданно задумавшись, — э-э... она же открывается с той стороны без ключа? Корсар оценивающе взглянул на массивную металлическую дверь и дёрнул плечами.

— Возможно.

Не без опаски, но Клод всё-таки выпил гясе бестелесности, а затем до ужаса перепугался.

— Каменное проклятие на твою голову, алхимия! Во что, Моретворец тебя срази, ты меня превратила?! — вместе со злостью в голосе капитана с Пепельных Островов слышался неподдельный страх.

Я нервно усмехнулась, глядя на него. Должна сказать, что при взгляде со стороны, действие магического гясе производит намного более устрашающее впечатление. Сейчас, стоящий передо мной Клод Марбо представлял собой полупрозрачную фигуру, детально прорисованную многочисленными перламутровыми контурами.

— Ты сделала меня в грёбанном призраком! — прорычал Клод.

— Не говори глупостей и не трать время, — одёрнула я Китобоя. — Действие зелья вскоре закончится, а для повторного магического эффекта нужна будет новая порция, приготовить которую у меня нет возможности. Поэтому, действуй, пока...

Меня прервал очередной удар по судну и жестокий раскатистый треск разваливающегося корабля.

Я, чуть поморщившись, ухватилась за несущую деревянную опору и вновь посмотрела на пирата. Тот неуверенно мешкал.

— Чего ты ждёшь?! — уже злясь, повысила я голос. — Иди!

Он выставил палец в мою сторону и предупредил:

— Если я так и останусь в облике жалкого приведения, я обещаю, что стану для тебя худшим кошмаром в твоей жизни, алхимия! Ты никуда от меня не денешься, и я не успокоюсь, пока ты от досады не вскроешь себе вены или не выпрыгнешь в окно!

Выдав эту агрессивную тираду, Клод, собравшись с духом, прошёл сквозь покрытую ржавчиной дверь с уродливыми грязно-рыжими пятнами ржавчины и остатками скудных украшений.

Пока я с волнением и надеждой смотрела на покрытую тусклыми бликами от света фонаря дверь в пороховой погреб, ко мне слева приблизился Люк и осторожно прошептал:

— Ты же вроде говорила, что предыдущий напиток должен был сделать его... добрее.

— Ну, — чуть прокашлявшись, неуверенно проговорила я, — он и сделал. Видимо, так проявляется доброта Клода Китобоя...

Откуда-то за моей спиной, из темноты внутренних палуб флейта послышался шумный и журчащий плеск. Я встретила взглядом с боггартом.

— Корабль заполняет вода, — заключил фергал.

— Да, я поняла, — стараясь сохранять спокойствие и видимость хладнокровия, ответила я.

Дверь в пороховое хранилище всё никак не открывалась. Я терпеливо ждала, но про себя гадала: а что, если на Клода гясе бестелесности подействует по-другому? Скажем он не вернётся к прежнему физическому состоянию в ближайшие полторы-две минуты? Что, если это произойдёт лишь полчаса, час, через день?! Что тогда?!

«Тогда я буду спасаться как умею, любыми способами» — решила для себя я.

Вместе с шумом воды по кораблю стремительно и гораздо более ощутимо, чем прежде

расползлся сырой промозглый холод. Ему предшествовал солоновато-сырой запах морской воды.

Я весьма ярко представляла себе, как прямо сейчас корабль стремительно заполняет вода из Порта Снов. Мне показалось, что я даже почувствовала вожеление здешних прибрежных вод, будь у моря разум. Как будто оно было радо, что ему не придётся долгие годы медленно переваривать это судно, пока оно будет гнить и ветшать. Нет, теперь, благодаря свирепому гренделю, море могло взять эту добычу целиком и полностью.

Сопrotивляясь растущей панике и отчаянному желанию попытаться спастись в одиночку, я представляла, как внутри корабля медленно всплывают щепки и обломки корпуса, оборванные снасти, бочки, ящики, фонари, разный прочий инвентарь и все те покойники в лазарете. Всё это будет подхвачено и поглощено морской водой, поднимающейся по палубам корабля.

А ведь вскоре — и эта мысль заставил меня внутренне содрогнуться — морская вода действительно поднимется сюда, поглощая пространство и вытесняя кислород. Море будет счастливо заполучить в качестве добычи и двух ещё живых обитателей суши.

От угнетающих мыслей меня отвлек звук открывающейся двери.

— Наконец-то! — с возмущением и скрытым облегчением воскликнула я.

Клод уже приобрел материальный облик и жестом позвал нас с Люком внутрь.

— Мне понадобится твоя помощь, алхимия.

— Меня зовут, Зои, — сообщила я.

Может это и небезопасно, называть своё имя этому головорезу, но мне было приятнее, когда меня зовут по имени.

— Ага, очень приятно, — небрежно отозвался пиратский капитан. — Иди-ка сюда. Вот это нужно вынести из погреба.

Он указал на два небольших бочонка, размером с хороший арбуз. Обе емкости были плотно и широко обмотаны снастями. На этих же снастях к каждому из двух бочонков крепились «крылья» из обломанных досок и парусины.

— Что ты задумал? — растерялась я.

Создавалось впечатление, что слегка спятивший пират вознамерился запустить бочонки с порохом в полёт.

— Отвлечь гренделя, чтобы мы могли покинуть корабль, — чуть нахмурившись, ответил Клод. — Когда бочки рванут, у нас будет около половины минуты, может быть чуть больше, чтобы покинуть этот обречённый флейт.

Говорил он, однако, не слишком уверенно. Но спорить я не стала, ведь альтернативного плана у меня не было, равно, как и опыта спасения от всяких подводных людоедов.

— Как ты так быстро успел всё это соорудить? — я кивнула на обвязанные снастями бочонки с торчащими в стороны досками.

— Судьба не в первый раз сводит меня с гренделями, — многозначительно ухмыльнулся корсар. — Напрактиковался.

Я заметила, что за злорадным самодовольством Марбо кроется нечто большее, чем он сказал. Нечто такое, о чём он не желает распространяться. У меня промелькнула мысль, что судьба сводила Китобоя с кошмарными великанами не дважды и даже не трижды. Следом немедленно должен возникнуть вопрос, а не преследуют ли жуткие морские чудища с каким — то личным мотивом?

Я помогла Китобою вынести крылатые бочонки с порохом к ближайшему орудийному

порту.

— А ты не переживаешь, что после падения в море, брызги воды намочат фитиль и никакого взрыва не будет? — спросила я.

Затея темноволосого флибустьера всё ещё не казалась мне здоровой и вызывала больше скепсиса, чем надежды.

— Здесь не очень высоко, а доски с парусиной помогут бочонку не утонуть. Брызги, конечно, будут, но фитиль они не намочат. Скорее всего?

— Скорее всего? — тут же переспросила я.

— Это возможно, но вряд ли.

— То есть доля процента есть? — с насмешливым ехидством спросила я.

С моих губ сорвался нервный смешок.

— Заткнись, и делай, что я говорю, если хочешь и дальше заниматься своими колдовскими фокусами.

— Благодаря моим фокусам ты вообще-то смог пробраться в пороховой погреб, — с долей обиды напомнила я.

— Ага, — неприязненно хмыкнул корсар и движением головы смахнул с лица прядь влажных темных волос, — только перед этим я точно не знал сколько пробуду в образе несчастного приведения и стану ли таким, как раньше.

— А у меня не было таких сомнений, — посмеиваясь, ответила я. — Таких, как ты ничто не способно изменить, Марбо. Даже волшебство.

Вместо ответа пират пробормотал какое-то ругательство. Я не без труда приоткрыла тяжелую дверцу оружейного порта и подперла металлической подставкой.

В тот же самый миг, прямо у нас под ногами потекла вода. Бросив взгляд в сторону закрытой дверцы в полу, ведущей на самый нижний ярус флейта, я увидела, как между дверцей и квадратным проёмом вспениваясь и пузырясь пробивается морская вода.

— У нас всё меньше времени, — встревоженно воскликнула я.

— Вижу, — буркнул пират.

С помощью примитивного огнива Клод поджёг фитиль первого бочонка. Дрожащая звёздочка искрящегося пламени не спеша побежала по переплетённому промасленному фитилю.

От света огня по металлическим наручам пирата пробежали рыжие блики, красиво и зловеще обрисовывая деталь вырезанных на серебристом металле витиеватых узоров, волн, кораблей и находящегося в центре металлической композиции гигантского водоворота. Если присмотреться, можно было увидеть, что «водоворот» на самом деле гигантский кракен с черепом.

Композиция на обоих наручах пирата отличалась наличием солнца или месяца, птиц или летучих мышей.

Не замечая, как я с интересом его рассматриваю, Клод зажег второй бочонок. В это время к нам подлетел Люк, который оставил нас ненадолго, чтобы оценить обстановку наверху, ведь ему нечего было опасаться гренделя.

— Не знаю, что будет дальше, но всплеск в воде его явно заинтересовал, — отчитался боггарт.

Мы с Клодом переглянулись.

— Поднимаемся к верхней палубе и ждём взрыва, — решил Клод.

Мы сбросили в воду второй «крылатый» бочонок. Как и первый, он не утонул, а крылья

из досок и парусины не только позволили удержаться на поверхности, но и не дали водяным брызгам, от падения, затушить искру на фитиле.

Затем, не сговариваясь, мы с Марбо и Люком устремились к лестнице на верхние палубы флейта.

К тому моменту уровень воды, у нас под ногами, поднялся до середины голенища. Оббегая плавающие вокруг предметы и поломанные доски, слыша, как снаружи беснуется грендель, мы подбежали к широким ступеням из досок, и ринулись вверх. Добравшись до лестницы, что выходила на самую верхнюю палуб, мы замерли в напряженном ожидании.

Сверху веяло волнующими порывами холодящего морского ветра.

Я посмотрела на Люка, перевела взгляд на пирата, мы втроём пару-тройку секунд обменивались напряженными взглядами. Каждый из нас мысленно надеялся, что фитили на бочонках не погаснут и вот-вот должен грянуть...

Звук взрыва прозвучал столько громко, что я вздрогнула и испуганно вжала голову в плечи. Мне показалось, что взорвался сам корабль, и на мгновение моё сердце отправилось в полёт под горло, а всё тело как будто вмиг наэлектризовалось.

— Пора, — коротко бросил Клод и, не дожидаясь меня, резво бросился вверх по ступеням.

Чуть помедлив, я последовала за ним.

Наверху рваные изумрудные паруса с золотыми узорами с хлопками волновались и раздувались под напором резко усилившегося ветра. Сверху, потемневшее внезапно небо сыпало гроздьями мелких ледяных капель.

Прямо у выхода с лестницы я буквально застыла, глядя на огромную чешуйчатую спину подводного монстра. У него от поясицы до плеч поднимались три гребня с плавниками и острыми шипами. Зеленовато-голубоватая, немного перламутровая влажная чешуя зловеще и эффектно блестела под светом десятков бортовых фонарей флейта, в которых внезапно проснулись все выжившие феи.

Грендель, казалось, по высоте был чуть ли не, как пятиэтажное здание, если не выше.

Грузно шагая по воде и вздымая широкие веера мощных брызг, он издавал свой пугающий гул. Я отлично видела, как раздуваются его широкие жабры и как двигается под чешуёй мощная челюстная мышца чудовища, когда его пасть, как будто сама-собой, открывала и закрывалась. Казалось, ему не терпелось что-то или кого-то сожрать, великан буквально жаждал набить рот обреченными жертвами. Мне замутило, когда я представила, как его иглообразные зубы начинают кромсать то, что попало ему в пасть.

— Зои! — перед глазами взлетел Люк. — Беги!

Опомнившись, я бросилась следом за Клодом. Тот ждал меня у бушприта*(носовая часть горизонтального рангоута) корабля. Он держал в руках трос обрезанной снасти. Когда я подбежала к нему, пират небрежно бросил мне другую снасть.

— Делай, как я, — жестко бросил он и оттолкнулся ногами от борта судна.

В красивом полёте, почти грациозно и мастерски, он будто на своеобразном роуп-джампинге, перелетел на верёвке через воду и спрыгнул на нос стоящей неподалёку невысокой шхуны. Я, помедлив, сжала дрожащими руками мокрую влажную верёвку и посмотрела вниз.

Лучше бы я этого не делала! Тёмные воды Порта Снов, переливались отражениями света от многочисленных фонарей с феями и производили пугающе-гипнотический эффект. Волнуясь от ветра, море шевелилось десятками разгоняющихся горбатых волн.

За моей спиной прозвучал раскатистый зычный выстрел. Как будто у нескольких автомобилей разом выстрелили старые выхлопные трубы, а рядом был микрофон, подсоединённый к мощным сабвуферам. После взрыва грендель издал более яростный гул, и всплески от его шагов зазвучали громче и чаще.

Я больше от испуга, поскорее оттолкнулась от борта и, неумело повиснув на верёвке, как последний мешок с картошкой, неуклюже пролетела над голодно поблёскивающими морскими водами.

Волосы взметнулись и полетели за спиной. Ветер с каплями дождя орошал лицо, цеплялся за одежду. За спиной пел ветер и гудел разочарованный морской великан.

Доля секунды, мой крик, камнем вставший поперёк горла и... широкая крепкая рука Клода, которая неожиданно ловко и быстро подхватила меня за поясницу.

Пират привлёк меня к себе, на миг закрыл мне рот ладонью и прорычал:

— Теперь за мной! И ни звука! Поняла?! Вякнешь, сам тебя сброшу в воду, к Девятой ведьме!

— Полегче с ней, висельник! — сердито воскликнул Люк в мою защиту.

— Захлопнись, фергал! — презрительно бросил пират и отпустил меня.

Я с секунду ошалело смотрела ему в след. На моих щеках остались ноющие следы в местах его пальцы жестко сдавили кожу. Наверное, мне стоило бы попытаться свалить от него, но... куда?!

Ветер крепчал, кругом высились корабли, берега сейчас вообще не было видно, а совсем рядом шумел гриндель, который, похоже, начал понимать, что его обвели вокруг пальца.

Я сочла за лучшее не отставать от бегущего по палубе шхуны корсара. А он даже не оборачивался на меня, как будто ему плевать бегу ли я следом или давно отстала. Впрочем, скорее всего так и было.

Мне было тяжело, я прилагала серьёзные усилия, чтобы держаться хотя бы близко от бегущего впереди мужчины. Матёрый пират, привыкший к палубе корабля, не обращал на ветер и дождь ровным счётом никакого внимания.

Его даже не напугали какие-то мерзкие твари, будто слепленные из песка, что неожиданно полезли на нас из открытого трюма шхуны.

Он просто оббежал их, оглянулся на меня, убедившись, что я тоже не попала в руки безликих и безобразных чудовищ, с провалами пустых глаз и широких ртов. Я им не далась, но песком меня осыпали с головы до ног. Часть попала в рот и в глаза.

Но я бежала, отчаянно стремилась держаться следом за пиратом и до поры мне это удавалось. Мы почти не останавливались, продолжая дикий спринт по палубам примыкающих друг к другу кораблей.

В спешности убегая от гринделя, я даже не успела спросить Марбо куда мы, собственно, держим путь. Хотя, наверное, сейчас главным было просто убраться подальше от великана-каннибала, чей гневный рёв всё ещё звучал нам в спины.

После шхуны, мы перебрались на стоящий неподалёку баркас — этот корабль не был заселён какими-то фергалами или таргалами — а затем нам вновь пришлось перелетать на канатах через воду, чтобы оказаться на борту громадного галеона. Мы бежали несколько минут, пока не оказались достаточно далеко от флейта с изумрудными парусами, чтобы быть уверенными в успешном побеге от исполина-людоеда.

Я, задыхаясь и жадно глотая воздух с ветром, опёрлась руками о планшир фрегата, на котором сейчас оказались. Как и большинство кораблей здесь, он был значительно больше

парусников в нашей истории и намного красивее, несмотря на потрёпанный вид.

От усиливающегося ливня мы укрылись под навесом на кормовой надстройке судна. Здесь можно было перевести дух и обсудить дальнейшие планы.

Пока Клод высматривал что-то в дали, я пыталась выровнять дыхание и перебороть накачивающую физическую усталость. Меня одолевала дрожь от всплеска адреналина, жар пережитого страха млеял в теле, а сердце будто ритмично сжималось в твёрдый тяжёлый комок.

— Жесть какая! — выдохнула я, ошарашенно глядя перед собой и пытаюсь выровнять дыхание. — Я боялась, что он нас заметит!..

— Я тоже этого опасался, — вдруг странным голосом произнёс у меня за спиной пират. — К счастью, ты оказалась не такой рохлей, как показалась мне вначале.

— Эй! — возмущенно воскликнула я. — Вообще-то!..

Я обернулась, чтобы возмущенно возразить этому нахалу, но тут же замолчала, уткнувшись в дуло направленного на меня пистолета. Этот был тот самый пистолет, который я отыскала на оружейной палубе флейта. Похоже он вытащил его у меня, когда якобы случайно упал на меня.

— Ты что это творишь?! — чуть дрогнувшим от растерянности голосом, спросила я. — Клод, я же тебя освободила...

Последние мои слова сорвались на слабеющий шепот.

— Да, — равнодушно ответил он, — освободила. Я тебе благодарен, ведьмочка. Но это далеко не всё, что ты можешь для меня сделать. Не так ли?.. Даже не думай!

Он резко и злобно прокричал последние три слова, да так, что я неосознанно вздрогнула, зажмурилась на миг и испуганно отступила назад. Но предупреждающий гневный крик морского головореза предназначался Люку, который, похоже, вознамерился вновь превратиться в кукольный дом, из которого выпадает кукла ребёнка.

— Не смей, нечисть фергальская! — процедил с ледяной яростью Китобой. — Только превратись хоть во что-то — я выстрелю в неё, и твоя надежда сбежать из Порты Снов сохнет вместе с этой крошкой.

Он перевёл на меня взгляд безжалостный взгляд глаза цвета металла и пожал плечами.

— Не трудно догадаться, что побудило боггарта помогать тебе, алхимилия... Зои. Наверняка его «маяк», какая-то свечка, лампа или свеча в шкатулке, лежит на одном из кораблей, застрявших здесь когда-то. Ты пообещала достать её и вынести на берег, а этот белоглазый прохвост согласился провести тебя к выходу из этого лабиринта Кладбища Кораблей. Всё так? А? Я же прав?

— Прав, — вздохнула я и, нервно сглотнув, тихо, с грустью, спросила, кивком указав на пистолет. — А во это... зачем, Клод?

— Детка, я капитан, — осклабился пират. — Я привык быть капитаном. А капитану нужен корабль, нужна команда. Команде нужно оружие, провиант, выпивка, лекарства и... возможно пара-тройка любвеобильных куртизанок, которых потом, после дела, можно будет вышвырнуть за борт.

— А я здесь причём? — держа ладони на уровне головы, холодно и с презрением спросила я.

Сейчас я каждой клеткой своего тела яростно жалела, что не бросила этого козла там, в трюме, умирать на цепях. Мне стало жаль человека, которого заживо сожрут хищные сундуки, и вот моя «награда» — я спасла циничного подонка.

— А у тебя есть то, на чём я могу хорошо заработать, — самодовольно и гадко ухмыльнулся Клод.

Прежде, чем я успела удивиться, он резко скомандовал:

— Твоя сумка, Зои. Снимай! Живо!

Я не двигалась, продолжая сверлить его сердитым взглядом и мысленно обдумывая, как бы мне выкрутиться из неприятного положения, в котором оказалась по собственной глупости. Пока что, по всему выходило, что никак.

— Не зли меня, девочка, — чуть скривив лицо в жутком оскале, предупреждающе прорычал пират. — Я убивал и резал сотни людей, в том числе таких жалких колдуний, как ты. Команда под моим началом сжигала форты с орудиями в них от ужаса и боли солдатами, моя команда топила десятки кораблей, с запертой в трюме командой. Ты правда думаешь, что сейчас у меня дрогнет рука?

Он фыркнул и покачал головой. Сталь в его глазах стала острее, выражение лица отражало его презрение к чужим жизням. Особенно к тем, что зависят от него.

Ты всё-таки освободила меня, а потому я бы не хотел превращать тебя в уродливую кучу из обугленных костей и сожженной плоти. В пистолете, судя по количеству пороха и строению замка — заряд проклятия «огненной чумы» или «громовой молот». И то, и другое в секунду разорвёт тебя на части. Хочешь проверить?

Задав вкрадчивый зловещий вопрос, флибустьер внезапно резко топнул ногой. Я позорно вскрикнула от страха и ещё больше отступила назад. А на лице пирата заблестела довольная улыбка. Злость во мне смешивалась с досадой и непреодолимым страхом. Я почему-то была уверена, что он не блефует насчёт заряда пистолета, как и в рассказе о своих «подвигах».

— Снимай сумку, — прорычал он.

За его спиной шевельнулся боггарт. Люк явно что-то задумал и попытался найти способ мне помочь, но тут вторая рука пирата нырнула под его тёмный сюртук и вынула на свет... настоящий колдемарон Взывающих-к-Волнам, в который превращался и сам Люк, чтобы отпугнуть танцующих скелетов.

Боггарт тут же, с негодующим шипением, отлетел прочь, а пиратский капитан понимающе усмехнулся.

— Да-а... истинная святость жрецов моря действует на всех потусторонних существ, а не только на нечисть вроде таргалов.

Я обеспокоенно взглянула на Люка и с сожалением поняла, что боггарт не то, что не сможет мне помочь, а даже просто приблизится к кормовой надстройке. Моё положение резко ухудшилось.

— Зои, — голос Клода потяжелел, угроза в нём зазвучала с намёком на трагичный, для меня, исход. — Сумку. Вместе со всем твоим магическим скарбом. Сейчас же.

Делать мне было нечего, а свою жизнь я всё-таки ценила выше, чем магическое кофе и все прочие принадлежности. Вот только, где гарантии, что этот козёл не спустит курок, как только я передам ему желаемое.

У меня мелькнула мысль вышвырнуть сумку за борт. Тогда, пока пират будет ловить её в море, я смогу смыться. Но Клод, как будто читал мои мысли.

— Имей ввиду, ведьмочка, если выкинешь какой-то фокус, например, бросишь сумку за борт, то сразу же отправишься вслед за ней.

Я недовольно поджала губы, а корсар передо мной вновь ощерился в нахальной

победной улыбке.

— Видишь? Мне не трудно предугадывать каждый твой шаг. Ты слишком предсказуема, алхимия. В этом твоя слабость. Сумку или я стреляю!..

— Я снимаю! — резко выкрикнула я, скрывая нервозность и страх за агрессией.

Перекинув лямку своей сумки для посуды, я сняла её и поставила на деревянный настил под ногами.

— Теперь куртку. Хотя Квинквиль и стал независимым, ваша имперская мода до сих пор имеет здесь серьёзное влияние. Тем более, что герцогства так и не создали сравнимую с вами текстильную промышленность. Твою куртку можно неплохо продать на любом городском рынке.

Подчинившись, я вынуждена была снять и свою косуху, не так давно купленную в «Снежной королеве». Помимо сумки, ещё минус семь косарей. Замечательно.

— Люблю послушных девочек, — издевательски осклабился Клод.

Я бросила на него уничтожающий взгляд. В ответ пират швырнул мне короткую цепь с двумя браслетами. Это был вариант облегченных кандалов, более походивший на наши современные наручники.

— Надень на одну руку, затем просунь цепь за балясиной и нацепи браслетик на вторую ручку, — чуть махнув пистолетом произнёс Клод Китобой.

Мне пришлось подчиниться. Чтобы просунуть цепь за балясиной планшира, я вынуждена была опуститься на колени. На них я и осталась стоять, ощущая, как холод тяжёлых металлических браслетов стискивает мои запястья.

— У-умница, — с издёвкой проворковал Клод.

Он бросил взгляд на Люка, который парил вокруг надстройки судна и никак не мог к нам подлететь. Впрочем, он бы всё равно ничем не мог мне помочь.

Меня снедала досада, горечь и злость. В том числе и из-за собственной доверчивости! Нашла, блин, кому верить! Расслабилась рядом с отпетым бандитом и теперь, хорошо, если не поплачусь за это жизнью.

Спиной я чувствовала, похабный взгляд Клода, который шарил по моему телу, и направленный мне между лопаток ствол пистолета с опасным проклятием в дуле.

— Всё?! — дрогнувшим, боязливым и злым голосом спросила я. — Ты всё получил, что хотел?!

Я не скрывала ядовитого презрения в своей интонации. Разочарование от собственной недалёковидности царапало и болезненно скребло внутри. Мысль, что моя судьба и жизнь в руках беспринципного аморального урода вселяла бессильное опасение и полнейшее чувство унижительного бессилия.

Клод не спеша приблизился ко мне. Я, насколько мне позволяло моё положение, обернулась и вскрикнула:

— Ты что?! Я же... я же отдала, что ты хотел! Так... Так нельзя...

Последнее слово тихим умирающим шепотом сорвалось с моих дрожащих губ. А Клод, тем временем, подходил ко мне, вооруженный коротким ножом с широким загнутым лезвием.

— Ещё не всё, алхимия. Твой колдовской скарб я обязательно выгодно продам какой-нибудь другой алхимии или алхимииалу. Я никогда не видел таких зелий, как у тебя и никогда о них не слышал. Ручаюсь, что колдуны Квинквилля — тоже. А значит они могут отвалить достаточно золотых вольтенов или выдать мне вексель на аналогичную сумму в

герцогских банках. Но...

Тут он приблизился ко мне вплотную. Нож в его руке зловеще сверкал под вспышками молний в штормовом небе и бликах света от фонарей на фрегате.

Я нервно сглотнула.

— И ты решил, что за мой труп тебе тоже з-заплатят, — как не старалась я, чтобы мой голос звучал смело, с надменным равнодушием и злой иронией, мои слова то и дело срывались на подрагивающий хлипкий писк или испуганный шёпот.

Марбо молча присел возле меня и наклонился ближе ко мне. Его горячее дыхание скользнуло по обнажённой шее. Я отвернулась в противоположную от его лица сторону и безглаголиво скривилась. Свободная рука Клода легла на мою талию.

— Убери руки! — вскричала я и мотнула головой назад, надеясь врезать ему по носу.

Но Клод только рассмеялся. Его рука резко скользнула вверх и с жадным возбуждением сжала мою правую грудь.

— Отвали! Отвали от меня, урод! Не смей ко мне прикасаться! — со слезами обиды и унижения, с болезненно полыхающим гневом в душе, я вывернулась и изо всех доступных сил попыталась лягнуть пирата ногой. Хоть как-то, хоть куда-то. Над ли говорить, что у меня ничего не вышло.

— Мне нравится твой бойкий характер, и сиськи у тебя вроде ничего, на ощупь. Но... сейчас мне нужны твои красивые волосы.

— Что? — не поняла я.

Не успела я осмыслить его слова, как Клод одной рукой резко и больно дёрнул меня за волосы, заставляя запрокинуть голову назад. Я скривилась от жгучей рвущей боли, из-под сомкнутых век, сквозь ресницы, хлынули слёзы боли.

— Ты что делаешь... перестань... не надо... перестань! Перестань! Скотина! Козёл! Не смей...

— Не дёргайся, имперка, а то некрасиво получится, — глумливо ответил корсар.

Я выкрикнула несколько грязных ругательств и тут же получила крайне болезненный тычок под рёбра.

— Следи за языком, девка, — рыкнул на меня пират.

Продолжая удерживать меня за волосы, он начал методично обрезать их ножом. А всё, что я могла в этот момент, это судорожно хватить кислород, с болью в рёбрах, куда пришёлся удар Клода и слезами на щеках, от боли, досады и уничтожающего бессилия.

— Мерзкий подонок... — всхлипнув, выдохнула я.

Криво обрезанные волосы персикового цвета теперь едва касались моих плеч. Остальную же, большую, часть моих волос Клод скомкал и завернул в какую-то грязную тряпку, затем спрятал куда-то за пазуху.

— Волосы чародейки ценятся не меньше, чем её зелья и колдовские артефакты, — сообщил он мне. — Я бы тебе ещё и зубы выбил, и ногти повырывал, но времени нет. Скоро начнётся прилив, а вместе с ним в Порт Снов придёт такое количество опасных тварей, что даже на кораблях не будет спасения.

Он усмехнулся мне, не скрывая превосходства и отвесил насмешливый поклон.

— Не скучай, ведьмочка. Ещё раз, спасибо, что спасла.

С этими словами он легко и проворно перепрыгнул на соседний корабль, затем на другой и вскоре скрылся из виду.

Я осталась одна. Среди ветра и дождя, стоя на коленях и закованная в кандалы.

Сотрясаемая дрожью, ощущая подступающую истерику и переживая сонм угнетающих чувств, я слезящимися глазами смотрела вслед Клоду.

Я до сих пор не могла до конца поверить, что спасённый человек мог поступить со мной таким образом.

Залетающий под навес ветер с каплями дождя вскидывал мои обрезанные волосы и забирался под тонкий свитшот, заставляя меня дрожать от нарастающего чувства холода.

— Люк, — позвала я боггарта.

Он откликнулся не сразу.

— Да? — негромко спросил фергал, появляясь в нескольких метрах от корабля.

Подлететь ко мне он по-прежнему не мог, потому что Клод привязал колдемарон к одной из снастей такелажа, прямо над моей головой.

— Помоги мне, пожалуйста... — попросила я.

— Чем я могу помочь тебе, Зои? — грустно спросил Люк. — Позвать на помощь? Так некого же. Он пожал плечами.

— Отобрать у Китобоя ключ от твоих кандалов? — он снова пожал плечами и крутанул зонтик в призрачных руках. — Я тоже не смогу. Так что мне сделать для тебя?

— Я не знаю, — всхлипнула я.

Горькое отчаяние и страх набирали силу. Пленяли меня, съедали изнутри и давили всей тяжестью. Противное ощущение слабости обескураживало и лишало любых моральных сил.

— Я не знаю, — повторила я.

— Я тоже, — через секунду ответил Люк.

Подняв на него заплаканные глаза, я увидела, что боггарт удаляется прочь.

— Л-люк... — дрогнувшим голосом и тяжело глотая болезненную жесткость в горле, позвала я. — Т-ты куда?.. П-постой...

Он остановился, бросил на меня сочувственный взгляд белых глаз, но тут же отвернулся.

— Зои... с тобой было весело и у меня была надежда, что ты правда сможешь вызволить меня, но... Давай будем честны: даже если тебе удастся освободиться, без своих зелий и колдовских инструментов ты не на что не способна. Магия — твоя главная сила.

Он сокрушенно покачал головой.

— Не обижайся, но кроме симпатичного личика и милой фигурки, в тебе больше ничего нет. Ты могла бы выбраться отсюда только со своим этим... волшебным кофе. Но теперь...

Боггарт в последний раз обернулся и с неприятным грустным скепсисом спросил:

— Что ты можешь теперь, Зои?

— Но, Люк ты бы мог...

— Я не хочу видеть, как ты умрёшь, Зои, — покачал головой Люк. — А прикованная к кораблю, без еды, тёплой одежды, без оружия и денег, без волшебного инвентаря... Тебе осталось недолго. Если ты не простынешь от дождя и ветра, схлопотав опасную простуду и жар, тебя убьёт одна из тварей, что придут сюда с приливом. А он...

Люк посмотрел куда-то в небо и нахмурился.

— Он наступит всего через несколько часов. Прости, Зои. Но... наверное, это всё было зря. Во всяком случае, тебе стоило меня послушать, когда я говорил, что не стоит освобождать этого Клода. Теперь тебе некого винить, кроме себя самой.

— Но...

— Прощай, Зои, — бросил напоследок боггарт.

А затем он просто не улетел в дождь, скрываясь среди кораблей и дождливого тумана.

Не обращая внимания на мои крики и просьбы вернуться, Люк оставил меня.

Теперь я была абсолютно одна. Без магии. Без проводника в лабиринте кораблей. И даже без надежды.

Я сползла вниз, зажмурилась и поджала ноги, насколько это было возможно. Так было немного теплее, но ветер холодал, шторм становился всё более яростным и свирепым. Под навес кормовой надстройки россыпями залетали крупные ледяные капли дождя.

Я резко открыла глаза. Со стучащими зубами, в быстро промокающей одежде я нервно, с тяжестью сглотнула и вспомнила слова Люка.

Они скрипели и скреблись в душе:

«...без своих зелий и колдовских инструментов ты не на что не способна. Магия — твоя главная сила...»

Я с угрюмой решительностью посмотрела перед собой.

Неужели вот так всё и закончится? Что же мне так и остаться здесь? Это таков будет мой бесславный конец? Вот так по-глупому, в одиночестве, беспомощная и всеми брошенная я просто погибну?

Я обыскала взглядом всю надстройку и заметила, что одна из досок настила, подо мной, заметно прогнила. Одна её сторона, потемнев, прогнулась вниз, а с другой поблёскивает металлическая головка массивного гвоздя.

— Неужели?.. — с внезапным зловещим ожесточением прошептала я сама себе, отвечая на слова Люка и свои собственные мысленные вопросы.

Чашечка восьмая

«Самый лучший напиток — кофе. Самый лучший кофе — эспрессо. Самый лучший эспрессо — двойной эспрессо»

Роберт Де Ниро.

Я осталась одна. Абсолютно одна. Беззащитна и одинока, прикованная кандалами к крепким толстым балясинам планшира.

Студёный морской ветер, словно издеваясь и демонстрируя свою власть надо мной, оведал моё тело и раскидывал неряшливо обрезанные волосы.

Со всех сторон от меня слышался плеск морских вод, что омывали рифы и корпуса кораблей, зловеще поскрипывал рангоут и хлопали дырявые паруса. Сквозь язвительный шёпот ветра, слышались посторонние и пугающие звуки, вроде шлёпанья босых ног по воде, странных скрежетов и хрипловатого дыхания.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что совсем рядом с кораблём, на котором меня бросил Клод Марбо, бродят какие-то местные твари.

Я мгновенно вспомнила того жуткого келпи, который едва не утопил меня и гренделя-людоеда, от которого нам троим едва удалось сбежать. М-да. Теперь, вздумай любой местный представитель агрессивной фауны отужинать моей скромной персоной, я не то, что сопротивляться, но даже убежать не смогу.

А совсем скоро прилив. И, если вспомнить слова Люка, именно во время прилива повышается активность всех подводных и прибрежных обитателей, с которым человеку лучше не встречаться.

«Девятая ведьма вас всех заberi, — неприязненно подумала я про боггарта и подлого пирата. — Я всё равно отсюда выберусь!»

Правда я ещё не знала, как... Но тут мой взгляд вновь вернулся к прогнувшейся и чуть прогнувшейся вниз доске палубного настила. А точнее я обдумывала возможность использовать торчащий из неё гвоздь. Он был достаточно длинным, тонким и остреньким, чтобы им можно было попытаться открыть замки кандалов. В нашем историческом прошлом кандалы открывались легче, но создатель именно этих серьёзно переусердствовал с качеством замков, чтоб ему жилось хорошо!

— Была не была, — проворчала я, поворачиваясь поудобнее. — Других вариантов всё равно нет и предвидеться...

Я встряхнула цепи кандалов, так чтобы они позволили мне максимально отклониться назад и почти легла на палубе. Упираясь левым бедром в настил, я вытянула вперёд левую ногу и задним краем подошвы кроссовка что было сил врезала по доске. Та вздрогнула, и другой её конец с гвоздём подскочил вверх.

— Хорошо... — оценила я и сдула с лица непослушную прядь персиковых локонов.

Я врезала по доске ещё раз. Левая пятка понемногу наливалась тупой болью.

— М-да, — подумала я, кривясь от усиливающейся болезненной тяжести в левой ступне. — Так, блин, и покалечится можно...

Но нужно было продолжать.

Изловчившись, я попробовала ударить по доске с гвоздём ещё раз, когда над палубой барка раздался громкий гневный старческий голос:

— Ты, что творишь, каналья! Каменное проклятие на твою голову! Прекрати наносить

мне увечья, дочь трактирной куртизанки!

Вздрогнув и замерев, я нервно сглотнула и, опасливо чуть приоткрыв рот, прислушалась. Громко шептал ветер. Над головой трепетали и волновались паруса, а снизу по-прежнему звучал усиливающийся плеск волн.

Кто это был? Что за голос?! Какой-то призрак?! Стоп... Что он там сказал?

Я не без труда переборола панику, заставив себя мыслить рационально.

— Ты кто такой?! — негромко спросила я, глядя вверх.

Мне почему-то казалось, что за мной наблюдают откуда-то с высоты покачивающихся рей.

— Меня зовут «Окрылённый ветром».

— Чего? — скривилась я. — Ты кто вообще такой, Девятая тебя побери?

Молчание. Затем звук, похожий на вкрадчивое покашливание немного простывшего человека.

— Я фрегат, корабль на кормовой надстройке которого, ты сейчас находишься.

— Да иди ты... — прошептала я удивлённо.

— Э-э... Я не могу никуда идти. Я лежу здесь на дне уже второй десяток лет, алхимия.

Я недоверчиво скривилась, а затем вспомнила, что говорил мне Люк. Некоторые из местных кораблей перенимали личности своих капитанов.

— Ты-ы... до своей гибели был капитаном этого корабля? — осторожно уточнила я.

— Я был старпомом у старика Бешама, — ответил голос корабельной сущности.

— Даже так, — рассеянно проговорила я и тут, неловко прокашлявшись, попыталась взять себя в руки. — А как... тебя звали, когда ты был человеком?

— Если бы я помнил, — вздох корабля прозвучал, как сильный сквозняк из распахнутой осенним вечером двери.

Паруса над моей головой вздулись, удерживающие их снасти со скрипом натянулись.

— Ну, «Окрылённый ветром» так Окрылённый ветром, — проговорила я с фальшивой бодростью в голосе. — Пусть будет так. Слушай...

Я решила сразу перейти к делу.

— У меня проблемы, как ты мог заметить. Прости, что я дубасила кроссовку тебе по...

— По спине, — ворчливо закончил за меня голос корабля. — Прямо по старой язве!

— Да, по сп-пине... и по... язве, — чуть заикаясь, неуверенно согласилась я. — Да... Прости, что была с тобой такой фашиствующей стервой. Мне дико стыдно, правда. Просто... м-м... Просто мне сейчас дико страшно, критически одиноко и невероятно сильно хочется поскорее добраться до берега.

— Я бы тоже хотел вернуться на берег, — вновь послышался протяжный грустный вздох корабля.

— Ну, это можно устроить, но-о... — я задумалась на мгновение.

Из распахнутого трюма корабля прозвучал громогласный звук, напоминающий громкий кашель в помещении с очень хорошим эхо.

— Это ж каким образом? — с показательной небрежностью, но всё же заинтересованно спросил вселившийся в корабль дух старпома, почившего капитана Бешама.

— Ну-у... — неуверенно протянула я и оглянулась в сторону, где, как мне казалось, должен был находится берег и выход из Порты снов. — Теоретически корабль можно вытащить на сушу. Уверена, ваша команда в прошлом сотню раз прodelывала что-то

подобное, чтобы очистить корпус и дно корабля от ракушек и водорослей.

Насколько я могла знать из истории нашего мира, во времена парусных кораблей в мировых флотах это было распространённой практикой и крайне трудоёмкой процедурой.

— Хм, — вновь прогудел со стороны тёмного квадратная отверстия трюма задумчивый мужской голос. — Но самой ведь тебе с этим не справится?

Если судить по интонации корабельного духа ему бы очень хотелось надеяться на обратное.

— Вряд ли, — призналась я.

— Вот видишь...

— Но я могла бы сойти на берег и найти тех, кто смог бы.

На несколько секунд корабль замолчал, затем палуба подо мной задрожала от басовитого раскатистого хохота. Надо мной закачались мачты, на которых начали опасно шататься реи и трястись порванные паруса.

— Забавная ты девчонка. Кого ты тут можешь найти? Это Порт Снов, девочка. Окраина цивилизованного мира, последний остров архипелага Лоратана! Это земля обречённых и забытых! Никто здесь, в здравом уме, не станет тащить на берег полуразвалившийся корабль, в котором ещё и обитает дух!

— Сильно сомневаюсь, что здесь нет поселений.

— Есть, — немедленно согласился корабль, продолжая похохатывать в паузах между словами. — Но их немного и они почти все на другой стороне острова.

Я измученно и нервно вздохнула. Налетающий со спины ветер, легко просачивался сквозь одежду и плотно обнимал бестелесными студёными объятиями.

У меня непроизвольно начинали стучать зубы, я судорожно вздохнула и на секунду зажмурилась, стараясь перебороть воздействие стылого морского воздуха.

— Зн-начит их м-можно попытаться нанять, чтобы... — попыталась ответить я.

Но корпус старого фрегата вновь исторг звук безжалостного хохота.

— Ты видимо никогда не сталкивалась с местными рыбаками, фермерами и искателями жемчуга, которые живут на этой Моретворцем забытой окраине цивилизованного мира. Тьфу! Да я в жизни не встречал народец более суеверный, чем здешние жители!

— Говорят, — сдув с лица непослушную прядь персиковых волос, проговорила я, — деньги способны перебороть любые суеверия.

— Способны, — не стал спорить корабль. — Да не все. И смотря какие деньги. У тебя как погляжу, кошель или мощны какой при себе нет.

— Как только я сойду на берег...

Но «Окрылённый ветром» и на этот раз не дал мне договорить.

— Пустые обещания, девочка.

Паруса надо мной затрепетали громче и яростнее.

— Лучше я оставлю тебя здесь, мне будет не так скучно и не одиноко.

— Не хочу тебя огорчать, но без воды и еды, а также без тёплой одежды и крыши над головой, у тебя в плену долго не проживу, — ехидно и немного зло, ответила я.

— Пару дней, уверен, ты точно протянешь, — посмеиваясь, заметил корабль.

«Да что ж у вас всех здесь такой скверный характер-то?» — подумала я разочарованно и сердито.

— Ладно, — вздохнула я. — Возможно, так даже лучше: мне не придётся давать тебе обещаний, а потом прилагать усилия, чтобы их исполнить.

— Я переживу, девочка, — насмешливо бросил «Окрылённый ветром».

— Я тоже собираюсь пережить, знаешь ли, — решительно и жестко ответила я.

Подыхать здесь, на привязи, скованная и одинокая, жалкая и ничтожная, я точно не собираюсь — предпочла бы сделать это лет через восемьдесят, в уютной постели и в кругу сопереживающих многочисленных родственников, которое обещали бы назвать своих дочек или внучек в мою честь.

Без новых лишних слов, я вновь принялась бить ногой по доске с гвоздём.

— Прекрати-и-и! — страшно и гневно взвыл фрегат.

Но я лишь наращивала темпы.

— Чёрта с два, — выдохнула я.

Наконец, мои усилия увенчались успехом, и доска поддалась, вывалившись из общего слоя палубного настила. Я старательно и торопливо подтянула её к себе, настолько близко, чтобы можно было взять её руками.

— И что ты намерена делать дальше, глупая имперка?! — взревел подо мной голос корабельной сущности.

Я не сочла необходимым пускаться в объяснения. Не без труда, но довольно быстро мне удалось выковырять длинный гвоздь из отсыревшей и трухлявой доски.

— Ты что это удумала, девка?! — с гневным разочарованием вскричал старый фрегат.

Я не обращала на него внимания. Зажав по удобнее длинный и чуть кривоватый холодный гвоздь в пальцах правой руки, я сосредоточенно пыталась им открыть замки кандалов, которые удерживали меня возле балясин кормовой надстройки.

— Ах ты хитрозадая нахалка! — ярился корабль.

Сверху, надо мной закрипели снасти, раздался странный свист и треск рвущегося плотного полотна.

Я на несколько мгновений замерла, настороженно подняла голову вверх и испуганно икнула. На грот-мачте, снасти бегучего такелажа сами собой отрывались от широкого прямоугольника янтарной парусины. Извиваясь и выписывая размашистые фигуры в воздухе, похожие на длинных змей или гигантских червей, тугие просоленные канаты устремились ко мне. Точно щупальца гигантского спрута, они так же выполняли для «Окрылённого ветром» роль верхних конечностей.

— А вот это совсем нечестно, — сдавленным голосом нервно проговорила я и попыталась ускорить свои действия.

— У тебя ничего не выйдет! — злился вселившийся в корабль дух.

Быстро он до меня дотянуться не мог, снастей на корабле было очень много и приходилось медлить, чтобы одни канаты и тросы не запутались в других. Плюс дело ему усложняли основные и дополнительные паруса, которые приходилось огибать.

Мне нужно было по максимуму использовать это обстоятельство.

— Ты не сможешь! Не сможешь! — продолжал бессильно кричать рассердившаяся сущность фрегата.

— Да, да, — нервно и быстро протараторила я себе под нос. — Почти все мои одноклассники говорили примерно то же самое, когда узнали, что я уезжаю в Екатеринбург из родного посёлка.

Есть в моей биографии некая позорная глава, которая может тянуть на серьёзную статью УК РФ. С девятого по одиннадцатый класс, я периодически промышляла... м-м... взломом несложных дверных замков на складах со всяким утилем. Ну, а что? Вещи, как я

тогда размышляла, наполовину никому не нужные. Максимум для чего некоторые из них смогут пригодиться — это для вторичной переработки. А я брала по чуть-чуть и продавала группе скульпторов-энтузиастов. Ребята у себя в гараже собирали металлические изваяния, которые позже толкали на разных выставках. Дела у них не всегда шли должным образом, но платили они неплохо и вовремя. А мне как можно скорее нужны были деньги, чтобы поскорее свалить из родных пенатов в город с несравненно большими перспективами.

Знала бы я тогда, как мне сейчас пригодятся навыки взломщицы. Гвоздь, правда, это не шпилька и не булавка, но для грубо сработанного топорных замков на моих кандалах его оказалось достаточно.

Последних несколько секунд, и один из громоздких замков с тихим лязгом разомкнулся. Я почти свободна. Тревожная и нервная радость подарила лишние силы и уверенность.

На моей левой руке всё ещё держался широкий металлический браслет, на котором хвостом повисала цепь с тяжёлыми звеньями. Но я была свободна!

Поскорее вскочив на ноги, я бросилась прочь с кормовой надстройки, вниз по узкой лесенке.

Со всех сторон ко мне тянулись извивающиеся рваные снасти.

На миг я растерялась, а затем бросилась в единственное место, где была открыта дверь и, где змееподобные снасти живого корабля не могли бы до меня дотянуться — в ближайшую каюту.

Оказавшись внутри плохо освещённого помещения с немного покатыми стенами и неплохой мебелью, я сделала вывод, что оказалась в каюте капитана. Однако, это не было надёжным укрытием.

Здесь я быстро открыла второй замок и освободила левую руку, от холодной металлической «клешни».

— Я всё равно тебя достану, девочка! — ревел корабль.

От его жуткого басовитого голоса со старческой хрипотцой, всё моё тело охватывала нервная дрожь с лёгкой кожной судорогой на спине и шеи.

Я отошла от двери, при этом держалась на солидном расстоянии от окон — за ними как раз появились многочисленными снасти, которые стучали по мутноватому стеклу с грязными потёками.

С учащённым дыханием я замерла у широкого стола и заставила себя подумать. Это было трудно. Страх и отчаяние гнали любые разумные мысли и мешали любому стратегическому мышлению. Мне с большим трудом удавалось собраться.

Я окинула взглядом каюту и подумала, что это живущий в этом парусном корыте дух, наверняка не любит огонь — пламя способно уничтожить единственную форму, в которой он пока ещё может существовать это можно использовать.

Нужен огонь!

Я было бросилась к стоящему рядом шкафу с многочисленными сосудами, книгами и деревянными шкатулками, но тут мой взгляд задержался на зловещем тёмном силуэте, что восседал на стуле, за столом.

Опасливо приблизившись к нему, я смогла разглядеть очередного мертвеца — облачённый в треуголку и истлевший кафтан скелет, у которого отсутствовала нижняя челюсть.

Присмотревшись повнимательнее, я поняла, что челюсть у него отпала не вследствие постепенного естественных посмертных явлений, а от резкого механического

вмешательства. Например, от выстрела пистолета.

Он что же заперся в каюте и застрелился?..

У меня не было времени гадать, что подвигло славного морехода на такой неоднозначный поступок и, что заставило свести счёты с жизнью.

В его правой руке я обнаружила пистолет. К моему удивлению мне потребовались серьёзные усилия, чтобы разжать костяные пальцы вынуть и оружие из руки мертвеца.

— Зря стараешься, девочка, — ехидно и зло прогудел сквозь стены голос корабля. — Пистолет уже разряжен!

— Я в курсе, — прошептала я, — но кремьень-то в замке по-прежнему работает...

Камень он и на Луне камень, и сколько бы времени не прошло, останется почти неизменным.

Кусочек гранённого кремня и вправду выглядел вполне работоспособным. Значит замок пистолета способен выбить искру...

Далее я изучила резной письменный стол и почти сразу же, среди вороха карт, документов, книг и навигационных приборов, обнаружила запылённую чарку.

Обойдя стол, я наклонилась к сосуду для распития спиртных напитков и как следует понюхала. Тут же скривившись, я поспешно отстранилась, затем вздохнула и, не обращая внимания на стучащие в окна каюты толстые снасти, с ироничным сожалением проговорила, глядя на скелет самоубийцы.

— Вот если бы ты не нарезался на рабочем месте, возможно губительные мысли о суициде и не посетили бы твою буйную голову.

Изнутри корабля донёсся возмущённый возглас, а затем голос «Окрылённого ветром» гневно возвестил:

— Да как ты смеешь глумиться над капитаном Бешамом!

Я на секунду замерла и рассеянно пожала плечами.

— Извини, но... мне не дано понять самоубийц.

— Капитан Бешам был сам не свой от горя из-за любви! Его руку отвергла девушка, которую он любил больше жизни.

Продолжая деловито обыскивать стол почившего капитана и опасливо оглядываться на снасти такелажа, которыми корабль стучал по окнам каюты, я спросил:

— И что? Отстрел половины собственной башки помог пробудить в избраннице ответные чувства?!

От моего ехидства фрегат не едва не взорвался, если судить по тому грохоту, что прозвучал из глубины, под полом каюты. Я даже начала опасаться, что старый фрегат может раздавить меня, разрушив каюту. Тем более, что стены и стоящая в шкафчиках посуда угрожающе звенели.

— Ты-ы!!! — взревел корабль. — Ты бессердечная стерва!!!

Я чуть боязливо, но насмешливо ввернула:

— Я практичная и расчётливая стерва, особенно в вопросе личного выживания.

В ответ корабль назвал меня более грубым и грязным словом, чем прежде. Я предпочла проигнорировать реплику корабля, у которого, судя по всему, закончились прочие аргументы.

В ящиках стола я отыскала бутылку рома и старую масляную лампу, стеклянная полость которой была наполнена каким-то жиром. Если мне не изменяет память, когда-то именно китовый жир, в частности, использовался для топлива в старинных светильниках. Для моей

задумки пригодиться.

— Что ты творишь, девчонка?! — увидев, что я смешиваю жир и ром в бутылке, спросил корабль. — Ты никак обезумела?!

Не отвечая сущности вредного старпома, я сорвала с одежды капитана Бешама кружевной галстук. Судя по очередному возгласу старого духа, если бы он до сих пор был человеком, то немедленно умер бы от инфаркта.

— Над мёртвым глумишься, девка! Побойся Моретворца!

— Я ведьма, — пожалала я плечами и добавила. — Нам положено быть немного безбожницами.

— Богохульница!

— Сказал призрачный дух, — проворчала я.

Через минуту я уже протолкнула в горлышко бутылки толстую пробку, которая зажала внутрь упомянутый выше кружевной галстук с шеи капитана Бешама, который я успела смочить ромом. Следом за этим, из найденной на полу верёвки я торопливо соорудила подобие сумки на ремне, в виде двух петель с узлами, в которых удерживалась бутылка и остальной части верёвки, что перекидывалась через плечо.

Я очень вовремя успела закончить потому, что пол и стены каюты начали громко, со стоном, скрипеть. Обивка стен и напольное покрытие — здесь оно отличалось от остальной палубы — во многих местах, как будто лопались сразу несколькими уродливыми тёмными трещинами.

Из стен каюты на пол посыпались мелкие щепки, меня буквально обстреливало со всех сторон целым градом мельчайших фрагментов обивки и стен. Пол под ногами начал прогибаться внутрь, а потолок с шикарной люстрой дрогнул и покосился.

— Я похороню тебя в каюте капитана Бешама! — взревел разъярённый корабль.

Я тут же pistolaет к бутылке и угрожающе, стараясь чтобы мой голос звучал уверенно, воскликнула:

— А ну прекрати! Сейчас же!

— Да я тебя раздавлю, дрянь имперская!!! Раздавлю в кровавое месиво!!! — вскричал в бешенстве фрегат.

Под звук его крика с двух сторон качнулись книжный и посудный шкаф. Мгновение, и они с сотрясающим звенящим грохотом обрушились на пол. Напольное покрытие под моими ногами буквально разошлось и разорвалось в нескольких местах. Дыры и трещины превратились в небольшие пропасти.

С потолка, качнувшись, рухнула тяжёлая люстра с подсвечниками. Я едва успела увернуться, а затем опрометью выскочила из капитанской каюты.

Вслед мне треснул и развалился дверной проём, а выпавшая из него дверь чуть не зацепила мою спину, рухнув буквально в нескольких миллиметрах от меня.

Я отскочила прочь, круто обернувшись, ощущая, как сердце в груди звучит, будто шестая струна гитары, которую ритмично и быстро «щиплют» мозолистые пальцы музыканта.

Над моей головой, точно ожившие призраки, вырвавшиеся из местной преисподней, трепетали на морских ветрах разорванные паруса. Чернеющие в них дыры, сквозь которых свистели порывы воздуха, формировали страшные рожи на парусиновых тканях.

Но самое жуткое было то, что со всех сторон ко мне уже тянулись сотни толстых снастей, готовые связать и задушить меня.

Я сперва попятилась прочь, поддавшись паническому смятению, но через сил взяла себя

в руки и, немного дрогнувшим голосом, воскликнула:

— А ну стой! Или я сожгу тебя к чёрту... к Девятой ведьме!

— Ха! — воскликнул зловредный дух фрегата. — С помощью одной бутылки рома?

— Это смесь рома с китовым жиром, корыто ты прогнившее! — прокричала я зло. —

Отлично горит! Быстро распространяется! И — самое главное — ни ветер, ни вода его не потушат!..

В последнем утверждении я, конечно, погрешила против истины, присвоив своему импровизированному «коктейлю Молотова» характеристики добротного напалма. Но мне было важно произвести правильный эффект.

А этот дух был обычным старпомом на обычном корабле. Вряд ли он отличался особенной грамотностью, зато суеверий, какими богато воображение моряков, в нём, наверняка, было с избытком. Сомневаюсь, что здесь что-то изменилось после его безвременной кончины. И это просто обьязано было сыграть мне на руку.

Тянувшиеся ко мне снасти застыли, чуть покачиваясь на ветру.

— Хм... — прогудел корабль. — А откуда мне знать, что мне не врётся, ведьма?

— Чтобы ты убедился в правдивости моих слов, я могу прямо сейчас бросить тебе в трюм зажженную бутылку, — едким голосом предложила я. — Кстати, что Вы там везли с капитаном Бешамом. Точно нет ничего пожароопасного?

Судя по долгому молчанию «Окрылённого ветрами» вселившийся в него дух не был уверен в ответе на мой вопрос.

— И чего ты хочешь?

— Уйти.

— Так уходи!!! — вскричал разгневанный корабль. — Больно ты мне нужна, лахудра имперская! От тебя одни проблемы!

— Надо было просто помочь мне, и этой некрасивой ситуации удалось бы избежать. Знаешь, помощь незнакомым людям, обычно располагает к дружескому диалогу.

— Имперцы мне не друзья: у меня отец и брат погибли в войнах с вашим флотом!

Затем раздался звук похожий на смачный плевок.

— Сочувствую, — хладнокровно бросила я. — А теперь мне нужно, чтобы ты свои ванты прицепил к мачтам вон того корабля...

Я указала на ближайшее судно с сиреневым бортом и красивыми серебристыми узорами на корпусе.

— А под левую пятку тебя не поцеловать? — язвительно спросил фрегат.

— Нет, обойдёмся без предварительных ласк, — покачала я головой. — Тем более, что у меня нет склонности к геронтофилии.

— Мне не дотянутся до этого галеона.

— А ты попробуй, милый, — проворковала я язвительно и угрожающе постучала пистолетом с взведённым курком по склянке с легковоспламеняющейся смесью. Одно нажатие моего указательного пальца, и курок, с зажатым в нём кремнем, высечет искру из металлического огнива.

— Если я это сделаю, у меня нарушится устойчивость...

— Какая устойчивость, лежишь брюхом на морском иле! — воскликнула я. — Делай, что я говорю, не то пушу на дрова! До зари пылать будешь!

Обдав меня набором крайне недобрых пожеланий, фрегат оторвал свои ванты с левой стороны и не без труда протянул их к реям на грот-мачте стоящего рядом сиреневого

Галеона.

Я видела, как концы сорванных вант фрегата привязываются к реям и стволу грот-мачты.

— Плотнее и крепче, — потребовала я. — С узлами, умник.

Я не могла полагаться на добропорядочность озлобленного духа этого корабля, а поэтому его тросы должны быть как можно крепче закреплены, с такими узлами, которые он не сможет быстро развязать.

Нехотя, фрегат выполнил моё требование.

— Готово, ведьма. Проваливай, пока я не передумал!

— Как ты добр, — пропела я с колкой иронией.

После всех тех, препятствий, что пришлось преодолеть, пока я лазила по кораблям и с борта на борт, сейчас у меня получилось относительно легко и быстро перебраться по натянутым над морем вантам.

Толстые, затвердевшие от соли, влаги и активного воздействия солнца, снасти вант были жёсткими и неудобными, чтобы за них можно было безопасно держаться.

К тому же они всё время подрагивали под напором резких бросков ветра. В ночном небе, к морю в один протянулись сразу несколько кривых длиннопалых молний. Белоголубые сияющие вспышки света озарили поверхность прибрежных вод и силуэты рифов, придав облику моря зловещих и угрожающих оттенков.

Треугольные горбы волн, скользящие по морю в сторону бухты Порты снов, походили не то на плавники гигантских хищных рыб, не то на самостоятельных неведомых морских обитателей с агрессивными намерениями.

Но самое страшное, что свет от вспышек молний, разбивающих штормовой небосвод, проникал под воду и чётко высвечивал многочисленные тёмные силуэты действительно живых созданий, что активно стягивались под водой к Порту Снов. Морская нечисть и прочая местная фауна спешили укрыться от шторма на дне, рифах и кораблях, которые здесь покоятся.

Нужно было спешить.

Не особо ловко, но я спустилась на палубу галеона, к реям грот— мачты которого были привязаны концы вант озлобленного старого фрегата.

— Благодарю и всего доброго, — жизнерадостно воскликнула я, убедившись, что мне в настоящий момент ничего не угрожает.

«Окрылённый ветром» загудел и задрожал от возмущения, а затем пожелал мне отправиться в не самые привлекательные места.

— Да, да, да, — елейным голоском пропела я. — Вот сам сходишь, вернёшься и расскажешь, как оно. Пока, корыто, окрылённое драными тряпками.

Фрегат разразился новой тирадой гневных высказываний, но я уже двигалась прочь.

Моей целью был тот самый флейт с изумрудными парусами, на котором обитал Проклятый Шарманщик. Хм. Или он до сих пор там обитает. Предпочту надеяться на первое.

Обдумывая своё решение вернуться на флейт, я гнала прочь все сомнения, несмотря на опасность и смертельный риск моей затеи.

После того, как Клод Марбо отнял у меня все мои магические принадлежности мне нечего и думать, чтобы самой пытаться выбраться на берег. Тем более без помощи Люка, который оказался не таким уж хорошим и верным компаньоном, каким он мне казался вначале. Однако, от его услуг, как проводника, я отказываться не собиралась. Лучше уж

плохой проводник, который будет зависеть от моей прихоти, чем сейчас здесь, среди переполненной нечистью бухты, пытаться найти нового провожатого!

Вернувшись к флейту, я, разумеется, не стала сразу же подбираться к кораблю и вновь ступать на борт. Как минимум потому что где-то неподалёку может бродить тот самый грендель, великан с рыбо-жабьей башкой.

Хотя... Вдруг, он ушёл? Ну, вдруг? Такое же может быть? Чисто теоретически...

Однако, уже через секунду о своей надежде на мистическую «теорию» мне пришлось, с тяжёлым сердцем, забыть.

Морской великан был неподалёку. Я не сразу его заметила, так как он прятался за в тени и за многочисленными парусами соседних кораблей, но новый дрожащий свет от блеска молний, озарил его уродливую голову с жабрами и плавниками.

На миг, моё сердце в один прыжок подскочило до горла, а пресловутая душа, если бы могла, не только спустилась в пятки, но и вовсе бы зарылась в морской песок, не забыв вывесить рядом табличку «Мест нет».

Грендель меня пока не видел. Убеждённый каннибал неспешно бродил по округе и издавал звуки, больше всего напоминающие те, что извергает человек, напившийся слишком много газировки. Слава местному божеству, Моретворцу, что что эти звуки чудовище издавало через верхние дыхательные пути, а не через... альтернативные.

Но незамеченной обратно на флейт я могу и не проскользнуть. А может и получится. Нет, рисковать я не хочу. Если эта паскудина меня заметит, для меня всё закончится плачевно. Нет, гренделя нужно отвлечь.

Я вздохнула и посмотрела на самодельный «Коктейль Молотова». Жаль, я эту зажигалку собиралась использовать для крайнего случая. Ну, а что? Кофе — то теперь, благодаря кое-кому охреневшему до критического уровня, у меня больше нет.

Улучив нужный момент, когда грендель отвернётся, я перебралась подальше, на одну из небольших шхун, что покачивались здесь на волнах. Затем подожгла кружевной галстук старого капитана Бешама и изо-всех сил метнула бутылку в ближайший корабль...

Тяжело вращаясь, эффектно разбрызгивая искры, озарённая вспышками молний, с пламенеющим хвостом, бутылка красиво пролетела по пологой дуге и...

Раздался мощный всплеск, море между двумя кораблями — шхуной на которой была и судном, в которое я бросила бутылку — взметнулось широкими веерами брызг. Меня окатило холодной водой, но я не двинулась с места.

Я, с приоткрытым ртом и в полном смятении, если не сказать на много грубее, наблюдала, как что-то похожее на тюленя или моржа, на лету разинуло широченную пасть с длинными усами по бокам и заглохило мой «коктейль».

Затем неведомое создание с чёрными тигриными полосами, упало обратно в воду и поплыло прочь.

— За-ши-бись вообще! — воскликнула я, выразительно разведя руками. — Откуда ты взялся?! Упырь моржовый!!!

В отчаянии я прижалась к фальшборту, опираясь животом о край планшира на шкафуте. Сама не знаю, что я хотела увидеть в непроницаемо тёмной морской воде.

— У тебя изжоги-то не будет, нет? — тихо и сердито прошипела я.

Стоило мне только это произнести эту фразу, как темно-зелёная морская гладь лопнула в шуме нового всплеска брызг. В ореоле блестящих капель, неизвестный полосатый «морж» почти грациозно вылетел из воды и неуклюжестью упившегося гиппопотама обрушился на

палубу ближайшего корабля.

Небольшой хлипкий бриг жалобно затрещал под тяжестью склизкого влажного и пузатого тела. Из раскрывшейся пасти «моржа» вылетело пламя и охватило всё, до чего смогло дотянуться. Огонь живо взбежал по мачтам и перекинула на паруса, пожрал снасти и растёкся по палубе.

Грохот и результат падения подводного «бутылкоглотателя» на беззащитное судно был сродни эффекту от обстрела десятками орудий. Шкафут брига — средняя часть палубы — просто провалилась внутрь, извергнув тучу тлеющих искр, а через мгновение корабль и вовсе начал складываться пополам, ярко пылая в ночи. Повеявший ветер срывал некоторые пламенеющие паруса и перебрасывал их на соседние корабли.

Всё это сопровождалось постоянным обрушением мачт упомянутого брига, тресканьем обшивки сгорающего корпуса и непрерывными гремящими ударами дерева о дерево. В воду рядом с бригам летели деревянные обломки, падали сгорающие паруса и скатывались тяжелые пушки.

Плеск воды, раскатистые взрывоподобные удары и надрывный деревянный треск, будто массово обламываются ветки деревьев и уплотняющийся запах горячей древесины.

Сказать, что я осоловела от происходящего, значит сильно погрешить против истины.

На такой возмущающий спокойствие бухты шум немедленно приплыли все, кому не лень! Из воды к кораблю поползли какие-то помеси крабов и пауков, размером с телёнка! Появились сразу несколько грёбанных келпи, чтобы у них подковы отвалились! На корабль илистые человекоподобные фигуры, как будто вылепленные из мокрого песка, а с кормы медленно взбиралось что-то похожее не то на медузу, не то на осьминога, со громадной слюнявой пастью не то в затылке, не в то заднице.

Разумеется, на такой шабаш дикости и возмущения спокойствия просто не мог не явиться и сам грендель.

За несколько секунд я успела пережить сразу несколько бурных эмоциональных состояний — от потрясения и шока до откровенного ужаса и бессильного смятения.

Пока морской великан отгонял от гибнущего корабля всю остальную нечисть, я, опомнившись, направилась к зелёному флейту.

«Сколько же местных тварей готовы на всё, даже ради призрачной возможности полакомится человечинной или другими разумными существами, раз они так ретиво, не обращая внимания на огонь, бросились к этому бригу...» — ошарашенно подумала я.

Оказавшись на флейте с изумрудными парусами, я сохраняла максимальную осторожность. Мне удалось добраться до того самого места в лазарете, где таргала завалило кушетками и прочей утварью, а его шарманка затерялась где-то в корабельной тёмной мгле.

Вздрагивая от доносившихся издали пугающих рычаний, тресков, перестуков и монструозных криков, я принялась торопливо обыскивать лазарет.

Несколько раз я наткнулась на почивших здесь моряков, но хвала местным богам, никто из них не восставал.

Усиливающееся эмоциональное напряжение клокотало в крови, плясало по телу и топталось на сердце. Чувство опасности едва ли не взрезало покрытую испариной кожу. У меня нервно пульсировал затылок и подрагивали пальцы рук.

Я лихорадочно перебирала различный хлам. Моя одежда покрылась остатками засохшей крови, левой рукой я выпачкалась в чём-то липком и зловонном и порезала большой палец об стеклянный осколок какой-то разбитой склянки. Буду надеяться, что в разбитом сосуде не

было ничего опасного, а на острие не осталось какого-нибудь трупного яда.

Однако, я всё же потрудились, помимо шарманки, найти что-то спиртовое, чтобы обработать порез. По иронии судьбы или по счастливой случайности именно под опрокинутым сундуком со спиртовыми настойками, я обнаружила ту самую нефритовую шарманку.

Значит, Проклятый Шарманщик не смог выбраться...

Я вновь опасливо оглянулась на место, где его завалило. Неужели его можно было одолеть так легко? Хм... Тем лучше.

Я схватила шарманку и выбралась наверх. Воровато оглядываясь и посматривая на пламенеющий вдалеке бриг, рядом с которым горело ещё несколько кораблей и виднелся тёмный силуэт гренделя, я выбралась на кормовую надстройку.

Пару секунд, под порывами ветра, я прокрутила рукоять шарманки. У меня не было уверенности, что мой дурацкий план сработает, но рискнуть стоило. Выбора-то у меня не так много. Альтернативой была бы попытка шнырять по округе, пока мне совершенно случайно не повезёт выбраться к берегу, из всего этого лабиринта корабельного некрополя.

Я повернула рукоять, шарманка дрогнула в моих руках, вместе с ней нервно дрогнуло и замерло на миг моё сердце, а с ним и дыхание. Я продолжила вращать рукоять музыкального инструмента.

Из нефритовой коробки выплывали гудящие размеренные ноты. Они ускорялись, меняли тональность и вибрацию, стоило меня менять ритм и скорость.

— Ну, что же вы? — боязливо оглядываясь на гренделя в дали, я выжидающе смотрела на палубу корабля, где неподвижно лежали скелеты моряков.

На пару мгновений меня сразило досадливо и пугающее разочарование, от того, что у меня ни черта не получилось, но вот раздался гулкий щелчок, затем ещё один и ещё...

Щелкая и хрустя костями скелеты на палубе медленно поднимались. А из трюма начали выползать новые. Более того, некоторые взбирались из-за палубы.

Я продолжала вращать рукоять шарманки, глядя на то, как ожившие груды костей собираются вокруг меня, безмолвно поглядывая на в мою сторону своими темными пустыми глазницами.

Страха у меня не было, было жутковато, да, но не страшно. Всего лишь некромантия... Подумаешь... Главное, чтобы они меня в танец не затащили или не вздумали разорвать на части.

Скелетов становилось всё больше, пока, наконец, на шкафуте и баке не собралась целая толпа!

В рваных одеждах, почти все без обуви, некоторые и без ног, а кое-кто и без черепа, они все молча собирались возле моей скромной персоны.

— Отлично, — нервно улыбнулась я. — А теперь давайте-как поднимем эту лоханку и отнесём...

Однако скелеты не двинулись с места. Я попробовала подумать о том, что сказала и... поднятые музыкой шарманки скелеты зашевелились. Спустились с корабля, залезли в воду.

У меня вырвался удивлённый и обрадованный возглас, когда я почувствовала, как флейт с изумрудными парусами вздрагивает и начинает подниматься из воды!

Ума не приложу, как эти дряхлые кости умудрились поднять здоровенный флейт, но они его подняли! Будь я трижды лысая крыса! Они его подняли и...

Корабль ринулся вперёд. Именно туда, куда мне было нужно. По пути, к стае поднятых

мною скелетов присоединялись всё новые, с других кораблей или просто выныривающие со дна.

Корабль план на спинах уже трёх или четырёх сотен скелетов, что упорно тащили его вперёд.

Я стояла на корме и испытывала противоречивую смесь неоднозначных чувств — от жути из-за сути происходящего до нервного боязливого восхищения, от ощущения движения корабля.

Если не знать о том, ктонесёт судно вперёд, можно было подумать, что я сейчас я сама, в одиночку иду под парусами на своём собственном корабле. Это чувство было странным, немного пугающим, но приятным и желанным — оно дарило осознание свободы и возможностей!

Что показательно, остальная нечисть и всякие фергалы сторонились стаи скелетов, что несла флейт под изумрудными парусами.

Я продолжала вращать рукоять нефритовой шарманки и мысленно направляла подвластных мне сейчас скелетов напрямиком к застрявшей между двумя рифами каракке.

Пришлось, конечно, нарезать несколько лишних кругов прежде, чем мне наконец удалось найти единственный корабль, застрявший между высокими, похожими по силуэту на острия ножей, острыми рифами.

Не знаю была это именно каракка или нет, но другого такого судна здесь в округе не было, на корме у него красовалась надпись из облезлых бронзовых букв «Счастливец Джованни».

— Ну, наконец-то, — вздохнула я облегчённо.

Я заставила скелетов подвести корабль максимально близко к нужному мне кораблю и перепрыгнула на борт «Счастлильца».

В корпусе каракки зиял широкий разлом, из которого виднелись покачивающиеся на волнах ткани, снасти и обломки. Хм. Я подумала, что разлом напоминает глубокую рану на человеческом теле, а ошметки груза — внутренности... Бр-р-р! Фу!

Я скривилась и неприязненно помотала головой, отгоняя прочь тошнотворные мысли.

На борту каракки «Счастливец Джованни» я не нашли ни мертвецов и не встретились с какими-то ужасными таргалами. Нет, но... палуба — шкафут, бак и кормовая надстройка были завалены несколькими громадными статуями каменных крыс.

Они были разными. Толстые, более худощавые, мохнатые и облезлые, но каждая из каменных крыс была размером с жеребёнка или здорового вепря. Все они замерли в различных позах. Из-за чрезмерной детальности в этих скульптурах казалось, что они почти живые... или были когда-то живыми.

От этой мысли, я громко икнула и так же громко, как герой старого мультфильма, боязливо сглотнула. От взгляда на свирепые морды гигантских крыс и, в особенности, на их зубы, каждый из которых был длиной с мой указательный палец и толщиной, с два. Клыки у каменных крыс были и вовсе размером с ладонь.

Чем больше я присматривалась к ним, тем больше мне казалось, что эти исполинские крысы не всегда... были... изваяниями. Нет, я определённо не хочу об этом думать!

Отыскав капитанскую каюту, я несколько раз бросила в её дверь обломками досок — нужно было проверить её на какие-нибудь смертоносные охранные заклятия. Как оказалось, парочка таких имелась: брошенные мною обломки были испепелены в буквальном смысле.

Убедившись, что дверь каюты больше ничем не охраняется, я разбила окошко в ней

броском металлического крепежа, а затем пришлось повозиться, чтобы верёвкой с петлёй, просунутой внутрь, поддеть поворотный механизм замка.

Как только мне удалось проникнуть внутрь капитанской каюты, я сразу же обратила внимание на жуткий беспорядок, царящий здесь. Но это было не удивительно, ведь каюта была фактически наклонена в низ и кренилась на бок. Так что многие вещи и почти вся мебель лежали грудой обломков в одном из углов каюты, между полом и покатой левой стеной.

Только кровать капитана была прикреплена к напольному покрытию и оставалась на положенном месте и несколько закрытых на замок полочек, над ней.

В каюте парили облака пыли, повсюду валялись смятые обрывки бумаги. Сквозь покрытые многочисленными трещинами окна в корме, внутрь проникал искаженный радужный свет с ближайших кораблей.

Я не сразу обратила внимание, что стены корабля почти сплошь были увешаны чуть смятыми, а местами оборванными картами, отдельными страницами из книг и рисунками странного смысла.

На некоторое время я забыла о свече Люка, которую собиралась найти в каюте капитана Дидье.

Моим вниманием завладели карты и рисунки на стенах. Судя по пунктирным отметкам, «Счастливец Джованни» провёл в морях несколько лет. Корабль посетил различные порты и очень далёкие острова.

Кроме карт и рисунков на стенах можно было увидеть закрепленные статуэтки, маски, развешанные обереги и амулеты. Что это такое? Что отмечал и изучал на всех этих изображениях капитан Дидье.

По картам, рисункам и разным артефактам, которыми в изобилии и беспорядочно были увешаны стены каюты, можно было проследить, насколько действия и мысли капитана этой каракки становились всё более лихорадочными, агрессивными и даже фанатичными.

Обведённые несколько раз символы, какие — то надписи из угловатых непонятных рун, фрагменты костей и жуткие куклы.

Я нашла несколько искусно сделанных масок, изображавших красивые женские лица с распущенными волосами. Розовато — бежевый материал изготовления был странно гладким и довольно тонким, похожим на что — то синтетическое высокомолекулярное, при условии, что в этом мире способны что-то синтезировать.

На масках поблёскивала цветная эмаль, изображавшая косметику, а не щеках темнели росписи неизвестной письменности. Во рту у каждой из маски темнел камень.

Как только сосчитала маски ещё раз до меня дошло — это изображения Каменных сестёр!

Почему это осознание этого легонько и вкрадчиво, едва касаясь, царапнуло кожу между лопаток, на шее и на затылке.

— Дидье искал их? — проговорила я в слух, ничего не понимая.

Я была уверена, что Каменные сёстры — это лишь местное поверье, страшная легенда и миф, не более. Но капитан «Счастливица Джованни» думал иначе.

Зачем они ему понадобились, чего он хотел от этих ведьм, если они действительно существуют?

Я нашла ответ в рисунках среди карт. Капитан Дидье вырисовывал изображения трав, символов, амулетов, фигуры людей, отдельные человеческие органы ... рисовал также людей

на треть, четверть или на половину превращённых в крыс. В гигантских крыс...

— Каменных крыс, — вдруг с беспокойством и внезапным понимающим сочувствием проговорила я, а затем медленно покосилась в сторону двери капитанской каюты.

Вместе с нервным вздохом из моей груди вырвалась сама собой напрашивающаяся догадка:

— Капитан Дидье и «Счастливец Джовани» искали способ спастись от Каменного проклятия! Но...

Я закрыла глаза и прижала пальцы к вискам. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы принять внезапные открытия и пережить несколько приступов внутреннего диссонанса.

Этот мир, чувствую, ещё не раз сможет удивить меня. Мне нужно научиться принимать новую реальность и относиться к местным событиям со всей серьёзностью.

«Каменное проклятие», «Девятая ведьма тебя забери» и «Каменные сёстры» это всё вовсе не просто ругательства или мрачные бесполезные суеверия. Это... реальность Квинквилля. И капитан Дидье со своей командой пытались найти ответы, как избежать проклятия.

Скорее всего, хаотичный маршрут корабля, отмеченный на картах, можно объяснить тем, что капитан «Счастливец Джованни» решил начать с самого главного — причины несчастья, на которое обрекли жителей Квинквилля Каменные сёстры.

Я взглядела в идеальные лица тускло поблёскивающих масок, из неизвестного материала, напоминающего пластик или другие полимеры. Чем дольше я всматривалась в маски с темнеющими прорезями вместо глаз, тем больше ощущала исходящее от них противоестественное воздействие. Оно дурманило разум, манило и гипнотизировало...

Мне показалось, что за моей спиной и вокруг меня зашелестели какие-то неразборчивые голоса. Злой и язвительный хор шепотков, точно стая невидимых птиц облетел вокруг меня.

Я испуганно и резко обернулась, но, разумеется, в каюте я была одна.

Переборыв настырное чувство настороженности и гнетущее ощущение собственного одиночества в чужом агрессивном мире, я снова оглядела каюту и ворох мебели.

Мне нужно было найти шкатулку со свечой Люка и призвать ненадёжного богарта назад, чтобы он всё-таки вывел меня, наконец, из этого порта. Я определённо больше не хочу здесь находиться!

Шкатулку я нашла быстро, её просто трудно было не заметить — с резным корпусом, на изящных золочёных ножках, с вычурным позолоченным барельефом по кругу и золотой же ручкой на крышке, в виде выгнутого вверх стебля цветка. К тому же шкатулка из тёмно-рубинового цвета дерева была во множестве украшена жемчугом, правда не слишком хорошего качества. Да и позолота была халтурная.

Красивая шкатулка, но не самая качественная работа. А вот обнаруженная внутри свеча заставила меня восхищённо выдохнуть «Ва-ау».

Гладкая, клиновидна, плавно изгибающаяся, точно рог или клык какого-то животного. Вместо фитиля на толстом конце темнела странная ёлочка из десятков мельчайших веточек. На конце каждой из них тлели желтовато-оранжевые искорки.

— Отлично, — проговорила я.

Я уже собралась уходить, когда по ноги мне попался какой-то бутылёк с тёмной жидкостью.

Полустёртая надпись на нём гласила: «Сильнодействующее снотворное».

Хм, это я пожалуй возьму. Может пригодиться. Мало ли, кого и где придётся усыпить.

Когда я уже собралась выйти из каюты в осколках дверного окошка сверкнул свет. Я бросила взгляд на отражение на остриях этих осколков и едва не закричала от страха.

Порывисто обернувшись, я увидела, что у всех восьми масок на стенах меркло сияют солнечно — желтым светом их пустые глазницы. А в лучах колдовского света, что вырывался из масок, металась какие-то многочисленные образы и силуэты.

Я выскочила прочь из каюты, не желая ожидать, что будет дальше. У меня не было уверенности, что грёбаные маски не навлекут на меня ещё какое-нибудь несчастье!

В каюте капитана Дидье я разжилась не большой сумкой с качественным ремнем и крепкой пряжкой. В неё я сложила свечу и бутылёк со снотворным. Пробегая мимо бизань-мачты, я увидела блеснувший в свете грозы клинок — это был кинжал или дага, который кто-то воткнул в мачту.

Не без труда, упершись ногой в саму мачту, я насилу извлекла холодное оружие и осмотрела. Удачная находка — в меру длинный, крепкий и настолько лёгкий, чтобы я смогла им орудовать, в случае чего. Кинжал, в моих руках походивший на короткий меч, я сунула за пояс и перебралась обратно на флейт с зелёными парусами, прижимая подмышкой заветную шарманку.

Заставив скелетов отнести флейт подальше от «Счастливец Джованни», я направила судно в ту сторону, где должен был находиться берег и достала свечу боггарта.

Мне стоило лишь произнести имя моего ненадёжного и провожатого, как буквально через мгновение появился передо мной.

— Зои?! — воскликнул боггарт.

Его белые глаза округлились и расширились до таких размеров, что закрыли чуть ли не половину лица. Он едва не выронил свой зонтик и даже издал звук похожий на нервное икание.

— Я думал ты... погибла уже... Там такое творится... Пожар, корабли горят, и грендель сцепился с морскими тиграми и клешнестопами! А ты...

— А я жива, да, — ехидно усмехнулась я. — Уж прости, что разочаровала.

Люк виновато потупил взор.

— Ты нашла мою шкатулку...

— Пришлось, — холодно ответила я. — Я, видишь ли, склонна держаться собственные обещания. Хорошая привычка, ты попробуй на досуге.

— Зои, я... — начал было боггарт.

Но я не собиралась давать ему второго шанса и, тем более, выслушивать его оправдания.

— Сделаем вот как, Люк, — бесстрастным голосом перебила я его. — Ты выводешь меня из Порта Снов и, как только мы оказываемся на берегу, я оставлю свечу тебе, и дальше каждый из нас пойдёт своей дорогой.

Люк посмотрел на меня своими белыми глазами. Я видела, что он, возможно, раскаивается и, возможно, мне стоило бы сменить гнев на милость, но... Этот мир уже показал, насколько опасным может быть и два раз мокнул меня лицом в суровую действительность, убедив, что мне не стоит верить никому, кто этого ещё не успел заслужить. А тем более я никогда не смогу довериться тому, кто бросил меня в момент, когда я была подло предана и оставлена умирать. Когда я была слаба и беззащитна. Злопамятна ли я? Отнюдь. Просто пытаюсь быть практичной и не совершать одни те же ошибки.

— А как ты управляешь этими скелетами?! Ты что украла шарманку Проклятого Шарманщика?! — голос у боггарта сел.

Он был настолько шокирован, что забыл о моём отношении к нему и своём проступке.

— Пришлось, — коротко ответила я.

— Зои, ты...

— Я не собираюсь её присваивать, — пожала я плечами, продолжая вращать рукоять музыкальной коробки. — Попользуюсь и оставлю. Твой Шарманщик, если захочет, сам её отыщет.

— Он будет страшно недоволен и может привязаться к тому, рядом с кем отыщет свою шарманку, — с прозрачным намёком испуганно проговорил боггарт.

— Тебе то чего бояться, — язвительно бросила я. — Если что, опять свалишь. Давай, веди.

Люк хотел было что-то возразить мне, но его свеча, его Маяк был у меня. А Люк — в моей полной власти.

Чашечка девятая

«Дайте мне кофе, чтобы я смог изменить то, что в моих силах!... И вино, чтобы принять то, что я не в силах изменить»

Неизвестный автор.

Шторм как будто гнался за нами. Чернеющие даже в ночном небосводе грозовые тучи неумолимо ползли вслед за флейтом с зелёными парусами. Я, взволнованно оборачиваясь назад, не переставая вращала рукоять нефритовой шарманки и мысленно подгоняла толпу нежити, что тащила флейт вперёд.

Но даже лишённые способности уставать скелеты ничего не могли поделывать с приливом и поднимающимся уровнем воды. С каждой минутой их шаги замедлялись, а яростные волны всё чаще настигали корму флейта. Физика, беспощадная стерва, оказалась безжалостна и непоколебима даже к мертвецам.

Через несколько минут флейт на руках трёх-четырёх сотен облезлых скелетов еле полз. Корабль двигался едва ли не со скоростью улитки. Он и так был четверть затоплен, когда я вернулась за шарманкой, а сейчас и вовсе заполнился забортной водой на треть. Мне ещё повезло, что каким-то необъяснимым «чудом» не затопило лазарет, куда мне пришлось спуститься! Сейчас даже не секунду страшно представить, что пришлось бы нырять и шарить впотьмах, в поисках волшебной шарманки... Хотя, нет. В случае, если бы лазарет оказался затоплен, мне бы пришлось отказаться от идеи заполучить себе музыкальную коробку проклятого шарманщика!

Впереди, перед бушпритом флейта с изумрудными парусами, показалось странное и даже дикое сооружение из лежащих на камнях кораблей. Они размещались друг за другом, их погнутые, треснувшие или вовсе надломленные мачты с реями торчали в разные стороны, точно гигантские копыта, со знамёнами в виде алых, синих, зелёных и желтых парусов.

Что примечательно, сквозь лежащие друг за другом суда, пролегал пеший путь по камням, рифам и мосткам из досок, обвязанных обрывками снастей. Проход перекрывался несколькими решетками ахтерлюков. Они здесь выполняли роль герсы*(опускная решётка для крепостных ворот) в воротах средневекового замка.

— Дальше ходу нет! — паривший впереди Люк, спустился на планшир бака флейта и повернулся ко мне. — Теперь нужно договариваться с Гаспаром и Гасконом.

— Хорошо, — вздохнула я, оглядывая перекрывающие путь корабли. — А что они могут потребовать в замен?

В ответ фергал лишь пожал плечами.

— Буквально всё, что угодно, Зои, — развёл руками белоглазый боггарт.

— Звучит не слишком обнадеживающе.

Оба тритона-отшельника, что удерживали в своей власти проход через импровизированные ворота, жили по разные стороны от «ворот». Каждый в своём нагромождении из обломков кораблей, напоминающих чудаковатые пирамиды.

Вспомнив черескакиелабиринты провёл меня Люк, я в который раз порадовалась, что у меня получилось заставить его показать мне путь к выходу. Сама бы я тут несколько лет могла шариться, в поисках правильного пути!

Слева от тоннеля из смежающихся трюмов нескольких кораблей проживал тритон Гаспар.

Я застала его лежащим на драной софе, заваленной десятком покрывал. Тритон был худощав, с длинным заостренным лицом, выразительным взглядом глаз без радужек и тёмными спутанными патлами. Как водиться, верхняя часть его туловища была вполне себе человеческой, но при этом отвратного синюшного оттенка. А от бёдер Гаспара начинался толстый, длинный рыбий хвост с массивным плавником на конце и ещё парочкой, поменьше, что разместились по бокам.

Больше всего Гаспар напоминал мне Мерлина Менсона, который продолжил эксперименты со своим телом и в конце концов решил, что хочет стать русалочкой. Я бы, лично, не удивилась.

Когда мы с Люком приблизились к лежбищу, тритон с угрюмым видом бросал старые гарпуны в расставленные перед ним бочки, с криво нарисованными мишенями.

При нашем появлении он чуть оживился и заинтересованно взглянул на меня.

— О, гостя из Скардхайда? — взгляд тритона задержался на моих персиковых волосах. — Кто это тебя так обкарнал, имперка?

Голос у тритона был такой, как у человека с сильно заложеным носом. Но было непонятно, всегда ли он так говорит или у бедняжки случился насморк.

— Один мертвец-неудачник, — мрачно ответила я.

Люк вопросительно уставился на меня.

— Любопытно, — усмехнулся тритон и метнул очередной гарпун в одну из бочек.

Он попал точно в цель, и полусгнившая бочка, с гулким треском раскололась и развалилась на несколько частей.

— А этот цирюльник-любитель в курсе того, что он мертвец и неудачник?

— Нет, но он узнает об этом, когда мы вновь встретимся, — пообещала я.

Гаспар вновь усмехнулся.

— А ты мне нравишься, имперка. Зачем пришла?

— Хочу пройти на другую сторону.

— Все хотят, — пожал костлявыми плечами Гаспар. — А что ты дашь мне взамен?

Вопрос прозвучал с нескрываемым намёком на грубое вымогательство.

— Ну, деньги, полагаю тебя не интересуют?

— Мне не на что их здесь тратить, — подтвердил моё предположение тритон и вдруг сел на диване, отложив гарпун прочь. — О, я придумал! А можешь потанцевать для меня без одежды? Ну и там ещё по мелочи...

— Исключено, — холодно ответила я, несмотря на активные протестующие жесты Люка.

— Жаль, — коротко бросил Гаспар. — Я хотел предложить тебе лёгкий способ. Прискорбно, что ты не оценила.

— Если тебе повезёт и следом за мной придёт какая-нибудь куртизанка, она вне всякого сомнения оценит твоё «благородство», — ответила я.

— Куртизанке я бы такое и не предложил, не интересно, — проворчал тритон.

— Не сомневаюсь, — у меня не было желания долго торговаться, но и «цену» за проход я хотела услышать адекватную.

Оголятся перед кем бы то ни было, чтобы мне позволили просто пройти, я не стану. Да и вообще, что это за похабное предложение?

— Я не могу не заметить, что ты чем-то разочарован, — включила я наблюдательность и дипломатию. — Может быть я могла бы чем-то помочь в твоей проблеме?

Тритон, уже собравшийся вернуться к своей игре с бросками гарпунов в бочки, замер, бросил на меня задумчивый взгляд и проговорил:

— Есть кое- что...

— Я вся внимание! — обрадовалась я.

— На другой стороне живёт мой брат, Гастон, — голос у Гаспара стал неприязненный и ворчливый. — Он отнял у меня медальон с изображением красотки-Лизетты. Эта милая русалка выбрала именно меня, из на двоих. Вот мой братец и не стерпел, украл у меня медальон, но утверждает, что не делал этого. Ха! Как будто здесь есть ещё кто-то, кто мог бы это сделать!

Я вопросительно взглянула на Гаспара.

— Так ты хочешь, чтобы я убедила Гастона вернуть тебе медальон?

— Принесёшь медальон, и я открою ворота, — ответил тритон, и тут же злорадно ухмыльнулся. — Однако, если у тебя не получится... Ты останешься здесь и будешь моей наложницей. Что скажешь?

Я невольно бросила взгляд на ту часть тела тритона, где у человеческого мужчины должен был быть пах. У Гаспара там было всё гладко и покрыто блестящей чешуёй.

«Просто даже любопытно: зачем тебе наложница?» — подумала я, стараясь не улыбаться.

Я перевела взгляд на Люка. Боггарт, украдкой, многозначительно качал головой.

— Идёт, — решила я.

— Отлично! — тритон даже зааплодировал от восторга.

Мы с Люком оставили его и вернулись к тоннелю выхода из Порты Снов.

— Зря ты согласилась, Зои, — негромко и с подавленным видом проговорил боггарт. — Если у тебя не получится уговорить Гаспара вернуть медальон, тебе придётся выполнить условия Гастона.

— Что он сделает, если я решу сбежать?

— Тритоны обладают серьёзной властью посреди моря и могущественной морской магией своего народа, — покачал головой Люк. — К тому же данное им обещание или заключенная сделка имеют магическое влияние. Иными словами, ты никуда от него не денешься.

— А ты как всегда опоздал со своим экскурсом, — язвительно заметила я. — Мог бы и раньше сказать!

— Я пытался...

— Зачем этому рыбьему хвосту вообще наложница? У него даже нет... этого... первичного мужского признака.

Тут Люк хмыкнул и глухо хихикнул.

— Чего ты ржёшь?

— Тритоны прячут свой... отличительный признаквнутри, до поры, когда его придётся использовать. К тому же они могут сбрасывать хвост и передвигаться на вполне человеческих ногах, если им вздумается.

— Да что ж такое! — проворчала я разочарованно. — Сплошные плохие новости!

— Я не виноват, что ты не знаешь физиологию тритонов, — развёл руками фергал.

Отмахнувшись от его слов, я направилась к другой «пирамиде» и корабельных обломков.

— Скажи, Люк, а ты можешь на расстоянии услышать мои слова, если я произнесу их

над твоей свечой?

— Да, — тут же ответил белоглазый фергал. — А что?

Я ненадолго ушла в свои мысли, а затем объяснила:

— К Гастону я иду одна. А ты держись вне зоны видимости, но недалеко. Как услышишь из моих уст слово «ставлю», создай какой-нибудь шум и появись.

— Какой шум мне создать? — удивился боггарт.

— Громкий и эффектный, — процедила я. — А теперь исчезни, брат Гаспара не должен увидеть тебя раньше времени.

Мой белоглазый спутник, надо отдать ему должное, не стал спорить и послушно скрылся.

Жилище второго тритона, вторая пирамида из хлама, было пониже Гаспарового, но заметно шире. Да и сам хозяин оказался пузатым обрюзгшим толстяком, с длинными седыми сальными патлами, чересчур огромной нижней губой и в целом с более отталкивающей внешностью, чем у его брата.

— О-о, — обрадованно протянул низким утробным голосом Гастон. — Давненько я не видел имперских девочек! Да ещё чародеек! Что тебе нужно, красавица?

Проговорив это, тритон склонился над клетчатой доской, на поверхности которой были расставлены мелкие пирамидки, походившие на уменьшенные копии примеров египетской архитектуры.

— Сыграть с тобой хочу, — лукаво ответила я и кивнула на доску в клетку.

— А что поставишь в замен? — заинтересованно спросил толстяк.

Его глаза без радужек немедленно воззрились на меня, а затем он неприкрыто оглядел меня с ног до головы.

— Может ты ещё невинна?

— Увы, — не скрывая злорадной ухмылки, ответила я и шутливо развела руками. — Тут ты опоздал, Гастон.

— Как жаль.

— Да не особо, если честно, — покачала я головой.

Мой первый раз случился у меня сразу после школы, с лучшим школьным другом и исключительно ради дурацкого любопытства. Вот так вот — нет и не было в моей жизни никакой грёбаной романтики.

Тритон хохотнул, оценив мою иронию и насмешку.

— Что же ты поставишь тогда? — спросил заинтересованно Гастон.

То ли его интересуют только девственницы, то ли он умнее своего братца и понимает, что об интимных услугах со мной договорится не получится.

— Прежде, — усаживаясь напротив тритона, проговорила я, — ты бы не хотел угостить меня выпивкой? Это способствует диалогу, знаешь ли.

Первый раз в своей жизни, я к кому-то набиваюсь в собутыльники! Хорошо, что меня мама сейчас не видит, ёлки-палки!

Тритон одобрительно крякнул и достал из-под стола с доской и игральными фигурками, мутно-зелёную бутылку, а затем ещё пару поблёскивающих медных кубка.

— Лоратанский эль, — объявил Гастон и ехидно поинтересовался. — Имперцы пьют такое пойло?

— За неимением лучшего, — улыбнулась я.

Тритон пожал плечами и понимающе кивнул головой.

— Ты поздно пришла: была ещё закуска из...

Его слова прервал чьё-то громкое чихание. Я вздрогнула и чуть не выронила свечу Люка, которую почти достала из сумки.

Оглянувшись на звук, я увидела громоздкую металлическую клетку, накрытую дырявой рогожей.

— Ты держишь здесь какое-то домашнее животное? — поинтересовалась я нарочито небрежным тоном.

Нельзя было показывать настороженность или, тем более, страх. Даже если этот пузатый рыбохвост «балуется» удержанием пленников, мне стоит демонстрировать максимальную холодность.

В ответ на мой вопрос брат Гаспара оскалился в недоброй, но злорадной улыбке, обнажая зеленоватого цвета крупные зубы и демонстрируя голубоватый слюнявый язык.

— Хе, — выдохнул тритон. — Почти угадала, имперка. Этот проходимец попытался облапошить и обокрасть меня! Вместо честной игры, воспользовался моим доверием и замыслил подлость! Но, меня так просто не проведёшь!

Тритон с нравоучительным и самодовольным видом погрозил мне пальцем.

— Теперь будет у меня тут гнить, пока я не придумаю, что с ним делать. Кстати! Могу его вещички на кон поставить, если хочешь.

Тритон махнул рукой в сторону, и как я только посмотрела туда, куда он указал, мне потребовалось несколько больше усилий, чтобы сохранить собственное самообладание.

На стоящем поодаль грубо сколоченном столе лежала моя сумка цвета хаки и моя кожаная куртка за семь тысяч рублей.

— А что в сумке? — быстро взглянув на завешенную клетку, спросила я.

Тритон хитро прищурился.

— А не скажу, — явно интересничая, ответил он. — Хочешь узнать, что внутри, я поставлю на кон. Ну что? Согласна? Если да, то что ставишь в ответ?

— Эти вещицы мне без надобности, — солгала я, картинным жестом отмахнувшись от куртки и посудной сумки. — А вот... есть сведения, что у тебя хранится медальон с портретом некой Лизетты. Я бы хотела, чтобы ты его поставил на кон.

— Ишь ты, — проворчал тритон, разливая эль по кубкам. — Брат мой уже наябедничал, карась облезлый... Ну, ладно. Забавная ты имперка и расположение вызываешь своей симпатичной мордашкой! Хе!.. Во-от он.

Кряхтя, тритон наклонился, порывлся в сундучке, что стоял под его креслом и выудил на свет позолоченный медальон, в виде ракушки-гребешок, украшенной мелким жемчугом.

— Теперь показывай, что там у тебя в сумке, — потребовал Гастон, кивнув на мою левую руку, которой я сжимала «маяк» Люка.

— Я ставлю... — громко начал я.

В этот же миг за спиной у Гастона раздался мощный раскатистый хлопок, послышался металлический звон, и что-то тяжелое ударило по полу. Тритон вздрогнул, удивленно охнул и обернулся.

Я быстро выхватила давешний бутылёк, который обнаружила на полу «Счастливица Джованни» и быстро вылила половину содержимого в ближайший к Гастону кубок.

Это были даже не секунды, а доли секунд. Мне прошибла испарина, глубокое нервнующее чувство хлестнуло изнутри, но я сработала точно и быстро.

— Что это, Девятая ведьма побери, такое было? — рассеянно пробасил тритон.

— Это фергал, которому не терпится вырваться на свободу. Очень буйный и могущественный, — я с торжествующим видом положила на стол рядом с медальоном свечу Люка.

Как только тритон её увидел, глаза у него алчно сверкнули.

— Маяк боггарта?! — проговорила с предвкушением и счастливо ощерившись, заинтересованно взглянул на меня. — А не жалко-то на кон ставить? Если проиграешь...

Он не договорил, многозначительно глядя на меня и поглаживая пальцами влажную бороду. За его спиной, Люк, выразительно глядя на меня, покрутил пальцем у виска.

— Что поделать, — притворно вздохнула я. — Проход мне важнее.

— Ну, как знаешь? — ухмыльнулся Гастон и с азартом потёр ладони. — Правила тебе знакомы?

Правила оказались не сложными — один в один, как наши французские шашки, только с некоторыми минимальными отличиями. Да и не собиралась я играть...

Сделав пару ходов, я нарочито растягивая время попивала отвратительный кислый эль. Следивший за мной Гастон, тоже несколько раз приложился к своему кубку.

А через минуту улыбнулся, не сомневаясь в собственной победе и с громким стуком упал лицом в доску, рассыпав все фигурки. Я испуганно отшатнулась, а грузное тело тритона сползло с кресла и распласталось на полу. Через пару секунд Гастон издал странное заикающееся хрюканье, а затем протяжно захрапел, с характерным карикатурным присвистом.

Я убедилась, что тритон уснул, а затем подхватила медальон и свечу Люка, а на свет вытащила шарманку Проклятого шарманщика.

— Зои, у тебя что, человеческое чувство самосохранения атрофировалось в следствие пагубного влияния магии? — вкрадливо, с нервной едкостью, спросил Люк и повис над храпящим Гастоном.

— Ты же... Каменное проклятие! Ты же тритона усыпила!!!

— Ты хочешь его разбудить? — спросила я, забирая со стола свои вещи.

Облачившись в «родную» куртку, я открыла посудную сумку, пересчитала термкружки с волшебным кофе и сложила туда же «маяк» фергала. Медальон в виде ракушки повесила на шею — так, пока, надёжнее.

— Нет, но... это до тебя никто на подобное не решался, — развёл руками впечатлённый фергал. — Он захочет отомстить тебе.

— Пусть сначала проснётся.

— Что это значит?

— Значит, что я ему в кубок полбанки снотворного вылила, — не стала скрывать я.

Пока Люк приходил в себя от услышанного, я приблизилась к огромной клетке и стянула с неё грубую рогозовую ткань.

Под неё шурился от яркого света взлохмаченный и побитый Клод Марбо.

— Ну, здравствуй, — не скрывая злого торжества, издевательски продекламовала я. — Давно не виделись, Клод.

Пират в ответ ухмыльнулся, с интересом разглядывая меня. Разумеется, в глазах пирата не было и тени раскаяния.

— Ты смотри, — протянул он оценивающе и одобрительно, — жива осталась...

— Ты, никак, разочарован, милый, — с иронией проговорила я и поставила рядом с клеткой нефритовую шарманку.

— Это что?.. — начал было Китобой, но тут на его лице отразилось понимание.

Он узнал шарманку и метнул на меня шокированный взгляд.

— Но... КАК?! Как ты её достала, ведьма?!!

— Упорностью, изобретательностью и при должном содействии удачи, — промурлыкала я. — Но тебе лучше подумать о версии оправдания: скоро Шарманщик явится за своей собственностью и у него будет к тебе множество вопросов.

В ответ Клод зло ощерился, но затем многозначительно хмыкнул, глядя на меня, как то по-иному.

— М-да, я совершил ошибку, когда бросил тебя там...

— Ещё какую, урод! — прошипела я, не сдержав ярости.

— Нужно было взять тебя с собой и предложить тритонам в качестве обмена! — с нажимом и ожесточением проговорил он.

— Тебе ещё поздно предложить им себя, — не осталась я в долгу.

У пирата потемнело лицо, а продолжила:

— Даже не знаю, что хуже: ублажать Гастона с Гаспаром или быть убитым разъяренным Шарманщиком.

— Имперская ты дрянь, — протянул вдруг пират.

Он добавил ещё несколько нелицеприятных слов в мой адрес, а я послала ему шуточный воздушный поцелуй.

Я уже собралась уходить, когда Клод окликнул меня. Когда я обернулась, он держал в руках странные часы на цепочке. Вроде тех, что носили в нашем мире, в конце девятнадцатого века.

— Иди ко мне, — внезапным потусторонним голосом проговорил пират. — Иди ближе...

Я, сохраняя отстранённое выражение на лице, подошла к клетке. Пират улыбнулся.

— Ещё ближе, — протянул он хрипловатым тоном.

Голос у него всё-таки был чертовски соблазнительным.

Я подошла в плотную к решетке. Наши лица и губы разделяли лишь пару сантиметров и холодные стальные прутья.

— Сейчас ты найдёшь ключи и выпустишь меня, но перед этим... поцелуй— ка меня, стерва. Страстно и с обожанием, девочка.

Он наклонился ко мне. От него разило потом, сыростью, злостью и ещё целым перечнем неразборчивых тухловатых миазмов.

Я послушно чуть запрокинула голову, немного в показном вожделении приоткрыла губы, будто напрашиваясь на поцелуй. Клод горел удивительным желанием, оно блестело в его глазах и горячим дыханием вырывалось меж приоткрытых обветренных губ...

Я резко выдохнула и сдула прядь темных волос с лица корсара. Тот вздрогнул, на миг опешил и замер в смятении. А я быстрым ловким движением вырвала у него часы из ослабевших от удивления пальцев. Тоже мне, гипнотизёр кустарного производства!

— Я бы дала тебе себя поцеловать, — ехидно заметила я, — но единственное место, где твоим губам пристало меня касаться, находится на той части тела, которую я обычно людям не показываю. Прости.

Лицо корсара побагровело от злости.

— Отдай часы, паскуда! — он затряс клетку. — Отдай сейчас же! Они моего отца!

— О, правда? — тонким издевательским голоском спросила я уже у порога. — Тогда

обещаю, что продам их подороже...

— Я разбужу его! — тыча пальцем в сторону храпящего тритона, проорал Клод Марбо.

Судя по вытаращенным в ярости глазам, он готов был меня придушить голыми руками.

— Моретворец тебе в помощь, — усмехнулась я. — Но особо на успех не рассчитывай... я вообще не уверена, что старик Гастон проснётся. Доза явно была великовата, но ты не сдавайся, пробуй.

С этими словами, я оставила орущего от злости пирата за спиной и, позвав с собой Люка, вышла из хижины Гастона.

Гаспар был заметно удивлён, когда я положила перед ним его медальон и слегка разочарован — он видимо уже представлял, как воспользуется своим выигрышем — но ворота для нас с Люком он открыл.

Ощущая глубокое моральное удовлетворение и радостную решительность, я ринулась вперёд по тоннелю из корпусов лежащих на боках кораблей.

За ними, впереди тянулось что-то вроде пирса с несколькими давно разбитыми фонарями.

Пройдя по этому пирсу я, наконец-то ступила на бег с серовато-бежевым, влажным песком.

Надо мной и вокруг меня дрожали влажные листья деревьев, шелестела трава, а вперёд и во все стороны уходило несколько протоптанных троп, над которыми кружили мерцающие огоньки каких-то мелких духов и слышались вдалеке приглушенные крики местных животных или птиц.

Мне предстояло совершить выбор, куда направиться. Но, самое главное, я была на суше. Я вышла из ненавистного мне уже Порта Снов, я ступила на один из островов Квинквилля...

Чашечка десятая

«Когда на улице ненастье, и неохота выходить, То чашка кофе — просто счастье...и это счастье можно пить!»

Татьяна Симона — Чашка кофе.

Самой первой задачей было найти укрытие на ближайшую ночь. Шторм намечался не шуточный.

Крупные капли дождя уже месили землю вокруг, били по листве и даже ломали тонкие ветки молодых хрупких деревьев.

Я старалась идти под ветвями местных клёнов и дубов, но дождевая вода, раз за разом, всё же просачивалась мне за ворот, капала на голову, стучала по плечам или же холодные капли падали на руки.

Увлажнённый воздух вокруг содержал сочные ароматы местной растительности. Небосвод штормовой ночи расчерчивали сияющие угловатые молнии. От их вспышек, казалось, что мокрая листва и стебли трав то и дело мерцают бело-голубыми пугающими ореолами.

Иногда во вспышках молний, кроме деревьев и кустарников, я видела в чашах силуэты крупных млекопитающих из местной фауны.

— Люк, мне стоит знать о каких-то хищниках, которые здесь водятся? — спросила я.

Боггарт подумал и ответил так, как я совсем не ожидала:

— Скажу, если пообещаешь не бросать меня.

Я остановилась на месте и резко обернулась.

— Ты что же это вознамерился пересмотреть условие нашего договора?! — с вызовом спросила я. — Будешь ставить мне условия, я твою свечку оставлю прямо здесь и швырну подальше, чтобы какой-нибудь несчастный путник только случайно её нашёл!

Во мне говорили усталость и раздражение, перераставшие в злость, подкрепленную голодом и желанием согреться в любых четырёх стенах, желательно с кроватью, камином и горячим ромашковым чаем!

Люк мгновенно сник от моей угрожающей тирады, его взгляд погрузнел, и он с виноватым видом печально вздохнул. А мне неожиданно стало стыдно: я будто на ребёнка накричала.

— Я понимаю, что не должен был так поступать с тобой... — всхлипнул вдруг боггарт. — Но... если я пообещаю... или поклянусь тебе, что больше никогда...

Голос его дрогнул от переизбытка очевидного волнения. Фергал будто боялся высказать свою просьбу.

— Ты согласишься... взять меня с собой? — с виноватой робостью в голосе едва слышно спросил он.

Его белые глаза с какой-то почти детской надеждой уставились на меня. Теперь то я понимала, что Люк, на деле, очень боялся нашего расставания. Боггарт отлично понимал, что в этой глуши, шансы на то, что его свечу найдёт не суеверный местный житель, а более-менее адекватный капитан корабля, которому собственный фергал может пригодиться, ничтожно малы.

— Зачем мне это делать? Зачем мне ещё раз рисковать и верить тебе? — холодно спросила я строгим тоном.

— Затем... что я могу быть тебе полезен, — заискивающе проговорил боггарт. — До того, как попасть к капитану Дидье, я вынужден был таскаться с группой бродячих торговцев, а до них с одним вечно пьяным менестрелем...

— Короче, — потребовала я, на миг прикрыв глаза.

— Я хорошо знаю местность всего Лоратана, бывал в других герцогствах, живу в Квинквиле уже много лет и неплохо знаю именно этот остров! — заявил вдруг боггарт.

— Почему я слышу про это в первый раз? — с подозрением спросила я. — Может быть ты только что это выдумал, лишь бы я не бросила тебе здесь.

— Ты можешь проверить мои слова.

— И как же?

— Я уже подсказал тебе по какой тропе лучше пойти. И не просто так: через несколько шагов ты наткнёшься на старый дуб, в котором вырезан идол местных язычников — тут раньше было их капище — а за ним буде неприметный поворот ко входу в пещеру.

— Предлагаешь мне переночевать в пещере? — хмыкнув, спросила я.

— Дослушай, — попросил боггарт. — В пещере той всякие кристаллы, руда и прочие полезные минералы находятся. А рядом с ней стоит заброшенная лаборатория. В ней когда-то давно алхимииалы работали. Ну, не такие, как ты... более... м-м... тривиальные что ли. Они возились со всякими камушками, у них постоянно что-то варилось в прозрачных колбах и в перегонных кубах булькала всякая кислота. А из киновари они добывали ртуть.

Я выразительно посмотрела на боггарта и поджала губы.

— Ещё лучше! Переночевать в лаборатории, где когда-то варили ртуть...

— Но алхимииалы те не в лаборатории жили, — развёл руками Люк. — Это небезопасно. А потому рядом стояли их дома. Весьма добротные, кстати. Бродячим торговцам, с которыми я прежде ходил, доводилось там ночевать.

Говорил он довольно убедительно. Да и причин врать у мелкого белоглазого засранца не было.

Я поразмыслила секунду, оглядела бескрайний лес, мокнувший под дождём и проворчала:

— Ладно, Девятая ведьма с тобой, Люк.

Взгляд боггарта просиял от радости.

— Поклянись мне своим маяком, что ты не посмеешь меня предать, — потребовала я. — Иначе я оставлю здесь, даже если мне придётся сотни миль шагать под дождём, без еды и тепла!

Люк поверил моим словам и тут же произнёс странные слова, с проникновенным чувственным выражением:

— Перед ликом мира людей и мира всех фергалов, я клянусь тебе в верности, алхимиилия Зои шай Ле-Фарталь и вверю тебе в вечное пользование свою свечу. Отныне и до тех пор, пока ты сама не решишь оставить меня, ты вольна распоряжаться моей судьбой...

При последних двух словах голос фергала вновь боязливо задрожал и сорвался на нервный шёпот, не то от внезапно нахлынувших чувств, не то от страха от того, на что он себя обрёл.

Я пару секунд изучающе глядела на него, а затем достала его свечу. Можно было бы обвинить Люка во лжи, но на клиновидной костяной свечи проступило моё имя и моя фамилия, изменённые этим миром.

— Чтоб меня... — протянула я потрясённо и скосила взгляд на боггарта.

Тот несмело развёл руками.

— Я не обманывал тебя: теперь ты моя хозяйка, Зои.

— И зачем тебе это? — прищурилась я. — Вдруг я твою свечу в море вышвырну, при первой же возможности.

Люк нервно и шумно сглотнул.

— Ты... конечно... можешь... Но я... правда буду тебе очень полезен, Зои.

— Ладно, — смягчилась я и спрятала свечу обратно в сумку с термочашками. — Посмотрим на твоё поведение. Пошли. Где эта твоя лаборатория?

Как выяснилось, Люк не врал, и спустя мину пятнадцать блужданий по каменистой тропе я увидела кряжистое массивное дерево.

Кора его сморщилась, сложилась грубыми затвердевшими складками, и ветви чуть опустились, но дерево оставалось живым и здоровым. На той его стороне, что была обращена к тропе, действительно красовалось весьма искусно вырезанное лицо.

Лицо, что правда, вышло жутковатым: вместо глаз провалы с погасшими сальными свечами внутри, зубы выкрашены какой-то графитовой краской, а губы вымазаны не то мелом, не какой-то известью. Лоб страшной рожицы был покрыт тёмными выжженными символами, отдалённо напоминавшими египетские иероглифы.

— А эти язычники не опасны? — с подозрением спросила я.

— Сейчас уже нет, — покачал головой Люк.

— А были? — не удержалась я.

— Было время, они не жаловали тех, кто веровал в Моретворца. Поначалу, кстати, вас, имперцев, они ещё больше ненавидели: ведь это вы принесли на Квинквиль религию Моретворца. Но теперь у каждого архипелага некоторые свои отдельные обряды и даже свои великоморские святые.

Люк хмыкнул и почему-то с улыбкой добавил:

— В Скардхайде жителей Квинквилля считают вероотступниками, искажившими истинную веру в Моретворца.

— Я не фанатична в религиозных вопросах, лишь бы только без людских жертвоприношений.

— Вот, это-то язычников и не устраивало, — кивнул фергал. — Имперцы и сами жители Пяти Архипелагов выступили резко против того, чтобы на капищах резали горло преступникам и калекам. Так что обряды свои они почти прекратили.

— Почти? — переспросила я выразительно.

— Капища больше не используются по назначению, — пояснил фергал, — но и в Моретворца язычники верят лишь на словах.

В неприметном и укромном повороте, от которого в чашу тянулась едва различимая и густо заросшая тропка, действительно обнаружилось несколько строений. Четыре жилых и ещё три подсобных здания возвышались вокруг колодца.

Жилые дома напоминали собой усадьбы шестнадцатого-семнадцатого века, какие строили во Франции и Британии. Только не фахверковые, а сложенные из крепкого камня. Что интересно, двери были двустворчатыми, с опускаемыми деревянными решетками. А на окнах, вместо ставен, какие-то грубые подобию жалюзи из тонких досок, на металлических цепях.

Слева, в торце каждого дома возвышалась округлая металлическая цистерна, от которой внутрь дома уходило несколько труб. Я не удержалась и спросила про неё у фергала.

— Это для отопления и освещения, — пожал плечами боггарт. — Газовые цистерны есть далеко не у всех, но большинство домов в Лоратане отапливаются с помощью угля и таких котлов. А что нам делать? Сейчас лето, а по ночам всё равно бывает весьма не жарко. А осенью или зимой, так и вообще холод такой, что прежде люди возле каминов спали.

Я вновь мысленно попыталась представить уровень развития местной цивилизации. При учёте магии, получалось, что тут всё не так уж плохо. Интернета и сотовой связи, точно нет, как и ДВС и каких-нибудь оптоволоконных кабелей. А вот до первых паровых двигателей, очень может быть, что в Квинквиле или в империи Скардхайда уже додумались. Очень вероятно, что здесь уже завелся самобытный аналог не только Дени Папена, но и Томаса Ньюкомена, вместе с Джеймсом Уаттом. Впрочем, даже в нашем мире принцип простейшего парового двигателя был разработан ещё Героном, который реализовал его в создание своего золипила. Удивляться особо нечему, что здесь додумались до рационального отопления домов.

Жилища алхимилиалов выглядели более-менее опрятными и жилыми лишь снаружи. В одном из них обвалились все три этажа. Во втором устроили логово мыши, гоферы, дикие шиншиллы и ужасно визгливые, совершенно придурочные тушканчики.

Распугать грызунов было можно, но жить в этом доме после них всё равно стало невозможно: помимо того, что хвостатые нелегалы прогрызли всё, что только можно было прогрызть, они обратили в гигантский сортир большую часть комнат. Мне кажется, запусти сюда Геракла, даже он предпочёл бы ещё раз вычистить пресловутые Авгиевы конюшни, чем возится тут.

В третьем доме провалился пол и оттуда росли какие-то зловредные плющи. Люк убедил меня, что они ядовитые и живые. Поэтому пришлось облюбовать четвёртый дом. Самый, чтоб его, ближайший ко входу в пещеру. Я бы из-за этого не сильно переживала, если бы не кошмарного размера следы, вереница из которых тянулась в пещеру и обратно.

— Ты мне сразу скажи, кто или что здесь живёт, — потребовала я от боггарта. — Чтоб я знала наверняка: мне в случае чего, бежать или сразу молиться.

— Вряд ли это крупный хищник. Они не слишком часто попадают на этом острове.

— Хрен с ним, с хищником. Это может быть что-то вроде... м-м... таргалов или... таких, как ты?

Люк покрутил в руках свой зонтик и пожал плечами.

— Вроде, не похоже.

— Ясно. Значит будешь дежурить сегодня ночью, — распорядилась я.

— Как скажешь, — улыбнулся фергал. — Мне то сон почти не нужен.

Я расположилась на третьем этаже и, проверив запасы волшебного кофе, первым делом задумалась о еде и обогреве.

В цистерне-котле хватило угля, чтобы обогреть дом, но с запуском этого хитроумного механизма я изрядно намучилась. Впрочем, как оказалось, он работает примерно, как что-то среднее между твердотопливным котлом и масляным радиатором отопления — забрасываешь уголь, тепловая энергия от него гонит по трубам маслянистую жидкость, и в доме появляется желанный уют, тепло и благодать! Шикарно! Сейчас бы расцеловала человека, который до этого додумался!

Теперь еда. Я в принципе умею готовить не только кофе, но... без микроволновки и нормальной электрической плиты, с духовкой, чувствую, что меня ждут серьёзные испытания.

В доме обнаружилась печка, но вот с продуктами питания всё оказалось печально — их не было! У меня жалобно урчал живот, в области желудка распространялось неприятное легкое тянущее чувство.

На помощь мне пришёл рецепторий, а если точнее — «Мокко Кулинарного мастерства». Единственное только, что для него требовалось сто грамм молотых желудей, два пера филина и горсть дикой малины.

— Ну желуды и малину-то найти не проблема, — ответил Люк, когда я вслух зачитала рецепт. — А вот филинов... Совы здесь водятся, но, как знать где у них тут филин...

— Ты можешь мне принести ягоды и желуды? — спросила я и посмотрела в окно, на тот самый дом, где засели грызуны.

— Мне весьма трудно взаимодействовать с предметами из мира людей, но я могу попробовать, — неуверенно ответил Люк.

Помолчав, боггарт робко поинтересовался:

— А что ты задумала? Как ты получишь перья филина?

— Тащи желуды и ягоды, — лукаво улыбнулась я. — Об остальном я позабочусь.

Люк с непониманием и подозрением воззрился на меня, он хотел что-то уточнить, но лишь устало отмахнулся и отправился выполнять моё поручение. Я задумчиво посмотрела ему вслед. Может быть я и не ошиблась, вновь поверив ему. В конце концов, как гид по деталям и особенностям этого мира или просто неустанный подручный он может мне очень даже хорошо пригодиться.

Я достала свою жаровню, джезву и рецепторий. Книга с рецептами, стоило мне только вынуть её из сумки, вдруг вспорхнула, описала пару кругов почти ласково прижалась к моим ладоням.

У меня на губах сама собой растянулась понимающая добрая улыбка. Мой алхимический рецепторий вёл себя будто домашнее животное истосковавшееся по отсутствующей хозяйки.

— Давай-ка взглянем, можем ли мы приготовить что-то, что облегчит наше существование.

Я не была уверена, но подозревала, что на страницах рецептория просто обязан быть рецепт чародейского кофе, который способен помочь привлечь сов и филинов к дому с потенциальной добычей.

И я не особо была удивлена, когда на одной из страниц с голубым срезом обнаружила зелье номер сто двадцать семь «Лунго усиления шума». Я внимательно прочитала свойства магического зелья. В отличии от большинства других эликсиров, волшебный лунго не был предназначен для перорального употребления. Напротив, его следовало аккуратненько разлить вокруг того места, звуки в котором предполагалось усилить с помощью чародейского влияния.

Состав у этого волшебного кофе был относительно простой: соль, листья барбариса, тмин, мыло и семена подсолнуха.

Я сперва чуть приуныла — у меня не было уверенности, что поблизости есть хотя бы половина из требуемых ингредиентов — но я заметила, что текст с рецептом для «Лунго усиления шума» как бы наливаются цветом и чуть заметно мерцает золотисто-молочным ореолом. Я уже видела подобное и могла догадаться, что так рецепторий показывает зелья, уже доступные для приготовления.

А раз так, значит всё необходимое для приготовления нужного зелья находится совсем

неподалёку...

Выходить в ночь, да ещё под дождь, из более-менее безопасного и сухого укрытия мне не очень хотелось. Но я была довольна, когда обыскала ближайший амбар.

Хотя в нём прохудилась крыша и покосились стены, внутри помещение почти не пострадало. А между тем, в сундуках и шкафчиках амбара я нашла множество потенциально полезных порошков, сушеных ягод, зёрен, мешочков с травами, колбы и пробирки с химическими растворами, вязанки высушенных веточек и нечто совсем уж экзотическое вроде банки с какими-то мелкими когтями, мотки звериной шерсти и несколько эфирных масел.

Не знаю, чем тут занимались алхимики, которые всё это тут собирали, но жизнь у дядек явно была увлекательная. Об этом косвенно и напрямую свидетельствовало второе подсобное здание, оборудованное под лазарет или мини-госпиталь.

Здесь я нашла пару столов, с разложенными на них хирургическими инструментами, шкафчики, в которых лежали раскрытые бумажные пакеты с бинтами и баночки с микстурами, в которых содержимого осталось лишь половина.

Небольшой госпиталь хранил относительно свежие следы использования: развороченные постели, пятна крови на полу, осколки разбитых склянок и пара перевёрнутых металлических кружек.

Я ненадолго остановилась посреди этого больничного бардака и внимательно осмотрелась.

Это место явно покидали в большой спешке. Алхимики или нет, но те, кто здесь был однозначно пребывали в тревоге, торопясь убраться отсюда поскорее.

И как знать, возможно, мне уже надлежит последовать их примеру. Хм...

Среди запаса медикаментов я также нашла парочку ингредиентов, которые могут пригодиться мне в будущем.

Теперь нужно было набрать воды и заняться готовкой нужного зелья, всё необходимое у меня уже было.

Дождь в ночь усилился, превратился в бурный ливень. Он сминал листву деревьев, гнул траву и омывал полуразбитую брусчатку вокруг потоками жидкой грязи.

Я поспешила к колодцу. В этот миг штормовые небеса надо мной пророкотали очередным угрожающим раскатом, я вздрогнула и уронила ведро на цепи в круглый тёмный провал колодца.

— Да чтоб у тебя из задницы рога выросли! И усы вместо бровей, свинопас ты безрукий!

Я отшатнулась от колодца, с удивлением и опаской глядя на темнеющую внутри него темноту.

«Кто это удостоил меня столь не лестных пожеланий?» — нервно подумала я.

Я зажала в руке первый попавшийся волшебный кофе. Люк, при нашей первой встрече, говорил, что человеческие эликсиры опасны для всех фергалов. А я была уверена, что, если кто и поселился в колодце, то уж вряд ли это был человек...

Я слышала скребущие звуки, доносящиеся из колодца. Как будто кто-то быстро взбирался по внутренним стенам колодца.

Вдоль позвонков спины у меня спустилось сковывающее напряжение. От него кожу и тело туго и неприятно стягивало, а во рту быстро пересохло. Оглядевшись, я обнаружила неподалёку увесистый обломок ветки, в виде кривоватой палки и быстро им вооружилась.

После всего, что я увидела в Порту Снов, сейчас я не собиралась бежать: нужно было

сразу же ликвидировать любую возможную угрозу, если я собираюсь оставаться здесь и дальше.

А потому, даже вылезти сейчас из колодца то самое чудище с длинными чёрными волосами, я была готова поступить с ней точно так же, как царь Леонид поступил с охамевшим персидским посланником, в фильме Зака Снайдера. А затем уж от души залить колодец двумя-тремя эликсирами, пока чудовище будет приходить в себя от падения.

Возможно, я переоценивала свои силы, но в любом случае бежать уже было поздно!

С ворчанием, скрежетом и шорохом над колодцем показалась морда, напоминающая аллигатора, только какого-то перламутрового цвета с большими лисьими ушами. У него во все стороны торчали мелкие гребни плавников, а на макушке росла копна гибких влажных стеблей, со светящимися каплевидными кончиками.

— И кто это тут такой клешнерукий?! — скрипучим голосом сердитого пропойцы спросило существо.

Его желто-зелёные глаза заметили меня, темно-зелёные зрачки расширились, и существо оскалилось в жутковатом подобии улыбки.

— Ишь ты... — протянуло оно, шумно втягивая воздух раздувающимися ноздрями на конце вытянутой треугольной пасти. — Рыжие волосы... фиалковые глаза... миловидная мордашка... Будь я проклят Каменными Сёстрами, если передо мной не аристократка из Скардхайда!

Следом за головой, из-под зеленовато-желтой гривы вытянулись длинные суставчатые руки, с неправдоподобно длинными мокрыми когтистыми пальцами, между которых виднелись широкие перепонки, с темными линиями вен.

— Ишь ты... — повторило неведомое существо. — А что это ты тут делаешь?! А не шпионка ли ты час-сом?

Желтоватые глаза существа сузились, оно ещё больше высунулось из колодца, а я сбросила охватившую меня оторопь, резко подалась вперёд и что было сил ударила монстра узловатой толстой палкой, аккуратно под треугольную челюсть. Удар получился такой себе, но существу хватило. У него клацнули зубы, чуть закатились глаза, а я уже замахнулась для второго удара.

— Ты чё спятила в конец?! Или грибов пережрала, чучело патлатое?! — проверещало создание.

Неизвестный монстр скрылся внутри колодца, я приготовилась залить внутрь магический кофе.

— Зои, нет!!! — закричал кто-то у меня за спиной.

Вздвогнув и обернувшись, я увидела Люка. Боггарт вытянул в мою сторону ладони в просящем жесте и проговорил:

— Не нужно! Он не причинит тебе зла! Это обычный водяной! Ты что... Ты никогда не видела их? Они часто живут возле людских поселений и охраняют колодезную воду от всяких паразитов, болезней и вредоносных фергалов, враждебных к людям! У тебя возле дома разве не жили водяные?

— Нет, — на несколько секунд забывшись, нервно проворчала я. — Из дворовых чудовищ, возле моего дома обитали только два алконафта-философа и один рэпер-битмейкер, чтоб он заикаться начал!

— Я не знаю, о ком ты говоришь, — тоном, каким обычно психотерапевты беседуют с пациентами, проговорил Люк, — но тебе правда не стоит губить водяного. Они ничего тебе

не сделает.

— Почему это ты за него так переживаешь? — с подозрением спросила я, но от колодца отошла и решила сперва выслушать боггарта.

— Потому что он тоже фергал и действительно полностью безобидный для людей.

— Полностью?

— В большинстве случаев, — пожал узкими плечами боггарт.

Парящий сам собой над его головой тёмно синий зонтик чуть повернулся из стороны в сторону.

Я молча, но с выразительным вопрошающим требованием во взгляде взглянула на своего подручного.

— Нужно о-очень сильно потрудится, чтобы разозлить водяного, — пояснил боггарт. — Они способны ворчать и сквернословить хуже канониров с пиратских кораблей, но... почти никогда не тронут человека. Более того, за скромные дары, вроде творога, сыра и молока, способны стать хорошими помощниками и даже друзьями.

Тут вращающийся над головой зонтик Люк резко опустил с глухим стуком приложил своего хозяина изогнутой ручкой прямо по макушке. Белоглазый фергал охнул, неприязненно оглянулся на зонтик, а затем выражение его глаз изменилось с растерянного на ошеломленное.

— Девятая ведьма забери! — вскричал он. — Что ж это я!.. Зои, быстрее! Беги за мной! Прощу тебя, поторопись! Бросай всё и беги! Там в лесу... там нужна твоя помощь! Я ничего не могу сделать!..

— В смысле?! — не поняла я. — А что?!

— Беги за мной! — вскричал Люк едва ли не истерике.

Я не могла представить, что могло так сильно напугать боггарта.

— После того, как я увидел, что ты собралась уничтожить водяного, у меня сосем вылетело из головы... — причитал Люк на бегу, мчась впереди меня.

— Ты можешь объяснить, что у тебя случилось?! — едва поспевая за ним, спросила я.

— Не у меня, — бросил в ответ фергал. — Сейчас сама всё увидишь.

Люк провёл меня по каким-то непролазным дебрям, мне пришлось протащиться через заросли низкорослых деревьев, на ветках которых вращались какие-то светящиеся личинки. А затем пробежаться по грязным глубоким лужам.

Я вымокла до нитки, мои волосы облепили голову, стали тяжёлыми и неприятными, а в кроссовках давно хлюпала вода. Однако от Люка я не отставала. Сумка с магическими принадлежностями болталась за спиной из стороны в сторону, порой она цеплялась за растопыренные сухопарые ветки лесных деревьев и кустарников.

В небе грохотали залпы грома. Дождь и ночь, лес и лужи пугающе сверкали во вспышках молний.

— Быстрее! — встревоженно кричал парящий впереди боггарт.

Мы пересекли широкий бурелом и здесь чуть было не расцеловала широкое бревно, когда споткнулась об петлевидный корень, торчащий из липкой влажной почвы.

Новая кривая линия в мгновение ока разрешила ночное небо на несколько частей. В то же время дрожащем свете атмосферного электрического разряда бело-голубым сиянием сверкнул широкий водоём и раскачивающиеся островки камышей.

Болото!

Я детства на дух не переносила вообще всё, что хоть отдалённо может быть связано с

болотом — от туч комаров и мерзких жаб до трясины и отвратительного гнилостного запаха!

Но при свете угрожающих вспышек электрического света разгневанных небес, я увидела, как в подсвеченном болоте размахивает руками какой— то человек. А через мгновение, сквозь шум усиливающегося дождя я различила надрывающийся человеческий крик:

— Помоги-ите! Я тону-у!.. Помоги-ите!!!

— Зои! — боггарт подлетел ко мне.

Я увидела страх и растерянность в белых глазах на бесформенном чёрном лице фергалла.

Нервно сглотнув, я быстро оглянулась по сторонам, сама не представляя, что вообще надеюсь увидеть. Но через мгновение поняла, что мне прямо сейчас и в эти короткие секунды нужно срочно что— то предпринять! Больше просто не кому!

— Твою же занозу в пятку! — проворчала я нервно, доставая джезву, жаровню и рецепторий с ингредиентами, которые успела набрать.

— Зои, Зои! Ты что делаешь?! — парил вокруг меня Люк. — Ты посмотри! Там же мальчишка какой-то тонет! Вот-вот утонет к девятой ведьме! Его нужно спасти!..

— Я этим и занимаюсь! — рыкнула я на боггарта. — Не мешай мне!

Фергалл замолчал, только продолжал с беспокойством крутиться вокруг меня.

Я бросила взгляд на мальчика, который кричал посреди болота.

— Как его вообще угораздило? — сплёвывая дождевую воду, стекающую по лицу, сердито и встревоженно спросила я. — Зачем было сюда переться, да ещё в ночь и дождь?! Мне было страшно. Я действительно злилась.

— Пожалуйста!.. — едва не плача прокричали с центра болота. — Помогите...

Голос становился всё более жалобным, умоляющим.

— Люк, скажи ему, что мы рядом и сейчас поможем. Побудь с ним рядом.

— Это не очень хорошая идея, — с сомнением проговорил фергал.

— Что? — удивилась я. — Почему это?! Мальчишка ведь уверен, что рядом никого!

Крики о помощи слабели, я слышала, как тонущий юноша начинает захлёбываться.

— Он не местный, не из Лоратана, — ответил боггарт, прислушиваясь к словам парня. — Скорее всего из дождливого Шэтитана или даже из снежного Люменереса.

— И что? — листая страницы рецептория требовательно спросила я. — Там как-то по-особенному относятся к боггартам?

— Да, девятая их заberi! — пожал плечами Люк. — В этих герцогствах нас считают порождениями Каменных сестёр и уверены, что мы приносим одни только несчастья.

— Может быть они не так уж и не правы, — хмыкнув, ехидно заметила я.

— А может просто шэтитане и люменересцы ещё слишком сильно подвержены мракобесию и банальному невежеству? — обиделся Люк.

Я не ответила, потому что, как раз наткнулась на нужное зелье.

— Ты серьёзно собираешься вот так, посреди ливня и буря готовить свой... кофе?! — удивился Люк.

— А ты бы хотел, чтобы я оказала мальчишке исключительно психологическую поддержку? Или мне прыгнуть к нему в болото, чтобы ему одному не скучно было тонуть?

Боггарт насупился, но больше меня отвлекать не стал.

Использую жаровню и джезву, а также остатки песка и необходимые пропорции для приготовления волшебного кофе я торопливо готовила «Романо управляемой левитации».

Сложность заключалась в том, что в рецепте этого эликсира была приписка: «Требуется большего мастерства. К готовке не рекомендуется». И в отличие от доступных мне зелий, текст этого рецепта оставался одноцветным, тёмно-зелёным.

Это могло означать только то, что результат был не предсказуем! Но ничего другого, более подходящего для нынешней ситуации я просто не нашла! А значит стоило рискнуть.

— Добавить рваные листья берёзового дерева и экстракт шалфея, когда волшебное зелье начнёт исходить первыми парами, — пробубнила я себе под нос, читая последние пункты рецепта.

— Эй! Вы там... На берегу... Помогите!..

Кажется, тонущий парнишка, наконец-то меня заметил.

— Сейчас! Сейчас, поможем!.. — крикнул в ответ боггарт. — Ты держись там!..

— Так мне не за что!.. — отплёвываясь, из последних сил прокричал в ответ утопающий человек.

— Зои, тебе ещё долго?! — боггарт от нервного нетерпения начал кружить вокруг меня.

— Несколько секунд.

— Зои, у него нет нескольких секунд!

— Девятая ведьма! За меня ты так не переживал!.. — крикнула я в ответ.

— Ты и не ребёнок!

— Значит, можно бросать меня связанную на корабле? — не оглядываясь, едко спросила я.

— Я же уже извинился! — возмутился боггарт.

— Это не значит, что я всё забыла.

— Думаю, у тебя в рецептории обязательно должен быть кофе, помогающий забыть дурные поступки.

— Согласна. Нужно будет найти его...

— Разумное решение.

— ...И вырвать страницу, к паучьим бабушкам, — весело ответила я.

Боггарт недовольно сплюнул и проворчал что-то едва слышно.

Через пару секунд зелье было готово.

— Эй! — заорала я во всю мощь свои лёгких. — Парень! Сейчас кое-что случится... Ты только не бойся и, как только сможешь бегом беги к берегу!

— Бежать?! — жалобно и вопросительно спросили из болота. — Тётяшка, да вы рехнулись что ли?!

— Малой-то в корень зрит, — заметил боггарт.

Я лишь раздраженно отмахнулась, подошла максимально близко к скользкому берегу, перед которым из стороны в сторону раскачивались длинные стебли камышей, и вылила джезву с волшебным зельем прямо в болото.

Водоём немедленно забурился, по поверхности побежали круги, появились крупные пузыри, а утопающий парень заорал срывающимся на вой голосом.

— Ты уверена, что правильно сварила зелье? — осторожно спросил меня боггарт, наблюдая за происходящим.

— Д-да... — негромко ответила я.

— Выглядит так, будто юнец варится заживо.

Я уже хотела язвительно заметить своему подручному, что в следующий раз он сам может попробовать сварить хоть один эликсир, но тут случилось нечто.

Болотная вода сначала отдельными стремительными каплями, а через мгновение уже многочисленными быстрыми струйками начала подниматься вверх.

Грязная, зелёно-бурая вода тяжело, с плеском и брызгами поднималась и как будто перетекала ввысь, над берегом, камышами и травами.

В конце концов всё, что было в водоеме, единым пластом, напоминающим гигантское желе, медленно, но целенаправленно поднялось ввысь, чуть выше верхушек деревьев.

Вместе с колышущейся массой воды взлетали кувшинки, всякие коряги, дрыгающие лапами лягушки, влажные противные корни, похожие на дохлых червей и какие-то носатые лохматые создания, с восемью руками и светящимися зелёными глазами.

— А вот и ответ на твой вопрос: как парень оказался в болоте! — с опасением указал пальцем на жутких созданий мой спутник.

— Что это вообще такое?! — с отвращением и настороженностью, спросила я.

У существ, которых вода утягивала вверх, были горбатые спины, увенчанные черепащими панцирями и грибы на макушке. Сальные патлы непонятого оттенка торчали в разные стороны. Узкие челюсти распахивались неожиданно широко, являя мне редкие, но острые кривые зубы. Глаза кикимор были без зрачков и радужек, залитые сплошным бутыльно-зелёным цветом.

Их кожа была бугристой, с наростами и язвами, в некоторых местах покрытая змеиной чешуёй.

— Кикиморы, — вздохнул фергал. — Настоящие болотные кикиморы.

— А я была уверена, что это просто расхожее обзывательство, — едва слышно, с нервным смешком, ответила я.

Единственным живым существом, которое не взлетело вместе с водой, оказался юноша, точнее мальчик с свободных тёмных брюках, высоких ботфортах, со шпагой на поясе и в кафтане на пару размеров больше нужного.

С испуганным ошеломлением, скованный глубоким шоком от происходящего, он обвил руками и ногами какой-то пенёк или обломок дерева.

— Эй! — закричала я, размахивая руками. — Двигай сюда! Быстрее! Тебе некогда там торчать! Вода рухнет, и тебя размажет по дну!

Я ни капли не преувеличивала. Если это болотное «желе» рухнет на тело человека, да ещё с высоты семи-восьми метров, парня реально сплющит об дно или нанесёт слишком большое количество травм, не совместимых с жизнью.

Но парнишка не реагировал на мои предупреждающие крики.

— Люк, напугай его! — разрешила я.

— Насколько сильно? — угодливо поинтересовался боггарта, и в глазах у него мелькнул азарт.

— Чтобы он побежал! — я выразительно развела руками.

Боггарт молча полетел к парню. Едва только оказавшись рядом с ним, он обратился в какое-то мерзкое создание, походившее на гигантского червя из зелёной слизи. Зубастый, зловонный, исходящий шипящими струями дыма и с двумя склизкими щупальцами. Разевая чрезмерно широкий рот и поблёскивая кривыми шипами на голове, фальшивый червь навис над юношей.

Едва тот завидел громадное чудище, он издал дикий пронзительный крик, чуть не задохнувшись в процессе выражения первобытного страха, и со всех ног, спотыкаясь и поскользываясь, бросился наутёк.

У самого берега мальчишка в который раз споткнулся, упал в грязь, но не останавливаясь, с округлившимися глазами, на четвереньках вскарабкался вверх по склону берега.

Следом за мальчиком с территории болота улетел и Люк, уже успев принять свой привычный вид.

Молнии продолжали полосовать небо, а дождь лишь усиливался, взбивая лесную почву и срывая листву с деревьев.

— Хорошо бегаешь, — похвалила я парня и протянула ему один из тех напитков, что приготовила заранее, ещё в Порту Снов.

Это был сладкий «Раф уюта и тепла». Он согревал и защищал от холода. Сама я тоже отпила немного, но большую часть оставила парню.

— С-спасибо... — рассеянно, заикаясь и испуганно оглядываясь, проговорил мальчик.

Ему было лет тринадцать-четырнадцать. Невысокий, худощавый и нескладный, с угловатым телом, как и большинство мальчиков-подростков в его возрасте. Но, над верхней губой и на щеках у сорванца уже появлялись зачатки щетины — предмета гордости любого парня его возраста — а в голосе отрока фальцет сменялся неуклюжим гулким баском.

Он отпил кофе, немного подержал во рту и, сделав ещё пару осторожных глотков, спросил:

— А что это такое? Вкус необычный... — Напиток, который поможет тебе не замерзнуть, — чуть насмешливо проговорила я, выразительно глядя на его мокрую до основания одежду и такие же мокрые темные волосы.

Парень кивнул и сделала ещё несколько более крупных глотков.

— Не спеши, — мягко посоветовала я. — Дай эликсиру тебя согреть.

— Эликсиру? — переспросил подросток, отвлекаясь от распития. — Так ты... Вы... Алхимия?

— Да, похоже на то, — откинув с лица мокрые пряди волос, ответила я. — Идём, быстрее. Ливень усиливается, и я уверена, что нам обоим будет намного лучше в сухом и теплом помещении, с крышей и надёжными стенами. Кстати, как тебя звать?

— Я Жан-Луи шай Бофремон, третий сын нынешнего кварт-графа шай Бофремона.

Парящий за спиной парня Люк выразительно присвистнул. Жан-Луи вздрогнул, прижал к груди термочашку и испуганно обернулся.

— Спокойно, — предупредила я графского сына. — Это Люк, он боггарт.

— Я в-вижу... — боязливо проговорил представитель графского рода. — А вы сами..

— А я Зои, алхимия, как ты верно понял, — нетерпеливо и быстро ответила я. — А теперь выше сиятельство, давайте-ка поторопимся переместиться подальше отсюда. Я подозреваю, что кикиморы, которые завлекли вас в болото, будут не в лучшем расположении духа, когда их родное болото рухнет вниз.

— А как вы всю эту воду смогли... — начал было задавать вопросы мальчик.

— Все вопросы чуть позже, молодой человек, — без всякого почтения перебила я отрока.

Парень согласно кивнул, но тут же заметил:

— Я благодарен вам за помощь, моншери алхимия, но мне нужно возвращаться в Бон-Мон. Это небольшое поселение местных язычников. Наш отряд как раз расквартирован там. Думаю, мой старший брат будет рад вознаградить вас за спасение...

Тащится в какой-то неизвестный город язычников и контактировать с каким-то отрядом

вооруженных людей, намерения которых в отношении меня могут быть сами непредсказуемыми, мне совершенно не хотелось.

Но возразить юному отпрыску графской династии я не успела.

В дождливой ночи вновь прозвучал раскатистый мощный грохот, но в отличии грома небесного, этот рокочущий и гудящий звук сопровождался вспышкой яркого пламени и снопа искр, среди деревьев, неподалёку от меня.

Я только сейчас заметила пять высоких темных человеческих силуэтов, неуловимо быстро оказались рядом со мной и юным Жан-Луи.

— Не с места! — велел чей-то сильный голос с грозным повелительным тоном. — Подними руки, чтобы я их видел, алхимия! И не вздумай применять своё враждебное Моретворцу колдовство! У меня заряд проклятия огненного вихря! От тебя даже пепла не останется!..

Я сочла за лучшее послушаться и подчиниться угрозам неизвестного мужчины. М-м, ну хотя бы потому, что в трёх шагах от меня как раз догорало охваченное магическим пламенем несчастное дерево. И у меня не было сомнений, что это был лишь предупреждающий выстрел.

— Жан-Луи, иди ко мне! Тебе ничего не угрожает, я держу это ведьмино отродье на мушке! — проговорил всё тот же голос.

Это был приятный басовитый баритон, с молодеватыми звонкими нотами и чувственной волей господина, привыкшего распоряжаться сотнями подчинённых.

— Ансельм, стой! — вышел вперёд юноша. — Это алхимия...

— Я уже понял! — холодным рычащим голосом ответил тот, кого Жан-Луи назвал Ансельмом. — Иди ко мне, Жан-Луи!

— Подожди, брат! Она... Это Зои... Эта алхимия она спасла меня! — нервно и сбивчиво принялся объяснять спасённый мною мальчишка.

— Что?! Эта ведьма со своим боггартом-фамильяром спасла тебя?! От чего?! — Я оказался в болоте, потому что...

— В каком ещё болоте? — не понял Ансельм. — Это была иллюзия, Жан-Луи! Оглянись, никакого болота здесь нет! Эта ведьма одурманила тебя, чтобы похитить и потребовать выкуп от нашего отца!

— Сомневаюсь, что у вашего доброго отца есть, то что я мне столь необходимо, чтобы похищать этого мальчика, — не выдержала я.

— Мне не нравится твой тон, ведьма! — без лишней желчи и злости, но с острым льдом в тоне, произнёс Ансельм.

Он подошёл ближе, его люди тоже приблизились, и теперь я могла их рассмотреть.

Четверо мужчин с мушкетами были облачены в тёмно-синие длинные кафтаны, с золотыми манжетами и лацканами, в чёрные ботфорты, с белыми брюками и в клетчатые сини-белые береты, с двумя узкими перьями, белого и желтого цвета. Все эти бравого вида войны, в намокших кафтанах и промокших беретах целились в меня из своих мушкетов, на которых поблёскивали от влаги длинные клинки штыков.

Я увидела, что все пятеро мужчин были с пышными усами, а шеи у них плотно замотаны чёрными шарфами. Выглядели они, несмотря на намокшую ткань одежды, воинственно, грозно и крайне внушительно. Впрочем, моё внимание быстро переключилось на их предводителя. Рассматривая его, я даже мысленно простонала от досады, что мы с ним встретились при столь неприятных для меня обстоятельствах.

Тот, кого Жан-Луи назвал братом, а затем Ансельмом был почти живым воплощением многих моих идеалов мужской красоты. Просто универсальный краш!

С мужественным благородным лицом и золотистыми волосами до плеч, с лёгкой щетиной на щеках и подбородке, он обладал воинственной статью и ростом, в соответствии с которым набирают в сборные баскетбола. Слегка косматые брови были несколько темнее волос. Взгляд зелёно-голубых глаз яростно-обжигающий, пристальный и настойчивый.

Облик и лицо этого красавца портили слегка заметные ранние морщины на лбу и под глазами, а также уродливо обрубленная или откусанная мочка левого уха.

Но в остальном, Ансельм Бонфремон почти полностью воплощал в себе лучшие черты внешности Эомера рохирима из Рохана и Ахиллеса из фильма Вольфганга Петерсена.

Чёрт побери, живи он в нашем мире, мог бы смело пробоваться на ключевые роли в Голливуде... Ну, десятью или пятнадцатью годами ранее, конечно. Сейчас-то там уже другие «идеалы».

Старший брат Жана-Луи также носил кафтан цвета индиго, с золотым узорчатым шитьем, белыми манжетами и воротником. Шею его украшал металлический горжет с золотым гербом — крылатым могучим быком, с рогами, напоминающими сабли. Вместо берета — строгая чёрная треуголка со стальной брошью в виде тройки острых перьев.

— П-просите, моншер... — я с трудом взяла себя в руки после нескольких секунд замешательства и заставила себя не отводить взгляд от глаз Ансельма. — Но я... не держала злого умысла против вашего брата. Жан-Луи оказался жертвой чар болотных кикимор...

— Лжешь, ведьма, — покачал головой Ансельм. — Здесь нет никакого болота, Он поднял правую руку выше, теперь массивный двуствольный смотрел мне прямо в лицо.

— Похоже, чары твоих мореотвратных зелий действуют лишь на юнцов вроде моего младшего брата!

— Я не юнец, я гардемарин! — вспыхнул Жан— Луи.

— Поговорим об этом позже, — не глядя на брата, произнёс Ансельм. — Назови своё имя, лживая ведьма. И не вздумай лить мне ложь, своим грязным ртом портовой куртизанки!

Ну вот и всё. Весь ореол великолепия просто рассыпался в дребезги. Нет, Ансельм Бонфремон не потерял своей мужественной красоты, но количество очков его привлекательности, для меня, разом уменьшилось на половину!

— Зои, — процедила я, начиная уже всерьёз злиться. — А теперь потрудитесь-ка взглянуть наверх, моншер Белобрысое Хамло!

— Что ты сказала?! — рычанию Ансельма позавидовал бы лев любого прайда.

— О благодать Моретворца! — в благоговейном ужасе воскликнул один из солдат с мушкетами. — Моншай Бофремон! Взгляните на ЭТО!!!

Тут же все задрали головы вверх и буквально остолбенели. Потому что вместо сверкающего молниями неба, над верхушками леса растекалось парящее в воздухе болото. Оно бурлило, плескалось и выбрасывало из себя то коряги, то рваные камыши. А из плотной массы воды скалили зубы патлатые рожи болотных кикимор.

Я никогда прежде не встречала хозяек болот, но почему-то быстро поняла — кикимор были в бешенстве! Более того, они держались за руки и колдовали!..

— Люк? — шепнула я, пока оба Бофремона и солдаты таращились на парящее над ними болото.

— Бежим? — деликатно и тихо прошептал боггарт.

— Сваливаем! — процедила я с ожесточением.

Я плеснула под ноги Ансельму «Латте лиственной бури». В ночи тут же закружился бурный вихрь из осенней листвы, пыли и палок. Он сорвал береты с солдат, унёс прочь треуголку Ансельма, растрепав золотые кудри благородного мужчины и заставил всех мужчин зажмурить глаза.

Мы же с Люком опрометью неслись прочь.

— Сто-о-ой, дрянь рыжая!!! — ревел мне вслед взбешённый Ансельм.

— О, моншай! Болото! Болото!!! — закричали солдаты.

Через миг, я услышала за спиной грандиозный мощный всплеск, шум воды, треск деревьев и визгливый яростный хор женских голосов.

Я не оборачивалась, а Люк иногда оглядывался.

— Как там? — бросила я на бегу.

— Цензурными словами и не выразишь, — негромко ответил впечатлённый боггарт.

— А ты не сдерживайся, — выдохнула я.

Боггарт выдал порцию отборных ругательных выражений. Но я быстро и чётко поняла, что в домах алхимилиалов мне лучше не задерживаться.

— Больше... мы... без предварительных... допросов... никого... не спасаем!.. — сердито шептала я на ходу.

— А если мы вовремя не поможем какому-то действительно хорошему человеку? — А кто тебе сказал, что вот эти вот благородные господа плохие? — я мотнула головой назад. — Клод Марбо, можешь не сомневаться, тоже себя плохишом не считает!

Вместе с Люком, под свирепеющим дождём и в сопровождении неизменного грохота грома, мы добежали обратно к брошенным домам алхимилиалов.

У меня был простой, но рискованный план: спрятаться от возможной (и очень вероятной) погони в той самой пещере, в которой ранее алхимилиалы добывали сырьё для своих алхимических исследований. И даже следы неизвестного существа, которые я обнаружила рядом с пещерой, меня сейчас не останавливали!

Но стоило мне только приблизиться к широкому и кривому проходу внутрь высокой скалы, как меня окликнул чей— то ехидный издевательский возглас.

— Ты никак решила окончить жизнь в жестоких мучениях!

Я обернулась и увидела выглядывающего из колодца давешнего водяного.

— Почему это? — спросила я.

— Там внутри теперь гнездо гаргулий, — подперев щеки кулаками и опираясь локтями на ограждения колодца, глумливо заметил водяной.

Его морда аллигатора расплылась в скабрёзной полуулыбке.

— Та-ак... ладно, — я взяла себя в руки. — А ты знаешь какое-то безопасное укрытие? — Ага, — самодовольно ответил водяной. — Знаю. А что?..

— А ты не мог бы мне про него рассказать? — вкрадчиво, стараясь сохранять самообладание, спросила я и шагнула к колодцу.

— Интересное дело! — фыркнул водяной. — Ты мне значит палкой по говорольнику съездила, а я тебя спасать должен?

— Возможно, — процедила я, смахивая с лица дождевую воду, — мне очень и очень стыдно.

Водяной в ответ зашевелил лисьими ушами. Он видел, что я напугана, что я спешу скрыться от кого-то. Видел и откровенно издевался, лениво паясничая и наблюдая за моей

реакций.

— Ох, что-то я тебе не верю, — ухмыльнулся житель колодца.

Стебли со светящимися капельками на конце, качнулись на голове, между ушами злопамятного создания.

— А если я пообещаю улучшить твой колодец? — предложила я. — Или воду твою сделать почище?

Тут водяной убрал руки от морды и взгляделся мне в глаза.

— А ты можешь... сделать так, чтобы вместо обычной воды здесь было вино или эль?

— Могу, — уверенно заявила я. — Но только...

Со стороны леса с болотом кикимор донеслись приближающиеся звуки мушкетной пальбы и мужские голоса.

— Если останусь жива, — добавила я с опаской.

— Хм, ну вообще запомни на будущее, что нельзя сначала звездануть человека палкой вгрызло, а потом просить у него помощи, — выдал наставление водяной и скрылся в колодце. — Подожди пару секунд... Я сейчас!..

— Хорошо, но быстрее! — простонала я.

Крики и выстрелы становились громче. А им всё чаще вторил громогласный хрипящий и заунывный злобный вой хора потусторонних голосов.

«Чёрт бы их побрал, этих солдат и обоих Бонфремонов! Мало того, что они сами сюда прутся, так ещё и кикимор за собой тащат! Прелестно!»

Цепь колодца со стуком и звонким лязганьем начала быстро разматываться. Я вздрогнула и инстинктивно отступила назад. Из глубины резервуара с водой нарастал визгливый скрип, шуршание и металлический перестук.

Вскоре он затих, а над оградой колодца вновь появилась аллигаторская морда водяного.

— Готово! — воскликнул он довольно. — Можно спускаться!

— А в-вода в колодце? — спросила я.

— Не переживай, я её спустил, — отмахнулся житель колодца. — Давай сюда, алхимилия.

Как оказалось, к верху колодца мой спаситель поднял круглую решетчатую платформу, которая выполняла роль примитивного подъёмника.

— Ты, что сам это сделал?! — не сдержала я удивления.

— Нет, что ты, — отмахнулся водяной и простодушно признался, — это алхимилиялы придумали проделать в колодце канал, который мог предназначаться не только для притока воды, но и служить в качестве тайного прохода.

Тут он ненадолго помрачнел и добавил:

— Правда, когда за ними пришли жрецы-спруты храма Моретворца, спастись через колодец успели только двое.

— Здесь были ж-жрецы-сп-пруты? — заикаясь от страха, спросил Люк.

Судя по тому, как он обомлел, встреча с этими жрецами не сулила ничего хорошего.

— Да, охотники, дознаватели и палачи от имени капитула прелатов храма Моретворца, — неприязненно скривившись, ответил водяной.

Когда мы с Люком взошли на решетчатую платформу, он нажал на рычаг, торчащий вверх, и мы все втроем начали спускаться вниз.

Платформа тащилась довольно медленно, постукивая, скрипя и раскачиваясь.

— А побыстрее никак нельзя? — нервно спросила я.

— Можешь попрыгать на ней, если тебе станет легче, — ослабилась житель колодца.

— Очень смешно! — вздохнула я.

— Не бойсь, алхимия, — насмешливо бросил водяной. — Никому не придёт в голову тебя здесь искать. Сейчас по каналу уйдём, а потом я опять колодец затоплю.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Спасибо твои я не напьюсь, — «тонким» намёком напомнил мне водяной о моём обещании.

— Я всё сделаю, как только мы окажемся в безопасности, — заверила я.

Листая страницы своего рецептория я пару раз натыкалась на кофейные эликсиры именно с таким свойством, которое было интересно моему спасителю.

— А как тебя зовут? — спросила я.

— Сначала скажи своё имя, — потребовал водяной.

— Зои.

— А фамилия? — с подозрением спросил водяной.

— Шай Ле-Фарталь, — помешкав, ответила я.

— Ле-Фарталь, — задумчиво проговорил мой спаситель. — Я точно слышал эту фамилию раньше... Слушай, а адмиралы Ле-Фарталь, которые вели корабли флота Скардхайда к тебе никакого отношения не имеют?

Меня пробрал лёгкий озноб от слов водяного.

Потому что, если окажется, что моя фамилия связана с вражескими для Квинквилья флотоводцами, меня ждёт крайне незавидная судьба. Хм, нужно будет как-то зарисовать в рецептории свою фамилию. А то неровен час, кто-то вздумает бросить меня в темницу или сразу казнить, на всякий случай.

— Возможно, это мои очень дальние родственники, — я не стала полностью отрицать возможную связь с имперскими адмиралами, это было бы подозрительно.

— Ты должна бы это знать, вообще-то, — задумчиво почёсывая челюсть, ответил водяной.

— А тебя-то как звать? — чуть улыбнулась я.

— Блыздень.

Мы с боггартом быстро переглянулись за спиной у водяного.

— М-м... необычное имя, — сдерживая смех и жестами угрожая боггарту, который готов был захихикать, проговорила я. — А можно я буду называть тебя просто... Блыз?

— Почему это? — не понял обитатель колодезных вод.

«Потому что в противном случае нас точно быстро найдут, ведь я не выдержу и начну хохотать на весь колодец... а эхо тут прекрасное!» — сдерживая улыбку, подумала я.

— Ну-у... мне было так проще, — соврала я.

— Хм, родители звали меня Блыздёнок... — почесав голову, незатейливо выдал водяной.

— М-м... А родители точно были рады твоему рождению? — не удержалась я.

— Да, — пожал плечами водяной, на миг обернувшись ко мне, с откровенным непониманием в глазах.

— Прекрати, — шепнул мне Люк. — Водяные могут быть очень ранимыми!

— Я поняла. Мне уже очень стыдно, — потупив взор, прошептала я в ответ.

Боггарт в ответ, лишь презрительно фыркнул.

Платформа как раз доехала до дна колодца.

Здесь было холодно, вдоль стен поднимались склизкие наросты плесени, водорослей и мелких тускло люминесцирующих грибков, на изогнутых ножках. Пахло здесь затхлой сыростью, чем-то горько-солёным и витали некоторые как будто овощные миазмы.

В каменной кладке колодца зияла узкая круглая дыра, через которую мы втроём и пробрались.

— Вау! — проговорила я восхищенно.

Мои ожидания при слове «канал» совершенно не оправдались, но исключительно наилучшим образом!

Вместо угрюмого подземелья с щербатым потолком и пещерными стенами, передо мною предстал арочной формы тоннель, с ровной каменной кладкой и двумя узкими каменными платформами, по обе стороны от водной глади. Более того, здесь горели фонари с одинокими феечками, а у небольшого узкого пирса покачивались две небольшие лодки, внутри каждой из которых можно было обнаружить небольшую складную мачту с парусом и, что мне в конец добило, механизм с гигантским заводным ключом.

Последнее приспособление монтировалось в каждой лодки и у каждого плавсредства под кормой, сзади, виднелись две трубы выходных коллекторов.

— Это что?.. — не веря своим предположениям, спросила я. — Это...

— Водонапорные двигатели, — пожал плечами водяной. — Здорово, правда? Алхимииалы не скупилась на средства побега. Жаль, что им не повезло.

— Да, жаль, — чуть рассеянно ответила я.

Я и Люк забрались в одну из лодочек, а наш спаситель проделал несколько любопытных манипуляций с рычагами и вентилями, справа от узкого прохода в тайный тоннель.

Повернув и подкрутив несколько рукоятей, водяной, перебирая похожими на ласты ступнями вернулся к нам.

Круглый лаз в подземный коллектор плотно, со скрежетом, закрылся металлическим люком. А с другой стороны послышался бурный шум воды, что заполняла колодец.

Мне оставалось только гадать каким образом вообще всё это работало, но ясно было одно, что тут явно обошлись далеко не только магией. Есть моменты, которые даже магия решить не в состоянии. Или в состоянии, но называется она уже по-другому. Этот подвид магии, кстати, в нашем мире тоже существует и называется простым незатейливым словом «наука».

Нет, ну серьёзно? Любое колдовство — это очевидно изменение физических, химических, а порой и биологических свойств. Да... Вот только мне очень интересно, кто это в мире, где существует множество суеверий, обитают чудовища и носители магии, действует аналог испанской инквизиции спроектировал и воплотил в жизнь всё, что я сейчас вижу вокруг себя.

Я во многое могу поверить, но только не во внезапное наличие технологий, проследить появление и причины которых, пока что, не представляется возможным.

Всё то время, все те несколько минут, что водяной готовил лодку к отплытию, я сидела рядом и таранилась на водонапорный аппарат, устроенный в днище судёнышка.

Я бы могла сейчас послать к чёрту собственные беспочвенные предположения, но просто на трёх стальных деталях устройства отчётливо виднелась надпись «Special Lauf Stahl Fried Krupp» и три пересекающихся кольца.

Что особенного в этом символе? Можно было бы забыть на это и сказать, что ничего такого, но... концерт «Крупп» прекратил своё существование в тысяча девяносто втором

году. А до этого, крупнейшее металлургическое предприятие Германии осуществляло крайне успешную деятельность по производству стали и орудий для танков и артиллерии. В принципе, подобным многие занимались и занимаются до сих пор.

Только есть один опасный и щекотливый момент: Именно такой значок и надпись красовались на пушках с первых выстрелов из которых началась самая страшная война для всего мира и для моей родной страны, в частности.

«Он... или они... кто-то из них... — я пыталась принять новый факт, но было нелегко, — оказались здесь... в этом мире... также, как и я... Яне первая»

Мой взгляд переместился на металлический люк, в этот миг водяной дёрнул за рычаг возле внешней стороны кормы лодки, под нами раздался натужный гул, и небольшое судёнышко рвануло вперёд с нарастающей скоростью.

Я держалась за борт лодки и закончила немного тревожную мысль:

«Я не первая... и, очень вероятно, не последняя».

Чашечка одиннадцатая

«Кофе должен быть горячим как ад, черным как черт, чистым как ангел и сладким как любовь»

Шарль Морис де Талейран-Перигор, французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах.

Длинный подземный коллектор казался бесконечным. Тоннель с аккуратной кладкой уходил вдаль, постепенно растворяясь в туманном сумраке.

На прямоугольных камнях оседала влага и свет от фонарей с феечками переливался многочисленными желто-оранжевыми бликами. Пятна света покачивались на воде. Я порой вздрагивала, когда рядом с нашей лодкой вдруг звучали короткие всплески воды.

— Ты зря дёргаешься, алхимия, — бросил мне Блыздень со снисходительной улыбкой на морде аллигатора. — В этой части подземного коллектора не водятся какие-то опасные или враждебные человеку существа.

«Не могу передать, как мне странно слышать подобные речи от сидящего напротив меня настоящего водяного» — молча хмыкнув, подумала я.

— А в какой части коллектора они водятся? — не преминула уточнить я.

— Понятия не имею, — равнодушно пожал плечами Блыздень. — Я же далеко тут не плавал никогда.

— То есть ты хочешь сказать, что даже не знаешь, куда выводит этот коллектор? — стараясь всё же сохранять спокойствие, уточнила я.

Водяной почесал гриву и рассеянно проговорил:

— Ну а чём такого может быть дальше? Тоннель и тоннель...

— А если этот тоннель водопадом оканчивается? — сладковато-едким голосом спросила я.

У водяного чуть отвисла челюсть, его желто-зелёные глаза округлились, и он посмотрел на Люка.

— Ну, я-то точно не упаду, — с обманчиво-скромной улыбкой, но заметной ехидцей проговорил боггарт.

— Видишь, — я качнула головой в сторону улыбающегося Люка. — Думай, как крылья отрастить, а не то полетишь вниз, блинчиком.

— Если будет водопад, то там внизу в любом случае вода, — нашёл чем успокоить себя Блыздень. — Чего ты боишься, алхимия?

— В общем, боюсь прожить всю жизнь в окружении легкомысленных идиотов, а в частности, сломать хребет о рифы и скалы, которые вполне себе могут торчать под водопадом.

От моих слов водяной заметно встревожился и начал вглядываться в даль.

Новый всплеск в воде прозвучал совсем рядом со мной. Я вновь порывисто оглянулась.

— Это просто речная рыба, Зои. Может форель или карась, не бойся, — успокоил меня Люк. — Здесь наверняка есть подземный приток и течение, потому что в воде плавают обрывки водорослей.

— А я не боюсь карасей и форели, — с показным равнодушием ответила я. — Но меня беспокоят те, кто потенциально может на них охотиться.

На это Люку нечего было ответить.

Примерно через час плавания вдоль тоннеля, Блыздень вдруг начал поворачивать румпель в сторону, когда стены подземного коллектора стали изгибаться в длинном плавном повороте.

Впереди сквозь сумрак мы увидели нечто похожее на рассеянную тучу пыли, сквозь которую сначала слабо, а затем всё сильнее пробивалось сиреневое свечение.

— Блыздень... — осторожно позвала я водяного и чуть наклонилась вперед на носу лодки. — А это что?

— Не знаю, Зои, — проговорил растерянный голос водяного. — Я этого раньше тут не видел...

— Блыздень, ты... — я задумалась над звучанием имени водяного и подумала, что просто не смогу, без смеха, звать его так и дальше. — Слушай, а можно я буду звать тебя Блейз? А? Или лучше...

Я хихикнула.

— Блейд! А? Как тебе? Сильное, мужественное, грозное и звучное имя!

— О, тогда мне нравится, — воодушевленно закивал довольный и наивный водяной. — А кто кем был, этот Блейд?

— Ну-у... — я задумалась над местными аналогами кинематографа, чтобы описать охотника на вампиров из комиксов Марвел. — Он у нас в империи настоящий герой, охотится на мерзких созданий, которые пьют кровь людей и создают заговоры, собираясь в тайных закрытых помещениях.

Люк с шокированным взглядом обернулся на меня.

— У вас в Скардхайде славится воин, который режет членов сената и губернаторов? — удивленно проговорил боггарт, у которого начал подёргиваться левый глаз.

Я фыркнула, не сдержав смеха.

— Ну, не совсем, хотя... — я ненадолго задумалась, — аналогия не плохая. Но, нет, чудовища на которых охотится храбрый Блейд и правда жуткие монстры-кровопийцы.

— Кру-уто, — обрадовался водяной. — Мне нравится это имя.

— Ещё бы, — хмыкнула я, подумав, что человеку с именем Блыздень вообще должно нравится любое альтернативное имя.

— О, а... Зои... а у этого охотника на монстров нет каких-то серьёзных недостатков? — опасно спросил водяной.

Я задумалась и нехорошо ухмыльнулась.

— Ну, есть один... Но ты не бойся, в сегодняшней повестке дня, он уже считается достоянием, а не пороком.

— Да? — недоверчиво спросил водяной.

— Можешь быть уверен, — заверила я его.

— Зои, смотри, — привлёк моё внимание Люк.

Я вновь посмотрела вперед, странное пылевое облако и сиреневое сияние. То, что издали, сквозь сумерки подземного полумрака и тусклого света казалось пылевыми сгустками, при приближении превратилось в стаю мелких серовато-серебристых мотыльков.

— О-о... — протянул непонятно чем восхищённый Люк. — Зои, эти мотыльки... Ты их узнаёшь?

— Нет, — неуверенно ответила, я чуть скривившись. — А должна?

— Это же бабочки-приживальщицы, искристые маглицы, — на дымчато-чёрной мордашке боггарта отражался неподдельный восторг. — Они всегда обитают там, где

прежде происходило много колдовства! Говорят, они чувствуют остатки волшбы и те положительно влияют на рост их личинок, которые на треть состоят из чистой магической материи.

По мере того, как лодка двигалась вперёд, я замечала всё большее и большее количество серебристых серокрылых бабочек. Их пыльца поблёскивала яркими перламутровыми бликами. Из-за этого казалось, будто их стая буквально сверкает сотнями искр. Это явление оказало чарующий эффект и придавало данному месту ещё больше настоящего магического шарма.

Я сделала в уме некоторые расчёты и предположения.

— Как долго и кто тут должен был колдовать, чтобы тут стало столько магии? — спросила я.

Люк чуть помедлил с ответом, а затем, понизив голос, почти благоговейным шёпотом произнёс:

— Учитывая количество маглиц... Полагаю, кто-то очень древний и невероятно могущественный.

Следующий вопрос, готовый слететь с моего языка, так и остался на моих устах беззвучным сгустком воздуха. Потому что, пригнув головы, мы как раз проплыли мимо под роящейся кучи сверкающих маглиц, и наша лодка вплыла на территорию просторного бесформенного водоёма.

Здесь расплывалась лёгкая облачная дымка. Из воды поднимались восемь громадных колонн, богато украшенных изящными барельефами на каменной поверхности. Колонны охватывали спиральные карнизы, которые выступали в роли полочек для сотен бело-сиреневых свечей.

Вода, увлажнённые стены, облака лёгкого марева и сами колонны — всё было окружено ореолами чуть мерцающего туманистого фиолетового света.

Все оттенки, от лавандового до пурпурного сливались с каменисто-серыми цветами скалистых стен и растворялись в черно-зеленоватом сумраке.

Колонны с детально выбитыми на них сюжетами выстроились в круг, который всё же прерывался громадной каменной квадратной плитой.

У меня непроизвольно приоткрылся рот, а по телу пробежала мелкая дрожь, с банальными «мурашками» на коже, когда я увидела гигантскую и искусно проработанную скульптуру, возвышавшуюся в каменном «алькове», внутри исполинской плиты.

Это была статуя из розоватого гладкого мрамора, похожего чем-то на лучший фарфор! Обманчиво хрупкая, величественная и прекрасная она изящно воздевала руки к каменным сводам. По её телу, с образцовой спортивной фигурой, ниспадали складки свободного одеяния, походившего не то на платье, не то на мантию.

Великолепия изваянию неизвестной красавицы добавляли её волосы. Неправдоподобно длинные, её мраморные пряди и локоны спускались вниз, вдоль всего тела и буквально опутывали все стоящие вокруг колонны, ползли по стенам и поднимались к сводчатому потолку.

У мраморной девушки, без преувеличений, было лицо королевы эльфов, если бы остроухие нацисты тут существовали, конечно. В моё мире, каждая третья инста-модель пристрелила бы кого угодно ради такой-то внешности!

Арочная выемка, в которую помещалась статуя, была обрамлена изображением лунных фаз.

А в квадратных же нишах по всей площади плиты стояли уже знакомые мне свечи со странными лилово-белыми огоньками и оловянными блюдами, в которых я с удивлением разглядела...

— Это, что там?! — ошарашенно спросила я. — Расчё... Гребешки для волос?!!

— Они самые, Зои, — едва слышно прошептал Люк. — И на твоём месте, я бы не кричал.

— Почему это? Кто эта девица Люк?

— Перед тобой Каменоволосая Мелани! Одна из Девяти Каменных сестёр. И мы...

Боггарт огляделся.

— В её святилище.

— Что? У Каменных сестёр разве должны быть святилища?! Люк, им что поклонялись?

— Да, наравне с древними богами, у них были очень распространённые культы, среди язычников Квинквилля. Ходят слухи, что среди населения всех пяти герцогств, даже сейчас многие практикуют обряды поклонения Каменным Сёстрам.

— Несмотря на то, что они сделали?!

— Несмотря.

— Ладно, а гребешки для волос зачем тут нужны? — нетерпеливо спросила я, нервно оглядываясь по сторонам.

Причиной моего беспокойства стало физическое ощущение моим организмом прямо-таки кричащего количества буйной первородной мощной магии. Это место вибрировало от её скопления!

— Мелани славилась своими прекрасными волосами и восхитительными причёсками, — пояснил боггарт. — И обожала гребешки, диадемы, заколки и прочие подобные вещицы. Язычники издавна приносили Каменным сёстрам подобное подношение, несколько раз в год, а в обмен пользовались благорасположением всех Девяти Каменных сестёр.

— Ага, а потом явились жрецы Моретворца, начались гонения на поклонников культа ведьм и из-за этого, дай угадаю, Каменные сёстры наслали проклятие на людей? Да?

— Это распространённая версия, Зои. Но... ты только в городе где-нибудь это не скажи, — пугливо вжав голову в плечи, произнёс Люк. — А то тебя утопят в ближайшей жреческой стеклянной колбе.

«В прозрачной?!! Мама-Мия! — подумала я, — мало того, что топят, так ещё и «наслаждаются» зрелищем? Я даже не знаю, что хуже: наша инквизиция или местная»

Блыздень, а точнее прозванный мною «Блейдом» водяной-шкипер подвёл лодку к центру святилища, и здесь наш водный транспорт сперва замедлил ход, а затем и вовсе остановился.

Теперь, когда размеренный гул водонапорных двигателей прекратился, можно было различить легчайший, но в то же время весьма звучный шелест тысяч мелких тонких крылышек серебристых бабочек.

Искристые маглицы отдельными сверкающими тучками порхали по всему святилищу.

Я наклонилась вперёд и присмотрелась к гребешка в оловянных, бронзовых и металлических блюдах.

— Но ведь святилище вроде как затоплено и не должно использоваться? — спросила я.

— Не должно, — подтвердил моё предположение боггарт. — Это, кстати, одно из тайных святилищ, наверняка построенных незадолго до начала гонений на адептов культа

Каменных Сестёр.

— Гребешки в некоторых блюдах выглядят слишком уж новенькими, — заметила я и оглянулась на боггарта. — Похоже местные приверженцы культа Сестёр, даже несмотря на затопление, всё же продолжают практику обрядов поклонения этой полубожественной сногшибательной красоте.

— Зря иронизируешь насчёт их красоты, Зои, — заметил вдруг Люк и кивнул на пример шедевральной работы неизвестного скульптора. — Тот, кто создал эту статую ничуть не преувеличивал, если верить легендам. Все Каменные Сёстры всегда слыли прекрасными и даже соблазнительными в своей красоте. Если верить легендам.

— А как у них было с психоэмоциональным состоянием и моральной стороной души? — не могла не спросить я.

В моих словах звучала неприкрытая ирония: так уж вышло, что я вообще довольно пренебрежительно отношусь ко всему, что касается религии, культов, поклонений и так далее. Не то, чтобы я прямо ни во что не верила, но я верю по-своему, с множеством оговорок и нюансов.

Люк, однако, от моего ёрничества не смутился, а вполне ровным голосом ответил:

— Они были довольно благородны, невероятно разумны и эрудированы, но... суровы и беспощадны с теми, кто отступал от их свода правил и наставлений. И, разумеется, Каменные Сёстры совершенно не щадили всех, кто посягал на жизнь их почитателей или возводил хулу лично на них.

Блейд смотрел и слушал с открытым от увлечения ртом и вытаращенными глазами, а я вздохнула и проговорила:

— В таком случае мне становится ещё более интересно, что же в действительности совершили все жители Квинквилля, что Сёстры наложили проклятие на все пять герцогств?

В ответ Люк только развёл руками.

— Этим вопросом задаются многие учёные господа и госпожи, носители магии и аристократия, а также вольные капитаны, историки, поэты и даже обыкновенные фермеры или рабочие мануфактур. Ты не найдёшь в Квинквилле не одной таверны или постоялого двора, где не отыщется хотя бы пара-тройка болтунов желающих в сотый раз обговорить детали проклятия Каменных Сестёр и причины их решения.

Боггарт осуждающе покачал головой.

— Но причина-то, скорее всего, лежит на поверхности. Просто люди не желают искать причины своих бедствий в своём прошлом и своих поступках.

— Почему же? — шепнула я.

— Потому что, это, наверняка, означает признание вины, — с угрюмой печалью ответил мне Люк.

Я задумалась над его словами, затем вспомнила открытие, которое сделала в каюте капитана «Счастливец Джованни», но решила, что сейчас не лучшее время расспрашивать боггарта о деталях плана капитана, которому он служил.

— Блейд, подведи лодку поближе к статуи, — попросила я.

Но водяной помедлил.

— А-а... это...

— Что? — не поняла я заминки нашего водяного-лодочника.

— А, вдруг она оживёт? — вжав голову в плечи, проговорил обитатель колодца.

— Значит ей, скажешь, что это я заставила себя проявить к ней такое неуважение.

Давай, мне нужно взглянуть на неё поближе.

Водяной бросил задумчивый нервный взгляд на боггарта, но всё же послушался, и наша лодка подошла на максимально доступную близость к статуе.

Теперь скульптура Мелани Каменоволосой выглядела ещё более грандиозно и даже несколько устрашающе.

— Что ты хочешь там увидеть... — начал было боггарт, когда нос нашей лодки почти уткнулся в каменный ступенчатый выступ у подножия великанской плиты.

Но увидев, что я делаю, боггарт испустил визг благоговейного ужаса:

— Ты что творишь, Зои?!!

Не слушая своего белоглазого спутника и слугу, я выбралась из лодки, поднялась по скользким мокрым ступеням и подобралась к одной из глубоких ниш в плите, где покоилась и поблёскивало блюдо для жертвоприношений одной из Каменных сестёр.

Я желала проверить одну из своих догадок. Слыша стенания Люка, который наблюдал за моими манипуляциями, я извлекла одно из оловянных блюд из тёмной ниши, где оно покоилось, взяла в руки гребешок и присмотрелась к замысловатым узорам.

Он был довольно оригинален: природа, небеса, солнце, люди и животные на нём изображались единой непрерывной линией с множеством петелек разной величины и формы. Поддавшись странному наитию, я провела по деревянному гребешку кончиками пальцев правой руки.

Вибрирующее и подрагивающее ощущение рвущейся наружу магической силы обострилось, стало проникать в моё тело и достигать разума. Это было похоже на нервную экзальтацию и появление нескольких десятков источников пульса по всему телу. Каждая венка и артерия в моём теле вздрагивала, подскакивал и дёргалась в едином ускоряющемся такте.

Я чуть поморщилась и прижала пальцы правой руки к правому виску. Усиливающееся ощущение в моём организме были далеки от приятных.

— Зои, лучше положи на место, пока аура этого места не уничтожила и тебя, и нас, — с заметным опасением проговорил боггарт, настороженно оглядываясь по сторонам.

Но я его не слушала. Отложив гребешок, я повернула оловянное блюдо так, чтобы свет в затопленном святилище попадал внутрь сосуда. Дно и стены широкого блюда были вовсе не гладкими, как его внешняя сторона, а с ярко выраженным и топорным рельефом. Если быть точнее, в стенки и дно блюда были вплавлены клинки ножниц.

Я показала свою находку Блейду и Люку. Первый не нашёлся, что сказать, а вот на дымчатой мордашке боггарта отразилось сперва удивление, а затем озарение.

— Ты что-то знаешь про это, — не я не спрашивала.

— Ну-у... уже очень давно по всему Ларатану идёт молва, что у жителей всех сословий стали пропадать ножницы самого разного вида и размера, от садовых и поварских до ножниц цирюлен и докторов.

— Кажется, мы нашли виновных, — я указала на блюдо. — И почему-то мне кажется, что...

Я задумалась на пару секунд, взглянула на каменные локоны Мелани Каменоволосой, что охватывали собою колонны и все остальной подземный зал своего небольшого тайного храма.

— Ножницы имеют самое прямое отношение к какой-то её личной трагедии. Возможно, это и стало причиной, почему Мелани наложила своё проклятие...

От моих слов у Люка округлились глаза, а сидящий на корме лодки, у румпеля, Блейд вытянул вперёд руку и прошептал слегка осипшим голосом:

— Смотрите! Чтоб я высох на солнце! Моретворец нас всех спаси!..

Мы с Люком тоже взглянули наверх, и в тот же миг у по телу пробежала лёгкая, как касание кончика пера, но глубокая, как лихорадка, ошеломительная нервная дрожь.

Потому что по мраморному лицу богини стекали две полосы золотых слёз. А в моей голове, буквально внутри моего сознания я услышала горький плач и слова на неизвестном мне, но очень красивом мелодичном языке.

По мере того, как золотые слёзы статуи Мелани Каменоволосой стекали вниз по щекам, фиолетовые огни на колоннах вспыхивали и фонтанировали шипящими мерцающими искрами, что опадали в воду, исходя струйками дыма.

В тот же самый миг я заметила, что уровень воды в святилище начал резко подниматься.

— Блейд! — крикнула я на водяного.

— Чего? — боязливым голосом поинтересовался водяной.

— Насколько высоко здесь может подняться уровень воды?

Но ответил мне Люк. Боггарт указал пальцем вверх и дрожащим голосом произнёс:

— Полагаю, ответ очевиден.

Я посмотрела туда, куда он указывал и увидела, что почти на самых верхушках колонн, под пещерным сводом, налипли остатки водной ряски и сальвинии*(плавающее по поверхности воды растение)

С моих уст шёпотом слетело ругательство.

За следующие несколько секунд я заскочила в лодку, Блейд умело и быстро развернул наше судёнышко в сторону прохода между колонами. Арочный проём был закрыт свисающими с потолка стеблями слегка вьющихся растений.

Мы промчались сквозь эти растительные портьеры и устремились вперёд. Водонапорные двигатели лодки работали на полную мощность, но вода пребывала слишком быстро. Уже сейчас я увидела, как моя голова приближается к нависающему над нами сводчатому потолку с кирпичной кладкой.

— Если здесь раньше бывали приливы воды, то как, Девятая ведьма побери, не погасли те свечи в святилище?! — прокричала я взволновано.

— Это свечи с маслом коралловых морских фей! — крикнул мне Люк. — Вода не тушит огонь на этом топливе, напротив, усиливает люминесцентный эффект!

— Буду знать, — буркнула я.

Уровень воды поднимался, а мне становилось всё страшнее. Мы откровенно не успевали выбраться из подземелья и лично мне серьёзно грозил риск банально утонуть здесь!

— Блейд, ты можешь поднажать? — взмолилась я.

— Это максимальная скорость лодки, — ответил водяной.

Я вновь прошептала ругательство. Впереди показалась разветвление водного пути сразу на три... пять... девять путей!

— Я не знаю куда нам дальше! — прокричал мне Блейд, сквозь шум воды и натужно гудящих водяных двигателей лодки.

— Гони по центру! — решила я.

— А если там тупик, Зои? — испугался боггарт.

— Можешь сойти и пойти проверить другие варианты! — огрызнулась я.

Люк заткнулся.

Лодка на скорости промчалась в центральный путь. Впереди нас ждал только густеющий полумрак. Уровень воды неуклонно рос. В подземном коллекторе с каждой новой секундой становилось всё холоднее и темнее.

Я уже обречённо и нервно подумала, что ошиблась, но... впереди забрезжил свет.

Моя голова почти касалась потолка, когда впереди всплыло робкое пятно света. Постепенно оно становилось всё ярче и шире.

Я никогда не отличалась каким-то чересчур высоким ростом, хотя многие подруги завидовали моим ста семидесяти сантиметрам остроумного ехидства и отчаянного трудолюбия. Впрочем, сейчас я бы предпочла, временно, быть поменьше и помельче, потому что мне пришлось сесть на корточки и сжаться в комок, дабы моя голова не стёрлась об нависающий над лодкой свод потолка.

— Ещё немного!!! — вскричал позади меня Блейд, удерживая румпель прямо, и буквально улёгшись в лодке (он был головы на полторы повыше меня).

Лодку покачивало и чуть подбрасывало. Заполняющая подземные тоннели вода, как будто нарочно пыталась не позволить нам уйти, но через пару мгновений на наше хлипкое судёнышко упали... лучи утреннего солнца.

«Какого чёрта?!» — мелькнула у меня удивлённая мысль.

Это же было невозможно! До того, как мы спустились в колодец и ступили на борт лодки, на острове был поздний вечер! Сколько же тут длится ночь? Уж точно не три-четыре часа, что мы провели в подземелье...

Впереди раздался шумный плеск воды, у меня ёкнуло и подскочило сердце.

«Водопад, — испуганно подумала я, — всё-таки нарвались на грёбаный водо...»

Разогнавшаяся и подгоняемая ускоряющимся течением лодка пушечным ядром вылетела из выхода коллектора.

В ярком свете утра, в окружении ветра и брызг воды, вместе с лодкой мы полетели вниз.

— Твою же... ма-ать!.. — истерично закричала я, вжимаясь в дно и ближайший борт лодки.

Но летели вниз мы недолго. Моё сердце успело совершить лишь несколько стремительных сальто, как наше судно с шумным всплеском ударилось об воду. Из-за бортов водяными веерами разлетелись тучи сверкающих в утреннем солнце капель. Меня обдало порывами утреннего ветра и накрыло несколькими брызгами.

Нас всех ощутимо подбросило и довольно сильно ударило о дно судна, да так, что у меня вырвался стон боли и вышибло воздух из лёгких. Лодка опасно закачалась из стороны в сторону. Пока с водяным морщились и шипели от боли в спине и во всём теле, Люк неспешно спланировал сверху на своём зонтике.

— Как вам приключение? — с фальшивым светским оттенком поинтересовался боггарт, не пряча издевательской иронии.

— Бля... стяще!.. — измождённым ворчливым голосом выдохнула я и сдула лица мокрую прядь волос.

— Зои, — удивлённо протянул боггарт.

Он и водяной оба заметили то, на что я и сама уже обратила внимание: мои волосы вновь приобрели прежнюю длину и стали даже несколько длиннее и как-то пышнее или объёмнее, что ли.

Наверняка причина внезапно быстрого роста моих волос, стала магия святилища. Это очень занятно, но сейчас меня волновало другое.

Я приподнялась в лодке, откинула назад свою ныне роскошную гриву из персиковых волос и придирчиво осмотрелась. Мы плавали посреди небольшого озера, окружённого соснами, елями и раскидистыми ясенями. У берега росли ягодные кусты и высокая трава. Позади нас шумел водопад, а из-за верхушек деревьев только-только проступали первые лучи едва только показавшегося на горизонте солнца. Даже небо ещё не потеряло розовато-голубоватый оттенок зари.

— Люк, — произнесла я. — А это нормально, что в святилище Меланни Каменноволосяй время течёт заметно так быстрее?

Боггарт пожал плечами.

— Я слышал, что язычники нередко использовали святилища в качестве лазаретов и просто укрытий, где пережидали внеочередные облавы. И одной из особенностей таких мест было иное течение времени. Но я думал, что это лишь легенды.

— В следующий раз, если ты вот что-то такое вспоминаешь, даже если тебе это кажется художественным вымыслом или байкой пьяного сапожника, ты всё мне выкладываешь, — немедленно распорядилась я.

— Как скажешь, — согласился Люк.

Я огляделась и недовольно проворчала:

— Давайте уже причалим где-нибудь. Я страсть, как хочу на сушу!

Водяной послушно вырулил в ближайшую удобную бухточку. Здесь, с помощью внеочередной подготовки зелья, я развела костёр. А затем пришло время платить долг.

Водяной уже радостно потирал ладони, а боггарт по моему указанию полетел разведать территорию вокруг, чтобы минимизировать вероятность любых неприятных внезапностей. Да и приятных тоже.

А я принялась варить кофейное зелье, согласно моему обещанию, которое я дала водяному. Благо, в моей рецептории отыскался-таки «Коретто Винного обращения», который требовалось вылить в воду. Зелье оказалось не очень сложным, и через несколько минут я уже готова была вручить свежеприготовленный кофе прыгающему от радости водяному.

В этот же короткий миг резкая вспышка боли в груди и в животе заставила меня вскрикнуть от боли.

— Зои?.. — обеспокоенно подпрыгнул ко мне водяной.

Но он тут же отскочил назад, когда я перевернулась на спину и истошно закричала от приступа острой боли, полыхающей по всему телу. Я каталась по земле, морщась, шипя и плача от ощущения, будто бы что-то крошит мои суставы и заливает раскалённый металл в вены, вместо крови.

Приступ, кажется, продолжался недолго. Через несколько секунд он прошёл.

Но я лежала на боку без сил подняться, и тяжело, с присвистом, дышала. Болезненные отголоски внезапного приступа ещё тлели во мне. Я почувствовала, что с моей кожей тоже что-то происходит. Она вся чесалась, кололась, болезненно горела и жёстко стягивалась.

— Зои, что с тобой?! — появившийся из зарослей встревоженный Люк подлетел ко мне, но в ту же секунду шархнул на назад и нервно сглотнул. — Зои?..

Я перевела взгляд на водяного. Тот пребывал в немом шоке, глядя на меня во все свои желто-зелёные глаза.

Чувствуя гадкий озноб, слабость и вялость во всём теле, я попробовала подняться, но почувствовала, что мои колени просто не держат меня, а спина и вовсе не может разогнуться?

«Что со мной происходит?! Что это такое?!» — в лихорадочной панике пыталась понять я.

— Зои, подожди... Ты... — Люк был в очевидном смятении и рассматривал меня так, словно не верил своим словам.

Я посмотрела на него, но внезапно поняла, что у меня перед глазами всё странно расплывается. Как будто меня сразила резкая миопия.

В довершении всего на моё правое плечо упало несколько прядей моих волос. У меня пропал дар речи и оборвалось дыхание, при взгляде на них.

Я торопливо, на четвереньках, подползла к ближайшей луже в ошеломлении уставилась на... Да это была я, вне всякого сомнения. Вот только моему отражению было лет девяносто, не меньше!

Из водной глади мелкой лужи на меня глядела древняя седая старуха, со смятым морщинами обвисшим лицом, одряблевшими щеками и впавшими глазами. Ещё пару минут назад прекрасные персиковые локоны превратились в серо-белые тонкие и почти прозрачные пряди.

Я выглядела так, будто пережила две мировые войны, а мои правнуки уже обзавелись собственными детьми!

В немом испуганном изумлении я прижала дрожащие пальцы к своим старческим щекам и непонимающе, с шокированной растерянностью покачала головой, словно не желая верить собственному отражению.

Чашечка двенадцатая

«— Три самых вкусных запаха? Запах горячего кофе, свежей выпечки и страниц новой книги»

Надея Ясминска.

Каждый моряк, кто хоть раз в своей жизни видел Океан Хищных штормов может поклясться, что не видел морей прекраснее!

Когда солнце всходит над самым большим океаном этого мира, и его лучи ложатся на пенистые волны этого морского простора, здешние воды меняют цвет на багрово-алые и чёрно-синие оттенки, с редкими золотисто-белыми прожилками. Всё из-за особого состава водорослей и кораллов Океана Хищных штормов, а точнее ввиду наличия обитающих в них многочисленного планктона, который вырабатывает особый фермент.

Смешиваясь с частицами водорослей, эта субстанция в больших количествах растворяется в здешних водах и под светом солнца даёт ошеломительный цветовой эффект, из-за влияния ультрафиолета.

И не было на свете моряка, которого не впечатлили бы своей черно-алой красотой бескрайние морские просторы в этой части света.

Океан Хищных Штормов настолько велик, что даже самым быстрым бригам и почтовым пакетботам приходится тратить не менее двух месяцев, чтобы пересечь его и добраться до Квинквилля или же до островов Журавлиного крика!*(если посмотреть на карту океана, то данные острова как будто «вылетают» из клюва журавля, на которого походит полуостров материка Широколесья).

В сиянии солнца переливающийся чёрно-алыми оттенками и поблёскивающий золотыми «венами» волнующийся океан внушал трепет и благоговения. В захватывающей красоте этих коварных и глубочайших бурных морей таилось титаническое могущество! И каждый, кто оказывался здесь, вместе с восхищением испытывал и ощущение собственной ничтожности перед первородными морскими силами здешней природы.

В северной части довольно тёплого океана разместились острова, фьорды и материковая часть империи Скардхайд, а в южной притаилась неизвестность, укрытая плотными тучами Хищных Штормов.

Когда приходило время, фронты грозových туч надвигались с юга укрывая три четверти океана кислотно-ядовитыми дождями, с опасными молниями и, что ещё более ужасно, пламенеющим искрящемся пеплом.

Трудно было перечислить сколько кораблей сгорело в вихрях из дымящегося искристого пепла, какое количество несчастных моряков превратились в изуродованные и отравленные дождём омерзительные трупы. Только самые опытные моряки или отважные безумцы решались пересекать Океан Хищных штормов, в те длинные декады, когда его чёрно-алые волны вздымались выше грот-мачт, а над ним гремел гром пепельных туч и кислотно-отравляющих дождей.

До сих пор нет ни одного подтверждённого свидетельства тому, чтобы хоть кто-то хоть однажды пересекал непроходимые и вечные фронты Хищных Штормов на юге океана. А потому до сих пор точно неизвестно что или кто скрывается за тучами пепла, способных сжечь дотла самый огромный флот.

Приятной стороной океана Хищных штормов была его богатая фауна. Бесчисленное

множество рыб, кальмаров, крабов и осьминогов водилось в здешних водах. Именно здесь же добывался шикарный скардхайдский жемчуг и самые изысканные морские деликатесы, что позже попадали на стол особам правящих династий или штатгальтерам срединных вольных провинций знаменитых столовых гор, на вершинах которых разместились богатые города Мон-Тале.

В Океане Хищных Штормов Моретворец своей волей раскидал россыпи сотен небольших, но крайне плодоносных островов, изобилующих месторождениями редких металлов, дорогих видов деревьев и лазурных алмазов.

Скардхайд не зря топил в крови десятки прежде свободных республик и варварских королевств, чтобы сделать Океан Хищных Штормов чуть ли не своим внутренним озером. По сути теперь оно так и было, если не брать в расчёт южную сторону...

Сегодня прибой и волны Океана Хищных Штормов были безмятежны и спокойны. А потому многие его обитатели поднялись выше, под самую поверхность морских вод.

Стаи крылатых окуней — мелких рыбёшек с красно-зелёными гребнями и широкими длинными плавниками — в большом количестве выпрыгивали из воды. Так они охотились на мигрирующих через океан островных жуков-светлячков.

Одного из таких прыгучих окуней заметил другой хищник, для которого пространство над волнами и неглубоки пучины вод являются исконными угодьями для охоты.

Большой сереброкрылый фаэтон сложил крылья и резким броском спикировал вниз. Миг, и в его длинном крючковидном клюве уже трепещется незадачливый крылатый окунь. Выпучив глаза и разевая рот в удушье, рыба бессильно дёргала хвостом, зажатая в сильном птичьем клюве.

Фаэтон поднялся ввысь и направился к месту своего гнездования. Птица поднялась под самые облака, и вскоре увидела на горизонте сначала каменные клинья коварных крепких рифов и небольших скалистых островов, а затем и громадную, самую большую в мире морскую скалу, что возвышалась над морем выше любой дозорной башни самых высоких замков этого мира!

Циклопических размеров скала не имела определённой формы. Больше всего, издали, она походила на деревянный пень с остатками острых обломков коры и сердцевины.

Но это нелестное сравнение полностью растворялось, при приближении к Штормовому Пламени, как называлась эта скала. А точнее, так называлась крепость-дворец построенная внутри исполинской морской скалы.

Фаэтон с рыбой в зубах начал снижение, нырнул через рассеянные перистые облака и теперь птица уже могла различить множество высоких фортов на рифах и островках вокруг Штормового Пламени. Над каждым из сторожевых укреплений высились чёрные флаги с белой горой, на вершине которой краснело яркое пламя. Знамя империи Скардхайд. В мире его знали, уважали и боялись. Последнее было особенно актуальным.

Морская птица спустилась ещё ниже и пролетела над самыми шпилями фортовых башен. Её путь лежал к гнезду, что размещалось на одной из вершин Штормового пламени.

Если бы фаэтон был в состоянии оценить красоту человеческих деяний, то при взгляде на фасады гигантской скалы-крепости, у него бы каждый раз захватывало дух.

Стараниями великих скардхайдских скульптуров и архитекторов скалу опоясывали десятки ярусом. Они в лестничном порядке выступали один под другим, разделяясь на

широкие парапеты и бастионы, закрытые стенами с клиновидными угловатыми зубцами. Из-за многочисленных чётких и жёстких геометрических границ во архитектуре фортификаций, скала-крепость походила на огранённый бриллиант. Куртины*, равелины* и редюиты* (элементы укреплений 17–19 вв) крепости радовали глаз идеальной геометрией. В Штормовом пламени гармонично объединялись лаконичная красота и практичная точность форм.

На вершине скалы дымили несколько фабричных башен, где отливались пушки, ядра и ковались великолепные клинки. Вместо привычных зубцов и шпилевидных крыш, такие башни венчали каменные скульптуры голов морских змеев. Отчего казалось, будто каменные чудовища по-настоящему извергают дым пламя.

Столица Скардхайда, помимо функции резиденции для императоров была также настоящим кладезем прочнейших металлов. А потому производство было решено организовать на самых высоких ярусах Штормового пламени.

Кстати своё название крепость-скала получила из-за окраса: у подножия её преобладали чёрно-багровые оттенки, а из-за изменяющегося, по мере возвышения, химического состава скалы, выше оттенки светлели и становились всё ярче, пока у самой вершины не набирали такой алой яркости, что в солнечный день на высшие этажи крепости тяжело было смотреть снаружи.

Сереброкрылый фаэтон пролетел мимо чадящих башен и прочих укреплений. Отсюда уже было видно, что внутри огромная скала разделена на несколько секций, соединённых между собой многочисленными мостами, галереями и крытыми переходами.

Фаэтон подлетел к гнезду, которое таилось в одной из щербатых ниш на вершине скалы. Здесь его встретили пять писклявых птенцов, жаждущих лакомства, которое принесла им мать.

А на много ярусов ниже, в глубине подножия гигантской скалы, там, где в Штормовом пламени скрывался склеп императоров и ближайших друзей имперского престола, на полу с обречённым видом сидел в мрачном раздумье мужчина. Несмотря на короткую светлорыжую с золотинкой бороду, скрывавшую его широкую мощную челюсть и сильный подбородок, он был довольно молод.

Облачённый в добротную чёрную рубаху с красно-золотыми извивающимися линиями на рукавах и свободные чёрные штаны с высокими ботфортами на золотых застёжках, мужчина со злой печалью на лице задумчиво оглядывал стены и своды просторного склепа, освещённого тусклым сиянием редких алых белых свечей.

Он сидел на полу, чуть согнув ноги в коленях и сложив на них руки, облачённые латные рукавицы из чёрно-алого металла, с оттиском имперского знамени на каждой из них. На груди молодого бородача, поверх рубашки, на железной цепи покачивался медальон в виде шипастого кольца, поверх которого был прикреплён миниатюрный кузнечный молот из обычной стали.

Мужчина с грустью вздохнул и проговорил:

— Я готов был дать тебе всё, что ты пожелаешь... Я бы даже в жёны тебя взял, если бы ты того пожелала в обмен на исполнение моей просьбы. Но ты предпочла иной выход...

Обладатель латных рукавиц вздохнул и поднялся с полу. Он обернулся к каменной стене, на которую опирался спиной, пока сидел в раздумьях и склонился над стоящим на поверхности стелы металлическим гробом с хрустальной гранённой крышкой.

Сквозь чистейший и невероятной крепкий имперский хрусталь была видна рыжеволосая девушка с закрытыми глазами.

Можно было бы привести банальный пример со спящим человеком, но нет... синеватые губы, зеленоватая бледность кожи и прочие очевидные признаки, хоть и не могли до конца испортить красоту девушки, ярко свидетельствовали о том, что перед владельцем медальона-молота лежала покойница.

К тому же, даже через ворот похоронного кружевного платья, можно было разглядеть уродливую тёмную странгуляционную линию.

Рослый молодой бородач со светло-рыжими, чуть золотистыми волосами и тёмно-лиловыми глазами с грустной тоской на лице положил на крышку гроба обе ладони.

— Вместо того, чтобы внять моим убеждениям и послушаться меня, ты предпочла сбежать туда, где тебя уже никто не достанет, Антуанетта.

Мужчина чуть опустил голову.

— И тем самым подписала приговор не только себе, но и всей империи...

Раздался стук в дверь, и человек у гроба с недовольством обернулся назад.

— Ваше императорское пламяние, — произнёс старческий хрипловатый голос. — У нас всё готово для церемонии захоронения.

Облачённый в чёрно-бело-зелёное одеяние жрец, с сетчатой маской на лице и символом Моретворца на груди, чуть склонил голову.

— Вам пора отпустить её. Антуанетта шай Ле-Фарталь сама избрала свою судьбу.

Император кивнул.

— Но я это её к ней подтолкнул.

Священник молчал. От похоронных жрецов Моретворца глупо ждать слова утешения. Да они были не нужны. Астор Третий, император Скардхайда не нуждался ни в чьих утешениях.

Он отвернулся от гроба, затем всё же оглянулся со вздохом и прошептал:

— Надеюсь, там, куда попадёшь тебе не придётся пожалеть о столь скором уходе. Прощай, Антуанетта. Да вознесут себя волны Моретворца.

— Да вознесут!.. — эхом отозвался жрец.

Император суховато кивнул ему и поднялся по широкой пологой лестнице вверх. За склепом его ждала зарешеченная платформа цепного механического подъёмника. Ступив на выложенную алой мраморной плиткой поверхность подъёмника, его пламяние дёрнул за один из рычагов, где-то вверху, на протяжении глубочайшей шахты, прозвучал звонкий перезвон, и платформа с решётчатыми стенами пришла в движение.

Через двадцать минут долгого подъёма, император скорым раздражённым шагом вошёл в помещение алхимической лаборатории.

Трудившиеся среди расползающихся дымок и кипящих котелков алхимии аллы переполошились, а затем в нервном молчании уставились на императора.

Тот оглядел побледневшие лица, раздражённо вздохнул.

— Ну? И что на этот раз, Готье.

Самый старший из присутствующих чародеев оглянулся на младших коллег и поставил перед императором стеклянную чашу. Затем из металлического чайника алхимии аллы налил тёмно-шоколадную жидкость.

От её запаха император скривил нос.

— Этот напиток и должен так вонять?

Готье нервно сглотнул и прокашлялся.

— Ваше пламя, запах не всегда... хм... соответствует вкусу...

— Я прежде пробовал это зелье, когда его готовила мне Антуанетта шай Ле-Фарталь, — склонившись над чашкой, с хмурым видом произнёс император. — И оно так не воняло, Готье!

Император взял чашку и отпил. Пару секунд он молчал, но взгляд главы самого могущественного человека на этой половине мира в миг похолодел.

Астор смачно сплюнул на пол и жестом подозвал к себе Готье. Тот молча повиновался.

— Пей, — приказал император, кивнув на стеклянную чашку с шоколадным напитком.

— Но, ваше пламя...

— Сейчас, — проговорил император властным стальным голосом. — Ты возьмёшь чашку с этой дрянью, которую вы тут вдесятером сварили, и выпьешь всё до дна. При мне. Иначе, клянусь этой крепостью, я волью тебе это в глотку собственноручно.

Готье нервно прерывисто вздохнул, но выбора у него не было. Долго, однако, пить он не смог. Как старик не держался, через пару минут его согнуло пополам от жесточайших рвотных спазм.

Император Астор сжал кулаки. Его латные рукавицы, сверкающие черно— алой эмалью, угрожающе проскрежетали сталью, словно выражая мнение правителя Скардхайда.

— Готье, — даже не глядя на давящегося рвотой старика, произнёс император, — я отдал вам рецепторий Антуанетты и спросил, сможете ли вы приготовить хотя бы часть из её зелий? Сможете ли Вы, лучшие учёные умы имперской алхимической науки, воссоздать хотя бы четверть тех магических эликсиров, которые готовила она? И что ты ответил?

— Ваше пламя... — промямлил слабым голосом Готь, поспешно вытирая бороду.

— «Мы приложим все усилия, и результат не заставит себя ждать, ваше пламя», — глядя в стрельчатые окна алхимической лаборатории, процитировал император. — Так мне ты ответил. Прошло уже два месяца, с тех пор, как вы получили рецепторий с кофейными зельями. И что же я вижу?

Астор чуть обернулся и небрежно взглянул на стеклянную чашу, на стенах которой была размазана густая тёмная субстанция.

— Рвотная сыворотка, вместо даже самого простого эликсира, который я приказал приготовить? Скажи, Готье, вот это точно стоит тех тысяч золотых златоскардов, которые я вам плачу?

— Ваше пламя, — держась за края стола с многочисленными перегонными кубами и колбами, устало проговорил глава исследовательской группы алхималиалов. — Вся трудность заключается в поиске правильных пропорций, ритуалов и, самое главное, сборки зёрен этого... кофе.

Последнее слово Готье произнёс с откровенной неприязнью, с какой относятся к чему-то неизвестному, непонятному и чужеродному.

— Значит, ты признаёшь поражение? — император приблизился к главному имперскому алхималиалу и, возвышаясь над ним, обманчиво спокойным голосом произнёс. — Ты помнишь, что стоит на кону, Готье? Ты помнишь, почему я рискнул дружбой с высокородными танами семьи Ле-Фарталь и силой увёз к себе их дочь, сестру и племянницу?

— Да, ваше пламя, — понурился, ответил старик.

— Напомни, будь так добр, — приказал император.

Старший алхималиал поднял на Астора умудрённый долгой научно-магической

практикой старческий взгляд серо-фиалковых глаз и тяжело произнёс:

— Вам нужны девять эликсиров Истины, девять кофейных зелий, которые помогут...

Он вновь поперхнулся, но сдержал сжимающие его желудок спазмы.

— Которые помогут мне узнать причину проклятий, от которых сейчас страдает Квинквилль, найти способ снять его и...

Тут Астор закрыл глаза, а затем всё же проговорил гораздо тише, но с заметным гневом в словах:

— Предложить его герцогствам, на очередном этапе переговоров. Это важный предмет политического торга, Готье. И, что ещё более важно, это критично необходимый мне инструмент давления на норовистых и непокорных герцогов. Каждый из этих пяти этих неумелых мятежных монархов трясётся при одной мысли, что из-за нынешних проблем с проклятиями, их же собственные поданные поднимут на вилы их самих, как подняли наместников моего отца. И этот страх нужно использовать в интересах Скардхайда, Готье!

Хотя кроме императора и старшего алхимииала в лаборатории находились ещё восемь алхимииалов, Астор не боялся предательства: он платит им достаточно много, а их сыновья и дочери взяты под его личную опеку и, вместе с тем, их жизни являются гарантиями не только верности каждого из алхимииалов, но того, что они будут следить даже друг за другом, чтобы никто не сболтнул лишнего в компании посторонних. Учитывая их почти фанатичную преданность правящей имперской династии, это, возможно, было лишней мерой предосторожности, но Астор не любил сюрпризы. В особенности неприятные.

— Я приду через неделю, Готье. И если вы к тому времени не приготовите хотя бы самый простой кофейный эликсир, я... буду вынужден поступить со всеми вами в соответствии с обстоятельствами.

Алхимииалы побледнели, но император лишь не стал вдаваться в подробности их участи, если они вновь его подведут.

«Пусть понервничают, — подумал он. — может сварят хоть самый простейший кофейный эликсир... Хотя бы такой, от которого не тянет блевать и у него есть хоть какой-то положительный магический эффект»

— Ваше пламяние, — рискнул обратиться к императору один из младших алхимииалов. — Взгляните, прошу вас.

Он поднёс императору раскрытый рецепторий Антуанетты.

— И что я должен тут увидеть?.. — но Астор уже и сам заметил то, что хотел показать ему один из чародеев.

На страницах, которые сейчас рассматривал глава империи Скардхайд вместо двух рецептов белели пустые пятна.

Император начала быстро листать другие страницы. Но увидел, что и на некоторых других листах рецептория Антуанетты есть пустые места, вместо положенных рецептов кофейных эликсиров.

— Это что ещё за фокусы? Где остальные рецепты?! — грозным голосом поинтересовался император. — Куда они вдруг исчезли?

Стоящий перед ним алхимииал лишь развёл руками, а за него ответил Готье:

— Мы не знаем, ваше пламяние... Рецепты начали исчезать вчера вечером.

— Что, просто сами взяли и начали пропадать со страниц рецептория? — не поверил Астор.

Готье тяжело кивнул.

— Когда ты собирался мне рассказать? — Сразу, как только вы изволили бы навестить нас, — степенно и смиренно ответил старший алхимик.

— Глубинный змей вас сожри! — негодуя проговорил император.

Он порывисто развернулся и скорым шагом вышел из лаборатории. Теперь Астор поднялся ещё выше, на несколько следующих этажей скалы-крепости и вскоре перешагнул порог уже другого помещения.

Здесь в круглом зале, над которым неспешно и плавно кружили сизые влажные облака, подсвеченные бело-голубым светом, находилось всего четверо мужчин в позолоченных ритуальных доспехах, надетых поверх коротких лазурных мантий.

Все присутствующие мужи были с длинными распущенными волосами жемчужно-белого цвета и с ритуальными лазурно-золотыми венцами на головах.

Когда вошёл император, все четверо обернулись к нему. Астор был далеко не робкого десятка и мог легко запугать кого угодно одним только словом. Но даже ему каждый раз было слегка не по себе, когда он смотрел в глаза всадникам грома.

Эти могучие чародеи обладали поистине титанической мощью и могли взять под контроль гром и молнии, шторм и дождь, ревушие ветры и град. И их могущество буквально отражалось у них в глазах — вместо привычных зрачков и радужек, там плыли облака и блистали мелкие яркие молнии.

Всадники не были непобедимы, но предпочли заключить со Скардхайдом вечное соглашение.

— Ваше пламя, — четвёрка магов склонились в знак почтения к императору и признания его власти.

— Ламмерт, — Астор поднёс главному из всадников грома рецепторий таны Антуанетты шай Ле-Фарталь. — Ты не мог бы мне объяснить, как возможно нечто подобное?!

Император показал верховному громовержцу страницы рецептория с опустевшими белыми пятнами на месте рецептов.

— Скажи мне, что это может быть как-то связано с исполнением того, о чём мы недавно говорили, — с нажимом произнёс император.

Ламмерт взял рецепторий в руки, изучил страницы и молча вернул их взволнованному императору.

— Нет, нам не удалось воссоздать Антуанетту шай Ле-Фарталь... И я говорил вам, ваше пламя, что это крайне трудная магическая процедура, — размеренным басовитым тоном произнёс предводитель всадников грома.

Император выжидающе смотрел на него, не обращая внимания на мельчайшие капли дождя, оседающие на его светло-рыжих волосах и лице.

— Но ведь ваши прадеды уже проворачивали подобное! — возразил Астор.

— Да, ваше пламя, — медленно кивнул верховный громовержец. — Два раза за пять столетий существования нашей коллегии. Да и то лишь на какое-то непродолжительное время. Потом материализованные посредством магии двойники всё равно скончались в муках.

Глава империи Скардхайд разочарованно покивал головой.

— Но это не исключает возможность, а наоборот подтверждает, что подобное можно повторить!

— Вот только результат может быть непредсказуем.

— Дай мне хоть какой-то результат, — пылко попросил император.

— В таком случае, — лукаво улыбнулся Ламмерт. — Вы вовремя, ваше пламяние.

Взгляните.

Глава коллегии всадников грома подвёл императора к высокому монолитному столу в виде двух соединённых кругов. На вершине стола красовалась модель мира, точнее его открытой части, со всеми островами, материками и морями. Всё здесь, каждая мельчайшая деталь была создана из чистейшего и крепкого цветного хрусталя. Ничего магического, почти ничего.

Зато над моделью мира плыли миниатюрные копии сотен тысяч облаков, грозовых фронтов, с дождями, грозами или снегом. Вот это уже была великолепно воплощённая магическая живая иллюзия.

Перемещая тучи по карте мира и наделяя их теми или иным свойствами громовержцы могли повлиять на погодные условия в любой точке мира. Но, самое главное, они видели и чувствовали всё, на что падали капли дождей.

— У нас не вышло вернуть воссоздать Антуанетту, — повторил верховный громовержец, — и девушки, которых вы передали в качестве «первичных форм», к сожалению, погибли.

— Да вознесут их волны Моретворца, — быстро и небрежно ответил Астор.

— Да вознесут, — отозвался Ламмерт. — Но, полагаю, нам есть чем вас порадовать, ваше пламяние. Извольте взглянуть, на то, что увидел недавний дождь в одном из герцогств Квинквилля...

Верховный громовержец изящным жестом указал модель карты мира, на то самое место, где в реальности находился последний остров Ларатана, на бухут Порты Снов.

Осыпаящиеся над картой капли магической иллюзии вдруг стали обрисовывать девичье лицо, словно под миниатюрный дождь поднесли невидимую стеклянную скульптуру, грани которой очень чётко омывались серебрищейся водой чародейского дождя.

Император нетерпеливо подался вперёд, чувствуя, как грудь распирает от радостного волнения. Чем больше он вглядывался в лицо девушки, чей портрет рисовал магический дождь, тем больше узнавал его...

— Антуанетта... — прошептал император с нескрываемым и неожиданным даже для себя благоговением.

Он узнал бы её из миллионов. Ту задорную и немного колючую, но такую милую, добрую и искреннюю в своих словах девчонку, с которой он рос. Ту, в которую долгое время был влюблён, пока не понял, что подруга детства никогда не ответит ему взаимностью и добровольно не пойдёт с ним под венец. Ту девушку, что верила ему и любила его, как друга или, даже, как брата, пока он силой не похитил её и не запер в одной из комнат крепости, где она... свела счёты жизнью.

— Антуанетта... — повторил Астор.

— Нет, ваше пламяние, — флегматично произнёс Ламмерт. — Эта девушка не имеет никакого отношения к Антуанете шай Ле-Фарталь. Кроме того, что похожа на неё, как сестра-близнец. Чтобы у вас не было сомнений и вы не заблуждались, скажу, что она... Хм...

Император посмотрел на верховного громовержца. Тот отводил искрящийся молниями взгляд перламутровых глаз без зрачков. На лице у главы коллегии всадников грома отразилась задумчивость, словно он не знал какую бы правильную формулировку подобрать.

— По всему выходит, ваше пламянение, что эта юная особа... не совсем из нашего мира.

— Что? — император чуть склонил голову к плечу. — Ламмерт ты же сам мне говорил, что обитаемых параллельных вселенных не существует и это бред выживших из ума магов-отшельников.

Собеседник императора прокашлялся и признал:

— Видимо... я ошибался.

— Значит, — помедлив, проговорил Астор. — Эта девушка...

Ламмерт понял, что именно больше всего интересуется правителя империи, и проговорил негромким голосом:

— Да, ваше пламянение. Дождь видел, как она колдует и... её колдовство невероятно сильно похоже на ту уникальную и единственную в своём роде магию, которой обладала покойная ныне тана Антуанетта.

Астор перевёл восторженно-шокированный взгляд на портрет из капель дождя и проговорил, уперев стальные кулаки в стол:

— Она нужна мне. Нужна живой. Нужна, как можно быстрее!

— Полагаю, вашей воли хватит, чтобы нашлись те, кто доставит девушку в Штормовое пламя.

— Да, — жёстко и мрачно проговорил император, жадно вглядываясь в лицо пришельцы из иного мира. — Хватит, Ламмерт. Вне всякого сомнения...хватит.

В тот же вечер из порта Штормового пламени друг за другом отплыли несколько кораблей под флагами нейтральных государств, суда которых могут заходить и в порты империи, и в порты Квинквилля.

Курс этих капитанов лежал на запад, к Пяти Архипелагам Квинквилля, а точнее напрямиком в Крысиное герцогство.

Чашечка тринадцатая

«Не кладите в утренний кофе прошлых воспоминаний. Лучше добавьте в него сахар будущих надежд»

— Неизвестный автор.

Рецепторий дрожал в моих одряблевших руках. Невидимая и пугающая тяжесть давила на плечи, от её болезненного воздействия ломило кости и сами собой подгибались колени.

Но я продолжала настойчиво листать страницы книги в поисках хоть какой-то подсказки, с помощью которой можно исправить фатальную для меня ситуацию. Пожалуй, сейчас мне было даже страшнее, чем в тот миг, когда меня, прикованную к кораблю, бросили Люк и Клод. Потому что я чувствовала, что моё тело неуклонно продолжает стареть дальше... У меня не было никаких сомнений в том, что меня ждёт после того, как старость высушит меня и выдавит из меня последние соки жизни.

— Зои... — робко обратился ко мне Люк.

— Не мешай! — сердито прохрипела я и тут же тяжело закашлялась.

Похоже, в старости у меня будут серьёзные проблемы пульмонологического характера.

Страницы в рецептория внезапно закончились, я в растерянности уставилась на пустой форзац. Реальность безысходной ситуации с беспощадным торжеством смотрела в лицо. Я осталась наедине с бедой, спасения от которой так и не нашла, а времени у меня оставалось всё меньше. По-простому говоря, я умирала. Медленнее и не так мучительно, как от раны или болезни, но этого было нелегче.

Очень скоро я потеряю возможность не только двигаться и совершать хоть какие-то действия, мне трудно будет даже что-то прочесть, не говоря уж о том, чтобы творить какую-то магию!

Но сдаваться я отказывалась. Мой недуг носит явно магический характер, а значит у него должно быть симметричное магическое решение. Я это знала... Не могу объяснить откуда и каким образом, это трудно донести словами. Будем считать это неким наитием. Тем самым, например, которое заставило меня собрать некоторые совершенно незнакомые мне растения на том корабле, где мы с Люком встретили Клода Марбо и Шарманщика.

Тут ещё отдельно стоит разобраться откуда, чёрт побери, в мою голову внезапно врываются неожиданные познания...

Я тяжело вздохнула и отложила бесполезный сейчас рецепторий в сторону: ни одно из кофейных снадобий, что были описаны на страницах моего алхимического гримуара, не спасали от внезапного приступа резкого старения!

В отчаянии я отвела взгляд в сторону. Вместе со страхом смерти, душу снедало гадкое тоскливое и угнетающее чувство.

Я с трудом поднялась на ноги, застонала от боли в спине и коленях. Подоспевший ко мне водяной, которого я нарекла Блейдом, с благожелательной улыбкой поднёс мне длинную узловатую и крепкую палку. Я одарила его недовольным хмурым взглядом, но палку взяла. Лишняя опора мне, пока, не повредит.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Хотя, мне было неприятно осознавать себя столь беспомощной, что я даже пары шагов не могу сделать без грёбаной палки, я понимала, что водяной с наивным старанием лишь пытался мне помочь.

Перебарывая боль в коленях и в позвоноках, я всё-таки доковыляла до края берега, на которой мы выбрались. Мой взгляд устремился на небольшой водопад, из которого мы выпали, после лодочной прогулки по подземному коллектору.

Только сейчас я обратила внимание, что верхняя часть той скалы, из которого на поверхность водоёма обрушивался стремительный пенистый поток, сильно походит на перевёрнутый кувшин. Работа неизвестных каменщиков или скульпторов, или кто там это наваял, была не ахти какая, но из-за масштабов выглядело очень внушительно.

Щурясь и не без труда фокусируя расплывающийся взгляд, я внимательно осматривала утопающую в водоёме скалу, пытаясь понять нельзя ли как-то вернуться обратно в то святилище и там найти способ всё исправить. Например, вернуть мне мою законную молодость, которой я ещё даже насладится не успела!

— Что ты задумала, Зои? — спросил меня подлетевший сзади Люк.

— Возможно, мне стоит вернуться в святилище, — высказала я вслух своё предположение.

— Даже если проигнорировать тот факт, что ты вряд ли сможешь чего-то добиться от статуи Меллани Каменоволосой, — проговорил боггарт, — ты вряд ли могла забыть, что там всё затопило и нам неизвестно, когда вода пойдёт на убыль. К тому же...

Мой верный спутник красноречивым взглядом окинул поднимающуюся вверх над озером могучую скалу, с порослью карликовых деревьев на верхушке.

— Я не представляю, как ты собираешься туда забраться!..

Да. Я сама, пока что, не представляла. Куда-то залезть у меня просто не было сил! Мне и по ровной то дороге сейчас идти будет непросто, а подниматься вверх по горе, мне не осилить и двух шагов!

Подступающее отчаяние от смятения грозило перерасти в панику. Но я старалась держаться, не позволяя себе падать духом.

«Должен быть выход, должен быть какой-то выход, какое-то решение проблемы!» — твердила я себе.

Моя внезапная старость это не только не справедливо, но ещё просто звездац, как не логично, если от него нет никакого спасения!

— Зои... — осторожно произнёс парящий возле меня боггарт.

— Да поняла я, что мне туда не забраться! — раздражённо прошипела я. — Не отвлекай меня, будь добр! Мне нужно придумать, как вернуться в прежнее состояние и не превратиться в истлевший труп у вас Блейдом на глазах!

— Зои, но...

— Отвали!

— Да посмотри ты вниз! — почти истерично вскричал вдруг боггарт. — На воду!

— И что там такого?.. — недовольно фыркнув, я опустила взгляд на водную гладь у своих ног, у меня не только пропал дар речи, но исчезли все мысли в голове и даже дыхание на пару секунд оборвалось.

С поблёскивающей под рассветным солнцем водной глади на меня смотрело... нет это было не моё отражение. То есть нет, почти моё, но какое-то другое. Девушка в отражении была похожа на меня, не просто, как близняшка, а как результат моего генетического клонирования! И всё же она не была мной.

Мне потребовалось пара секунд, чтобы осознать, что в отражении я вижу себя, а затем ещё столько же, чтобы заметить полное отсутствие синхронности наших действий.

Проще говоря, отражение похожей на меня девушки, производило действия отличные от моих.

В частности, она миролюбиво и понимающе улыбалась, а затем жестами дала понять, чтобы я внимательнее следила за её действиями.

Я упала на колени, встала на четвереньки и шокировано уставилась на происходящее. Звездец! Просто полный... апофеоз разрушения всех границ реальности! Моё отражение, которое вовсе не моё, живёт себе своей жизнью!

А сестра-близняшка в отражении на воде присела на корточки, взяла прутик и нарисовала вокруг себя какие-то символы.

Мне потребовалось приглядеться к тому, что она там вычерчивает, чтобы узнать в пиктограммах на земле не затейливые иллюстрации к циклу роста плодов кофейных зёрен.

«Твоя магия не безгранична! Каждый раз, когда ты готовишь кофе, ты отдаёшь часть себя, часть своих сил, своего сознания и искусства» — прозвучал похожий на мой собственный, но всё же совершенно чужой голос.

— Что?.. — не поняла я.

— Что «Что»? — не понял паривший рядом боггарт.

«Тебе нужно научиться выращивать кофейный оазис — так у тебя всегда будет под рукой некое количество главного ингредиента зелий и быстрый способ восстановления всех сил» — продолжала говорить неизвестная девушка в моём сознании.

— Кто ты? — осознав, что со мной говорит «отражение» в полном потрясении произнесла я.

— Я Люк, боггарт, — глупо моргая округлёнными белыми глазами, ответил Люк.

— Отстань, я не с тобой говорю.

— Но здесь же больше никого нет, Зои, — встревоженно проговорил фергалл.

«Тебе нужно найти сухую местность, под солнцем, и чтобы рядом рос можжевельник, тис или торрея. Ещё лучше, чтобы по близости были каждое или два из этих растений» — мягким вежливым, но поучительным тоном продолжал голос в моей голове.

Мысленно я буквально рассыпалась на сотни вопросов, которые мне хотелось задать своему разумному и независимому отражению. Но сейчас мне первым делом хотелось спастись и вернуть себе прежний облик!

Я ещё раз внимательно изучила написанные моим отражением знаки на земле и со всей доступной мне прытью, кривясь от боли в измождённом старостью теле, сражённым радикулитом и сколиозом, заковыляла в глубь леса.

— Зои! — крикнул мне вслед растерянный боггарт. — Постой, ты... Ты, куда?!! Зои!!! Подожди!..

— За мной, — приказала я.

Люк уже молча повиновался. Блейд было ринулся следом, но я прищёлкнула на него пальцами и попросила:

— А ты, пожалуйста, посторожи лодку.

— Зачем? — развёл руками водяной. — Мы же на ней дальше этого озера не уплывём.

— Ну я бы не был в этом так уверен, — ответил ему Люк, хитровато поглядывая в мою сторону.

— Я могу сделать так, чтобы лодка стала максимально лёгкой или вообще левитировала какое-то время, — подтвердила я не высказанные догадки боггарта. — А по любой реке, с соответствующим течением, двигаться всегда удобнее, чем пешком.

— Здесь по близости рек может и не быть, — напомнил мне боггарт.

— Значит я уменьшу наше судёнышко и мы воспользуемся им при случае, — отмахнулась я. — В любом случае, лодка, да ещё с такими удобными двигателями — это крайне ценный вид транспорта, чтобы тут его бросать.

С этими доводами водяной не мог не согласиться.

Я смело шагала в лес, тщательно и придирчиво высматривая среди зарослей тис, можжевельник или торрею. С поверхности каждой встречной лужи, родника или ручья на меня с одобрительными кивками поглядывало то самое отражение девушки-двойника, которая как будто жила в зеркальной поверхности этой реальности.

М-да, предчувствую, мне ещё многое предстоит узнать о возможностях и особенностях этого мира. В конце концов, я аж целая чародейка, и должна знать свои возможности максимально хорошо. А если уж совсем идеально, то обладать как можно большим количеством знаний о магических явлениях этой вселенной!

Я чуть не упала, спускаясь по низкому пологому холму, густо заросшему колючками, но зато здесь, сперва увидела несколько диких тисовых деревьев, а чуть дальше густели заросли широковетвистого можжевельника.

Отыскав первый попавшийся мне на глаза прутик, я нашла небольшую полянку, менее заросшую травой, встала на колени и начала рисовать.

У меня не было уверенности, что мои кривоватые каракули на земле полностью соответствуют чётким и точным рисунками моего клона в отражении на воде, но, как мне кажется, суть здесь была не в качестве изображений, а в их содержании.

Я закончила выводить прутиком последнюю магическую пиктограмму и замерла в напряжённом ожидании. Сперва ничего не происходило.

Не осмеливаясь лишний раз вдохнуть, с учащённо колотящимся сердцем, я ждала с настойчивой надеждой в душе.

Но ничего не происходило. Секунды капали, отмеряя, возможно, предпоследние минуты и часы моей жизни.

И только, когда я уже готова была броситься к ближайшей луже, чтобы ещё раз взглянуть на своё «отражение», земля вокруг меня ожила. Почва вздулась десятками миниатюрных горочек, которые вскоре начали быстро рассыпаться на земляные комки.

Сквозь грунт наверх, из земли показались несколько тёмно-бурых и бронзово-коричневых кофейных зёрен. Через время они начали довольно быстро подниматься вверх на тонких зелёных ростках.

У меня на губах сама-собой залегла улыбка радости и облегчения. Один только вид кофейных ростков, которые в культуре выращивания кофейных деревьев принято называть «солдатиками», вызывал у меня поток однообразных положительных эмоций.

Не прошло и нескольких минут, как вокруг меня вырос целый «оазис» из кофейных «солдатиков». Десятки и сотни буро-шоколадных зёрнышек тянулись вверх на стройных зелёных стебельках. Они вызывали у меня ассоциацию с верной и неподкупной группой поддержки или личной миниатюрной армией, готовой в любой момент прийти на помощь.

Я протянула руку и сорвала со стебельков два зерна. Чуть помедлив, я положила их себе в рот и покосилась на боггарта.

Сказать, что Люк, пребывавал в шоке от происходящего, это ничего не сказать!

Я раскусила сперва одно зерно, затем второе.

«Ешь ещё!» — потребовал уже знакомый голос в моей голове.

«Как много мне нужно есть, чтобы вновь помолодеть?» — мысленно спросила я.

«Ты израсходовала слишком много сил, и чтобы восполнить их, твой организм начал выжимать самого себя, — начала объяснять незнакомка-двойник. — Магия у волшебниц является жизненно важной частью центральной нервной системы, онтогенеза и гомеостаза. Суть нашего волшебства содержится в наших эритроцитах и даже в альвеолах. Иными словами, если у тебя закончится текущий запас магических сил, ты просто задохнёшься, как рыба или мгновенно умрёшь от паталогических процессов стремительно развивающихся во всём организме. А мгновенное старение... Это тебе ещё сильно повезло»

«Как всё сложно и опасно» — ворчливо подумала я, продолжая поедать горьковато-сухие кофейные зёрна.

Кстати, на вкус они были ничего. Когда их раскусываешь и жуёшь, во рту распространяется сочный фруктово-маслянистый привкус. Хм, чем-то они напоминают вкус кофе сорта «Вилла Сарчи».

— Зои!.. — с радостным ошеломлением прошептал боггарт в растерянности указывая на меня пальцем.

Я и сама уже видела, что мои руки быстро преобразуются: меняется цвет кожи, уходит болезненная бледность, противные старческие пятна, сглаживаются морщины и исчезает пугающая синева вен.

Мне становится легче дышать, испаряется гнущая спину тяжесть и уходит противная немощная слабость из колен. Даже привкус во рту и тот изменился.

Мир передо мной выглядел всё яснее и ярче. Окружающие меня деревья, травы и кустарники выглядели всё чётче и даже свет солнца, как будто, стал более лучистым, приобретая волшебные золотистые оттенки.

Я бережно взяла в руки свои рыжевато-персиковые волосы, сжала мягкую прядь в кулаке и с радостным облегчением вздохнула. Мне удалось одолеть сразивший меня внезапный недуг мгновенного старения. И всё благодаря неизвестной...

Хм, а кем она собственно является? Призраком? Каким-то магическим существом или, ха-ха, разумной формой отражения в каком-то местном волшебном зазеркалье?

«Спасибо тебе!» — от души мысленно поблагодарила я свою неизвестную спасительницу.

Не переставая любоваться своими молодыми руками, я перехватила всё ещё удивлённый взгляд боггарта, который молча взирал на меня с перекошенным ртом и нервно дёргающимся левым глазом. Я с нахальной игривостью и долей самодовольства показала ему кончик языка, а затем посмотрела в отражение на поверхности ближайшей лужи.

Но к моему разочарованию там никого не было. Ну, кроме моего настоящего обычного отражения. Сколько я не присматривалась и сколько раз не пыталась заговорить с незнакомкой-двойником, она мне больше не показывалась и молчала в ответ на все мои просьбы и вопросы.

А вопросов у меня была просто тьма!

Кто она такая? Что ей нужно? Зачем она мне помогла? Откуда она взялась? И почему, Девятая ведьма побери, она на столько сильно на меня похожа?!!

В порыве обрадованной жизнерадостности, я запрокинула голову, зажмурилась и распростёрла руки в стороны, наслаждаясь рассеянными лучами утреннего солнца и дуновениями лёгкого ветерка. Ещё полминуты назад окружающая меня природа была мрачной и угрюмой, готовой стать свидетельницей моей скорой кончины, а ныне и воздух

сладок, и душа почти поёт, и солнечные лучи греют не только тело, но и сердце, мысли и мечты.

«— Я понимаю, что у тебя ко мне десятки вопросов, Зои» — прозвучал в моей голове знакомый голос.

Я открыла глаза.

«— На твоём месте я бы тоже пребывала в замешательстве и растерянности, но... послушай, там, где я теперь нахожусь, мне приходится тратить слишком много сил, чтобы говорить с тобой. А тебе впереди, поверь, у тебя ещё будет не мало обстоятельств, когда тебе потребуется моя помощь!»

Я вслух прокашлялась, а мысленно проговорила:

«— А можно, вот на этом моменте остановится и объяснить поподробнее?»

Я услышала её тяжёлый вздох.

«— Можно. Тебе предстоит приготовить несколько десятков зелий повышенной сложности. И во многих случаях тебе, уверяю, понадобится моя помощь. Как минимум...»

Она замолчала ненадолго, как будто задумавшись.

«— Как минимум, потому что я сама так и не смогла придумать, как сварить большинство из них»

«— Хорошо, я поняла, — торопливо начала думать я. — Ты можешь хотя бы сказать, кто ты такая и почему ты внешне так похожа на меня?»

К моему удивлению, незнакомка-клон хихикнула у меня в голове.

«— Вообще-то, если уж на то пошло, то скорее ты на меня похожа»

Я не стала спорить.

«— Тем более я хочу узнать почему»

«— Я думала, у тебя уже есть предположения»

Мне стало немного не по себе от мысли, что часть моих догадок о причине нашего сходства может оказаться правдой.

«— Давай, Зои, скажи. Я же знаю, о чём ты думаешь» — сказала мой двойник.

Я не торопилась. Во-первых, меня не слишком обрадовала мысль, что эта моя таинственная спасительница может копаться в моём сознании независимо от моего желания. А во-вторых, мне стало совсем жутко, но я всё же решилась.

«— Ты... это как бы... я?» — боязливо спросила я, искренне надеясь услышать отрицательный ответ.

«— И да, и нет — подумав, произнесла девушка в моей голове. — Ты — это... моя иная вариация. Я не могла родиться в твоём мире, поэтому там родилась ты. И наоборот. Вселенная устроена очень грамотно и мудро. Чтобы каждый её мирок существовал в единой гармонии, у каждого живого существа есть... ну-у, скажем некий аналог»

«— То есть я твой аналог? — хмыкнула я. — Некий альтернативный вариант, в этом мире?»

«— Как видишь» — судя по мурлыкающему голосу, она улыбалась.

Настал мой черёд вздохнуть.

«— То есть я здесь оказалась из-за тебя?»

«— Отчасти»

«— Поясни, будь добра и назови, наконец, своё имя, — со смесью возмущения и обиды произнесла я, — должна же я хотя бы знать имя человека, который стал причиной моего пребывания здесь и может копаться в моих мыслях»

«— Меня зовут Антуанетта шай Ле-Фарталь» — посмеиваясь, с долей колкой игривости ответила моя мысленная собеседница.

«— В моём рецепетории точно такая же фамилия» — заметила я.

«— Потому что ты, фактически, стала мной, а твоя книга с рецептами превратилась в мой алхимический рецепторий» — ответила Антуанетта.

Мне было нелегко принимать сыплющиеся на меня факты.

«— Ладно, — поспешно произнесла я, помня о том, что мой двойник, а точнееаналог, не может долго со мной болтать, — теперь скажи в двух словах про зелья, которые я почему-то должна сварить»

На этот раз Антуанетта молчала дольше, чем следует.

«— Проклятия, — вздохнула она. — На архипелагах Квинквилля действуют страшные проклятия, Зои, которые уже более полутора века терзают местных жителей. Сначала от них страдали имперские колонии, а ныне независимые герцогства. Я потратила годы, чтобы с нуля разработать новый вид алхимии, на основе кофейных зерён... Эликсиры и зелья с кофейной основой помогут избавить жителей архипелагов от тех страданий, которым они подвергаются, и от того ужаса, в котором живёт уже седьмое поколение островитян»

Я возвела взгляд к небу.

«— Я правильно понимаю, что, по канону, пока я всех этих людей не расколдую домой я не вернусь?»

Ответ Антуанетты меня обескуражил.

«— Нет, — голос моей названной сестры-близняшки, прозвучал с оттенком сочувствия и ноткой беспощадного металла, — тыникогдане вернёшься... в свой мир Зои»

Я тяжело сглотнула и закрыла глаза.

«— Никогда? В-вообще?.. Никогда, никогда?..»

«— Прости, но это невозможно, — с сочувствием произнесла Антуанетта. — И, нет, ты не можешь никого расколдовать»

«— А что тогда ты от меня хочешь?!» — я начинала сердиться.

До разговора со своим невидимым клоном местного производства у меня была хоть какая-то надежда на возвращение в родной мир, в тот, который я знаю, понимаю и люблю, несмотря на все его недостатки! А теперь, слова моей двойницы словно ударом молотка разбили хрупкую надежду на возвращение! Круто! Зашибись! Налить всем шампанское, чёрт возьми!

«— Я понимаю твоё возмущение, Зои» — добавила Антуанетта.

«— Неужели?» — подумала я.

Моя собеседница горестно вздохнула, и мне стало стыдно за свои слова.

«— Ты имеешь полное право злиться на меня, Зои. Косвенно, я действительно виновата, что ты оказалась здесь. Потому что, перед тем, как начать проводить первые опыты с кофе и новым видом эликсиров, я провела кое-какой обряд... М-м, чтобы знания, которые я накопила передались кому-то, похожему на меня не только внешне, но и душой. Поэтому... прости, я не знала, что это окажешься именно ты, и...»

Её голос задрожал, и Антуанетта замолчала. Я отвела опечаленный и пристыженный взгляд.

«— Ладно, — суховато проговорила, — сейчас уже без толку об этом говорить... Хотя бы ответь, что мне нужно делать, если я всё равно не смогу самостоятельно снять проклятия с местных людей?»

«— Найти тех, кто сможет. В этом будет одна из главных трудностей» — негромко и мягко произнесла моя близняшка.

«— И где мне их искать?»

«— Понятия не имею, Зои. Прости...»

Я устало запрокинула голову назад, с укором посмотрела в небо, словно спрашивая у местных богов, за что они так несправедливы со мной.

«— Тогда настала пора объяснить мне мою мотивацию, Антуанетта. Что я получу, если домой мне всё равно, как ты говоришь, никогда не вернуться?»

На этот раз девушка-аналог молчала дольше прежнего. Я даже подумала, что она решила прервать наш диалог.

«— Ты-ы... Ты могла бы по-настоящему стать мной, Зои. Если, конечно, хочешь... Ты могла бы... вернуться домой... ко мне домой и...»

«— Ты хочешь, чтобы я явилась к твоей семье и представилась тобой?! — ошарашенно спросила я. — Как ты себе это представляешь?!»

«— Я из очень знатного, богатого и влиятельного рода, Зои, — не без гордости заметила Антуанетта. — Став вместо меня Антуанеттой шай Ле-Фарталь, ты получила бы невиданные раннее возможности, протекцию моего отца и братьев, безбедную жизнь до конца твоих дней и достойного мужа из числа имперских аристократов»

«Звучит заманчиво, но это категорически неприемлемо! — заявила я и выразительно замотала головой. — Это твоя семья и нужна ты, Антуанетта... И я не смогу изображать тебя, потому что... я... это я... и... это дико странно. Раз уж мне придётся...»

Я замолчала на пару секунд, потому что мне потребовались некие внутренние, моральные силы, чтобы признать и принять неприятный факт.

«— Раз уж мне предстоит остаться в этом мире, я действительно хотела бы обустроиться здесь с максимальным комфортом, но не таким вот образом!.. Антуанетта? Ты слышишь меня?»

К моему удивлению девушка в моей голове грустно усмехнулась.

«— Мне нравятся твои взгляды и принципы Зои, но... у тебя всё равно не будет выбора»

«— Да что ж такое! — возмутилась я. — С того момента, как я тут очутилась, меня только и делают, что лишают всякого выбора!»

Антуанетта в моём сознании понимающе засмеялась.

«— Понимаю тебя, но тут уже ни от меня, ни от тебя ничего не зависит, Зои. Рано или поздно мои мысли, воспоминания, всё, что случилось со мной... всё это станет твоим. Ты... ты сама захочешь вернуться ко мне домой, потому что моя семья станет твоей семьёй... Ты будешь думать о моих братьях, как о своих, любить моих родителей, как своих, помнить мои поступки и события из моей жизни, как я... Ты не забудешь свой дом и родной мир, нет, но... со временем ты всё больше и больше будешь становиться мной. Не скрою, тебе придётся сильно постараться, чтобы не сойти с ума»

«— По-моему, уже поздно-нервно посмеиваясь, ответила я. — Значит, мне рано или поздно всё равно придётся вернуться в твой дом... то есть... внаш?! Так почему бы не сделать это прямо сейчас?!»

«— Потому, что ты если ты вернёшься в Скардхайд до того, как снять проклятия... всё пойдёт прахом, Зои. Ты погубишь правящего императора, мою семью и весь Квинквилль»

«— К-каким это образом?!» — я была так впечатлена ответом, что даже мысленно начала заикаться.

Антуанетта в который раз сперва вздохнула, а затем терпеливо ответила:

«— У нас остаётся мало времени на общение, но ладно, если коротко... при имперском дворе есть две партии. Одна жаждет навязать Пяти Архипелагам нейтралитет, по которому Пять герцогств не будут помогать врагам империи ближайшие лет сто, а другие жаждут реваншистской войны, чтобы вернуть империи власть над Квинквиллем. Последних, как не трудно догадаться, намного больше. Они категорически не разделяют внешнюю политику нынешнего императора. Это «ястребы», Зои, они хотят войны и крови. Обеим партиям нужен мой... то есть уже твой магический кофе, для осуществления их политических планов. Но, если сторонники навязанного нейтралитета Квинквилля откладывают теоретическую войну с Архипелагами на неопределённый срок, то «ястребы» жаждут использовать твою магию для новой захватнической войны уже сейчас. Но кроме отсутствия у них моих знаний, им ещё мешает нынешний император, Астор Третий. И получив в свои руки ключ к снятию проклятия, они свергнут Астора, Зои... Тогда уж не только империя, но весь мир захлебнётся в хаосе и буквально утонет в крови! Ты просто не представляешь, что начнётся, если империя разрушится!»

Антуанетта встревоженно выдохнула и продолжила свой апокалиптический сценарий.

«— Как только у скардхайдских графов, баронов и виконтов, которые потеряли личные угодья в Квинквиле, появится способ снятия проклятия, они немедленно начнут мятеж, Зои... А приближающийся к границам Скархайда Враг тут же нападёт на ослабленную гражданской войной империю. Война всех против всех, Зои. Война, которая затронет весь континент без исключения и сами архипелаги Квинквилля! Это будет долгое и кровавое взаимное уничтожение...»

От переизбытка вываленной на меня информации, с политической конъюнктурой возможного развития событий, у меня порядком закружилась голова. А моя собеседница продолжила:

«— И самое опасное, Зои. И та, и другая придворная партия, получив от меня... кхм... ужеот тебя, своё желаемое, немедленно позаботится о том, чтобы ты не смогла передать опасные для них знания кому-то ещё»

Извивающееся мерзкое чувство холода нырнуло в моё сердце. Участился пульс, кровь застучала в моих ушах, а по коже всего тела сошла мёрзлая оторопь.

«— Я правильно поняла, — мысленно проговорила я, — тебя... хм... Тебя убили, Антуанетта?»

«— Да, — помолчав, ответила моя двойница, — меня задушили, Зои. Не самая приятная смерть, если честно. Потом убийцы инсценировали мой суицид. Несчастный Астор уверен, что я повесилась сама, потому что он удерживал меня взаперти, чтобы я приготовила для него волшебный кофе»

Я не могла сказать, что была шокирована услышанным или напугана, или даже потрясена. Потому что в данный момент я в самом прямом смысле познавала глубокое значение слова «охренеть».

«— Зои, в общем... тебе нельзя в Квинквилль. Пока у Астора не будет тайны снятия проклятия, он, как бы ему не хотелось, не получит рычаг давления на Пять Герцогств, но при этом сохранит трон и мир в стране. Не знаю, как поступят герцогства Архипелагов, когда надвигающийся с Юго-Востока Враг объявит войну Скархайду, но... хм... даже война на два фронта, не так страшна, как братоубийственное взаимное уничтожение, при котором сражаться придётся сразу со всеми потенциальными противниками, внутри и снаружи

разваливающегося государства. Если ты сама не хочешь потом тщетно искать спасения от ужасов войны, тебе стоит постараться снять проклятия с Квинквилля, чтобы это никогда не было предметом торга или оружием против Пяти Герцогств. Без этого у сторонников новой войны с Квинквилем не будет решающего аргумента воздействия на дворянство Архипелагов и главного повода для мятежа против престола».

Антуанетта помолчала и добавила:

«— Прости, что моя гибель принесла тебе столько проблем... Я... я просто хотела подстраховаться и наличие при имперском дворе людей, способных решиться на моё убийство... я о таком даже не задумывалась, если честно»

«— Я поняла, Антуанетта, — закрыв глаза и массируя виски, ответила я. — Ты не могла бы оставить меня ненадолго? Кажется, тебе всё равно слишком со мной общаться нельзя. А мне как раз нужно осмыслить всё то, что ты мне наговорила»

«— Конечно, Зои. Как поже...»

Призрак или иная форма нынешнего существования Антуанетты осёкся, не закончив фразу. Как я поняла, на текущий момент она исчерпала лимит связи между миром живых и... тем, в котором она сейчас оказалась.

Я отыскала поваленное дерево и присела на него, поджав колени. Рядом со мной вспарил Люк и озадаченно заглянул мне в лицо.

— Зои, что случилось? Почему ты... сначала молча стояла, изображая странные выражения лица, а теперь... уселась тут?.. Что с тобой?

— Люк, — глядя в даль и покачивая головой, с сожалением и нервной иронией проговорила я. — Ты... ты не представляешь, КАК япопала... Просто... твою мать, по всем фронтам! Кругом, повсюду, везде одна сплошная...

Я не договорила и просто выразительно промычала, плотно сжав зубы.

— Зои, — опасливо и тихо проговорил Люк. — Я не понял... Кто «повсюду и везде»? А?

— Один северный зверёк, — дрогнувшим голосом ответила я, продолжая задумчиво глядеть в даль.

Перепутанные мысли разрывали мозг. Неоднозначные, но яркие эмоции взрывались в сознании и распяляли разум ещё больше.

— К-какой «зверёк»? — не понял боггарт.

— Белый, — пожала я плечами, — пушистый, и лютый, как пульпит последней стадии... Он нашёл меня Люк или скоро найдёт. Найдёт и просто поглотит. И я в душе не... не знаю, смогу ли я вообще пережить его или нет. М-м...

Судя по выражению Люка, боггарт решил, что я всё-таки тронулась умом. Но он счёл за лучшее промолчать. И я, откровенно была ему за это очень благодарна. Потому что мне очень многое нужно обдумать, понять и постараться принять.

Чашечка четырнадцатая

«Что на Земле может быть роскошнее, чем диван, книга и чашка кофе?»

— Энтони Троллоп, английский писатель

Берег Порта Снов уже маячил впереди. Белый песок, камни и зелёная растительность тесно озарялись вспышками молний, то вновь исчезали в ночи.

Крепкий мужчина в чёрном кожаном сюртуке и в промокшей от дождя рубашке спустился с грот-марса на шкафут черно-жёлтого старого галеона, форштевень которого врезался в стоящий неподалёку фрегат малинового цвета.

С бушприта галеона Клод Марбо перебрался на фрегат и дальше на соседнее судно.

Дождевая вода стекала по его промокшим тёмным волосам и омывала отвердевшее от рвущихся наружу гневных чувств лицо. Гнев, злость и ненависть, вот что сейчас придавало ему сил. Клод «Китобой» всей душой желал, как можно скорее оказаться на берегу, оставить позади ненавистное кладбище кораблей, но, что ещё более важно, он жаждал догнать её, ведьму с персиковыми волосами.

Чувство ненависти Клода походило на оскалившегося хищного и кровожадного зверя. Если бы какой-то невероятно способный к эмпатии талантливый художник мог изобразить пылающую в груди Марбо яростную и убийственную ненависть, это был бы отвратительный монстр с налитыми кровью глазами и громадной оскаленной клыкастой пастью. Монстр, которому хотелось не только разорвать и выпотрошить жертву, но и насладиться её предсмертными мучениями.

Пока Клод пробирался по кораблям, он с мрачным удовлетворением представлял себе, что будет делать с этой имперской дрянью, когда она окажется в его власти. Ему однозначно понадобятся клещи, инструменты для дробления голеностопного и коленного сустава и обязательно «груша», то самое гадкое изобретение ларатанской тайной канцелярии, которое вставляется в самые чувствительные места человеческого тела и медленно раскрывается внутри, посредством вращения механической рукояти.

Марбо с величайшим моральным удовлетворением представлял себе крики Алхимии и её слёзные мольбы подарить ей быструю смерть. Но этого она уж точно не дожждётся.

Клод никогда не слыл человеком, который прощал оскорбление, но в большинстве случаев Марбо мог разбить обидчику лицо или просто прострелить часть тела. Порой он дрался на дуэлях. Но эта ведьма... эта тварь посмела унижить его, бросить в той темнице и даже забрать его семейную реликвию, самое главное и единственное, что у него осталось отца — его часы.

Отец Клода, старый часовщик, умер работая над своим последним и самым гениальным творением. Часами, чей специальный ритм мог подчинить сознание и мысли большинства людей. Жаль только, что Клод забыл о чародейском иммунитете к подобным фокусам!

Пират, в который раз до боли сжал зубы, вспоминая нахальную улыбочку это имперской ш**хи!

«Тогда обещаю, что продам их подороже...» — её нахальный звонкий голосок, с привкусом яда и самодовольного ехидства бессильной болью отзывался в сознании Клода.

Больше всего Марбо опасался, что, встретившись к молодой алхимией вновь не сдержится и снесёт ей голову одним ударом сабли. Но этого нельзя было допустить, ни в коем случае...

Он уже был совсем недалеко от берега, когда внезапно неведомая сила резко схватила его за ногу, дёрнула назад, и Клод упал плашмя на палубу пинаса, по которой двигался к корме корабля. При падении пират больно ударился подбородком, да так, что в глазах засверкали звёзды.

Позади него раздалось шипение, как будто из узкого отверстия выходит струя пара под давлением.

Пират обернулся на бок и на миг его кольнул страх. Над ним возвышалось нечто...

Состоящее из красновато-багрового дыма, с могучим обликом торса и материальным ярким кушаком на поясе. Без лица, но с дымчатыми крепкими руками, облачёнными также в материальные перчатки. На том месте, где на голове у inferнального существа должно было быть лицо, темнела тень от широкополой шляпы с двумя перьями.

Грудь из пылающего багрового дыма пересекал ремень, с боку на котором покачивал уже знакомая пирата нефритовая шарманщика.

— Твою же мать... — выплюнул Клод с досадой.

Страх у него не было. Этот матёрый пиратский капитан так часто глядел в лицо смерти и сам не раз становился её орудием, отнимая десятки жизней в абордажном бою, что страх перед скорым концом вызывал у него скорее досаду, чем первобытный ужас.

— Что, нажрался мелких таргалов, прежде чем найти меня, да, уродливый ты ублюдок?! — вскричал взбешённый пират.

Стократно набравшийся сил Проклятый Шарманщик не произнёс ни слова, одной рукой удерживая ногу корсара, второй он сдавил горло Клода.

Марбо захрипел, грудь сжалась от нехватки воздуха, болезненная тяжесть выкручивала лёгкие, тугая жгучая боль царила в его гортани.

Пират непроизвольно дёргал ногами и пытался высвободиться. Сквозь туманящийся разум, пират искал глазами что-то, что можно было использовать в качестве музыкального инструмента. Ведь Шарманщик терпеть не может человеческую музыку.

Но ничего подходящего Марбо не нашёл и тогда пират, в отчаянной попытке спасти свою жизнь, рискнул предложить Шарманщику сделку.

— Я... отдам тебе... сотню жизней... сотню душ, каких ты пожелаешь... взамен... моей... Слышишь?! Я клянусь своим дыханием и сердцем, что... буду приносить тебе жертву, каждые десять дней... Слышишь?! Это гораздо... лучше... чем...

Говорить пирату было всё тяжелее. Он не мог вырваться из захвата таргала, а хватка того не ослабевала.

— Ты получишь столько душ и людских тел... Что тебе на десятки лет хватит!.. Что ты... скажешь...

Последние слова сорвались с губ пирата едва разборчивым бульканьем. Клод чувствовал, что его сознание вот-вот поглотит вечная тьма. У него уже не оставалось сил на борьбу и даже на то, чтобы сделать последний вдох.

И тут пальцы Шарманщика на горле Клода разжались, Марбо с жутким сиплым звуком втянул в себя воздух. Когда таргал отпустил его ногу, пират со вздохом перевернулся на бок, затем неуклюже поднялся и обернулся возвышающегося над ним духа.

— Ну? — потирая шею неприязненно спросил капитан пиратского корабля. — Мы договорились?

В ответ Шарманщик молча указал на грудь пирата, затем повернул ладонь кверху и красноречиво пошевелил указательным пальцем. Пират нехорошо ощерился, но понял

таргала без слов.

Сняв в шею свой стальной медальон с черепом кракена, он вложил его в ладонь таргала. Тот тут же сжал кулак с личной вещицей пирата, и Клод ощутил, как жжение в области сердца. Как будто кто-то выжег на нём подобие клейма.

Морщась от боли, корсар тяжело дышал, согнувшись по полам. Когда болезненное ощущение пропало, он взглянул на сверхъестественное существо сквозь мокрые пряди тёмных волос, упавших на его лицо.

— Сколько же мелких духов ты сожрал, чтобы набраться таких сил.

Таргал лишь равнодушно пожал плечами.

Примерно через пару часов блужданий по кораблям, Клод наконец— то выбрался на берег.

Оказавшись на суше, пират устало прилёг на мокрый песок и уставился в дождливое небо. Какое-то время он просто лежал так, глядя на молнии бушующего шторма, слушая гром и не обращая никакого внимания на стучащие по его лицу капли дождя.

Шарманщика нигде не было видно, но зато медальон пирата, который таргалл ему вернул был тяжелее обычного и неприятно грел кожу, даже через мокрую рубашку.

Корсар приподнялся на песке, убрал с лица мокрые волосы и огляделся.

Хотя он успел побывать в десятках различных портов, здесь, на окраине Ларатана, он прежде не бывал.

Клод обошёл берег в поисках возможной тропы. Лезть напролом через лес ему не хотелось, дабы не нарваться на какую-то лесную нечисть или опасного зверя. К тому же сейчас ночь и, наверняка, проклятые Каменными ведьмами уже вновь обратились в тех чудищ, в которых с заходом солнца всегда обращается часть из них.

Проклятие мучает жителей Архипелага уже второе столетие, и что-то подсказывало Клоду, что будет третье и четвёртое. Возможно, это начала конца света, который люди успели порядком изгадить, по мнению пирата. Впрочем, ему было плевать. Он сможет обустроится даже погибшем мире. Некоторые люди в нём всё равно выживут, и как только окрепнут непременно начнут воевать друг с другом, а значит у него и таких, как он обязательно будет работа.

Пират отыскал неприметную тропу, что извивалась по лесу, пропадая в ночи. Дорога сквозь ночной дремучий лес никогда не предвещает ничего хорошего, но с приливом на берегу станет намного опаснее, поэтому выбора у корсара было немного.

Откуда-то справа, сквозь шум дождя, что колотил по листве и глухо топтал песок, пиратский капитан услышал голоса.

Обернувшись, мужчина взглянул в ночь и к своей радости увидел двойку лошадей, запряжённых в крытый фургон. Возле повозки возились две небольшие фигурки.

Подойдя ближе, пират разглядел их, и лицо его исказилось недоброй ухмылкой. Это был старик и совсем юная девушка. Они проверяли рыбацкие ловушки, предназначенные для прибрежных крабов и раков-домоходов. Последние особо ценились ларатанскими рыбаками из-за дорогого эмали внутри своих раковин, которую можно было выгодно продать красильщикам. Из эмалевого порошка потом создают лиловые, жёлтые и изумрудные краски очень насыщенного цвета.

При приближении Клода старик и девушка замерли.

— Доброй ночи, эшар и юна эшлин, — следуя обычаю вежливого обращения к

незаметным людям, произнёс пират, не скрывая в голосе едкой иронии. — У вас не найдётся воды. Жажда замучила, знаете ли...

Старик окинул пирата тревожным взглядом. Судя по взгляду, он надеялся, что они с девушкой, которая видимо была дочкой или внучкой, никого здесь не встретят в такое-то время. Пожилой рыбак, похоже, подозревал, что от встреченного ночью путника, да ещё на берегу Порта снов, ничего хорошего ждать не стоит.

Но всё же седой мужчины обернулся к девушке, что стояла подле него и кивнул той.

— Принеси мою флягу, Лили, будь добра.

— Да, дедушка, — приятным голосом ответила девушка и покорно направилась к крытому фургону.

Пират проследил за ней изучающим взглядом. Внезапно налетевший порыв ветра сорвал с головы девушки капюшон и разметал её густые огненно— рыжие волосы.

У пирата перехватило дыхание, приступ злобы и ненависти затмил его разум, но внешне он оставался спокоен и невозмутим.

Конечно, цвет волос этой девушки, был другим, но похожим на волосы той имперки! Клод заметил, что девчонка была совсем молоденькой, она вряд ли видела даже пятнадцатую зиму.

— Красивая у тебя внучка, старик, — заметил пират, наслаждаясь бессильной тревогой на лице седовласого рыбака. — Волосы необычные...

Рыбак опустил взгляд.

— Имперские солдаты во время войны... дочку мою насильничали, а она потом... но дитё-то не причём. Верно? Вот и живёт теперь с нами...

Юная внучка рыбака принесла Клоду деревянную флягу в кожаном чехле. Когда она передавала корсару флягу, Марбо поймал взгляд её глаз. Он был светло— лиловым, почти таким же, как у неё!

«Китобой» запрокинул голову, жадными крупными глотками выпивая всё до капли. Закончив, он вытер рот тыльной стороной ладони и швырнул совершенно пустую флягу девчонке — та едва смогла её поймать — и гадко усмехнулся в лицо старику.

— Простите мне мою невоспитанность, кажется я ничего вам не оставил.

— Ничего страшного, шер. Мы наберём ещё...

— Зачем? — удивился корсар и подступил ближе к старику. — Мертвецам вода не нужна, не так ли?

Прежде, чем до старого рыбака дошёл смысл слов пирата, кулак Клода врезался в его горло, от чего кадык пожилого мужчины вмялся внутрь, и престарелый мужчина рухнул на колени, обеими руками держась за горло и хрипло пытаясь втянуть в себя воздух. Его глаза таращились в пустоту, а изо рта брызгала слюна.

Девчонка истошно закричала и бросилась прочь. Клод встал над стариком и безжалостным движением рук, с противным хрустом, свернул рыбаку голову.

Затем он бросился за девушкой. Он нагнал её за несколько секунд. Ударом ноги подсёк, девчонка в слезах рухнула на песок и, запутавшись в собственном плаще, попыталась вновь встать, но удар ноги Клода выбил из неё воздух и сломал рёбра с левой стороны.

Перепуганная, заплаканная, кричащая от боли, она что-то через силу, задыхаясь, кричала Клоду в лицо, но Марбо уже ничего не слышал. Фанатичная ярость полностью овладела его разумом, когда вновь взглянул на её золотисто-рыжие волосы и светло-лиловые глаза.

Он очнулся лишь когда понял, его пальцы сжимают горло девушка, взгляд и дыхание которой давно замерли.

Клод срезал её волосы, поднёс к носу и вдохнул их запах. Это запах служил для него приятным удовлетворением, когда он представлял на месте этой маленькой рыбачки ту алхимилию.

— Они твои, — проговорил Клод. — Как я и обещал.

Вырвавшийся из его медальона багровый дым окутал тела старика и его внучки. А через несколько секунд Марбо увидел, как из их глаз и рта поднимается сноп золотистых мерцающих искр, которые с жадностью были поглощены Проклятым Шарманщиком.

Клод самодовольно усмехнулся и сел на козла телеги и хлестнул коней поводьями. Через несколько минут Клод и думать забыл о том, что совершил. Но пока он ехал сквозь прибрежный лес, то и дело подносил к лицу срезанные золотисто-рыжие локоны, вдыхая их запах и мечтая о сладкой мести.

Чашечка пятнадцатая

«После третьей чашки кофе я добрую, примерно, как Карабас-Барабас на сороковом чихе»

Макс Фрай

Небольшую речушку неподалёку, достаточно глубокую, чтобы по ней можно было идти на нашей лодке, Люк всё-таки нашёл. А я, с помощью относительно несложного в приготовлении кофейного зелья, заставила наше небольшое судёнышко воспарить вверх, примерно на два человеческих роста.

Проблему транспортировки лодки через обширную территорию суши, я решила, другое дело, что лодка категорически не желала снижаться, пока не закончится время действия волшебного кофе, а наш путь лежал сквозь дремучий лес, где ветви некоторых деревьев буквально срослись друг с другом.

Таким образом наш парусный баркас просто не пролезет сквозь хаотичные и густые переплетения толстых и широко распростёртых ветвей многочисленных деревьев.

Люк не преминул отпустить по этому поводу пару насмешливых замечаний:

— Надо было, перед применением твоего эликсира, внутрь баркаса камней накидать и Блейда нашего перепончатого посадить. Он бы сбрасывал камни, пока лодка не поднялась исключительно на ту высоту, которая нас бы устраивала.

— Ты много ли камней вокруг видишь, умник? — развела я руками и выразительно огляделась. — И потом сколько их нужно? И кто их будет таскать? Блейд и я? Так мы до вечера провозимся.

— А сейчас нам что делать? — покручивая в руках зонтик, деловито спросил белоглазый фергалл. — Мы эту лоханку через ветки не протащим.

Да, тут он был прав. Лодка, чтоб её, не спускались ниже, не поднималась выше и висела точно на уровне древесных крон.

— А ты когда летал по округе, не видел никаких трактов через лес? — спросила я.

По идее, если через лесную глушь уже проложена, а точнее протоптана конскими копытами и людской обувью какая-то дорога, она должна быть достаточно широкой и над ней должно быть более свободное пространство, сквозь которое лодка точно пройдёт. Концы торчащих над дорогой ветвей она просто сломает, если они будут торчать у неё на пути.

— Есть небольшой тракт, за лесом, — пожал плечами Люк. — Но там редко и мало, кто ездит. В основном рыбаки, местные охотники за жемчугом или раками, или контрабандисты всякие, или...

— Отлично! — щёлкнув пальцами, перебила я боггарта. — Вот и найди его. Мы пойдём там.

Боггарт моё поручение выполнил довольно быстро, и вскоре мы втроём уже двигались по пыльному тракту из твёрдого вытоптанного грунта, сквозь который пробивались жухлые стебли редких травинки и многочисленные мелкие камушки.

Блейд, которому я, кстати, приготовила «Коретто винного обращения», с радостью принял мою оплату за его помощь, но... покидать нашу с Люком компанию отказался.

«Мне не очень хочется возвращаться в свой колодец, Зои, — виновато и с грустью глядя себе под ноги, пробубнил водяной. — Можно я ещё с вами побуду?»

При этом он состроил такую жалобную физиономию, что у меня сердце сдавило от жалости.

Люк был недоволен тем, что я позволила Блейду остаться и в отместку регулярно над ним подтрунивал. Но водяной отвечал лишь изредка, да и то без злости. Несмотря на свой шумный характер и даже умение грязно сквернословить, Блейд действительно был миролюбив, слегка наивен и почти никогда не унывал, во всём видя какие-то положительные стороны. Наверное, мне самой не хватало кого-то именно такого в моём нынешнем окружении.

Люк был поумнее водяного, но отличался ворчливым и отчасти снобистским характером. К тому же, как и я, к большинству вещей, событий и одушевлённым предметам, боггарт относился настороженно, ожидая от них какой-то потенциальной пакости. Полагаю, Блейд гармонично дополнит наш с Люком дуэт разочарованных в жизни ироничных скептиков.

...Подумать только! Я путешествую в ином мире, в компании боггарта и водяного, с магическими рецептами в книге и фактической сестрой-близняшкой, чей дух иногда выходит на контакт, когда магический роуминг позволяет.

Мне кажется, после всего, что уже случилось и, в чём можно не сомневаться, ещё случится, мне уже никогда не быть прежней. Но, может быть это не так уж и плохо? Хм, скорее это всё же риторический вопрос.

Ближе к полудню, когда солнце почти достигло середины неба, из-за небольшого пригорка, заросшего низкими деревцами и крапивой, показалось несколько крупных деревянных фургонов, с яркой росписью и пара крытых повозок, похожих на дилижансы.

Они стояли кругом, на берегу узкой речки, по которой мы шли под парусом на нашей небольшой посудине.

Я внимательно присмотрелась к фургонам и бродящим вокруг них людей. Оружия у них я заметила, но снующие между фургонов и ухаживающие за лошадьми мужчины не были похожи на солдат, пиратов или банальных бандитов с большой дороги.

Разномастные фургоны с зелёными, синими и сиреневыми узорами на стенах ломались от всяческих товаров. То, что не помещалось внутрь повозок, подвешивалось по бокам или складывалось на козлах, рядом с местами кучеров. Ещё часть «ехало» прямо на лошадях.

Одеты владельцы фургонов были также ярко, дорого, хоть и несколько безвкусно. Впрочем, насчёт последнего я не могу быть уверенной так, как местной моды не знаю. Кстати, с этим нужно будет разобраться.

Я чародейка, к тому же из знатного рода, как уж ни крути, и мне по статусу положено обретаться в высшем свете. А значит и выглядеть в таких кругах я должна буду соответствующе, но с этим позже. Для начала, миссия номер один — это, выбраться из этих диких мест и найти хотя бы какой-то мало-мальски приличный и цивилизованный город!

Летавший вперёд на разведку боггарт вернулся несколько озадаченным.

— Ну, что? — спросила я белоглазого фергалла. — Насколько стоит опасаться этих незнакомцев?

— Не особенно, — покачал головой Люк. — Они похожи на торговцев, но... какие-то странные, вороватые и всё время дёргаются, при малейшем шорохе.

Мы с боггартом встретились взглядом.

— Контрабандисты? — усмехнулась я, догадавшись о чём подумал боггарт.

— По всему видать, что да, — подтвердил мою догадку Люк.

— Хм, — я задумчиво посмотрела вдаль, на яркие фургоны и бродящих мимо них мужчин неоднозначного вида. — Полагаю... Я на пару мгновений прикусила нижнюю губу, формулируя мысль.

— Мне стоило бы взглянуть на их товары. Да и у меня найдётся, что им предложить взамен.

— Это может быть рискованно, Зои, — напомнил Люк.

Я не весело фыркнула и с сомнением покачала головой.

— Ещё более рискованно, чем бродить по Порту Снов?

На это Люку нечего было возразить, но он всё равно нервничал.

— Если что, быстро превращайся во что-то жуткое и отвратительное, — предупредила я его и обернулась на Блейда. — А ты береги лодку и никого к ней не подпускай.

— А я... я тоже могу тебя защитить, Зои! — несколько обиженно проговорил водяной.

— Я не сомневаюсь, — вздохнула я и мягко улыбнулась фергалу с мордой аллигатора. — Но если ситуация сложится скверно, ты должен быть готов как можно быстрее увести нас прочь. Договорились?

Я слегка погладила его желто-зелёной гриве, и водяной, воспрянув духом от возложенной на него задачи, довольно закивал.

«Господи, — подумала я, — они оба вроде бы взрослые, но порой и тот, и другой ведут себя, если не как дети, то как подростки»

С высоты моих двадцати лет такая мысль, возможно, кажется неуместной, ввиду того, что я сама ещё не так уж давно была подростком, но видя в Екатеринбурге группы десятиклассников и наблюдая за их поведением, я приходила к выводу, что возрастная разница между мной и старшеклассниками намного выше, чем мне казалось.

Когда наша лодка подошла к пологому берегу, поросшему мелкой травкой и полевыми цветами, на нём в одинаковой позе — сложив руки на груди — встали сразу полдюжины мужчин. Остальные за их спинами продолжали возиться с поклажей, тележными колёсами и лошадьми.

Осмотрев стоящих передо мной мужчин, что оценивающе глядели на меня, я выделила среди них одного — жилистого, довольно высокого, в очень широкой и чуть изношенной красно-бурой шляпе, с тремя жёлтыми перьями.

Он был облачён в красный каытан, под которым белела слегка запачканная рубашка. На ногах у мужчины были мешковатые серые брюки, заправленные в чёрные ботфорты. Из-за пояса виднелись сразу четыре рукояти пистолетов, сквозь ворот рубашки, на волосатой груди мужчины поблёскивал десяток мелких металлических амулетов и медальонов.

Лицо у обладателя шикарного красного камзола было скуластое, немного смугловатое от загара и обветренное. Из-под длинных чёрных усов, один из которых был обмотан вокруг уха, поблёскивали золотые зубы в хитровой улыбке.

Этот мужчина дымил длинной трубкой и осматривал меня чуть прищуренным взглядом. Словно решая про себя могу-ли я принести ему какую-то прибыль или можно ли со мной заключить выгодную сделку.

По моему сигналу Блейд остановил лодку неподалёку от берега, чтобы наше судно не касалось килем дна. Я вполне ловко спрыгнула на ближайший плоский камень, что торчал из воды и затем прыжком перескочила на берег.

Торговцы не совсем законным товаром переглянулись, но по-прежнему хранили

молчание.

Меня одолевала лёгкая нервозность, беспокойные мысли ёрзали в сознании, внушая неуютное чувство. Я не знала местных обычаев приветствия и начала разговора. В конце концов я решила действовать по наитию, но с оглядкой на уже полученные опыт и знания.

— Да хранит вас Моретворец, добрые шеры... — произнесла я с доброй улыбкой.

К моему удивлению компания мужчин, ещё раз переглянувшись, зашлась диким хохотом. А выкуривающий трубку черноусый главарь в красном камзоле, выпустил изо-рта дымное кольцо и со смешком ответил мне прокуренным, чуть хрипловатым голосом:

— И вас, добрая шерли... Только мы не верим в Моретворца и уж точно не принадлежим к благородным шерам.

Он издевательски улыбнулся, и из его груди вырвался звук, будто он пытался закашляться или сдержать смех. Его коллеги, впрочем, сдерживаться не спешили, продолжая хохотать и пихать друг друга локтями в бок.

Я подошла ближе, вынула из сумки один из недавно приготовленных кофейных эликсиров — это было простое зелье, но с эффективным действием — вытянула руку с ним в сторону и чуть наклонила.

Несколько капель из термочашки упали на мягкую увлажнённую почву. В тот же миг земля возле меня лопнула, пошла мелкими трещинами, сквозь которые пробивалось довольно яркое свечение, похожее на северное сияние.

Смех контрабандистов стих, а мужчина с трубкой и чёрными усами в миг посерьёзnel. А уж когда из земли рядом со мной за несколько секунд выросли вьющиеся заросли колючек, с шипами в палец человека, главарь контрабандистов и вовсе убрал трубку за пазуху.

Он прокашлялся, прочищая голос и спустился ко мне по берегу. Остальные торговцы запрещённым товаром, перешёптывались и что-то тихо обсуждали с озадаченными лицами.

— Простите, шерли алхимия, — произнёс контрабандист и отвесил меня небольшой, но всё-таки почтительный поклон, не забыв приподнять свою шляпу с громадными перьями. — Мы не признали в вас благородную особу и носительницу магического таланта. Буду рад предложить вам наши товары, особенно...

Взгляд его светло-карих глаз метнулся к острым колючкам у моих ног. Владелец кричаще-красного камзола не мог не заметить на колючках рядом со мной ядовито-жёлтые мелкие пузырьки, в которых, как можно было легко предположить, содержался яд. Очень неприятный, между прочим, токсин, парализующий центральную нервную систему.

— Особенно, если у вас есть подобные зелья для продажи или обмена. Кстати, эти колючки могут расти выше?

Я ответила в порядке задаваемых вопросов.

— У меня есть и такие, и более интересные зелья, которые я готова обменять на некоторые ваши товары, если они мне понравятся, — кивнула я, не без доли горделивости в словах. — А этим колючкам вовсе не нужно расти выше — у них другое предназначение.

Прежде, чем главарь продавцов контрафакта успел сказать хоть слово, я плеснула тот же магический кофе на стоящее рядом дерево. За пару мгновений его буквально укутали твёрдые колючие спирали вьющегося жёсткого растения.

За спиной у главаря присвистнул кто-то из его подчинённых. А сам черноусый мужчина сверкнул довольной улыбкой, оглядывая несчастное дерево, скованное магическим растением.

— В таком случае, прошу к нам, моншерли. Взгляните на товары! Ручаюсь, на обычных рынках вы не найдёте и четверти того, что можем предложить мы!

Да, тут он ни капли не грешил против истины. Хотя я и не видела цивилизованных рынков Пяти герцогств, но всё же меня берут серьёзные сомнения, что на них можно одновременно найти такое количество ковров, посуды, книг, магических жезлов, шкатулок, оружия, трав, деревянных и металлических изделий, различных инструментов, пряностей и прочих товаров, назначение и название которых мне были вовсе неизвестны.

Меня в первую очередь интересовал компас, одежда, еда и какое-то оружие самозащиты, которым можно быстро и просто воспользоваться, если под рукой нет подходящего зелья.

Всё это и даже больше, я отыскала в номенклатуре товаров, которые везли на продажу контрабандисты.

Я была изрядно, но приятно удивлена, когда среди широкого ассортимента товаров увидела привлекательные фарфоровые баночки с позолотой и изящные хрустальные флакончики в виде мифических животных. Даже находясь в ином мире я безошибочно узнала в этих продуктах экземпляры косметических принадлежностей.

Сомневаюсь, что тут додумались до тоналки, хайлайтеров или праймера, но зато я отыскала тут аналоги наших увлажняющих кремчиков, цветные тени, широченный выбор вполне качественных помад и что-то похожее на термальную воду.

Уж не знаю, кому контрабандисты продают всю эту красоту, но я обменяла одно из зелий на пару кремов, несколько видов бальзамчиков, кое какие предметы для более-менее повседневного макияжа, расчёску и ручное зеркало! Разумеется, особо прихорашиваться, пока я не окажусь в нормальном городе, мне смысла нет, но средствами за уходом для кожи стоит пользоваться независимо от обстоятельств.

Я не забыла также приобрести пару видов местных шампуней и что-то похожее на гель для душа. М-да, осталось только найти место, где можно наконец-то помыться и, что было бы вообще прекрасно, принять ванну, желательно с ароматной пеной.

В этом же фургоне я прикупила одежду. Примерять её мне было негде и некогда, а потому пришлось брать на глаз. Хотя кроме брюк, сапог и рубашек, предназначенных именно для женщин, здесь были умопомрачительной красоты платья, они мне сейчас точно ни к чему.

Через пару минут я уже присматривалась к коллекции холодного оружия из сабель, шпаг, рапир, палашей и кинжалов. Но тут выбор был очевиден: я ни черта не умею пользоваться ничем из выше перечисленного, и выбери я какую-то шпагу, есть вероятность, что меня потом ею же и заколют. Поэтому я выбрала более-менее лёгкий кинжал с достаточно длинным клинком, которым, при случае, можно и кого-то пырнуть, или удобно отмахиваться, удерживая агрессивного злыдня на расстоянии.

Я, как раз меряла высокие бронзового цвета сапоги из мягкой кожи, когда со стороны широкого тракта, что пролегал вблизи от стоянки контрабандистов послышались отрывистые, как будто гавкающие, грубые выкрики. Следом раздались частые влажные хрюканья, фырканы и тяжёлый топот.

Контрабандисты заметно переполошились, начали метаться от фургона к фургону, закрывая деревянные дверцы и поспешно вооружаясь.

Главарь торговцев местным контрафактом, который назвался мне Огюстом Красноруким, в миг посерьёзней. От его напускной любезности не осталось и следа.

— Так, моншери алхимилля, ну-ка прячьтесь и побыстрее, — велел он. — Нельзя, чтобы они тебя увидели!..

— А кто это? — спросила я.

— Моншерли, это хобгоблины, они же хобы! — торопливо и нервно ответил мне один из пробегающих мимо контрабандистов. — И больше золота или камней, они ценят юных красавиц. А вам, в данный момент, не повезло быть и юной, и красивой.

— Слышали?! — угрюмо переспросил у меня Огюст. — Ежели не хотите, чтобы вас... обесчестили всей толпой, а после продали на невольничьих рынках, спрячьтесь. Лучше вон там, среди ковров и сундуков! Живее!!!

Когда он прикрикнул на меня, я вздрогнула от неожиданности, но сочла за лучшее прислушаться к настойчивой «просьбе» главаря контрабандистов. Тем более, что парящий неподалёку Люк, нервными жестами показывал мне сделать тоже самое.

Я послушно уселась между сложенных друг на друга скрученных ковров, рядом с громадным сундуком набитым обувью и шпорами.

Когда главарь Огюст Краснорукий опустил боковую дверцу фургона, я оказалась в густом тёмном полумраке и могла наблюдать за происходящим только через ромбовидные декоративные вырезы в деревянной дверце фургона.

Через эти импровизированные окошки, я увидела самых удивительных и страшных всадников из всех, каких мне когда-либо приходилось видеть!

Из-за поворота, на тракте показались бегущие рысью лохматые пятнистые вепри с четырьмя кривыми бивнями и необычайно мощными ногами. В моём мире встреча с диким кабаном ничего хорошего не сулила. Но наши кабанчики хотя бы не плотоядны, насколько мне известно, а эти свиноподобные зверюги, которых я сейчас наблюдала, всем своим видом показывали, что готовы отведать человечины хоть сейчас. Ко всему прочему они эти жуткие боровы были размером с упитанного гиппопотама! И аппетит у этих тварей, полагаю, соответствующий!

Верхом на огромных кабанах, восседали полуголые, одетые в шкуры и грубые доспехи, патлатые существа. У них были неухоженные гривы тёмных волос, чересчур длинные узловатые руки с вздувающимися мышцами и невероятно огромные ступни, с толстыми, обломанными чёрными когтями.

Лица у существ были сильно вытянуты вниз, меж близко посаженных маленьких глаз вытягивались массивные горбатые носы с широкими ноздрями. Рот безгубый, с выступающей вперёд нижней челюстью. Из-за нижней губы во все стороны торчали редкие, кривые, но крупные зубы.

Лохматые брови волосатых существ сдвигались на переносице, придавая им угрюмый и недовольный вид. Нижние веки сползали вниз, обнажая красно-бурую склизкую кожу возле глаз.

Я непроизвольно нервно сглотнула, рассматривая страшных наездников.

Все они, кстати, были вооружены саблями или короткими копьями, с массивными наконечниками. У одного них на плечах развевался плащ, а на голове белела странная корона. Только присмотревшись к ней, я поняла, что она сделана из насаженных на металлический обруч костей рук!

Тех, кого контрабандисты называли хобгоблинами, было очень много. Гораздо больше чем я ожидала. Пока они выезжали из-за поворота, я насчитала более полусотни. Пот итогу оказалось чуть больше ста голов. Приличный такой отряд!

Но, пленников, которых вели с собой хобы, оказалось ещё больше: около двух сотен. Мужчины, женщины, дети. Собственно, взрослых мужчин было меньше всего, наибольшую часть составляли именно дети разных возрастов.

Все пленники выглядели измождёнными и замученными. У многих виднелись синяки и кровоточащие раны. Некоторые едва могли двигаться, и таких патлаты хобгоблины беспощадно стегали нагайками или пинали ногами, выкрикивая какие-то непонятные слова на своём языке.

Часть совсем маленьких детей жалась к своим матерям, давясь беззвучными рыданиями. Женщины и девушки со следами кошмарных издевательств, в разорванных грязных одеждах, которые два прикрывали их тела, старались успокаивать детишек или друг друга. Немногочисленные мужчины с молчаливой ненавистью глазели на носатых чудовищ и на их монструозных вепрей. По взглядам пленников было видно, что они не смирились со своей судьбой или судьбой своих жён и детей. Они были готовы драться, даже насмерть, но никто из них сейчас не был на это способен — израненные и связанные, замученные и избитые они могли лишь бросать молчаливые гневные взгляды на своих мучителей.

Увиденное поразило меня так сильно, что я несколько секунд шокировано рассматривала несчастных пленников, не обращая внимания на происходящее вокруг. Я задавалась вопросом какая участь ждёт все этих невольников? Что с ними будет? Неужели их жизни будут искалечены и растоптаны только по прихоти вот этих мерзких лохматых чудовищ с босыми ногами и кривыми зубами? Почему вообще эти хобгоблины топчут земли Ларатана? При дворе местного герцога, Девятая ведьма побери, вообще в курсе, что их подданных сотнями уводят в рабство или это в порядке вещей, и жизнь простого люда здесь имеет ещё меньшее значение, чем в моём мире, в схожий исторический период?!

От сопереживания пленникам и гневных эмоций, меня отвлёк громкий радостный выкрик Огюста Краснорукого.

Предводитель контрабандистов вскинув руки в приветствующем жесте подчёркнуто восторженно воскликнул:

— Горбоклык! Великий и несравненный вождь клана Морского паука! Чтоб меня сожрали таргалы, если ты не стал ещё выше и крепче, с нашей последней встречи!

Облачённый в корону из костей человеческих рук, самый уродливый и здоровый из хобгоблинов довольно ощерился.

— А тхы отхрастил свои ухсы ещё дхлиннее, Огхюст! — с заметным шипяще-звонящем говором ответил посмеивающийся вождь хобгоблинов.

Соплеменники хобгоблинского вождя поддержали его противным визгливым смехом, напоминающим мне залиvistое тьяканье гиен.

Предводитель контрабандистов, ни капли не смутившись, пальцами правой руки провёл по своему правому усу и, сверкая золотыми зубами, согласно закивал.

Между вождём хобгоблинов и главным торговцем запретными товарами шла вполне себе дружеская непринуждённая беседа. Огюст как будто не замечал двух с лишним сотен пленников, не видел их кошмарных ран, запавших глаз, истёртых до крови ног и умоляющих безмолвных взглядов.

Я непонимающе нахмурилась. Неужели Краснорукий и его люди предпочитают не замечать того, что хобгоблины похищают их же соотечественников и угоняют на продажу в рабство?

Но, как выяснилось, Огюст и его банда контрабандистов не только поддерживают с

хобгоблинами дружеские отношения, но и продают им множество товаров.

В частности, плети, инструменты пыток, оружие и многое другое. Я с мрачным неодобрением наблюдала, как хобы суют за пояса только что купленные пистолеты, закидывают на плечи мушкеты с ремнями и любят блеском клинков сабель или палашей, которые приобрели у контрабандистов. Меня обуревало гневное возмущение происходящим.

А один из хобов, тем временем, подошёл к одному из пленников, уже немолодому мужчине, который вскоре согнётся под тяжестью лет. Лохматый монстр что-то насмешливо бросил пленнику, тот ответил ему равнодушным обречённым взглядом. Хобгоблин резко занёс клинок, тот сверкнул на солнце... и резко опустился. Кровь оросила землю, а у ног довольно ухмыляющегося хобгоблина беззвучно и всё также без единого слова или выкрика повалилось тело мужчины. Тот задёргался в агонии, разрывая землю босыми ногами, пока из раны на груди толчками выбивалась кровь.

Хобгоблины поддерживали увиденное одобрителем свистом и мерзким хохотом.

— Отличная сабля! — похвалил оружие тот самый хоб, рассматривая кровь на своём клинке.

— Ну, так других не продаём, — развёл руками довольный похвалой Огюст.

От увиденного у меня сдавило горло, оборвалось дыхание, а на животе как будто резко затянули тугой ремень. Под кожей разрастался нервный трепет, гулко и часто звучали удары сердца.

Увиденное было в равной степени ужасно своей жестокостью и отвратительно из-за поведения, как хобов, так и контрабандистов.

Вождь клана Морского паука, купив всё необходимое себе и своим людям, неожиданно обошёл Огюста и ткнул пальцем в единственный закрытый фургон, где находилась я.

— Покхажи мне товары в этом фурхгоне, Огхюст, — при этом Горбоклык не просил, а почти приказывал.

Краснорукий бросил внимательный взгляд на фургон, я увидела, что в его глазах промелькнуло опасение:

— Ты вроде говорил, что ковры тебе ни к чему.

— Я всё рхавно хочу взглянуть, — прорычал самый главный хобгоблин и цепким жадным взглядом мелких тёмных глаз рассматривая повозку, в которой я пряталась.

От его зубастой ухмылки и поблёскивающих поросячьих глаз, у меня всё тело пропиталось глубоким мертвенным холодом. Я очень красочно и ярко представила, что именно мной сделают, если обнаружат и какова будет моя дальнейшая судьба.

Паника наполнила сознание, я заметалась по фургону, а Огюст уже шуршал замками. Но, хвала ему, делал это как можно медленнее, не торопясь и не оставляя попыток отговорить Горбоклыка смотреть на товары внутри данной повозки.

Именно благодаря его намеренному затягиванию процесса открытия замков, я сумела вернуть себе частичное самообладание и нашла подходящий рулон ковра, внутрь которого смогла забраться.

Я только-только успела скрыться, как левая дверца деревянной крытой повозки со скрипом поднялась вверх.

— Ну, вот, смотри, раз уж так хотел, — произнёс Огюст Краснорукий.

Возможно, мне показалось, но в голосе главаря контрабандистов послышалось что-то похожее на облегчение.

Я услышала хрипловатое дыхание вождя хобгоблинов, затем вздрогнула от внезапно

качнувшегoся пола деревянного фургона. С испуганным оцепенением я поняла, что Горбокльк забрался внутрь повозки и сейчас стоит совсем рядом со мной.

С округлёнными от безмолвного страха глазами, я таращилась на обратную сторону ковра, которая была перед мои лицом и прислушивалась к шагам предводителя хобгоблинов. До меня доносился звук его сипловато-шипящего дыхания, а через пару секунд я ощутила и противную вонь его тела.

Он был совсем рядом, меня отделяли от него только несколько слоёв смотанного в рулон ковра! Помня о теории материальности мыслей, я старалась не думать о том, что это патлатый носач может заглянуть сюда и увидеть меня.

У меня не было сомнений в том, как в этом случае поступит Огюст. Хобгоблинов слишком много, а контрабандисты даже если бы и могли противостоять им, вряд ли решились драться с хобами. Да и ради чего? Краснорукий не захочет терять такого выгодного покупателя, как Горбокльк. Скорее Огюст прикинётся дурачком и скажет, что знать про меня не знает и вообще, я тайком пробралась в их фургон.

Однако и отдаваться на милость хобгоблинов, если меня обнаружат, я просто так не собиралась. У меня в руках теплела маленькая термо-чашка с интересным кофейным эликсиром, обладающим крайне неприятными свойствами. Гораздо хуже, чем просто крепкие колючие вьюны с парализующим ядом.

Рядом со мной прозвучал резкий звук распоротой ткани. Я вздрогнула, зажала себе рот рукой, чтобы ненароком не выдать себе нервным вздохом или непроизвольным выкриком. А прохаживающийся рядом хобгоблин разрезал своим клинком уже второй ковёр.

Никогда не думала, что звук зверски разрезаемой ткани может повергать меня в такой ужас!

Дыхание и шаги вождя хобгоблинов прозвучали совсем рядом. Я зажмурила глаза, превозмогая невыносимое паническое чувство. Судорожная оторопь сжимала моё тело, стискивала поясницу, шею и кисти рук. Прижав руки к груди, я слушала, как моё сердце бешено мечется в грудной клетке. Толчки его нервных ударов звучали в области горла и под лопатками.

Хобгоблин разрезал ещё один ковёр, который, судя по более громкому звуку, стоял совсем рядом со мной.

— Если ты закончил портить мой товар, то стоит заплатить за полученное удовольствие, Горбокльк, — заметил Огюст.

— Тхы полухчишь деньги, Краснорхукий. Но мхне покхазалось, что я чтохто слыхшал... Похоже... на кхрик... девхечхий кхрик...

Я зажмурилась и, поджав губы, чуть помотала головой. Значит, я всё-таки не сдержалась, когда тот хоб зарубил несчастного пленника.

Девятая ведьма побери! Так глупо! Аж зло берёт на самую себя!..

Ещё несколько секунд хобгоблин покрутился между рулонов ковров, а затем я услышала, как он спрыгнул на землю.

— Нам похра, Огхюст. Я рхад нашхей встрхечи. Кхогда мы пхродадим тховар, я бы хотел встрхетиться схнова.

— Как пожелаешь, Горбокльк, дружище, — послышался угодливый голос вождя контрабандистов.

Затем я услышала, как закрылась дверца фургона и притихли звуки голосов, хрюканье страшных вепрей и дуновения ветра. Для надёжности я выждала ещё некоторое время, чтобы

быть уверенной в том, что опасность миновала. И только убедившись, что мне ничего, в данный момент, не угрожает, рискнула выбраться из своего душного укрытия.

Страх ещё топтался на сердце и царапал изнутри душу. Меня одолевала мелкая дрожь. В голову напролом лезли сотни однообразных пугающих мыслей о том, чтобы со мной сделали хобгоблины окажись я в их власти...

Вот никогда бы не подумала, что меня настолько сильно, буквально до дрожи в коленях и пред инфарктного состояния пугает мысль об изнасиловании и продаже в рабство. Наверное, я не задумывалась об этом, как о чём-то, что по-настоящему может случиться и со мной. Это всё казалось чем-то далёким, и ужасало лишь, когда подобные случаи появлялись в новостях, да и то эффект от впечатлений был коротким.

Хобгоблины распрощались с Огюстом и, через несколько минут, погнали своих многочисленных пленников прочь.

Я тут же выбралась из фургона, а Краснорукий продолжающий махать рукой вслед последним хобам, ринулся ко мне, схватил за руку и отвёл за фургон.

Как только мы оказались вне поля зрения большинства контрабандистов, их главарь перестал улыбаться, а выражение его лица стало свирепым.

— Вы что, моншерли, решили жизнь в рабстве хобов закончить, предварительно обслужив каждого зубастого ублюдка?!

От его агрессивного напора, я слегка опешила и потеряла дар речи, а торговец продолжал:

— Подумаешь какого-то бродягу зарубили! Чего из-за этого визжать?! Судя по волосам и цвету глаз, вы из Скархайда. Империи, в которой, я напому, додумались до зрелищ с участием людей и эстафет со смертельными ловушками или опасными монстрами. Уж вам-то не привыкать к кровавым зрелищам!

— А вам, похоже, столь же привычно закрывать глаза на то, что делают с вашими же... — я чуть было не сказала слово соотечественниками, но потом поняла, что здесь это понятие вряд ли уже вошло в обиход. — С вашими земляками.

Огюст в ответ пренебрежительно отмахнулся.

— Пусть Каменное проклятие заберёт таких земляков! Я никогда в жизни не имел ничего общего с этим нищим отребьем, провонявших рыбой и торфом! Это же колонисты, неудачники, которые всё бросили на своей родине и отправились на местные край Света, чтобы испытать счастье в добыче жемчуга, торфа или сбора смолы! Безмозглые нищелюды и тупицы! Нечего им было лезть в столь опасные места, как «Хвост Ларатана». Теперь пусть пеняют на себя!

— Хвост Ларатана? Это остров? — нахмурившись переспросила я.

— Название вот этого последнего, забытого Моретворцевм, острова в архипелаге нашего герцогства, — нехотя объяснил Краснорукий.

Я смерила его осуждающим взглядом, но Огюста это ничуть не смутило. Однако, контрабандисту, судя по его последующей реакции стало не по себе, когда он понял, что довольно-таки неэтично позволяет себе говорить с высокородной чародейкой.

Скрывая неловкость, он прокашлялся, затем начал набивать трубку новой порцией табака.

— Я так понял, моншери, что вы ищите город, судя по товарам, которые вы у нас взяли... На «Хвосте» приличных поселений нет, сплошь остроги да деревни, со всякими...

— Нищими и отребьем? — не упустила я возможность спросить с гневной едкостью в

голосе.

Своим отношениям к людям, Огюст меня сильно выбесил, хотя чего от него ждать. Контрабандисты... Они лишь чуть получше пиратов будут.

— В том числе, — кивнул Краснорукий. — И я не шучу. Но у меня есть к вам предложение: мы пройдем ещё через два селения, сбудем оставшуюся часть товара и отправимся напрямик в Ларт, столицу Ларатана. Если интересуется, можете присоединиться к нам.

— Почему вы думаете, что ваше предложение будет мне интересно? — с вызовом спросила я.

В ответ Огюст выпустил пару колец синеватого дыма и ответил:

— Потому что вам здесь не место, моншери. Уж можете мне поверить.

«Поверить? — подумала я, — Контрабандисту? Пирату я уже однажды доверилась. А ты и твои миньоны, Огюст, может лишь чуть-чуть получше будете»

Мне нужно было подумать, о чём я и сообщила Огюсту.

— Думайте, — равнодушно пожал плечами главарь торговцев незаконной продукцией. — Только быстрее. Мы сейчас же собираемся и уезжаем. Ждать вас уж точно не будем. Времени у вас...

Он достал часы и взглянул на циферблат.

— Примерно минут пятнадцать. Полагаю, вам хватит, чтобы принять правильное решение?

— Благодарю, — ответила я и отошла к берегу, где на волнах покачивалась лодка с сидящим в ней Блейдом.

Завидев меня, водяной жизнерадостно помахал мне перепончатой лапой, улыбаясь во всю пасть. Рядом со мной очень быстро материализовался Люк и тут же бросился ко мне.

— Я уж собирался шугануть этого носатого выродка, когда он полез к тебе в фургон! — воскликнул боггарт с неподдельным беспокойством и переживанием в голосе.

Я улыбнулась ему. Белоглазый боггарт был по-настоящему перепуган едва ли не больше меня.

— Спасибо, Люк. Но я сама виновата, не сдержалась...

Белоглазый фергал отвёл взгляд в сторону и пожал плечами.

— Я тоже... я отвернулся, когда тот хоб... когда он это сделал...

Я взглянула на него с удивлением и увидела, что боггарт потрясён увиденным гораздо больше, чем я. Пожалуй, сейчас я очень жалела, что не могу его коснуться, чтобы выразить свою поддержку и утешить белоглазого малыша.

— Дай, угадаю, — взглянув на моё лицо, проговорил Люк. — Ты сейчас рассуждаешь, не помочь ли тебе тем несчастным?

Я внимательно взглянула на него. Когда это, интересно, он успел так хорошо меня узнать?

— Там больше полусотни совсем маленьких детей, Люк. Остальные парни и девчонки, которым едва шестнадцать-семнадцать исполнилось. И таких большинство среди пленников.

— Странно, в поселение должно было быть гораздо больше взрослых людей и пожилых.

— О, я не сомневаюсь, что их там было заметно больше, — печально произнесла я и тяжело сглотнула. — Просто от таких решили избавиться, как от... не ликвидного «товара».

Я вспомнила про набеги монголов в моём мире. Свирепые кочевники практиковали способом мерять пригодных для угона и продажи пленников по высоте обычной

средневековой повозки, по её верхней кромке. Всех, кто выше — в расход. Здесь, полагаю, подход у хобов был похожий.

— Зои, — вмешался в мои мысли Люк. — Но ты ведь сама не справишься! Ты безусловно очень способная молодая чародейка, но...

Фергал помялся, явно не зная стоит ли ему заканчивать свою мысль. Я понимающе грустно улыбнулась.

— Но я не умею метать молнии и вызывать стихийные бедствия, способные уничтожить всю орду хобгоблинов. Не бойся, я отлично понимаю размер своих сил и возможностей, Люк.

— Я не хотел тебя обидеть...

Боггарт бросил на меня настороженный взгляд.

— Я не обиделась, — качнула я головой. — Но я...

Моё категорическое нежелание мириться с увиденной жестокой несправедливостью вступило в яростную схватку с желанием успокоить себя мыслью о том, что я всё равно ничего не смогу с этим поделаться. Хобов слишком много! Они все вооружены, все верхом... У меня нет ни плана, ни идеи, как помочь тем людям. Но... прощу я ли себе, если сейчас уеду с контрабандистами и буду до конца жизни пытаться забыть то, что здесь сейчас увидела?!

Я зажмурилась и со смесью растерянности и раздражения замотала головой.

— Я не знаю, как мне поступить правильно.

Но тут меня осенило.

Я вернулась к Огюсту нашла его и спросила самую подробную карту этого острова.

— Разумеется, есть! — раздраженно ответил тот. — А зачем вам? Только не говорите, что вы решили отправиться в самостоятельное путешествие или...

Тут лицо контрабандиста озарилось догадкой, и он устало закатил глаза.

— Моншери алхимия, всю свою жизнь, я считал чародеев и чародейку представителями наиболее одной из самых разумных прослойки образованного общества. Пожалуйста, не рушьте мои устоявшиеся стереотипы о вашей фракции... Не говорите мне, что отправитесь спасать этих бедноту и шваль. У вас ничего не получится! Там сотня хобгоблинов! Слышите меня?! Сотня злобных зубастых похотливых рыл!!! Это, Девятая ведьма их заберет, целая армия! Вы знаете, что нужно, чтобы победить целую армию?!!

Я лукаво улыбнулась ему и промурлыкала в ответ:

— Например, другая армия.

Брови Огюста поползли вверх.

Помимо очень красивой и подробной карты, я прикупила у контрабандистов ещё кое-какие товары, необходимые для моей задумки и, пока Огюст не видел, уточнила у одного из самых словоохотливых торговцев, куда обычно держат путь хобгоблины.

Когда я вернулась в лодку к Блейду, и отплыли от берега достаточно далеко, Люк не выдержал и набросился на меня с расспросами.

— Что ты задумала? Какую армию ты собираешься позвать сражаться с хобами? Где ты собралась их искать?

Я как раз рассматривала карту, развёрнутую у меня на коленях и, в ответ на последний вопрос боггарта, уверенно ткнула пальцем в одно из поселений.

— Вот тут.

Люк чуть наклонил голову, читая название поселения.

— Острог «Еловая гора». Хм, я знаю это место, но никогда там не был... А почему ты

решила, что там есть войска? С чего вдруг?

— А где им ещё быть? — продолжая многозначительно и хитро улыбаться, спросила я. — Вот, смотри, здесь рядом Бон-Мон, поселение язычников и бухта, где тоже могут встать корабли. А вот тут неподалёку как раз бывшее поселение алхимилиалов, а вот тут болота с кикиморами...

Люк вытаращил на меня глаза, когда до него дошло.

— Зои! — воскликнул он. — Ты рехнулась?! — Нет.

— Это был риторический вопрос!.. Ты понимаешь, что они с тобой сделают, после того, как ты уронила им на головы болото с кикиморами?! Думаешь, они станут тебя слушать?

Я задумалась, вспомнив наш не самый удачный диалог с Ансельмом Бофремоном. Но я готова была поспорить на собственные кофейные зёрна, что у представителей знатного рода Бофремонов при себе должно быть хоть какое-то, пусть и небольшое войско, а у самого Ансельма должны быть причины ненавидеть хобгоблинов больше, чем меня.

Люк выслушал мои доводы и скептически скривился.

— Разумеется, у таких высоких господ, как Бофремоны есть при себе роты корабельных мушкетёров или даже личной охраны... Но очень вряд ли его сиятельство шай Ансельм Бофремон захочет тратить время, силы и жизни своих людей на спасение каких-то безымянных, для него, голодранцев.

Да, я отлично понимала несостоятельность пустой надежды на теоретическую мотивацию Ансельма Бофремона спасти пленников от хобгоблинов, но у меня был запасной план.

— Значит, нужно дать его сиятельству исключительно важную причину, которая способна любого заставить потратить и время, и силы и даже рискнуть здоровьем собственных солдат.

Люк чуть склонил голову на бок и с подозрением уставился на меня.

— Ты хочешь подделать указ герцога Люменереса? Сюзерена Бофремонов? — с опасливым удивлением спросил боггарт, явно надеясь на обратное.

— Нет, Люк, — покачала я головой и сложила карту. — Я просто покажу ему жемчуг.

Я перечитала рецепт одного из эликсиров, и на моих губах расплылась довольная улыбка.

— Много-много жемчуга, люк. Если я хоть немного знаю аристократов, сильнее их тщеславия, может быть только их алчность и желание преумножить собственные богатства.

Боггарт задумчиво кивнул. Похоже, он всё равно сильно сомневался в правоте моих действий, но всё же согласно кивнул, а затем, через время спросил:

— Зои, атебелично, вот этот вот всё... зачем?.. Зачем тебе спасение этих людей? Оно... оно ведь это тебеничегоне даст.

— Ну, почему же, — я захлопнула рецепторий и подняла горящий взгляд на Люка. — Мне это даст сильное моральное удовлетворение Люк.

— Угу. А твой неменяемый морализм у тебя давно? — с вкрадчивой иронией спросил боггарт, так будто я чем-то болею.

— С рождения, полагаю, — хмыкнув, усмехнулась я.

— Значит, это надолго, — изобразил печаль белоглазый фергал.

— Возможно, даже навсегда, — хихикнула, я.

— Святой Моретворец! И кому я только поклялся в верности?.. — страдальческим голосом посетовал Люк.

Мой громкий смешок разнёсся над рекой, а Люк и Блейд испуганно на меня зашикали.

Чашечка шестнадцатая

«Если бы утром мне кто-нибудь приносил кофе в постель, я была бы счастлива — это хорошее начало дня...»

Бонни Касл, х/ф «Соблазн».

Меня заметили сразу, едва только острия высокого и могучего частокола острога показали из-за верхушек деревьев. Я увидела, как на деревянных стенах обеспокоенно забегали солдаты с факелами и фонарями. У некоторых из них при себе были мушкеты. Кое-где, между толстых столбов можно было разглядеть воронённые стволы чугунных пушек.

Перед крепостью, через довольно широкий ров, с болотистой водой и плавающими кувшинками, был перекинут бревенчатый мост с красивыми резными украшениями. Вход на него «сторожили» два каменных идола, в изобилии украшенных цветным стеклом, мелким жемчугом и янтарём.

В свете заходящего вечернего солнца, цветные стёклышки и янтарь наполнялись искрящимся светом, отчего вокруг идолов, изображавших вооружённых сатиров, сиял размытый подрагивающий ореол. Мост освещали четыре стеклянных фонаря, вокруг которых без устали вились стайки ночных мотыльков. Из водяного рва доносилось шумное кваканье.

Из-за стен острога донёсся протяжный гул военного горна. Как только я, Люк и Блейд добрались до моста, сверху, от крепких деревянных ворот раздался чей-то командный грозный голос:

— Именем герцога Люменереса, приказываю вам остановиться и назвать себя!

— Алхимилия шери Зои шай Ле-Фарт! — уверенно и громко заявила я.

Фамилию Антуанетты я, на всякий случай, решила немного изменить. Не стоит повсюду и всем называть род, к которому я теперь принадлежу. Хотя бы потому, что я не знаю нет ли в Квинквилле у моей новой семьи каких-то личных врагов. Была война и... случалось многое. Не хотелось бы наткнуться на чьего-то разъярённого мстительного родственничка, у которого от руки адмиралов Ле-Фарталь погиб дядя, брат, племянник, кум, щенок любимого пса и так далее.

— Что же нужно имперской колдунье от верного вассала герцога Люменереса, коим является его светлость шай Ансельм Бофремон?

— Поговорить, — ответила я и отпила немного ароматного кофейного напитка.

Этот «Латте оберега» не обладал какими-то выдающимися свойствами, но зато, с относительной надёжностью, мог отвести от меня некоторые боевые проклятия, которым по мне могли шандарахнуть для острастки или чисто из неприязни к подданной ненавистного Скардхайда.

К моему удивлению, после моего ответа прошла всего пара-тройка минут, и деревянные ворота начали неспешно отворяться. За ними мне открылась высокая арка из сплётшихся деревьев, украшенных мелкими белыми цветочками и редкой яркой листвой оранжевого цвета.

Под аркой стояли трое: мушкетёры в уже знакомых мне тёмно-синих кафтанах и белосиних беретах, а между ними возвышался мужчина в синей широкополой шляпе, с заломленным левым краем и двумя золотисто-жёлтыми перьями. Одна его рука в жёлто-белой перчатке удерживала длинную дымящуюся трубку, а второй важный военный сжимал ствол упёртого в землю эспонтон^{*}(копье, которое, помимо функции оружия было

опознавательным знаком офицеров в 17–18 вв).

— Зои, ты уверена, что тебя тут не утопят при первой же возможности? — опасно шепнул мне на ухо боггарт.

— Нет, — призналась я, — но, мне нужна помощь Бофремонов.

— Не проще ли было бы всё-таки уехать с контрабандистами?

— Нет, Люк. И, если хочешь оставаться со мной, будь добр хотя бы постараться понять мои взгляды.

— Я их понимаю, — вздохнул Люк. — И даже отчасти разделяю, но они могут принести тебе множество проблем.

— Как будто, если я от них откажусь, проблемы и прочие неприятности сразу же начнут старательно обходить меня стороной, — пожалала я плечами.

Белоглазый фергал не нашёлся, что возразить.

Я, Люк и Блейд миновали арку, следом за нами по воздуху проплыла лодка, и офицер с боевым копьем выступил вперёд. Стоящие за ними солдаты с довольно неприязненным видом и недобрый намёком в угрюмых взглядах сжимали свои мушкеты. По их лицам было видно, что они готовы пусть в ход оружие при любом, даже самом незначительном поводе.

Стоящий между ними офицер владел собой намного лучше. Он чуть выступил вперёд.

— Вашим фергалам придётся остаться за воротами, шери алхимилия.

Я мягко, сдержанно улыбнулась и покачала головой.

— Нет, они везде следуют за мной. Считайте их моими пажами, если вам угодно.

Офицер втянул в себя табачный дым, смерил меня суровым пристальным взглядом и проговорил уже более жёстким непримиримым тоном:

— В таком случае, я закрою ворота, и вы останетесь здесь... шери.

Последнее слово он произнёс намеренно язвительно и оскорбительной издёвкой. Мне весьма выразительно демонстрировали, что моё присутствие здесь, очень мягко говоря, нежелательно.

— Как вам угодно, — сдержанно кивнула я, не отводя взгляда от серых глаз офицера и стараясь даже не моргать. — Думаю Ансельм Бофремон будет «рад» узнать, что по вашей вине он не получил ценную и довольно лёгкую награду.

В ответ обладатель офицерского эспонтоната придал своему лицу насмешливое и равнодушное выражение.

— Вы что же всерьёз полагаете, что у его светлости не хватает денег?

Стоящие за спинами офицера солдаты в беретах глумливо посмеялись.

— Я искренне полагаю, что их много не бывает. А ещё я полагаю, что, если по возвращении в родные земли шай Ансельм преподнесёт герцогу Люменеросу столь богатые сокровища, это как нельзя лучше скажется на отношении правителя вашей страны к благословенному роду Бофремонов.

Я улыбнулась, заметив замешательство, промелькнувшее в глазах стоящих за спиной офицера солдат и подступила ближе.

— А ещё, мне почему-то кажется, что благородство Ансельма Бофремона не позволит ему не поделится частью сокровищ...

Я встала уже вплотную к высокому офицеру и пригладила золотисто-жёлтые лацканы на его тёмно-синем кафтане.

— ... Со своими верными и храбрыми воинами, — со сладкой эротичностью в голосе прошептала я возле губ офицера, а тот, явно произвольно, но с вполне искренним

желанием начал наклоняться ко мне.

— Но раз уж вы настаиваете, чтобы я пришла позже, так быть и мы с моими пажами подождём здесь, — быстро и громко проговорила я, отстраняясь от лица мужчины. — Сокровища ведь тоже подождут, о них же никто не знает, и они точнони комубольшене нужны.

От моих внезапно громких звонких слов, с выразительной иронией, офицер с копьём и трубкой сконфуженно скривил губы, но затем обернулся к подчинённым и кивнул.

— Проводите благородную шеро алхимилию к его светлости.

Языческое поселение «Еловая гора» внутри отличалось обилием фонтанов с зелёной, синей и молочно-белой водой, а также многочисленными каменными статуями, в окружении цветущих кустарников и клумб, над которыми во множестве порхали янтарно-жёлтые и лилово-розоватые мелкие бабочки, озарённые тускловатой люминесценцией. В сине-фиолетовых сумерках и при последних лучах закатного солнца, всё это выглядело феерически красиво.

Дома язычников стояли на восьми крупных столбиках, были обнесены открытыми верандами и имели маленькие надстройки, что располагались в пирамидальном виде. Причём на чердаке самой высокой надстройки у многих домов обитали стаи летучих мышей. Как я поняла, последнее было желательно у местных и считалось хорошим знаком.

Солдаты проводили меня в один из домов на столбиках, с двумя массивными надстройками. Я заметила, что возле двери свисают два белых полотенца с зелёными и красными узорами, а под крылечком с резными украшениями, поблёскивают сусальным золотом мелкие бубенцы и колокольчики.

Не стесняясь глазела по сторонам. Слишком уж многое вокруг меня было крайне любопытным. Местные, жители острога и прогуливающиеся между ними патрули солдат Бонфремонов, тоже бросали на меня очень заинтересованные и настороженные взгляды.

Уже через несколько минут, когда меня впустили в дом, адъютант Ансельма — пышнотелый седой дяденька с усами и поблёскивающей залысиной — привёл меня в одну из комнат.

Судя по строгой обстановке, обилию карт на стенах, книгам и навигационным инструментам, это помещение выполняло роль рабочего кабинета во временной резиденции старшего сына графа Бофремона.

Блейда мне пришлось оставить в гостинной и попросить адъютанта отвести водяного к бадье с водой, так как кожа фергала успела порядком пересохнуть и ему была необходима небольшая водная реабилитация.

Люк остался со мной, но по моей просьбе спрятался и постарался не привлекать к себе внимания.

Я сидела в удобном деревянном кресле обитом мягкой кожей и украшенным бахромой на подлокотниках. Мой взгляд блуждал по картинам на стене, бронзовым статуэткам на полках и корешкам книг на полках.

Сперва я услышала быстро приближающиеся сильные шаги. Чувство беспокойства неприятно заёрзало внутри меня, но я постаралась взять себя в руки и придать себе максимально невозмутимый вид.

Дверь за моей спиной резко распахнулась, меня обдало коротким дуновением сквозняка. Затем раздался сухой щелчок замка и скрип засова. Я не оборачивалась, но даже

через спинку кресла почувствовала взгляд подходящего ко мне Ансельма.

Неоднозначное волнение во мне набирало силу, медленно оплетало моё тело и почему-то учащало пульс. Я слышала, как он подходит ко мне сзади, но почему-то не смела обернуться. До меня доносилось его размеренное, но шумное дыхание, которое могло выражать как гнев, так и сдерживаемую страсть. Происходящее казалось странным, нервирующим, и несло в себе осязаемый интимный оттенок.

Я открыла было рот, чтобы всё-таки начать диалог, но внезапно две сильных широких ладони легли на мои плечи. Я мгновенно застыла, не произнесённые слова так и остались на языке, и я проглотила их нервным шумным и чуть судорожным глотком.

Пальцы мужчины сжали мои плечи сильнее, начали массировать их. У меня округлились глаза от двусмысленности происходящего, но оборачиваться я по-прежнему опасалась, как будто знала: лучше не стоит.

Ансельм наклонился ко мне, я заметила его лицо и волосы боковым зрением, но избегала смотреть прямо на него. Его присутствие неожиданно становилось для меня одновременно невыносимо волнительным, и в то же время, непонятным образом приятным.

— После того, что вы сделали, — произнёс рядом со мной и над моей головой уже хорошо знакомый мне голос Ансельма, — сюда вас могли привести только две вещи: безрассудство или отчаяние. Так что из этого, шерс алхимия?

Контраст между нынешней манерой его речи и тем, как он говорил он со мной при первой нашей встрече сбивал меня с толку не меньше, чем массажирование моих плеч его твёрдыми длинными пальцами.

Прежде, чем я ответила, руки Ансельма сместились ближе к моей шеи, теперь его пальцы аккуратно, чуть надавливая, разминали мои ключицы, а большие пальцы рук мужчины уже легли на основание шеи. Я нервно сглотнула, непроизвольно сжала колени и, на миг закрыв глаза, неосознанно немного закусил губу.

— Прежде всего м-меня привела сюда надежда на ваше благоразумие и...

Мой голос лишился сил, слова оборвались, а Ансельм громко насмешливо хмыкнул и спросил:

— И?

Я уверенно прочистила горло показательным строгим кашлем, взяла его за пальцы и убрала руки будущего графа Бофремона в стороны, подальше от своих плеч, ключиц и шеи. Видят местные боги, суконная блузка, которую я прикупила у контрабандистов, была слишком тонкой, и тепло от пальцев Бофремона слишком сильно проступало через неё.

— И ваше желание заработать денег, шерс Ансельм, — закончила я.

Теперь я обернулась и искоса, с долей допустимого высокомерия, взглянула на него снизу-вверх.

Лучше бы я его этого не делала! Мне хотелось, чтобы этот зазнавшийся светловолосый «Ахиллес» хоть не много почувствовал себя неловко, но вместо этого, я сама смутилась ещё больше.

Нет, я давно уже взрослая девочка и совсем не веду жизнь какой-то затворной слишком целомудренной монашки, но Бофремон стоял чересчур и непозволительно близко. Он возвышался надо мной в своём чарующем великолепии, и его белая свежая рубашка была совсем расстёгнута.

Я задержала взгляд на рельефных мышцах мужского торса, заметила на коже Ансельма мелкие капельки воды, быстро моргая, взглянула на небольшие светлые курчавые волос,

спускавшиеся от пупка молодого аристократа вниз, за пояс широких офицерских брюк. Затем я быстро отвернулась, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли в кучу и продолжить разговор.

Но его светлость вновь меня опередил.

— Так вы хотите нанять меня, шери алхимии? — к моему удивлению, лицо Ансельма озарила добродушная улыбка.

Бофремон достал из шкафчика графин и металлический кубок. Он наполнил последний тёмно-алым вином и пригубил. Я почему-то уже ожидала, что он предложит кубок с вином и мне, но потом вспомнила, что у Ансельма Бофремона нет причин проявлять ко мне столь радушное гостеприимство.

— Не совсем, — подумав, ответила я. — Скорее я хочу предложить вам участие в одном выгодном мероприятии, которое может быть выгодно для нас обоих.

— Да ну? — снова отпив вина, спросил Ансельм и взглянул в окно, на закат.

— Ну, да, — добавив в свой голос немного надменной и сухой колкости, произнесла я.

Его светлость немедленно одарил меня долгим взглядом с намёком. Он словно бы попытался одним выражением лица сказать мне, чтобы я не забывала скемговору икак мне следует себя вести. Я, конечно же, не забывала и именно поэтому не собиралась проявлять излишней вежливости, граничащей с раболепием.

«Умница, — неожиданно прозвучал в моей голове одобрительный голос Антуанетты. — Я рада, что ты думаешь и о собственном достоинстве. Кстати, ты правильно поступила, что не стала называть свою настоящую, в этом мире, фамилию»

Я промолчала в ответ на похвальную реплику моей мысленной собеседницы. Ансельм сделал очередной глоток вина и многозначительно хмыкнул.

— Интересный поворот, — будущий граф допустил в своих словах ироничный холодок. — Сначала вы обрушиваете зловонные воды болота на меня и моих людей, двое из которых довольно серьёзно пострадали, а теперь являетесь ко мне с... «выгодным мероприятием»?

— Если бы вы тогда позволили мне объясниться, а не угрожали с ходу оружием, никто не бы не пострадал, — ответила я. — А к вам я пришла, потому что только у вас, на этом острове, шер Ансельм, есть достаточное количество солдат для... мероприятия, участие в котором я вам предлагаю.

— Стало быть это самое мероприятие связано с риском и военными действиями, — Ансельм не спрашивал.

Вопросительно и немного вызывающего глядя на меня, он начал застёгивать пуговицы на своей рубашке. Зря, я бы предпочла, чтобы он вообще её снял.

— Верно, — не стала отрицать я.

Мой прекрасный собеседник задумчиво взглянул на меня.

— И кто же эти несчастные, которых вы готовы подставить под огонь и удар штыков моих солдат?

— Очень «несчастливые» и обиженные самой судьбой отчаявшиеся создания, — с нескрываемой иронией, ответила я. — Настолько несчастные в своём убогом существовании, что вынуждены зарабатывать себе не пропитание, путём угона в плен мирных жителей Ларатана и других герцогств.

Как ни странно, дальше мне ничего уточнять не понадобилось, потому что Бофремон понял меня без дополнительных объяснений.

— Хобгоблины, — произнёс Ансельм и его зелёно-голубые глаза сверкнули сдерживаемой яростью. — Я слышал об их набегах.

— Странно, что герцогства позволяют этим тварям ломать жизни собственных подданных, — колко заметила я.

Лицо графского наследника внезапно потемнело, а взгляд стал жёстким, и я поняла, что сказала лишнее.

— Уж точно не дочери Скардхайда упрекать герцогства Квинквилля в бесчеловечности или жестоком отношении к людям, — внушительным мрачным голосом произнёс Ансельм. — Я не потерплю укоров из ваших уст!.. Шери алхимия! Кстати, как ваше имя? Я хочу знать с кем говорю, и кто чуть не угробил меня и моих людей на тех болотах.

На губах Ансельма больше не было улыбок, а взгляд оставался колючим и жёстким. Я мысленно отругала себя за несдержанность в словах.

— Шери Зои шай Ле-Фарт, — проговорила я громко и отчётливо.

— Ле-Фарт? — с неожиданным подозрением переспросил Ансельм. — Интересная фамилия... Судьбе было угодно, чтобы в последней войне мой отец, старший брат и оба деда встретились на море с известными адмиралами имперского флота.

Ансельм не отводил от моего лица настойчивого взгляда.

— Их фамилия очень похожа на вашу, шери. Скажите, вы ведь слышали о Бенедикте и Райнере Ле-Фарталь?

«— Это мой отец и дядя! — встревоженно воскликнула у меня в голове Антуанетта. — Пасть Глубинного Змея!.. Я так и знала, что где-то слышала фамилию Бофремон!..»

«— А можно мне больше сведений, чтобы я знала, чего мне ожидать и опасаться?» — немного резковато и нервно спросила я мысленно свою названную сестру-близняшку.

«— Да... — секунду помешкав, Антуанетта подрагивающим голосом произнесла. — В одной из последних и решающих битв на море, мой отец и дядя нанесли сокрушительно поражение флоту Квиквилля, который вёл... кто-то из Бонфремонов»

«Замечательная новость! — иронично ответила я. — Битва, полагаю, была жесткой?»

«Слишком жестокой, — грустно ответила моя сестра-близняшка. — Мой отец и дядя, они... потеряли многих друзей, а потому не щадили никого, даже сдающихся в плен... М-м... Ты только не нервничай, ладно?»

«Говори, Антуанетта!» — потребовала я.

Но моя мысленная собеседница безнадёжно молчала, и мне оставалось только догадываться о том, что могли совершить её отец и дядя с родными или близкими Ансельма Бофремона. Однако, я могла догадаться, что ничего хорошего.

— Шери Зои Ле-Фарт, вы меня слушаете? — чуть нахмурился Ансельм.

— Да, да... — немного рассеянно ответила я.

— В таком случае, ответьте мне, почему я сейчас должен бросать свои самые срочные дела и отправляться на спасение чужих подданных?

Я в упор взглянула на него. Будущий граф молча ждал, отвечая мне недовольным взглядом и неприязнью в переливающихся бликами от камина глазах.

— Разумеется, не мне задавать вам такие вопросы, ваша светлость. Но позволит ли ваша совесть вам спокойно спать, когда вы будете знать, что могли спасти две сотни невинных душ, половина из которых дети младше шестнадцати, и при этом вы и пальцем не пошевелили?

Я была разочарована в Ансельме. До прихода сюда, хоть это и было лишь моё личное

желание, я пыталась верить, что внутри благородный графский сын, так же хорош, как и снаружи. Что ж, я ошибалась, стоит это признать и принять.

— Шери Зои, я... — подумав, начало было отвечать мне Бофремон.

Но мне хватило его предыдущего ответа. Оправдания я слушать не желала.

— Вот, — я достала из своей сумки с рецепторием и кофе, плотный суконный мешочек и развязала его. — Полюбуйтесь-ка на это, ваша светлость.

Из развязанного пузатого мешка на Ансельма всем своим молочно-перламутровым или лазурно-синеватым великолепием глядели призывно поблёскивающие крупные горошины жемчужин. Каждая из них была достойна украсить брошь на платье знатной дамы, церемониальный жезл ленного графа или даже корону како-то правителя.

— Полагаю, это послужит для вас гораздо бóльшим поводом, чтобы отважиться на спасение тех, у кого нет за спиной солдат, которые могли бы их защитить.

Как я ни старалась контролировать себя, в моих словах сквозило осуждающее презрение.

Ансельм внезапно опустил взгляд, а его могучие плечи чуть поникли. Я увидела, что кулаки будущего графа бессильно сжались, и сама немного отодвинулась в сторону на кресле, готовая прыгнуть и защищаться, если что. Однако прекрасный Ансельм не спешил выражать гнев и негодование. Он подошёл к столу, взглянул на жемчуг и сухо кивнул.

— Да, выглядит красиво. Похоже, это очень хороший жемчуг, но... Алхимилия, я не могу сейчас помочь вам или несчастным пленникам хобов.

Я в изумлении уставилась на него и уже хотела произнести те слова, которые должны были стать последним и самым действенным аргументом, вдобавок к фальшивому жемчугу, который я создала пару часов назад. Но я не успела ничего ответить, потому что дверь кабинета Ансельма вновь распахнулась, и к нам залетел взволнованный Жан-Луи.

— Старик Ноэль не соврал! — воскликнул мальчишка с покрасневшими щеками и горящими глазами. — Вы правда пришли, моншери алхимилия!

Я неуверенно улыбнулась парнишке, не вполне понимая его бурную радость, но мне было приятно, что хоть кто-то здесь искренне рад моему присутствию.

— Я очень рад! Очень рад! Вы... Вы спасли меня тогда, моншери! И я... я-я... — парень заволновался ещё пуще и от этого начал заикаться.

Повинуясь не объяснимому наитию, я встала из кресла, подошла к младшему брату Ансельма и положила правую руку ему на плечо.

— Я тоже рада вас видеть, и мне приятно, что вы так высоко оценили мою помощь, шер Жан-Луи, — проговорила я с доброй искренней вежливостью.

От моих слов, щёки мальчика ещё больше покрылись пунцовым румянцем.

— Кстати, я так и не смогла вам полностью представиться, — глядя на парня, произнесла я. — Меня зовут Зои шай Ле-Фарт.

— Ле-Фарт, — заворожено повторил Жан-Луи. — Я слышал про ваш род, моншери... Хотя наши страны воевали, и... мы все причинили друг другу много боли, знайте... Я не являюсь жертвой предрассудков, как многие мои соотечественники. Считаю, что мы все должны стремиться к миру между Пятью герцогствами и Скархайдом.

Жан-Луи говорил громко, с задорным и завидным, но наивным ещё совсем детским восторгом в глазах. Он верил в свои слова, это было видно. Но, полагаю, пройдёт не так много времени, когда он поймёт ошибочность своих убеждений. Я не сразу поняла, что эти внезапные мысли не совсем мои...

— Полегче, брат, — вмешался в наш диалог Ансельм. — Ты вроде бы собирався поступать в Морскую академию, а не в университет дипломатии и развития отношений.

— Да, — устыдившись упрёка старшего брата, парень опустил голову, — я помню, Ансельм.

— В таком случае, тебе следует лучше обдумывать собственные слова, прежде, чем они слетают с твоего языка, — строго произнёс старший сын графа Бофремона. — А теперь, если ты не возражаешь, мы с алхимилией как раз обсуждаем некоторые важные дела...

Но тут взгляд Жан-Луи метнулся сперва к столу, младший брат Ансельма увидел мешочек с жемчужинами, которые я синтезировала из кофейного зелья, а затем он уставился на брата.

Я увидела, что в глазах юноши вновь засияло восторженное чувство, вперемешку с радостной надеждой.

— Жемчуг! — выпалил он. — Ансельм! Здесь, на этом острове есть жемчуг!

— Да, судя по всему... — хмурясь начал отвечать старший брат Жана-Луи, но тот не дал ему договорить.

— Так это же решает нашу самую большую проблему! — Жан-Луи, замолчи!..

— Нет, ты не понял, Ансельм! Наши пленные, которых удерживают буканьеры! Наши солдаты и матросы, которые томятся в темницах тех головорезов! Вот, что мы можем предложить этим мерзавцам в качестве вы...

— Жан-Луи, я тебя предупреждаю! — выпалил Ансельм таким голосом, что вздрогнул и подскочил на месте не только его младший брат, но и я сама.

В наступивший тишине, мы с Жаном-Луи молча и настороженно наблюдали, как Ансельм, тяжело дыша, глядит на нас. Старший сын графа Бофремона несколько секунд переводил взгляд с меня на своего младшего брата и снова на меня.

Затем он встал у стола, тяжело опёрся на него, глядя в низ. Ни я, ни Жан-Луи не осмеливались нарушать образовавшуюся тишину. Я видела, что Ансельм погрузился в напряжённые раздумья. Хотя, он дал своему брату договорить, я уже поняла, что очень вовремя появилась со своей задумкой, и у Ансельма есть действительно весомый повод согласиться на моё предложение.

Из торопливых и громких слов Жана-Луи, я поняла, что часть команды корабля или кораблей Бофремонов оказалась в плену у буканьеров. Насколько я помню, в нашей истории эти пираты получили своё название из-за пристрастия коптить мясо ламантинов на специальной деревянной раме, которая на одном из языков американских индейцев называлась «bissan» или как-то так.

Собственно, это были обычные пираты с Тортуги, атаковавшие, в нашем мире, испанские суда. Так, значит часть команды кораблей Бофремонов у них в плену и, если мальчик всё сказал, как есть, пираты требуют за пленников выкуп. А денег Ансельму или жаль, или... у него их просто нет.

Брат Жана — Луи хлопнул ладонью по столу, я перевела на него удивлённый взгляд, а тот уже уселся в другое кресло, с бархатной изумрудной обивкой — наверняка его принесли из личной каюты Ансельма — и жестом велел мне снова занять своё место напротив него. Жан-Луи присел на скамейку, что стояла у стены, с интересом поглядывая на нас обоих и нетерпеливо пристукивая ногами по полу.

Ансельм уставился на жемчужины, призывно поблёскивающие в моём мешке и нехотя произнёс:

— Мой не в меру болтливый братец не соврал. Когда мы высадились на острове, я...

Он кивнул и закончил.

— Я потерял бдительность, пока налаживал отношения с язычниками, договариваясь о расквартировании части нашего отряда... Обитающие на «Хвосте Ларатана» буканьеры напали на наш береговой лагерь в крабовой бухте. В итоге, сейчас в плену у морских разбойников почти половина экипажа с трёх наших кораблей и треть корабельных мушкетёров. Они требуют солидную сумму, которой, на сегодняшней день, я увы не располагаю.

— Большая часть наших денег ушла на путешествие к Пепельным островам и к Осколкам края света, — объяснил мне младший из Бофремонов.

— Помолчи, Жан-Луи, — одёрнул брата Ансельм. — Ты и так рассказал больше, чем следовало!

— Но ты говоришь, слишком медленно! — не согласился мальчишка.

— Замолчи, говорю! Я здесь старший!

— Да, но если ты погибнешь, то наследником буду уже я!

— Что ты сказал?!

Я хотела было вмешаться в спор братьев, но меня отвлекла Антуанетта.

«Они ходили к Осколкам края света?! — вновь внезапно заговорила в моей голове моя близняшка. — У аристократов Пяти герцогств, похоже, отсутствует чувство самосохранения! «Осколки» славятся тем, что под ними, на дне откладывают яйца глубинные змеи! Тамошние моря кишат стаями железных кракенов, а на самих Осколках стоят Забытые дворцы океанидов — полубожественных сущностей, люто ненавидящих людей! О чём эти глупцы только ду...»

Она вновь не смогла договорить, но её слова ещё долго резонировали в моём сознании.

«Возможно, они не глупы, а лишь в отчаянии ищут ответы на вопросы о проклятии даже в самых опасных уголках этого мира» — подумала я.

Братья, тем временем, продолжали ссориться.

Я прокашлялась, и оба Бофремона уставились на меня.

— Как я поняла, — проговорила я деликатно и деловито, — у вас нет возможности выплатить выкуп пиратам.

Я подвинула мешок с жемчугом по столу, ближе к Ансельму.

— Вот это даже не сотая доля того, что добывали ловцы жемчуга, которых похитили хобы.

Конечно, я сейчас безбожно врала. Но, во-первых, а что мне остаётся? А во-вторых, не так уж сильно я и лгала! Если верить словам Огюста, хобгоблины увели в рабство как раз таки тех, кто пытался разбогатеть на добыче жемчуга, среди всего прочего. Должны же были эти колонисты хоть как-то преуспеть в своих начинаниях!

— Думаю, пленники хобов согласятся отблагодарить вас посильным способом, — с прозрачным и понятным намёком произнесла, выразительно глядя на Ансельма. — Не утверждать, что они захотят отдавать всё, но... Вы, полагаю, сможете претендовать на солидную часть их добычи. Да и вряд ли эти люди будут сильно возражать.

«Если не глупы, конечно» — мельком подумала я.

Не отвечая, Ансельм запустил правую руку в мешок с жемчужинами, перебрал их. Я, сохраняя невозмутимый вид, надеялась, что его светлость не разбирается в минералогии.

— Вы знаете, куда пошли хобгоблины? — спросил Ансельм.

— Знаю, — завершила я.

— И сколько их там?

А вот это неприятный момент.

— Около сотни, — чуть помолчав, ответила я.

Жан-Луи неприлично присвистнул, за что тут же удостоился осуждающего взгляда от брата.

Ансельм недовольно выдохнул.

— У меня только полсотни корабельных мушкетёров, часть из которых придётся оставить здесь, для гарнизона.

— А наши матросы? — оживлённо спросил Жан-Луи.

— За время плавания, мы потеряли больше двадцати человек, — напомнил ему Ансельм. — Ты предлагаешь оставить наши корабли и вовсе без команды, отправив их на сабли хобгоблинов? Этого не будет. Тем более хобы серьёзные противники. Многие считают их дикарями, но это довольно умное племя и бойцы они тоже умелые.

— Зато у вас есть то, чего нет у них, — проговорила я.

— Например? — Ансельм вопросительно взглянул на меня.

— Например, пушки с ваших кораблей.

— Чтобы снять с кораблей хотя бы пару-тройку орудий — а их понадобится раза в три больше — подготовить их к транспортировке и притащить сюда... это займёт полтора-два дня, шери Ле-Фарт. За это время хобы уйдут очень далеко.

— Да, — согласилась я. — Но, зная, где их нужно встретить, мы, я уверена, сможем срезать путь и подготовить засаду, с использованием артиллерии.

— Интересно, — покачал головой Ансельм и улыбнулся. — Откуда у вас такие подробные сведения о пути следования хобгоблинов? Насколько мне известно, эти коварные твари всегда избирают по несколько путей, чтобы снизить риск перехвата герцогскими войсками.

«Значит, всё-таки им пытаются давать отпор, — подумала я, — хоть это радует...»

Вместо ответа на вопрос Ансельма я достала из своей сумки прозрачную запылённую банку и поставил на стол.

Жан-Луи и его старший брат оба подались вперёд, чтобы рассмотреть миниатюрное существо, размером с мышь, которое находилось внутри сосуда. Оно гневно размахивало кулаками, топало мелкими ножками, бессильно скалило зубы и что-то глухо пищало.

— Это что... — проговорил впечатлённый Ансельм, ошарашенно рассматривая маленького узника в банке, с дырявой крышкой. — Это? Хобгоблин?! Шери Ле-Фарт? Вы что... уменьшили его?!

— Не может быть! — с неподдельным радостным возбуждением произнёс поражённый до глубины души Жан— Луи.

— Может, — не скрывая самодовольной ухмылочки ответила я. — И вот он, точно знает, где и когда его соплеменники будут останавливаться.

Я щёлкнула пальцами по банке, и уменьшенный мною гoblin погрозил мне кулаком, а затем выразительно провёл большим пальцем по шеи. Увидев, что его действия не возымели на меня никакого влияния, маленький гадёныш спустил штаны и продемонстрировал мне своё эрегированное мужское естество, выразительно дёргая его правой рукой и показывая на меня пальцем другой.

Жан-Луи неуверенно хихикнул. А Ансельм тут же схватил банку с уменьшенным хобом,

сунул в ящик стола и громко захлопнул. Затем смахнул с лица прядь волос и заявил:

— Благородной шерсти не пристало глядеть на такие выходки.

— Благородная шерсть видела и не такое, — усмехнулась я и чуть склонила голову на бок, глядя на Ансельма с долей игривости. — Так вы согласны? Принимаете моё предложение?

— Один вопрос, — качнул головой будущий граф Бофремон. — В чём лично ваша выгода от нашего похода по спасению пленников?

Я слегка дёрнула плечами.

— Её нет.

— Что? — изумился Ансельм. — Простите, но я не верю.

— Напрасно, — заметила я с невесёлой улыбкой. — Я понимаю вас шер Бофремон, вы привыкли, что никто ничегне делает о без очевидной выгоды...

— Я этого не говорил, — покачал головой Ансельм, рассматривая меня своими зелёно-голубыми глазами. — Мне непонятно просто непонятно безвозмездное старание чужеземной чародейки помочь каким-то нищим добытчикам жемчуга из Квинквилля. Как будто ваша страна не воевала с нами каких-то двадцать шесть лет назад. Вряд ли в Скардхайде так быстро забыли всё то, что происходило здесь с имперскими наместниками, купцами и моряками, а также с их семьями.

— Не забыли, конечно, — логично рассудила я и голос мой сам собой чуть хрустнул звонкой тоскливой грустью. — Мы всё помним, ваша светлость. Но пленных у хобов около двух сотен. И, как я вам уже говорила, большая часть из них, это дети. Половина из которых, лишь недавно перестали быть грудными и начали ходить.

Я помолчала с секунду, а затем проговорила упавшим тихим голосом.

— Большинство этих пленников и уж точно не успели перед кем-то серьёзно провиниться: они не вешали, не жгли, не насиловали, не топили и не резали... Они просто начали жить. А их жизнь сейчас пытаются бесчестным образом растоптать в пыль.

Я подняла взгляд на Ансельма и увидела, что мои слова его, как минимум впечатлили и при этом серьёзно удивили больше любого волшебства. Я только через мгновение осознала, что уголки моих глаз увлажнились от слёз.

Я поторопилась смахнуть их, но Ансельм поднялся из-за стола, достал из небольшой-деревянной шкатулки кружевной белый платок и протянул мне.

Ощущая собственную неловкость и мысленно ругая себя за излишнюю чувственность на людях, я взяла у него светлости платок.

— Возможно, я совершаю ошибку, — проговорил стоящий надо мной старший сын графа Бофремона, — возможно, многие меня за это строго осудят, но я принимаю ваше предложение, шер Зои шай Ле-Фарт.

Чашечка семнадцатая

«Меня до смерти раздражает, когда кричат, что кофе готов, а его все нет.

Джером Дэвид Сэлинджер, «Над пропастью во ржи».

Мне выделили неплохую и даже очень уютную комнату в самой высокой надстройке временной резиденции самого Ансельма.

Комната была очень милой, с мягкой и на удивление удобной, пусть и немного скрипучей кроватью. Я бы вполне могла сладко спать на ней, особенно после всех тех передраг, которые мне пришлось пережить. Но надо мной, как выяснилось, обитали летучие мыши, а под потолком обитал единственный, мелкий, но до ужаса противный комар, с которым мне пришлось воевать всю ночь.

Поспать то, я поспала, но не так хорошо, как мне бы хотелось. Зато я смогла принудить адъютанта Ансельма приготовить мне бадью с горячей пенной водой и, как следует вымыться.

Однако, когда я, распаренная и довольная жизнью, замотавшись в простыню, вышла из банной комнаты и хотела направиться к себе, возле меня нарисовались двое подтянутых молодцов в сине-золотой униформе солдат герцогства Люменерес.

При мне они вытянулись по струнке, браво вздёрнули подбородок и зачем-то браво притопнули ногами в тяжёлых сапогах. Я бы не придавала значения их появлению, если бы они не последовали за мной до самой моей комнаты.

— Простите, моншери, но нам приказано не спускать с вас глаз! — произнёс один из солдат и поставил ногу между дверью и дверным косяком, когда я попыталась закрыться в отведённой мне комнате.

Опешив и не находя слов, я в растерянности отступила назад, а двое молодцов вошли ко мне и встали у дверей. На их лицах расплылись блаженные и глумливые улыбки, когда они увидели разложенную на кровати свежую одежду, которую я приготовила, и женское бельё местного производства. Кстати, весьма недурственного качества, жаль, что в моём мире, в аналогичный исторический период, ничего такого не было.

— И кто это вам приказал вломиться ко мне в покои? — уперев руки в бока, спросила я.

Солдаты, немного нервно сжимая ружья, украдкой, но с неприкрытым настойчивым интересом оглядывали моё закутанное в простынку тело. Их взгляды задерживались на моих обнажённых плечах и ползли вниз, по ключицам, до груди, закрытой верхней частью белой ткани. Умы обоих солдат наверняка бередила волнительная мысль о том, что моё тело защищено от их похотливых взглядов лишь тонкой лёгкой тканью слегка увлажнившейся простынкой.

— Мне повторить вопрос? — холодно спросила я, не дождавшись ответа.

Один из солдат, шумно сглотнул, поспешно уставился в потолок и ответил:

— Его светлость шай Ансельм Бофремон!

— Да неужели? — с вызовом и иронией переспросила я.

— Именно так, моншери.

Я уже собиралась, как следует отчитать обоих и пригрозить плеснуть на них магическим кофе, когда справа от меня, вообще непонятно откуда появился сам Ансельм.

Его появление шокировало двоих солдат ещё больше, чем меня. Остановившись напротив своих подчинённых, Ансельм заносчиво вздёрнул подбородок и сложил руки за

спиной.

— И что это вы здесь делаете?!

— Так это... ваше светлость... — испуганно и растерянно промямлил один из солдат. — Вы же... сами... это...

— Я приказал вам охранять, шери Зои шай Ле-Фарт! — повысил голос Ансельм и прорычал внушительным низким голосом. — Снаружи, Девятая ведьма вас заберет! За дверь, парочка идиотов!

— Есть! — хором воскликнули оба солдата и друг за другом выскочили прочь.

Когда дверь за ними закрылась, я услышала их пугливые перешёптывания и взаимные упрёки. Кажется, один обвинял другого, что тот неправильно трактовал приказ его светлости.

Ансельм Бофремон повернулся ко мне, с невозможным, карикатурным высокомерием и преисполненный собственной значимости.

— Ну, хватит, — посмеиваясь произнесла я, — ты переигрываешь. Заканчивай, Люк...

Негромкий хлопок, вьющийся синеватый дым, и передо мной появился очень довольный собой боггарт.

— А что? — развёл он руками и подплыл ко мне. — Разве непохоже на его светлость?

— Он не задирает так нос, — всё ещё улыбаясь, ответила я и произнесла. — Отвернись.

— Именно так он себя и ведёт, — послушно отвернувшись, произнёс боггарт, сложив руки на груди. — Ты только посмотри на этого самовлюблённого хлыща... «Я его светлость будущий граф Бофремон а все тут ничтожные червяки, не достойные вдыхать даже запах моих портянок!»

— Чего ты на него взъелся? — переодеваясь и расчёсывая волосы, посмеиваясь спросила я.

— А чего ты его защищаешь?! — в свою очередь накинулся на меня боггарт.

— Я его и не защищаю, он правда, слегка самовлюблённый и... гордый... возможно, слишком гордый и не очень дружелюбный, но... он не такой плохой, каким мог показаться вначале...

— А ну-ка посмотри на меня, — потребовал вдруг Люк.

Я застыла и чуть нахмурилась, продолжая вычёсывать свои длинные персиковые локоны.

— Зачем это?

— Посмотри мне в глаза, Зои! — боггарт подлетел ближе.

Я со вздохом обернулась.

— Ну и что ты хочешь увидеть в моих глазах? — спросила я, выполнив его требование.

Пару секунд боггарт таращился на меня, а я показала ему язык.

— Всё понятно, — вздохнул белоглазый фергал.

— Что тебе там понятного?

— Ты больна.

— Да ну? И чем же? — хохотнула я.

— Тебе не понравится диагноз, — прищурился боггарт. — Это связано с женской физиологией и половым влечением...

— Чего?! — скривилась я. — Ты, что несёшь, сексопатолог мелкий?!

— Ты больна, Зои. Всё. Приплыли.

— И что же это за болезнь такая? — кокетливо промурлыкала я.

Люк отлетел подальше и громко прошипел:

— Бабская слабость!

Прежде, чем я успела швырнуть в него расчёской, мелкий засранец успел улизнуть сквозь дверь.

Я погрозила ему вслед зажатой в руке красивой расчёской и отвернулась к окну. Люк, конечно, язва ещё та, но... А что, если он прав? Что если Ансельм Бофремон не просто так снился мне сегодняшней ночью и... Так, стоп! Ну, что за чушь опять полезла ко мне в голову?! Я сердито встряхнула волосами. К чёрту! Вернее, к Девятой ведьме мысли об Ансельме. Ха! Я его даже не знаю, а Люк ошибается, хотя бы потому, что я не склонна питать симпатии к малознакомым мужчинам, пусть даже и таким красивым, как наследник графского рода Бофремонов. Тоже мне! Сейчас, разбежались! Может Люк подозревает, что я тут вынашиваю планы как бы поудобнее отдаться красавчику Бофремону? Ага!.. Огурца вам лысого! Не будет ничего и никогда. Тем более, что...

«Тебе нельзя заводить с ним никаких отношений» — прозвучали среди моих мыслей слова Антуанетты.

«Я поняла» — вздохнула я.

«Боюсь, что ты не до конца понимаешь степень риска, — грустно заметила сестра-близнец. — Это может быть опасно, потому что, если Ансельм узнает твою настоящую фамилию... Вряд ли он будет с тобой также вежлив, как вчера. Это как минимум, Зои!»

«Слушай, я умею контролировать свои бушующие гормоны и думать головой! — подняв ладони, мысленно заявила я. — Да, он очень клёвый, и познакомься мы с ним при других обстоятельствах... ну, может быть я бы себе что-то и позволила»

«Хм, мне казалось, что ты не похожа на доступную девушку» — заметила Антуанетта.

«Я и не говорю, что с разбегу прыгнула бы к нему в кровать, — сердито ответила я. — Но попробовать повстречаться с ним недельку-другую, можно было бы... а там посмотрим»

«Это даже не отношения, а мелкая интрижка» — хихикнула в ответ моя сестра-близнец.

«Ну, второе всегда может перерасти в первое» — заметила я.

«Но только не в этот раз» — с напутствующим выражением произнесла Антуанетта.

«Определённо, нет...» — нехотя ответила я.

«Но он очаровашка» — посмеиваясь, сказала Антуанетта.

«Когда не кричит...» — хмыкнув, ответила я.

«Если он столь экспрессивен, возможно он не менее страстный...»

«Перестань» — попросила я.

«У него сильные красивые руки, — начала нараспев моя названная сестра-близнец, — мускулистое тело, буйный властолюбивый нрав, приятный запах и наверняка бурная фантазия, где он господин, а ты...»

«Ну, прекрати! — взмолилась я почти слёзно. — Хватит! Мне нужно подумать над зельями для похода!»

Моя сестра близнец в ответ снова засмеялась, но затем замолчала ненадолго и перечислила ряд зелий:

«Прежде всего обрати внимание на охранные и защитные эликсиры! — начала наставлять она. — Они дают самый продолжительный эффект, при минимальных затратах. В трети или даже в половине случаев они способны спасти жизнь, любому на кого действуют. Второе, на что тебе...»

Но тут она снова замолчала, и на мои настойчивые вопросы не реагировала.

— Вот к тебе на тот свет интернет провести или установить Wi-Fi, — проворчала я. В итоге приоритетность для второго типа зелий пришлось выбирать самостоятельно.

Я погрузилась в работу и не заметила, как пролетело время. За несколько часов я успела приготовить не мало потенциально эффективных кофейных эликсиров, которые, тем не менее, не мешало бы ещё и опробовать.

К счастью случай мне представился внезапно и довольно скоро. Время катилось к полудню, когда я закупорила кофе в один из сосудов, которые вчера затребовала у адъютанта Ансельм. Старик Ноэль поворчал, но всё же предоставил мне в пользование требуемое количество стеклянной посуды разной ёмкости. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

Когда я уже собиралась сделать перерыв и пойти пообедать, а точнее наконец-то позавтракать, под моим окном зазвучали громкие, агрессивные и заунывные слова:

— Благословением Моретворца, я заклинаю призвать кару на голову богомерзкой имперской колдуньи! Да будет её тело заключено в оковы священной морской воды, а душа на веки...

Я могла бы проигнорировать эти слова, но увидела, что пол под моими ногами вдруг начал наполняться пенистой морской водой.

Недолго думая, я подскочила к окну, схватила одно из приготовленных недавно зелий, распахнула дверку окна и выглянула наружу.

Вокруг моего дома собралась редкая толпа зрителей из местных язычников и нескольких солдат. А прямо под моими окнами стоял какой-то пухлый и пузатый мужчина в сине-золотой мантии. Он размахивал колдемароном, который источал магическое аквамаринное сияние и продолжал бубнить заклинание.

Я откупорила флакон с кофе и выплеснула его вниз. Струя ещё не до конца остывшего напитка упала точно на лысину пузатого жреца. Тот вскрикнул, испуганно отскочил и завизжал.

А за спиной у него раздался смех язычников и некоторых солдат. Потому что у неизвестного мне громогласного толстяка вылез длинный мышинный хвост, из-под мантии показались козьи ноги в сапогах, а на голове у несчастного понтифика вылезли ветвистые олени рога, на одном из которых было птичье гнездо. И верещащие внутри гнезда птенцы беспрестанно роняли мелкие пятнистые яйца на голову возмущённому и испуганному жрецу. Очень скоро его лицо и макушка были испачканы неприятной жидкостью из разбитых яиц.

Жрец Моретворца, топчя козьими ногами траву и почву, тянул руки кверху орал испуганным захлёбывающимся голосом. Мне стоило бы пожалеть его, но он первый начал.

Разумеется, моя выходка не осталась незамеченной и через несколько минут после инцидента с понтификом, ко мне явился не слишком довольный, но всё же насмешливо ухмыляющийся Ансельм.

— Вижу вы уже трудитесь на благо нашего похода? — произнёс Бофремон, многозначительно взглянув на заготовленные мною флаконы с магическим кофе.

— Как видите, — я старалась вести себя вежливо, но при этом максимально нейтрально, не позволяя себе пропадать в лишних исовершенно неприемлемыхмыслях.

— Эти эликсиры нужно будет пить моим солдатам?

— Строго по желанию, для тех, кто хочет повысить шансы на выживание, — я отвернулась к своему рабочему столику, заставленного купленными у торговцев алхимическими инструментами.

— А нашего корабельного капеллана вы по что волшебным кипятком облили? — с

долей насмешки, но всё же довольно серьёзно спросил Ансельм.

— А нечего колдовать у меня под окнами, да ещё пытаться наложить на меня заклятие! — надменно и строго ответила я. — Что это за манеры!

— И правда, — посмеявшись, согласился Ансельм. — С другой стороны, его можно понять: когда толстый Жерар узнал, что рядом со мной живёт имперская алхимия, он решил, что...

Я не оборачивалась, но внезапно почувствовала, что его светлость оказался непозволительно близко от меня. Он не прикасался ко мне, но каким-то образом я ощущала тепло его кожи, даже через свою одежду.

Лёгкость кратковременного смятения поразила мой разум, заставила на миг замереть. Мои пальцы не зависимо от меня, сильнее чем нужно сжали пустой ещё флакон для кофе.

— Жерар решил, что вы, моя милая шери, околдовали меня, подчинили мой разум и помыслы...

Я по-прежнему не смотрела на Ансельма, но слышала, что он улыбается. Его близость вызывала глубокое волнение, у меня сбивалось дыхание и начинали вязнуть мысли. А по коже плеч, спины, шеи и бёдер полз скользкий лёгкий и чуть влажноватый жар.

— Ваш капеллан видимо не в курсе, что помыслы его господина крутятся лишь вокруг его самого и выгоды, которую он может извлечь, — прохладно и несколько заносчиво произнесла я.

— Мне показалось, или вы только что назвали меня алчным эгоистом, моншер Ле-Фарт?

— Это сухая констатация факта, — непреклонно заявила я.

— Но я же согласился вам помочь.

— Лишь, когда увидели мешок с жемчугом.

— Вы знаете, что жемчуг нужен мне, чтобы вернуть моих людей живыми, — на этот раз в голосе Ансельма проскользнул укор.

— Да, — тут уже я поняла, что мои обидные слова несправедливы, с учётом пленения людей Бофремонов местными буканьерами. — Извините меня, моншер. Возможно, я немного не права.

— Немного?

— Признать большее мне не позволяет врождённая гордыня.

— Или врождённое упрямство, — посмеиваясь произнёс Ансельм. — Кстати, не расскажите мне, почему двое моих солдат прибежав к своему непосредственному командиру и увидев рядом меня, побелели, упали на колени и начали молить Моретворца о прощении.

— Понятия не имею, — посмеиваясь ответила я, вспоминая обман Люка, который обернулся Ансельмом и выгнал двух солдат прочь. — Возможно, вам следует заставить их показаться доктору, который занимается восстановлением психического здоровья и душевного баланса.

Бофремон понимающе засмеялся, но затем прокашлялся и заметил:

— У нас кое-какая проблема с пушками.

Я насторожилась. Наличие или отсутствие у солдат Бофремона артиллерии способно решительным образом повлиять на успех всего похода и даже на его смысл.

— И что случилось на этот раз? — спросила я.

— Единственный проход, по которому можно было доставить артиллерию сюда, засыпало при камнепаде, — подойдя к окну заявил Ансельм.

— Должен быть обходной путь, — уверенно и с надеждой ответила я.

— Он есть, но... — Будущий граф недовольно поджал губы и обернулся на меня. — Похоже, что такой путь займёт у моих людей не меньше недели.

Я раздражённо выдохнула и упёрлась руками в стол.

— Похоже, вы сможете сохранить собственный жемчуг, — с извиняющейся улыбкой, произнёс Ансельм. — Потому что без пушек наш поход лишён всякого смысла. Даже если мы и побьём хобов, я потеряю слишком много людей. А я обещал их жёнам и матерям, что они все вернутся домой целыми и невредимыми.

Ансельм отвёл взгляд и горько усмехнулся.

— И я уже более двух десятков раз нарушил собственное обещание.

Я оглянулась на него и, увидев настоящую, но тщательно скрываемую боль в зелёно-голубых глазах, преисполнилась искреннего сочувствия.

— Если их жёны и матери умны, они должны были понимать, что их сыновья и мужья отправляются не на ярмарку торговать фруктами.

— На их месте вы бы не ждали своего сына или мужа, отправившегося в поход? — спросил Ансельм негромким голосом.

— Конечно ждала бы! — прошептала я. — И верила бы, что мой сын или муж вернётся, пока лично не увидела бы его тело, но... Вместе с тем, я бы... не возлагала вину на их командира, пока не была бы уверена, что во всё виноват только он.

Ансельм ничего не ответил, но вдруг протянул правую руку к моим волосам и легонько провёл по ним кончиками пальцев. Я, оторопев, смотрела ему в глаза, не зная, что он предпримет дальше и опасаясь возможных действий его светлости.

Отступив от Бофремона, я снова отвернулась к столу с алхимическими принадлежностями и проговорила:

— Скажите, у вас есть порох в достаточном количестве?

— Разумеется, шери.

— Тогда... мы обойдёмся без пушек, — ответила я.

— Но нам нужна артиллерия, моншери, — вздохнул Ансельм. — Ваши зелья как-то могут перенести их сюда?

Я задумалась. У меня были эликсиры, которые могли уменьшать и даже превращать в пар многие предметы, но... как я успела выяснить там были ограничения по габаритам и массе. Так, что только на одну чугунную пушку с ядрами придётся израсходовать чуть ли не весь запас подобных зелий. Да и нет у меня их в таком количестве! А часть ингредиентов и вовсе закончились.

— Боюсь, что нет, — в задумчивости покачала я головой.

Ансельм сложил руки на груди и уставился в даль, явно погрузившись в раздумья. Старший из присутствующих в остроге Бофремонов, похоже, пытался придумать, как ему решить появившуюся проблему, но у меня появилась кое-какая хитрая, хоть и весьма неоднозначная идея.

— Готовьте воинов к походу, ваша светлость, — с хитрецей в голосе проговорила я. — А я... придумаю чем вам заменить артиллерию.

Наградив меня подозрительным взглядом, Ансельм удалился. А я начала вспоминать все свои нехитрые познания в химии из прежней жизни. Настал черёд применить не магию, но науку.

Для начала, я выпросила кое-какие инструменты у солдат Ансельма и местного

кузнеца-язычника. Мужчины с большим интересом наблюдали, как я раскручиваю и разбираю водонапорный двигатель баркаса, на котором вёз нас Блейд. Водяного, кстати, чуть удар не хватил, когда он увидел, чем я занимаюсь, но мне удалось его успокоить.

Внутри двигателя я нашла всё то, что мне было нужно: титановые части и довольно эффективные, хоть и примитивные конденсаторы. Последние очень сильно напоминали усовершенствованную «Лейденскую банку»*(в нашем мире, первый электрический конденсатор, изобретённый в 1754 г в Лейдене, Голландии).

Обрадованная обладанием источников электричества, я чуть позже вытребовала в таверне язычников несколько килограмм обычной поваренной соли. А вот уговорить рослого, дурно пахнущего и крайне упрямого дубильщика кожи обработать шкуры и кости забитых им животных, чтобы я получила коллагенсодержащее вещество, было куда сложнее.

Люк повсюду летал за мной и с любопытством следил за моими манипуляциями. Солдаты Ансельма меня сторонились, а вот местные жители, особенно дети язычников, стайкой бегали следом и наблюдали за всем, что я делаю.

Старший Бофремон тем временем спорил с толстым Жераром, их корабельным капелланом. Одетый в бело-синюю мантию жрец, сердито хмурясь, громко убеждал Ансельма, что ему стоит, как можно быстрее прогнать меня.

Проходя мимо них, я поймала взгляд светло-карих глаз немолодого понтифика и добродушно улыбнулась ему в лицо. Дознаватель взывающих-к-волнам крепче сжал цепь своего колдемарона, а второй рукой коснулся медальона в виде золотого спрута. Прищурив глаза, он проводил меня крайне недобрым взглядом.

«С рогами и копытами он был намного симпатичнее»-подумала я про себя.

«Полностью согласна»-хихикнула в моих мыслях Антуанетта.

Я уже привыкла, что она периодически произносит какую-то фразу в моей голове, а затем вновь на несколько часов умолкает.

У меня было почти всё, чтобы осуществить задуманное: поваренная соль, коллагенсодержащее вещество, титан и источник электричества.

— Зачем тебе все эти вещества и материалы? И что вы вообще собираешься делать? — не удержался от расспросов следующий за мной боггарт.

Я уже почти весь день провозилась в своей комнате, превратив её в настоящую мини-лабораторию.

Я набрала в банку из толстого стекла немного воды, а затем высыпала в него обычную поваренную соль.

— Мне нужно синтезировать хлорат натрия, — объяснила я.

— Что это и зачем оно нужно? — не отставал от меня любознательный Люк.

— Хлорат натрия — это сильный окислитель, — ответила я, подводя оголённые концы двух проводков к приготовленным кусочка металла.

Если я всё правильно подсоединила, две куска титана должны сложить анодом и катодом.

Однако первая попытка эксперимента не удалась: при нагреве жидкости, начавшийся было электролиз прекратился, как только мои импровизированные анод и катод покрылись оксидной плёнкой.

Да, про процесс пассивации я категорически забыла. Ну, а что? Я чёртов химик, что ли? Но в школе мне этот предмет нравился, да и на youtube я частенько смотрю ролики соответствующего направления. Ну, в смысле, смотрела...

— Похоже у тебя какая-то муть вышла, а не этот твой... Клара На Три...

— Сам ты Клара на три, — посмеиваясь ответила я. — Сейчас, всё решим...

Благо, среди язычников отыскался местный художник по гончарным изделиям, этот-то умелец продал мне пару кусков плохо обработанного графита. А вот с другим необходимым компонентом мне пришлось повозиться. Потому, как аналогов я его не знала и у меня не было абсолютно никакой уверенности, что данный драгоценный металл уже начали использовать в этом мире.

Но потом я вспомнила, что платина, которая была мне так нужна, в прежние века очень ценилась из— за своей огнестойкости. В частности, у этого металла температура плавления выше, чем у стали.

Именно поэтому, я на всякий случай проверила местную кузницу. Разумеется, работающие там кузницы не поняла о чём я толкую, но потом я обнаружила, что искомой платиной они обложили свою плавильную печь.

Мне пришлось отсыпать им недавно синтезированного жемчуга, чтобы они продали хотя бы маленький кусочек платины.

Но зато теперь у меня было всё, что нужно, для получения окислителя и топлива.

С помощью кое-как намешанной «Царской водки» я начала растворять платину... И это заняло невероятно огромное количество времени. Пока я томилась в ожидании, ко мне заявился взволнованный Жан-Луи.

— П-простите моншери алхимия... — мальчишка отчаянно краснел и всё время то опускал взгляд, то задирает его неестественно высоко.

— Что у вас случилось, моншер? — спросила я, наблюдая за парнишкой. — Почему вы так нервничаете?

— П-понимаете... м-моншери Зои, я... — младший брат Ансельма нервно сглотнул. — Всё дело в том, что я...

Его лицо порозовело, руки парня то и дело подрагивали, и он всё сильнее заикался. Мне пришлось угостить его кофе, придающим уверенности, чтобы он толком рассказал зачем пришёл.

— Пока мы стояли в этом остроге, я... познакомился с Жаклин... это девушка из местных. Она... мы сегодня идём на свидание и...

— И что? Говорите смелее, моншер, — попросила я.

— Я собираюсь поцеловать её! — выпалил Жан-Луи и замолчал.

Так мы просидели в молчании несколько секунд. Всё это время младший брат Ансельма безмолвно таращился на меня, словно эта подробность его личной жизни должна была меня потрясти до глубины души.

— И что вас беспокоит, моншер? — спросила я, чуть склонив голову на бок.

Тут лицо парня в конец залилось краской, он отвернулся и пробормотал:

— Я никогда... я не целовался... вообще...

Округлив глаза, я не сдержалась и громко хмыкнула. Но парнишка понял это по-своему и тут же испуганно уставился на меня, как будто ожидая, что я вот-вот начну над ним смеяться.

— Простите, моншери, — я подняла ладони. — Я просто... м-м... не слишком понимаю, чего вы хотите именно от меня? Совета?..

Но он нервно сглотнул и замотал головой.

— Нет, моншери, алхимия, я хотел попросить вас... чтобы вы... ну-у... я хотел...

Я нервно улыбнулась. До меня уже дошло, что нужно младшему из Бонфремонов.

— Шер Жан-Луи, — неуверенно проговорила я, — вы хотите...

— Я думал, что вы могли бы... научить меня, как...

«Спасибо, что ты не пришёл ко мне с другой просьбой, более интимного характера» — подумала я с благодарностью.

— Проще говоря, вы шер, хотите, чтобы я позволила вам себя поцеловать? — уточнила я.

Парнишка, не осмеливаясь смотреть мне в глаза, несколько раз кивнул, а его кадык с щелчком подскочил до самого подбородка.

«Круто, я только ещё школу полового просвещения для местных девственников не открывала» — подумала я, и на моих губах вновь расплзлась глупая и смущённая улыбка.

— Моншер Жан-Луи, я боюсь, что вам стоило бы заручиться теоретическим советом от вашего брата...

Но юноша снова ретиво замотал головой.

— Я его знаю, — проворчал он. — Опять будет шутить и издеваться.

Да, порой старшие братья бывают и такие.

— Ладно... — Жан-Луи рывком развернулся и шагнул к двери. — Простите, что я вас потревожил, моншери... я... я пойду... ещё раз, простите.

Я закусила губу и выразительно уставилась в сторону, покачивая головой. Ну вот что мне остаётся? Так и бросить его? Глядишь, у парня потом комплексы зародятся, которые, в будущем, ещё и на эрекцию начнут влиять от переизбытка ненужных волнений.

— Подождите, моншер, — сжалилась я и уселась на свою кровать.

Жан-Луи замер у порога и обернулся на меня с наивной надеждой.

Я, не глядя на него, чуть поджала губы и хлопнула по кровати рядом с собой. Мальчишка неуверенно уселся напротив меня. Его широко раскрытые зелёные глаза глядели на меня тревожным ожиданием.

— Одно важное условие, — подняв указательный палец правой руки, произнесла я. — Ваш брат никогда не узнает о случившемся здесь!

— Конечно, конечно, моншери алхимилля! — закивал головой Жан-Луи и нервно облизнул губы.

Он был встревожен, даже напуган. Но глаза молодого аристократа горели предвкушением и лёгкой опаской от неизвестности новых ощущений.

«Прости меня мама, я теперь растлеваю малолетних графских сыновей» — иронично подумала я про себя.

— Жан-Луи, расслабься и престань сидеть так, будто проглотил кол, — для удобства, я незаметно перешла на «ты». — Добавь уверенности, девушка должна видеть, что в себе не сомневаешься... Теперь наклонись ко мне...

Юноша наклонился.

— Ближе, — вздохнула я, ругая себя последними словами за то, что собиралась сделать.

Конечно, это только поцелуй, но всё равно, это звездац, как ненормально! Меня, чёрт побери, так не воспитывали! Но... буду утешать себя мыслью, что это ради благого дела и психологической уверенности молодого дворянина.

Наши губы медленно соприкоснулись и уже через секунду я поняла почему Жан-Луи прибежал ко мне в такой панике. Целоваться он не только не умел, но и даже представлял себе этот процесс весьма отдалённо.

— Так, — отстранившись, произнесла я, — во-первых, моншер, не нужно своим языком водить по зубам вашей дамы сердца, а во-вторых, перестаньте пытаться меня кусать...

— Извините, — чуть втянув голову в плечи, произнёс Жан-Луи.

Губы и дыхание у него, кстати, были очень приятным по ощущению. Если брат Ансельма научится целоваться, девушки с радостью будут дарить ему поцелуи.

Когда мальчишка научился более-менее нежному и при этом страстному поцелую, у меня уже чуть горели губы, а ему, похоже, всерьёз начало нравиться.

— Моншери, давайте ещё, — взмолился юноша с горящим взглядом и вновь наклонился ко мне.

— Нет, нет, достаточно, — я отвернулась, одновременно уперев парню ладонь в грудь. — Хватит. Вы... готовы, моншер.

— Точно?

— Абсолютно.

— А может ещё разок, для закрепления?

— Нет, — уже строже повторила я. — Вы можете чувствовать себя спокойно. Просто целуйте вашу даму, как меня и всё пройдёт прекрасно.

В этот момент раствор кислот, именуемый «Царской водкой», забурлил, выбрасывая вверх десятки крупных пузырей.

Я поспешно прогнала Жана-Луи и продолжила заниматься добычей столь необходимого мне хлората натрия.

Рядом со мной всплыла глумливо ухмыляющаяся физиономия боггарта.

— Как же тебе не стыдно, Зои? Сопливых графов тут взаперти растлевать!

— Ты же видел, что он сам пришёл.

— Я видел, что он от твоих губ еле отлип.

Я сконфуженно скривилась.

— Да, увлёкся парень.

— Скажи честно, ты была бы не против если бы вместо этого сопляка, к тебе пришёл его старший брат?

Я задумалась на мгновение, а Люк громко засмеялся.

— Отстань от меня! — выкрикнула я. — И вообще не смей об этом болтать!

— Не буду. Но..

— Что «но»?!

— Но я не смогу это забыть, Зои, уж прости.

Я лишь раздражённо цокнула языком и отмахнулась от него.

Вскоре, я выпарила остатки кислот из сосуда с растворённой платиной и с помощью полученного раствора смогла создать платинированный титан. Теперь дело было за малым. Разогрев воду с солью, я опустила внутрь платинированный анод и обычный титановый катод. Дело пошло.

Через время, уже к закату, я выпарила получившийся белый порошок хлората натрия из сосуда для электролиза и перемолола его в своей ручной кофемолке.

— Ну и что это за червяки у тебя получились? — со скучающим видом спросил Люк, увидев скатанные «колбаски» из животного желатина и перемолотого хлората натрия.

— Сейчас, увидишь! — с победным торжеством в голосе, ответила я.

Полученную смесь я утрамбовала в картонные тубусы из-под морской соли и ракушек, которыми также торговали некоторые язычники. Благо, этого добра тут было навалом и до

самого вечера я успела наделать почти три десятка самопальных ракет на твёрдом топливе. В сущности, это были простые снаряды салюта, но без цветного наполнения. Вместо него, здесь был дымный боевой порох и картечь.

Впрочем, из остатков топлива я всё-таки сделала несколько более мелких ракет с примесями из цветных металлов. Ручаюсь, местные никогда не видели настоящего салюта! Сегодня будет праздник и очень яркое зрелище! Хм, надеюсь я ничего не взорвётся, и никто не пострадает...

С моими ракетами мне очень помогли местный столяр и двое его подмастерья. Втроём они вырезали из дерева очень ровные, точного размера конусы, которые стали наконечниками для салютных зарядов.

Был уже поздний вечер, когда двое солдат Ансельма вонзали в почву длинные деревянные и металлические жерди, с закреплёнными на них самодельными ракетами.

Вокруг собралась прорва народу. Все шумели, переговаривались и о чём-то тихо спорили. Каждому было интересно, что за чудесное зрелище приготовила им имперская колдунья.

Жрец— спрут смотрел на происходящее с демонстративным неодобрением, а вот Ансельм наблюдал за моими манипуляциями с улыбкой. Его младшего брата нигде не было видно, и я догадывалась, чем он занят.

— А теперь я попрошу всех немного отойти назад.

— Моншери алхимия, — развёл руками староста острога «Еловая гора», — так если нам ничего не будет видно. Ваши эти шгуковины ведь маленькие совсем...

— Уверяю вас, добрый эшар, в этой деревнекаждыйувидит то, что я хочу вам показать, — ответила я с многозначительной, но сдержанной улыбкой.

Заинтригованные и взволнованные, язычники подались назад. Солдаты Ансельма и сам Бофремон в компании капеллана также последовали их примеру.

Я немного волновалась, но всё же была уверена в правильности всех химических пропорций и приготовлений.

Убедившись, что все люди стоят на почтительном расстоянии, я подожгла фитили с помощью огнива и поспешно отбежала назад.

Звездчатые огни, брызжа искрами, взбежали по извивающимся фитилям, вокруг все возбуждённо загомонили. Кто-то из сидящих на плечах родителей маленьких детей, от волнения вцепился в волосы родителей.

Мерцающие огоньки один за другим исчезли в картонных тубусах и... ничего не произошло. Только унылый дымок расплзся вокруг.

— Ну во-от... — разочарованно протянул кто-то из детей.

А подошедший ко мне капеллан, обдав меня запахом чеснока и спиртного, наклонился ко мне и громко проговорил с нескрываемым злорадством:

— Похоже ваша богомерзкая магия потеряла свою эффективность, в присутствии жреца самого Море...

Но тут поздний вечер наполнился дикими хлопками и протяжным громким свистом. Одна за другой, мои самодельные ракеты, испуская пламя, молниями взмывали вверх. Ракеты оставляли за собой след огненно-рыжих и ярко-розовых следов.

Язычники сперва испуганно подались назад, но вот ракеты на моём топливе испарили под самый небосвод и разорвались с громкими раскатистыми хлопками, рассыпаясь на

тысячи мерцающих разноцветных звёзд.

Один за другим на ночном небе, с грохотом выстрелов и заливистым воем, расцветали огромные «цветы» и «купола» из разноцветных ярко мерцающих огней.

Переливающейся радужной пылью они оседали вниз, а темнота подступившей было ночи расползлась по округе, напуганная и возмущённая взрывающимся светом.

Салют гремел, не переставая, пугая вздрагивающие тени и вызывая восторг собравшейся публики. Капеллан стоял угрюмый, с хмурым видом и поджатыми губами, а вот жители острога и солдаты Бофремонов все до единого радовались происходящему, точно дети.

Рядом со мной неожиданно и незаметно оказался Ансельм.

— Это великолепно, — произнёс он, наклонившись ко мне.

— Благодарю, моншер, — бросив на него довольный взгляд, счастливо заявила я.

Мне была искренне приятна радость людей вокруг и похвала старшего из Бофремонов. Стыдно признаться, но Люк прав: сейчас бы я не отказалась преподать пару уроков правильного поцелуя и ему. Но, это непозволительно, увы. Да и вообще неправильно...

Когда мой салют отгремел и люди, бурно обсуждая увиденное, начали нехотя расходиться, Ансельм подошёл ко мне.

— Это правда было очень красиво, моншери, — произнёс он одобрительно и с почтением. — Но увы уверены, что эти искрящиеся огоньки способны причинить хобгоблинам какой-то серьёзный урон?

— Эти, — я небрежно кивнула на торчащие в земле жерди от снарядов, — нет, а вот те...

Я взглядом указала за спину Ансельма.

— Полагаю, что да.

Старший Бофремон проследил туда, куда я смотрела и увидел, как его солдаты складывают на реквизированные у населения телеги огромные, размером с брёвна, массивные ракеты, к которым, по моему наставлению, местный плотник приделал стабилизаторы.

— Если размер соответствует мощи... — проговорил впечатлённый Ансельм.

— Он соответствует, ваша светлость, — заверила я Бофремона. — Уверяю вас. Внутри тех, что с красными полосами, порох и картечь. В тех, что с зелёными слезоточивый дым.

— А в тех, что с фиолетовыми? — настороженно спросил Ансельм, указав на меньшие из огромных ракет.

— Это... — я чуть помедлила и проговорила вполголоса. — А это на крайний случай, ваша светлость.

— Насколько крайний? — уточнил с усмешкой Ансельм.

— На самый крайний, ваша светлость, с выразительным нажимом произнесла я.

Внутри фиолетовых ракет находилась по истине адская смесь: напалм и проклятия, вперемешку с кое-какими кофейными зельями. Если быть до конца честной, я очень надеюсь, что нам не придётся их использовать!

— Ну, что? Я нашла для вас достойную замену артиллерии? — на всякий случай уточнила я, не без самодовольства глядя на Ансельма.

— Более, чем моншери, — ответил тот.

А затем сделал то, чего я от него никак не могла ожидать. Взял мою правую руку в свои ладони — у меня по телу сошёл небольшой, но глубоко проникающий трепет — а затем,

глядя мне в глаза, коснулась губами кончиков моих едва заметно подрагивающим пальцев. Губы Бофремона лишь задели мою кожу. Как будто ненароком, невзначай, не нарушая грани приличия, но всё же с ощутимым ласковым касанием.

Я забрала у него свою руку, сомкнула в кулак и прижала к груди. Мне совершенно не нравилось, как мой организм реагировал на касание Ансельма Бофремона. Это могло привести к... разным последствиям.

Чашечка восемнадцатая

«Когда тебя приглашают на кофе, то имеют в виду уж точно не кофе»

Доктор Грегори Хаус.

Несмотря на неоднозначность похода против хобгоблинов, который запросто мог закончиться плачевно, у меня было приподнятое настроение. Я неплохо провела остаток вечера в таверне, слушая песни язычников и наблюдая за их танцами. Пару раз я даже отплясывала вместе со всеми, но получалось у меня так себе, так как я привыкла двигаться под совсем другую музыку и совершенно иначе.

После таверны, мне, наверное, стоило бы отправиться спать, всё-таки нам выступать завтра, с рассветом, но поздняя ночь после недавнего шторма и грозы была столь ясной от лучистого сияния сотен ярких звёзд, а пахнувший морем ветер таким убаюкивающим и ласковым, что мне захотелось немного прогуляться.

Блейд уже завалился спать, а боггарт шастал где-то по округе, наблюдая за солдатами Ансельма и докучая капеллану, которого невзлюбил ещё больше, чем жрец меня саму.

Прогулка обещала быть чудной и прелестной, но я заметила, что десятка два жителей, в том числе и несколько совсем маленьких детей, переоделись в какие— то расписные длинные рубахи и, надев громоздкие ожерелья из желудей и листьев, направились в лес, сквозь открытые ворота.

Удивлённая, не понимая суть и причину происходящего, я на отдалении последовала за этими людьми.

Куда они собрались посреди ночи? Что задумали?!

Судя по одеждам и чудаковатым ожерельям, эта часть жителей острога готовились к какому обряду. С этим вопросом я пристала к капитану Джулиану Морс, тому самому офицеру, что встречал меня у ворот.

— А куда это они так дружно двигаются? — спросила я.

Джулиан бросил на меня изучающий взгляд, выпустил кольцо дыма в сторону и пожал плечами.

— У них сегодня «Ночь Цветочного благословения». В такие ночи язычники собираются в небольшие группы избранных, которых староверы выбирают в соответствии со своим собственным календарём в зависимости от дня именин. Тех, кому выпал жребий испросить благословения хрустальных цветов, надевают яркие тряпки, вешают на шеи всю вот эту ерунду и гурьбой шагают в лес.

— И им не страшно? — спросила я.

— Может и страшно, а может и плевать, — с равнодушием покачал головой капитан Джулиан. — Девятая ведьма разберёт этих язычников! Я встречал одно племя, в котором считалось, что если человек утонул, то он, видите ли, однозначно попал в их этот... короче, в языческий рай.

Капитан Морс снова взял трубку в рот и через мгновение выпустил дым уже через ноздри.

Я с тревогой посмотрела вслед веренице язычников. Они двигались друг за другом, удерживая лампы со свечами и негромко, несколько заунывно что-то распевая.

Я смотрела на уходящих людей, пока свет их ламп не исчез в ночи. Извивающимся холодком чувство беспокойства пробралось в моё тело, угнездились в мыслях. Через

несколько минут моё беспокойное состояние переросло в нагнетающий страх.

Мне внезапно и резко стало очень и очень страшно. Это было похоже на какое-то бесформенное и необъяснимое предчувствие.

Сердце гремело в груди, тяжёлыми отзвуками топталось в ушах. Нервное ощущение как будто просачивалось через поры кожи в тело и обратно. И так бесконечное количество раз.

За моей спиной прозвучали громкие шаги. Мы с Джулианом обернулись, и я увидела лицо Ансельма. Оно выражало напряжённую нервную задумчивость. В зелёно-голубых глазах Бофремона открыто читалось что-то похожее на подступающую панику его светлости.

— Жан-Луи, — промолвил Ансельм. — Я нигде не могу его найти.

Вот теперь я поняла, что внезапный приступ тревоги не был связан с язычниками. Точно. Жан-Луи... я не видела его во время салюта, но объяснила отсутствие младшего брата Ансельма свиданием, на которое он отправился. Однако, я упустила из виду тот момент, что младший Бофремон не появился и много часов спустя...

Ансельм подошёл ко мне, взял за плечи и наклонился с обеспокоенным взглядом в глазах.

— Я знаю, что он приходил к тебе ещё днём, — громко произнёс Ансельм. — О чём вы говорили? Что ты ему рассказала?

— Он... — я не успела быстро придумать, как соврать о том, чем мы с Жаном-Луи занимались на самом деле.

Его светлость понял это по-своему.

— Зои, ты что-то знаешь? Тебе что-то известно?! Что с моим братом?! Куда он делся?!

Его крепкие пальцы до локтя боли сжали мои плечи. Я не произвольно вскрикнула и поморщилась. Ансельм в тот же миг отпустил меня и испуганно убрал руки в стороны.

— Пожалуйста, Зои...

— Я... — со вздохом, чуть потянув время, я ответила. — Он собирался на свидание и приходил ко мне за советом. Я рассказала ему кое— что, как себя вести и так далее. Но я не знаю, куда именно они пошли.

— На какое свидание?! — воскликнул ошарашенный Ансельм. — С кем?!

— С девушкой, п-полагаю... — не смело предположила я.

Капитан Джулиан подошёл с другой стороны и сообщил:

— Моншери, в этой деревне сейчас нет незамужних девиц, достигших брачной зрелости.

— Может быть она младше, — несмело предположила я, уже понимая, что очень зря не расспросила Жан-Луи о его «даме».

Капитан переглянулся с Ансельмом.

— Те, что младше, совсем дети, девчушки, — ещё больше хмурясь, ответил Ансельм. — Вряд ли Жан-Луи пошёл бы куда-то с какой-нибудь десятилетней девочкой или шестилетней крохой.

— Да, в это верится с трудом... — пробормотала я.

Чувство страха крепчалось, тяжелело в души и отравляло кровь.

«Постель! Проверь постель парня!» — велел внезапный обеспокоенный голос Антуанетты.

Жан-Луи квартировал через стенку от кабинета Ансельма. Мне не потребовалось перебирать всю его постель, чтобы найти то, чему здесь было не место.

Прямо под подушкой ну младшего из Бофремонов мы обнаружили какой-то странный амулет, связанный из нескольких деревяшек, крепящихся вокруг черепа и костей не то мыши, не то лягушки.

«Что это Антуанетта?!» — взволнованно спросила я.

«Плохо дело! — опечаленно вздохнула в моём сознании сестра-близнец, — очень, очень, очень плохо! Это знак жертвы!»

«Кто его оставил?!» — мысленно вскричала я.

«Сама не видишь?! Это кикиморы! Они выбрали его! Спроси... Спроси Ансельма, убили ли они тех тварей на болоте!»

Я спросила, как и велела Антуанетта. Старший из Бофремонов чуть скривился и дёрнул головой.

— Разумеется, нет! Нам было не до этого!

«Ну и болван! — взвыла в моей голове сестра-близнец. — Так, ладно. Если сейчас глубокая ночь, то времени мало!..»

«Они заманили его в ловушку, да?!» — мысленно спросила я.

«Да, кикиморы умеют принимать облик красивых молодых девушек. Но знак жертвы говорит о том, что эти создания решили сгубить Жана-Луи при помощи злой магии, Зои».

«Они убьют его?»

«Лучше бы убили-горько прошептала в моих мыслях Антуанетта. — Если я правильно помню их обряды, такой знак оставляют в комнате того, кого кикиморы вознамерились обречь на вечные мучения!..»

«Ты можешь просто прямо сказать?!» — нервно спросила я.

Пока Ансельм кричал на подчинённых и поднимал караул солдат, отправляя их на поиски, я пыталась понять, можем ли мы ещё спасти молодого Бофремона.

«Они сделают так, что парнишка станет жертвой Каменного проклятия»

«А они так могут?!» — опешила я.

«Да. С тех пор, как Девятая ведьма распространила Каменное проклятие на всех и каждого, кто обитает на островах Квинквилля... носители гадкой, мерзкой чёрной магии способны проводить ритуалы, которые поражают несчастных Каменным проклятием. С такой же эффективностью, как если бы Жана-Луи укусил проклятый, в обращённой форме»

Я зажмурила глаза, чувствуя, как тревога и страх за жизнь парня гремят в души и топчутся на сердце.

«Как мы можем их выследить?!»

Антуанетта пару секунд не отвечала, а затем проговорила:

«Можно сделать так, чтобы знак жертвы привёл вас к месту проведения ритуала, но...»

«Но?!» — переспросила я встревоженно и чуть было не сказала это уже в слух.

«Но это опасная, магия, Зои! В отличие от алхимии и других видов магии, она использует антиматериальную суть! Всё, что губит, причиняет боль, уничтожает или... проклиная, извращая сущность и свойства любой материи! Это настоящий глубинный мрак...»

«Я могу это сделать?!»

«Да, но применив такое чёрное колдовство, ты... ты навсегда окажешься запятнана им. Оно останется с тобой навсегда»

«И чем мне это грозит?!» — поспешила спросить я.

«Ты станешь больше подвержена риску Каменного проклятия. Иным словами,

обращённых будет тянуть к тебе, как пчёл на мёд, в летнюю пору! Это... это смертельная опасность, Зои!..»

Я обернулась, взглянула на Ансельма, который скрывал переживание и страх, но за его сердитыми приказами и выкриками я видела, что он чувствует сейчас на самом деле.

«Рассказывай» — велела я Антуанетте.

«Зои, ты уверена, что жизнь этого мальчика стоит такого риска?! Тебе ведь нигде на Квинквилле не будет от этого спасения! Нигде, понимаешь! А у тебя здесь ещё очень много дел!»

«Да, но... Значит мне придётся быть более аккуратной, чем прежде» — хмыкнув, ответила я.

«Ладно, — вздохнула моя сестра-близнец, — слушай...»

Антуанетта подробно объяснила, как мне провести обряд магии, чтобы заставить жертвенный знак привести меня к тому, с кем он связан. Разумеется, я ни капли не удивилась, что колдовство с этим изделием кикимор требовало моей крови.

Я положила знак кикимор на пол, капающим воском свечи очертила кривоватую спираль, а затем собственной кровью вывела на полу четыре символа, которые показала мне в своей памяти Антуанетта.

«Но, я не уверена, что это сработает!» — опасливо бросила моя названная сестра.

«Посмотрим» — вздохнула я, заматывая разрезанный палец куском чистой тряпки.

Через несколько секунд знак жертвы дёрнулся, подпрыгнул на полу, а затем из пасти и глазниц лягушачьего черепа вырвались какие-то мелкие чернильные облачка.

Они воспарили вверх и устремились куда-то в сторону, оставляя за собой дымчатый чёрный след.

Увидевшие это солдаты и Ансельм замерли. А я, устремившись по магическому следу крикнула им:

— Что встали?! Вперёд! Это приведёт нас к Жану-Луи!

Я думала, что проверкой на прочность и физическую подготовку был мой забег по кораблям Порта Снов, но нет. Сейчас пришлось бежать дольше, дальше и намного труднее.

Мы без усталости бежали вперёд, сквозь чащу леса, напролом через заросли, перелетая через ямы и коряги. Ансельм, его солдаты и я старались не потерять след из вереницы чёрных облачков. В ночи это было нелёгким делом, тем более, что магический след летел по воздуху весьма быстро.

Разумеется, через время я начала отставать. Мне было не угнаться за подготовленными и вымуштрованными солдатами, для которых забег на широкие расстояния был обычным делом. Но всё же я держалась неподалёку, хоть и позади, стараясь каждый раз нагонять бегущих впереди воинов.

На пальце, что характерно, более всё сильнее. Плоть прожигала нарастающая боль. Это как будто свидетельствовало о том, что мы уже совсем рядом.

Мы проломались через дебри густых зарослей больных безлистных деревьев, и нам открылась жуткая картина!

В ночи, прячась от света луны и звёзд, но всё же заметные в нём, шестеро мерзких старух, с сальными мокрыми патлами и черепашьими панцирями на спинах, разевали рты с впалыми губами и потрясали своими кривыми посохами над плоским камнем. На самом холодном камне, стоная от боли, лежал обнажённый Жан-Луи. Его тело было покрыто

какими-то знаками, нарисованными грязью.

«Моретворец сохрани его душу! — услышала я голос Антуанетты. — Мы опоздали, Зои...»

Взбешённый Ансельм поднял пистолет и выстрелил. Его солдаты последовали примеру своего предводителя. Грохнули выстрелы мушкетов, в ночном воздухе поплыли горькие облака пороха, а по болотным ведьмам-кикиморам ударили яркие вспышки смертоносных проклятий.

Часть мерзких старух заверещала от боли и упали замертво, но остальные, гадко и громко хихикая, обратились в десятки жаб, которые очень быстро разбежались прочь.

Ансельм подбежал к камню, на котором лежал Жан-Луи и склонился над братом.

— Благословение Моретворца... что они с тобой сделали?! — прорычал он в ненависти и бессилии.

Затем Ансельм снял с тебя плащ и попробовал укрыть брата, но тело Жана-Луи вдруг выгнулось вверх, мы все услышали кошмарный омерзительный хруст костей. Юноша закричал от невыносимой боли.

— Жан... Жан-Луи... Ты... что с тобой... — отшатнувшись, проговорил перепуганный Ансельм. — Нет, нет, нет! Только не это! Проклятье! Нет! Нет!!

Одной рукой старший Бофремон сжимал разряженный пистолет, а другой вцепился в свои светлые волосы.

Под перепуганный шёпот солдат и возмущённый вой ветра, в свете луны, тело Жана—Луи начало быстро покрываться проступающей через его кожу каменной чешуёй.

Замерев в испуганном смятении, я увидела, как мальчишка буквально покрывается каменным наростом. Серым, жёстким, гранённым и твёрдым. Одновременно с этим быстро деформировалось, изгибалось и ломалось его тело.

— Жан-Луи... Что же ты!.. — Ансельм был подавлен и сломлен от зрелища происходящего кошмара.

Тело его брата ломалось, суставы рук и ног выворачивались в немыслимых направлениях. Невидимая, но могущественная и беспощадная магическая сила на глазах у ошарашенных солдат и офицеров разрушала человеческий образ миловидно прежде юноши.

Мы все видели, как вытягивалось и преобразовывалось лицо Жана—Луи. Юноша кричал от боли, по его окаменевшему лицу ещё текли слёзы, а руки и ноги его уже обратились в гигантские звериные лапы из камня. Каменный хвост вырвался из окончания спины обращённого юноши.

Тяжело отряхиваясь и рассыпая мелкую каменную крошку, перед нами предстал огромный монстр из камня. Гигантская каменная крыса, с горящими жёлтыми глазами. Скаля пасть каменных зубов, каменный монстр ринулся на нас.

Кто— то из солдат начал поднимать мушкеты, чтобы выстрелить, но Ансельм тут же рявкнул:

— Не смей! Никому не стрелять! Отступайте!

— Ваша светлость! А как же вы? — в изумлении крикнул кто-то из солдат.

— Я остаюсь, — с угрюмой решительностью ответил Ансельм.

— Но это проклятый, ваша светлость!

— Это монстр, поражённый Каменным проклятием! — возопил другой солдат.

— Нет, — прорычал Ансельм, глядя в яростные жёлтые глаза чудовища. — Это мой брат.

Солдаты, нехотя, но повинувшись приказам Ансельм отступили. Бофремон отлично понимал, что горстка воинов, пусть и вооруженных мушкетами с проклятиями, ничего не поделает с каменным монстром, а потому настоял, чтобы все ушли.

— Зои, вы тоже уходите, — бросив на меня короткий взгляд, проговорил Ансельм и снова посмотрел на гигантскую каменную крысу, в которую, волею кикимор, превратился его любимый брат.

— Нет, — ответила я. — Я могу вам помочь...

— Не можете, — прорычал Ансельм снимая с пояса длинный крепкий кнут. — Никто не может ничего сделать с Каменным проклятием! И вы в том числе! Уходите! Я приказываю...

— Ха, я не подчиняюсь вашим приказам, — ответила я и достала один из эликсиров. — Вы сможете удержать его какое— то время?

— Постараюсь, — качнув головой, ответил Ансельм.

Он и гигантский каменный монстр, начали кружить напротив друг друга. Как два соперника, два хищника, что вступили в свирепую дуэль.

— А что вы собираетесь делать, моншери? Хотите снять проклятие с моего брата?

Монстр сделал выпад, попробовал дотянуться до Ансельма, но тот ловко увернулся. В свою очередь, крепкий кнут старшего Бофремона взвился в воздухе, обернулся вокруг передней правой лапы каменного чудовища, а затем Ансельм дёрнул хлыст на себя, и его обращённый в исполинскую крысу брат завалился на бок. Каменная крыса, гулко зарычала. Из оскаленной пасти на землю слетели несколько мелких отколотых камешков.

— Нет, — чуть подумав, ответила я, рисуя на земле нужное изображение. — Я хочу его отсрочить проклятие для вашего брата... Не подпускайте его ко мне!

— Зои, вы зря рискуете!

— Посмотрим, — пробормотала я, спешно выводя на земле рисунок ножниц.

Ужас происходящего заставлял меня дрожать, паника пыталась овладеть моим разумом, но я должна была действовать здесь и сейчас. Немедленно, несмотря на происходящее, мне нужно было попытаться попробовать один вариант... Я помнила подземное святилище Мелани Каменоволосой, и сейчас мне пришла в голову идея, которая, ручаюсь, не посещала другие умы.

Каменный монстр бросался на Ансельма. Несколько мною овладевало лихорадящее чувство, когда мне казалось, что каменные клыки и зубы вот-вот сомкнутся на теле светловолосого аристократа.

Но Ансельм, похоже, был умелым и матёрым воином. Каменная крыса двигалась быстро, невероятно быстро для таких размеров, но Ансельм раз за разом уходил, уклонялся и отскакивал, а затем резко атаковал. Его гибкий чёрный кнут взвивался вверх, рассекал ночной воздух, и обвивался вокруг лап или морды чудовища. Раз за разом, Ансельм заставлял чудовище падать на бок. Монстр неизменно поднимался и атаковал снова, а его старший брат незаметно заманивал чудовище в ближайшую яму.

Возможно, Ансельм справился бы и без моей помощи, но тут ночь прорезали сразу несколько очень узнаваемых гулких рычаний: как будто кто-то кричал из-глубины пещеры, сквозь камень, с мощным раскатистым эхо.

— Девятая ведьма их побери! — рывкнул раздосадованный Ансельм. — Похоже обращение моего братца спровоцировало и других проклятых... Зои, у вас там что-то получилось?

— Почти! — встревоженно ответила я.

В свой рисунок, я сложила срезанные с сапог пряжки мелких ремешков и серебряную застёжку с плаща-накидки, который я купила у контрабандистов. Вещи, конечно, жаль, но металл нужен был для дела. Разложив металлические предметы в силуэте рисунка ножниц, я вылила туда материализующее зелье. То самое, с помощью которого сделала фальшивые жемчужины.

Рисунок озарился розовато-белым свечением, вверх поднялся сноп искрящихся магических искр, и вот передо мной уже лежали серебрящиеся в лунном свете ножницы. Я схватила их и бросилась к Ансельму.

— Свяжи его! — крикнула я старшему Бофремону. — И держи вот это!

Ансельм с помощью ловкого пируэта, ушёл в сторону от бросал гигантского крыса, незаметно и быстро опутав три его лапы своим кнутом. Обращённый в монстра Жан-Луи, с яростным рычанием, рухнул в яму, с брёвнами, ветками и мелкими грибами.

Ансельм подхватил брошенные мною ножницы и в удивлении уставился на меня.

— И что мне с этим делать!

— Режь волосы! — крикнула я, подбежав к яме и выплёскивая на ворочающегося внизу монстра другое зелье.

Ансельм послушно отстриг часть своих немного спутанных золотистых волос и протянул их мне. Я выхватила мягкие, влажные пряди, скомкала в кулаке и проговорила уверенным голосом.

— Меланни! Та, что была обещана срезанием волос! Та, которую люди прозвали Каменоволосой! Слышишь меня?! Я знаю, что слышишь! Я знаю, ты где-то здесь! Наблюдаешь за происходящим из иного мира! Смотришь глазами своих статуй и слышишь их ушами! Смотри! Брат этого юноши срезал свои волосы! Добровольно отдал то, что силой отняли у тебя! Пусть это станет подношением семьи Бофремонов в обмен на твою милость, о которой мы молим тебя!

Эти слова звучали не только из моих уст, но внутри меня. Звук моего внезапно усиливающегося и вибрирующего голоса пронзал моё тело и взлетал вверх, в ночь. Мои слова звучали с какой-то неведомой невероятной силой, и голос мой искажался, дрожал и менялся.

Меня пробирала дрожь, сотрясала лихорадка. Мне стало жутко и страшно. Я ощутила ту силу, к которой взывала. О, она услышала меня и ответила... ответила на мою наглость.

Над нами померк свет луны, погасли звёзды, а затем свет вернулся, но теперь по небу плыло подсвеченное звёздами облако. Синевато-серое, лёгкое и полупрозрачное. Оно нависло над нами, и я услышала, как Ансельм произнёс молитву Моретворцу. Если бы я её знала, я бы тоже сейчас молилась.

Потому заслонявшее свет звёзд и луны облако было гигантским лицом молодой женщины. Сотканная из облачной материи, огромная и величественная, на нас глядела яростным взором сама Мелани Каменоволосая.

Я не успела испугаться, не успела ощутить панику и первобытный ужас. Я только успела подумать, что мысль, которая засела в моей голове после посещения святилища, после ножниц, которые приносили в жертву Мелани... я поняла, что мои подозрения и догадки верны.

Кто-то предал её, обманул любовь Мелани, оскорбил её доверие. Кто-то, кого она любила всем сердцем, обесчестил её, срезав её восхитительные волосы. Кто-то предал

любовь этой могущественной ведьмы, в обмен на сиюминутную выгоду. Кто-то по человеческому обыкновению предпочёл звонкую монету искренней любви. И за это Мелани Каменоволосая теперь ненавидела людской род.

Теперь-то я понимала, почему Антуанетта желала узнать правду о проклятии и снять его. Теперь-то, мне много было понятно. Потому что в корне Каменного проклятия лежала боль. Потому что Каменное Проклятие никогда не прекратиться само. Потому, что нужно найти тех, кто смог бы ответить за грехи своих прямых предков. И это невозможно сделать без свойств, которыми обладает только алхимический кофе.

Мне придётся сварить ещё очень много кофеиных эликсиров.

Пока эти мысли вспышками молний пролетали в моём сознании, сотканная из облаков Меланни Каменоволосая, внезапно многозначительно улыбнулась.

Ансельм закричал, и я обернулась сначала на него, а затем взглянула в яму. Там в корчах и муках, каменная крыса обращалась обратно в Жана— Луи.

Я подняла взгляд вверх, но никакого облака там не было, а вот срезанные волосы Ансельма, вместе с серебряными ножницами, бесследно исчезли.

Однако, порадоваться и удивиться чудотворному возвращению человеческого облика Жана-Луи, мы с Ансельмом не успели.

Недавно прозвучавшие рычания других обращённых прозвучали уже совсем близко. А затем мы увидели, как неподалёку от нас задрожали деревья, послышался шелест листвы, хруст веток, а земля задрожала от топота тяжёлых ног.

— Они идут за Жаном-Луи! — встревоженно воскликнул Ансельм.

«Нет, — прозвучал в моей голове печальный голос Антуанетты, — они идут за тобой, Зои...»

Я посмотрела на Ансельма, затем бросила взгляд назад, на дрожащие верхушки деревьев, и снова на взглянула на обоих Бофремонов. Ансельм вдруг понял, что я собираюсь сделать.

— Зои, нет! — увидев, что я собралась сбежать, крикнул Ансельм. — Лучше их отвлеку я!

— Не будь дураком! — крикнула я в ответ. — Они идут не за вами! Это я применяла тёмную магию, это во мне она теперь обитает и эти существа идут на запах именно этой гадкого, мерзкого колдовства! Беги Ансельм! Бери брата и беги!!!

Обращённые были уже совсем рядом. А потому, я стремглав бросилась прочь.

Сквозь ночь, сквозь заросли, как можно дальше от Бофремонов.

Спину жарило чувство опасности. Страх висел на плечах, под моими ногами будто пружинила твёрдая почва.

Я знала, что не убегу и мне нужно было найти укрытие. Позади меня звучал кошмарный звериный рёв, исторгаемый десятками каменных глоток. Попятам за мной мчались свирепые каменные крысы.

Я выбежала на небольшую поляну, сбежала тропе и, к своему удивлению, оказалась на морском берегу. В отличии кладбища кораблей, этот песчаный морской берег мог бы быть прекрасен, если бы мне не пришлось удирать от подверженных жуткому проклятию чудовищ!

Я выбивалась из сил, у меня заканчивался кислород, лёгкие сгорали в груди, а рёбра ломило тупой болью. Мне нужно было укрытие, но я не находила его.

Отчаяние в душе набирало силу. Рёв монстров прозвучал совсем рядом, обернувшись на

миг, у видела их.

Восемь громадных каменных крыс бежали по песчаному пляжу вслед за мной. Их жёлтые глаза горели неистовой жадной моей крови.

«Зои, милая, беги, молю тебя!» — закричала моём сознании перепуганная Антуанетта.

Да, я бежала, но в какой-то миг всё-таки споткнулась и упала на четвереньки. Сердце оборвалось, мозг прострелила мысль, что мне конец...

Но песок подо мной как будто ожил. Задрожал, начал подниматься и рассыпаться в стороны. Я отскочила прочь, когда из-под песка раздался размеренный мощный гул. Не веря своим глазам, я глядела на пробившийся сквозь толщу песка свет.

Я знала это звук! Я каждый день его слушала, в своей прежней жизни!

Повергая меня в полнейший шок, передо мной, из-под песчаной толщи выехала моя жёлтая «Нива».

Мой родной автомобиль тяжело переваливаясь, выбрался наружу и замер. У меня не было слов, одни только впечатления! Но времени впечатляться не было!

Не теряя более ни секунды, я подскочила к внедорожнику, распахнула дверцу и прыгнула за руль. Ключ был на месте, не знаю, как и что здесь происходит, но за этот «рояль», вынырнувший из песка я сейчас была очень благодарна!

Круто развернув свою жёлтую «Ниву», я увидела в зеркале заднего вида несущихся за мной монстров, и ударила по газам...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net